

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК
ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 27 (97)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теория и история права, конституционное право
Гражданское право и процесс
Уголовное право

Обновляется 1 раз в год

Новополоцк
ПГУ
2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
проф., д.т.н. Д.Н. Лазовский

Заместитель главного редактора:
доц., к.т.н. Ю.П. Голубев

Председатель ред. совета доц., к.ю.н. И.В. Вегера
Зам. председателя ред. совета доц. к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

*Теория и история права,
конституционное право:*
доц. к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

Гражданское право и процесс:
доц., к.ю.н. В.А. Богоненко

Уголовное право:
доц. к.ю.н. Ю.Л. Приколотина

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА [Электронный ресурс]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2019. – Вып. 27 (97). Юридические науки. – 1 электрон. опт. диск.

Издается с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.)

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса. Регистрационное свидетельство № 3101404560 от 30.11.2014 г.

В сборнике представлены труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета по направлениям юридических исследований, проводимых в университете: теория и история права, конституционное право, гражданское право и процесс, уголовное право.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен студентам, магистрантам и аспирантам университетов юридических специальностей.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет»
211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь
тел. 8 (0214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Компьютерный дизайн *М.С. Мухоморовой*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *О.П. Михайловой*

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА,
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 342

ЭВАЛЮЦЫЯ ОРГАНАЎ МЯСЦОВАЙ УЛАДЫ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У XVIII СТ.**Л.Д. АНІСЬКОВІЧ****(Прадстаўлена: А.В. ВАЛЕЎКА)**

На працягу ўсяго XVIII ст. у Еўропе адбываўся працэс фармавання і развіцця разгалінаванага адміністрацыйнага апарату, які будаваўся на прынцыпах прававога характару. У выніку, гэтыя замежныя змены паспрыялі з'яўленню і развіццю ў Рэчы Паспалітай ідэй мадэрнізацыі сістэмы дзяржаўнага кіравання, якія паступова пачалі ўвасабляцца ў жыццё ў другой палове XVIII ст.

Грунтоўным пераўтварэннем сістэмы дзяржаўнага кіравання папярэднічала развіццё адміністрацыйнай думкі. Яно пачалося на пачатку XVIII ст. у Еўропе са з'яўленнем шматлікіх адміністрацыйных трактатаў, прадметам якіх было фармаванне эфектыўнай сістэмы органаў дзяржаўнай улады, якая павінна была будавацца на прынцыпах цэнтралізму, калегіяльнасці і кампетэнтнасці ўраднікаў, а таксама нарматыўнага рэгулявання, г.зн. прынцыпах прававой дзяржавы.

Паліцістычная думка XVIII ст., цесна звязаная з камералістыкай, абапіралася на дасягненні тагачаснай эканамічнай, палітычнай і філасофскай думкі. У аснову дзяржаўнай палітыкі былі пакладзеныя прынцыпы дасягнення грамадскага дабрабыту, забеспячэння апекі насельніцтва ў галіне грамадскага правапарадку, бяспекі і задавальнення разнастайных яго патрэб. На такую фармулёўку магла паўплываць тагачасная філасофская думка, напрыклад, канцэпцыя грамадскай дамовы Томаса Гобса, паводле якой улада гарантуе парадак і бяспеку, клапаціцца аб гаспадарчым развіцці і задавальвае патрэбы асобы. Акрамя канцэпцыі Томаса Гобса, палажэнне аб дасягненні дабрабыту і магутнасці дзяржавы з'яўлялася цэнтральным элементам тэорый вядомых еўрапейскіх асветнікаў – Ёгана Генрыха фон Юсці і Ёзафа фон Зонэнфельса [1, с. 32].

Шмат чаго чэрпалася з еўрапейскай паліцістычнай думкі асветнікамі Рэчы Паспалітай. Так ў свет выйшла некалькі трактатаў пад аўтарствам Антонія Паплаўскага, Міхала Вяльгорскага і Юзафа Выбіцкага. Аналіз іх зместу паказвае, што аўтары зыходзяцца ў неабходнасці правядзення адміністрацыйных рэформ, дзе засяроджвалася б ўвага на кампетэнцыі адміністрацыйнага апарату, да якой меліся адносіцца пытанні паляпшэння аховы здароўя і дэмаграфічнай сітуацыі, забеспячэння асабістай бяспекі грамадзян, усестаронняга развіцця інфраструктуры і наканец клопат аб сістэме адукацыі. Гэта значыць, што мясцовая ўлада абязваана клапаціцца аб прыросце насельніцтва, гарантаваць асабістую бяспеку грамадзян і пашыраць асвету сярод сялян. Але трэба адзначыць, што ўкараненне еўрапейскага грамадскага ўладкавання мела ахопліваць пераважна кампетэнцыі новых органаў улады, а форма арганізацыі мясцовага самакіравання мела абапірацца на гістарычную традыцыю [1, с. 25].

У Рэчы Паспалітай пераўтварэнні дзяржаўнага ладу былі распачаты ў перыяд Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Пабудова новай сістэмы дзяржаўнай улады праявіліся ва ўсталяванні Скарбовай і Вайсковай камісіі ў Польшчы і ВКЛ. [2, с. 25] У 1773-1775 гг. былі ўтвораныя яшчэ дзве камісіі – Адукацыйная і Шпітальная. Функцыі ўраду выконвала 36-асабовая Пастаянная Рада. Дзейнасць гэтых устаноў абапіралася на прынцыпы калегіяльнасці і спецыялізацыі [1, с. 23]. З мэтай добраўпарадкавання каралеўскіх гарадоў былі створаныя Камісіі добрага парадку [2, с. 571 – 572].

Можна згадзіцца з думкай, што эфектыўнасць функцыянавання дзяржаўнага апарату залежала ад ступені разгалінаванасці яго выканаўчых органаў, у тым ліку мясцовага ўзроўню [1, с. 23].

Другім этапам працэсу эвалюцыянавання органаў мясцовай улады стаў перыяд дзейнасці Чатырохгадовага сойма, які стаў “вяршыняй рэфарматарскіх працэсаў, якія разгарнуліся ў Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. [3, с. 230]. На ім былі распрацаваныя тры праекты: “Формы кіравання польскага народа”, “Ваяводскія камісіі” і “Павятовыя камісіі”, а таксама было прынята некалькі ўніверсалаў 1789 г., у выніку чаго былі ўтвораныя ваяводскія камісіі, да кампетэнцыі каторых прапаноўвалася аднесці традыцыйны набор паліцістычных задач: клопат аб паляпшэнні стану шляхоў зносін, рэгуляванне мер і вагаў, забеспячэнне грамадскага парадку і бяспекі, ажыццяўленне правосуддзя,

разгляд спрэчак паміж войскам і цывільным насельніцтвам. Гэтыя новыя органы мясцовай улады павінны былі складацца з 16 камісараў, у тым ліку з 4 прадстаўнікоў насельніцтва, строга падпарадкоўвацца цэнтральным установам, выконваючы іх распараджэнні, з пазбаўленнем магчымасці норматворчай дзейнасці. Таксама мелася на мэце ўсталяванне 63 павятовых камісій (40 – у Кароне і 23 – у ВКЛ) з шырокімі судова-адміністрацыйнымі, сацыяльна-эканамічнымі і вайсковымі функцыямі, якія б падпарадкоўваліся органам цэнтральнай улады.

У соймавых праектах можна знайсці трапную характарыстыку адміністрацыйнай рэформы: “[...] праект ваяводскіх камісій з’яўляецца душой урада, без якой найлепшыя рэформы гэтага сойма слаба выконваліся б, што зазнаюць сёння станы Рэчы Паспалітай, не маючы ніадкуль інфармацыі пра колькасць і дыстынкцыі жыхароў, земляў і прадуктаў [...]” [1, с. 29].

Такім чынам, на прыканцы 1789 года з’явіліся перадумовы для стварэння сістэмы органаў мясцовай улады. Так, завяршальным этапам працэсу, які мы даследуем, стаў праект цывільна-вайсковых парадкавых камісій, распрацаваны у пачатку лістапада 1789 г. паслом з Браслаўскага павета Тамашам Ваўжэцкім і наваградскім паслом Міхалам Бярновічам, а замацаваны подпісам і ўнесены на зацверджанне маршалкам ВКЛ Казімірам Нестарам Сапегам. Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі сталі ўвасабленнем тагачаснай адміністрацыйнай думкі і першымі спецыялізаванымі органамі мясцовай улады ў Рэчы Паспалітай.

ЛІТАРАТУРА

1. Гардзееў, Ю. Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы Чатырохгадовага сойма (1789 – 1792) / Юры Гардзееў ; пераклад з польскай мовы Аліна і Зміцер Бялькевічы. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 436 с.
2. Радаман, А. Соймік // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя : ў 2 т. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2007 – Т. 2. – С. 25–26.
3. Гісторыя Беларусі : ў 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск : Экаперспекыва, 2007. – Т. 3. – С. 344.

УДК 342

**ЦЫВІЛЬНА-ВАЙСКОВЫЯ КАМІСІІ ЯК ЭТАП РЭФАРМАВАННЯ
АДМІНІСТРАЦЫЙНАГА АПАРАТУ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ХVІІІ СТ.****Л.Д. АНІСЬКОВІЧ****(Прадстаўлена: А.В. ВАЛЕЎКА)**

Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі – гэта першыя спецыялізаваныя органы мясцовай улады ў Рэчы Паспалітай, стварэнне каторых стала заключным этапам мадэрнізацыі сістэмы дзяржаўнага кіравання. У артыкуле разглядаецца сутнасць гэтага новаўведзенага інстытута, яго кампетэцыйнае поле і нарматыўнае рэгуляванне яго дзейнасці.

У Рэчы Паспалітай ідэя рэфарматавання сістэмы дзяржаўнага кіравання пачала паслядоўна ажыццяўляцца ў другой палове ХVІІІ ст. са стварэннем Скарбовай, Вайскавай і Адукацыйнай камісіі. Функцыю найвышэйшага органа дзяржаўнай улады ў 1775-1788 гг. выконвала Пастаянная Рада. У перыяд Чатырохгадовага сойма Пастаянная Рада, якая стала прадметам вострых сутыкненняў, была ліквідавана, а ролю найвышэйшага выканаўчага органа пачала выконваць Варта правоў. Акрамя таго, адміністрацыйная сістэма зазнала чарговыя змены, сведчаннем чаго было з’яўленне Камісіі паліцыі, г.зн. органа цэнтральнага кіравання, які займаўся пытаннямі адміністрацыі [1, с. 8–9].

Урэшце ў выніку амаль што гадавых парламенцкіх дэбатаў у лістападзе 1789 г. сойм прыняў рашэнне аб заснаванні парадкавых цывільна-вайсковых камісіі, якія, па сутнасці, былі першымі ў нашай гісторыі органамі мясцовай адміністрацыі [1, с. 9]. У лістападзе 1789 г. праект аб стварэнні “цывільна-вайсковых камісіі”, спачатку толькі для ВКЛ, быў ухвалены сеймам. Аўтарамі яго былі літвінскія паслы Т.Ваўжецкі і М.Бутрымовіч [2, с. 233].

Цывільна-вайсковыя камісіі сталі першымі спецыялізаванымі органамі мясцовай улады ў ВКЛ. Іх адміністрацыйна-прававы статус дазволіў Валяр’яну Калінцы нават назваць іх “уладай апякунскай, дабрачыннай і ўсёабдымнай”.

Нарматыўнае рэгуляванне дзейнасці гэтых новых органаў мясцовай улады ажыццяўляла соймавая канстытуцыя 1789 г. “Ваяводскія і павятовыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім”, а іменна яе раздзелы “Аб матэрыі цывільна-вайскавай” і “Аб матэрыі эканамічнай”.

Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі былі суб’ектамі адміністрацыйна-прававых адносін, надзеленымі шырокімі правамі і абавязкамі, што рэгулявалася вышэйзгаданай соймавай канстытуцыяй. У першую чаргу ў іх кампетэнцыю ўваходзіла садзейнічанне арміі ў час правядзення рэкруцкага набору, расквартаванне вайсковых частак, забеспячэнне іх харчаваннем і фінансавымі сродкамі, заснаванне правіянцкіх сховішчаў, разгляд і ўрэгуляванне спрэчак і канфліктаў паміж жаўнерамі і цывільным насельніцтвам. Да задач камісіі адносілася забеспячэнне грамадскага парадку і бяспекі ў павеце, а таксама кантроль за міграцыяй насельніцтва, выдача пашпартоў, ажыццяўленне нагляду за рухам бадзяжных, жабракоў і дэзерціраў. Камісіі мелі займацца правядзеннем перапісаў насельніцтва, зборам падаткаў, садзейнічаць развіццю сельскай гаспадаркі, рамяства і гандлю, клапаціцца аб стане транспартных артэрый, наглядаць за мерамі і вагамі [1, с. 30].

Надзённай патрэбай часу, ажыццяўленне якой ускладалася на мясцовую ўладу, з’явіліся палажэнні аб развіцці адукацыі, што было ўласцівае грамадскай думцы Асветніцтва [1, с. 34]. Таму, у абязкі камісіі таксама было ўключана стварэнне парфіяльных школ і развіццё дабрачыннасці [1, с. 30].

Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі акрамя шырокіх адміністрацыйных функцый, мелі выконваць яшчэ і судовыя. Так, у якасці суда 1-й інстанцыі яны разглядалі маёмасныя справы і справы па адміністрацыйных правапарушэннях, канчаткова і безапеляцыйна, калі іск не перавышаў 300 злотых, а кара – 50 злотых і 3 дзён турмы. Астатнія справы па прадстаўленні павятовых дзорцаў адсылаліся па апеляцыі на канчатковы прысуд Камісіі паліцыі абодвух народаў. Разбіралі спрэчкі паміж ваенным і цывільным насельніцтвам, каралі за непаслушэнства публічнай уладзе і землеўладальнікам. Аднак судзіць па крымінальных справах яны не мелі права [3, с. 26].

У камісіі выбіраліся 15 камісараў з неасуджанай і аселаі шляхты ў ваяводствах і паветах на соймаках на 2 гады. Без выбарнага заслугі ў камісіі ўваходзілі сенатары, цівуны, павятовыя маршалкі, градавыя старасты, харужыя. Кожная камісія мела канцылярыю з возным і адвакатам. Сесіі

адбываліся штодня акрамя святаў. Камісары выконвалі функцыі бясплатна, але на работу канцэлярыі збіралася па шэлегу з кожнага златага падаткаў. Сесіі адбываліся штодня акрамя святаў. Камісары выконвалі функцыі бясплатна, але на работу канцэлярыі збіралася па шэлегу з кожнага златага падаткаў [3, с. 25].

Колькасць цывільна-вайсковых камісій у ВКЛ адпавядала колькасці адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак [1, с. 34].

Такім чынам, цывільна-вайсковыя камісіі з'яўляліся ўвасабленнем тагачаснай адміністрацыйнай думкі, акрэслілі тэндэнцыю пераходу ад саслоўнага самакіравання ў бок тэрытарыяльнага. Паклалі пачатак мясцовай адміністрацыі на літоўскіх і беларускіх землях. Валодаючы шырокім спектрам правоў і абавязкаў, цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі мусілі адыграць ролю інструмента дзяржаўнай палітыкі, які займаецца рэгуляваннем розных сфераў жыцця. Аднак, ацаніць эфектыўнасць іх работы, на жаль, не прадстаўляецца магчымым, бо вельмі мала часу адвяла гісторыя для рэалізацыі рэформ Чатырохгадовага сойма. Ваенная інтэрвенцыя Расійскай імперыі і далейшы падзел Рэчы Паспалітай не дазволілі здзейсніць гэтыя рэформы.

ЛІТАРАТУРА

1. Гардзеў, Ю. Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы Чатырохгадовага сойма (1789 – 1792) / Юры Гардзеў ; пераклад з польскай мовы Аліна і Зміцер Бялькевічы. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 436 с.
2. Гісторыя Беларусі : ў 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экаперспекыва, 2007. – Т. 3 – С. 344.
3. Радаман, А. Соймік // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя : ў 2 т. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2007 – Т. 2 – С. 25 – 26.

УДК 342.5

**ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ****В.С. ГРИНЕВИЧ***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Каждое государство обладает определенной спецификой, в том числе и в организации государственной власти. Это обуславливается многими факторами, определенными различиями в культурном и правовом развитии. Форма правления является той самой категорией, определяющей эту специфику и выражающей суверенитет государственной власти. В данной статье рассматриваются наиболее типичные подходы к определению понятия «форма правления».

Становление и развитие любого государства связано с формированием особенной, свойственной лишь для этого государства, системы государственной власти и, в последствие, формы правления. Форма правления это одна из категорий, характеризующих форму государства в его конституционно-правовом понимании, так как именно через данную категорию выражается суверенная государственная власть. На её становление влияет совокупность различных объективных, таких как экономика, форма собственности, правовая культура государства и даже размер территории, и субъективных факторов, к которым можно отнести ориентированность масс на признание власти одной личности, отождествление её с государством, и наделение её главенствующей ролью по отношению к другим институтам власти.

Попытки дать определение понятию «формы правления» предпринимались философами и мыслителями на протяжении многих веков. Многие из них пытались классифицировать форму государства, для того чтобы найти оптимальный, совершенный способ устройства государственной власти. Аристотель в своих трудах приравнивал понятие «формы правления» к понятию «государственного устройства» [1, с. 20]. Им же предпринимались попытки по классификации форм правления, выделялись они по *количеству людей у власти*: власть одного, немногих и большинства. Каждой из них, в свою очередь, соответствовала *правильная и неправильная* форма правления: монархия и тирания, аристократия и олигархия, полития и демократия.

В учебной литературе встречаются несколько подходов к определению «формы правления».

1. Приверженцы узкого подхода в определении ограничиваются исключительно правовым статусом и полномочиями главы государства.

2. Сторонники же широкого определения относят сюда взаимодействие высших органов власти, как между собой, так и с центрами экономической власти и даже существующую политическую среду.

3. Существует и смешанный или промежуточный подход, который включает определенный перечень органов власти, именуемых «высшими», как правило, сюда входят глава государства, парламент и правительство, однако встречается отнесение к данному перечню органов судебной власти, конституционного контроля, а иногда и прокурорского надзора.

Из вышеуказанного складывается мнение, что исследуемое нами явление существует в виде теоретического понятия, и многие авторы, определяя данный феномен, используют не только различные дефиниции, но и различные термины. Так в современной литературе термин «форма правления» может заменяться такими понятиями как «вид правления», «институт правления», «модель правления». Видится, что эти термины отнюдь не равнозначны, но во многих случаях определяются они схожим образом.

По мнению Л. Р. Симоновили, современная наука *под формой правления* понимает, кто и как правит, т. е. осуществляет государственную власть в государственно-организованном сообществе; как устроены, организованы и действуют в нем государственно-властные структуры (органы государства); каковы основы их взаимоотношений с населением; а также какова степень участия населения в формировании государственных структур. При этом форма правления – не просто теоретическая, абстрактная категория науки, как, скажем, суверенитет или народовластие, а тот ключ, с помощью которого определяется сущность системы органов государственной власти, выражающейся в той или иной государственно-правовой модели [2].

Именно поэтому, на наш взгляд, форме правления можно отдать главенствующую роль среди элементов, характеризующих форму государства. Так как в итоге именно она определяет форму государственного устройства и вид политического режима.

Различают и противопоставляют две основные формы правления – монархию (греч. *monarchia* – единовластие: от *monos* – один и *arche* – власть) и республику (лат. *respublica* – общее дело). Разграничение чаще всего проводится по количественному признаку [3, с. 255].

Одним из первых наиболее похожий на современный вариант классификации форм правления дал И. Кант, который для классификации помимо количественного признака стал учитывать и признак разделения властей, так если этот признак присутствовал, он выделял республиканскую форму правления, а если нет – монархическую [4, с. 424].

Весомый вклад в изучение понятия «формы правления» и её видов, был внесен исследователями российской дореволюционной правовой школы. Так, Н.М. Коркунов различал республику и монархию по степени ответственности лиц, распоряжающихся властью в государстве. И если президента в республике он считает ответственным перед народом, то в монархии, на его взгляд, существует безответственный орган власти – монарх. Подтверждая свою теорию, Коркунов приводит яркий пример сравнения объема и характера полномочий президента США и английской королевы [3, с. 267].

Не мене интересным является мнение, что для поиска юридических различий между монархией и республикой необходимо сравнивать не компетенцию, властных органов, а их юридическое положение. К критериям, характеризующим такое положение можно отнести:

- способ получения власти;
- срок нахождения у власти.

Два этих критерия тесно связаны и, как правило, второй является следствием первого. Так, если в условиях республиканской формы правления высшие органы власти формируются на основе выборности и полномочия этой власти ограничены определенным сроком, то при монархической форме правления – на основе наследования, и, соответственно, данная власть редко ограничивается какими-либо временными рамками.

Что же касается выбора формы правления, как уже говорилось выше, вопрос организации государственной власти является достаточно специфическим, его решение связывают с определенными характеристиками того или иного общества, его культурным и правовым развитием. Для переходных обществ особое значение имеет выбор конституционной формы правления, содействующей утверждению стабильной и эффективной демократии. Именно поэтому необходимо учитывать состояние институтов гражданского общества и наличие предпосылок демократии в том государстве, где ставится вопрос выбора формы правления. Мы рассмотрим три позиции относительно влияния формы правления на формирование демократического государства.

Первая, исходя из опыта государств Южной Америки, говорит о том, что сами по себе президентские формы правления могут приводить к неуправляемости государства и отмиранию государственной власти как института. Развитию демократии больше содействуют чисто парламентские формы правления. При этом создается меньше предпосылок для нарушения конституции со стороны исполнительной власти и сохраняется над ней эффективный контроль. Поэтому парламентская система менее подвержена государственным переворотам.

Вторая позиция, не отрицая того, что при парламентской форме правления вероятность формирования истинно демократического, стабильного государства повышается в разы, считает, что в условиях переходного общества высок риск установления диктатуры при немедленном внедрении парламентской системы, в силу отсутствия всех необходимых для парламентаризма условий.

Что касается третьей позиции, относительно предыдущих она является умеренной. Сторонники данной позиции считают излишними категорические оценки относительно плюсов и минусов той или иной формы правления. Здесь главным является изучение всех государственных институтов, действующих в стране, экономических и культурных факторов, уровня правосознания населения, и того как это будет существовать в рамках той или иной формы правления.

Таким образом можно выделить ряд признаков, которые влияют на выбор формы правления:

- экономическая ситуация в государстве (устойчивое развитие или кризисность);
- степень общественного согласия относительно фундаментальных мировоззренческих ценностей (общественный консенсус или раскол);
- состояние партийной системы (консолидированный плюрализм или фрагментированная многопартийность, поляризованный плюрализм);
- тип избирательной системы, соответствующий данной форме правления или нет;
- политико-культурные традиции (демократические или автократические);
- опыт предшествующего правления (демократический, авторитарный или тоталитарный);
- реальное соотношение политических сил, выступающих за тот или иной режим правления в данной стране [5].

Вышеперечисленные факторы могут таким образом повлиять на избранную форму правления, на практическое функционирование системы власти, что та изменится до неузнаваемости как де-факто, так и де-юре.

Таким образом, форма правления – это комплекс определенных признаков, которые характеризуют систему государственной власти. Исходя из этих признаков, имеется возможность определить, что повлияло на выбор той или иной формы правления, то есть прошлое государства, какими особенностями свойственны данной форме правления, то есть настоящие и спрогнозировать дальнейшую судьбу и возможность трансформации формы правления, исходя из внутригосударственных и мировых тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинникова, О. Д. К вопросу о форме правления / О. Д. Овчинникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10). – С. 20–24.
2. Симонишвили, Л. Р. Формы правления: история и современность [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Л. Р. Симонишвили. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта: МПСИ, 2011. – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/454603>. – Дата доступа: 25.05.2019.
3. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Юрайт, 2018. – 420 с.
4. Шершеневич, Г.Ф. История философии права : моногр. / Г. Ф. Шершеневич, — Спб. : Лань, 2001. — 528 с.
5. Форма правления в посткоммунистической Беларуси: эволюция и проблема выбора оптимальной конституционной модели [Электронный ресурс] // Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY. – Режим доступа: <https://library.by>. – Дата доступа: 15.09.2019.

УДК 342.5

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПАРЛАМЕНТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****В.С. ГРИНЕВИЧ***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Парламентаризм может рассматриваться как система власти, предусматривающая наличие парламента как представительного органа, наделенного законодательными и контрольными полномочиями, и основанная на принципе разделения властей. В данной статье рассматриваются полномочия парламента Республики Беларусь, приобретенные им в результате конституционной реформы 1996 года.

В современном мире актуальны вопросы о соблюдении принципа разделения властей. Причем актуальными они являются как для государств с сформировавшейся демократией, так и для тех, кто только встал на демократический путь развития. Основным вопросом здесь является степень властных и контрольных полномочий каждой из ветвей власти.

Не подвергается сомнению тот факт, что ветви власти не являются взаимозаменяемыми, но и действовать обособленно они также не в состоянии. Поэтому они должны существовать равноправно, взаимно дополняя друг друга, что обеспечивается механизмом сдержек и противовесов. Ш. Монтескье писал: «Чтобы не было возможности злоупотребить властью необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [1, с. 290].

На современном этапе институт парламентаризма – это важнейший механизм, способствующий функционированию истинно демократического государства, формированию гражданского общества. О реальном парламентаризме можно рассуждать лишь в том случае, когда парламент наделен полномочиями в сфере законодательной деятельности, правом на избрание или контроль за деятельностью органов исполнительной власти [2].

В результате конституционной реформы 24 ноября 1996 года был осуществлён переход к сильной президентской форме правления, создание нового законодательного органа власти – двухпалатного Парламента – Национального собрания, наделенного определенными контрольными полномочиями, в обеспечении сдержек и противовесов при реализации принципа разделения властей [3, с.13]. Также итогом вышеуказанной реформы стало преобразование Беларуси из президентской республики в «смешанную президентско-парламентскую республику с широкими полномочиями Президента» [4, с.74]. Отличительной чертой такой формы правления является двойная ответственность Правительства Республики Беларусь перед Президентом и Парламентом Республики Беларусь. В Республике Беларусь данное положение нашло отражения в ч. 2 ст. 106 Конституции, которая гласит: «Правительство в своей деятельности подотчетно Президенту Республики Беларусь и ответственно перед Парламентом Республики Беларусь» [5, с. 81]. Ответственность перед Парламентом Республики Беларусь предоставляет нижней палате Национального собрания возможность выносить вотум недоверия Правительству, итогом которого может стать его отставка, а также заключается в необходимости одобрения Палатой представителей программы деятельности Совета Министров Республики Беларусь.

Наравне с законодательными полномочиями Национальное собрание Республики Беларусь обладает контрольными полномочиями. Мировая практика свидетельствует о том, что зарубежные страны идут по пути усиления данных полномочий. Так, например, Законом о поправках в Конституцию Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. в Конституцию было внесено положение о том, что Государственная Дума ежегодно заслушивает отчеты Правительства о результатах его деятельности. Сходное положение можно найти и в Конституции Республики Беларусь. Пункт 5 ст. 97 Конституции Республики Беларусь гласит, что Палата представителей заслушивает доклад Премьер-министра о программе деятельности Правительства и одобряет или отклоняет программу. Данное положение Конституции закрепляет право депутатов заслушивать программу Правительства Республики Беларусь, но достаточно ли им полномочий для контроля её исполнения?

Контрольные полномочия Национального собрания можно разделить на группы, в зависимости от того, кто их осуществляет: Национальное собрание в целом, Палата представителей или Совет Республики.

К контрольным полномочиям обеих палат Национального собрания Республики Беларусь можно отнести:

1. Рассмотрение вопроса о досрочном освобождении от должности Президента Республики Беларусь при стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия Президента страны.

2. Рассмотрение вопроса о смещении Президента Республики Беларусь с должности в связи с совершением измены государству или иного особо тяжкого преступления (импичмент).

3. Рассмотрение временных декретов Президента Республики Беларусь, имеющих силу закона.

На практике лишь однажды обе палаты приняли решение об отмене временного декрета. Однако впоследствии изменили свое решение и приняли его к сведению.

Контрольными полномочиями Палаты представителей являются:

1. Рассмотрение вопроса о даче согласия на назначение Премьер-министра Республики Беларусь. Но, поскольку исключительным правом инициирования кандидатуры Премьер-министра обладает Президент Республики Беларусь, это существенно противоречит одному из основных требований современного парламентаризма – контроль над исполнительной властью.

2. Одобрение либо отклонение программы деятельности Правительства Республики Беларусь.

3. Рассмотрение вопроса о доверии Правительству Республики Беларусь.

4. Возможность выражения вотума недоверия Правительству Республики Беларусь.

5. Обращение в Конституционный Суд Республики Беларусь с предложением о даче заключения о соответствии законов Республики Беларусь, декретов, указов Президента, подзаконных актов и международных договоров Конституции Республики Беларусь и международно-правовым актам.

Контрольными полномочиями Совета Республики являются:

1. Рассмотрение указов Президента Республики Беларусь о введении чрезвычайного положения, военного положения, полной и частичной мобилизации.

2. Отмена решений местных Советов депутатов, не соответствующих законодательству Республики Беларусь.

3. Принятие решения о роспуске местного Совета депутатов в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства Республики Беларусь.

Таким образом, проанализировав некоторые полномочия Парламента Республики Беларусь, детально изучив механизм осуществления контрольных полномочий, можно сделать вывод о том, что устойчивость системы правления обеспечивается наличием сбалансированных полномочий у государственных органов и наличием сдержек и противовесов между ними.

Все эти характеристики нашли свое отражение в Конституции Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятой в 1996 году на республиканском референдуме, в Законе «О Национальном собрании Республики Беларусь» и в Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Принятие данных нормативно-правовых актов с последующим их неоднократным совершенствованием и внесением дополнений способствовало становлению белорусского Парламента современного типа.

Национальное собрание Республик Беларусь состоялось в своем конституционном предназначении как представительный и законодательный орган страны. Поэтому можно сделать вывод о том, что парламентаризм стал неотчуждаемой частью политической системы белорусского общества.

Конечно, как показывает практика, в работе белорусского Парламента есть достаточно много проблем, не позволяющих ему работать более эффективно. Существует тенденция к концентрации властных полномочий у Президента Республики Беларусь и исполнительной власти. В связи с этим мы считаем необходимым пересмотреть позиции относительно оптимальной для Беларуси конституционной формы правления и обратить свои взоры в сторону парламентской модели. Такая система дает возможность предотвратить концентрацию государственной власти в руках одного органа власти. Здесь видится необходимым обратиться к истории, а именно ко временам Великого Княжества Литовского, когда традиции правления соответствовали парламентской модели. Таким образом, мы считаем, что существующая форма правления в Республике Беларусь не соответствует современным реалиям. И если в период обретения нашим государством независимости она была оправдана и необходима, то сейчас видится необходимым дальнейшее развитие по пути усиления роли парламента в системе государственных органов и, затем, перехода к парламентской модели правления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения / Шарль Луи Монтескье ; общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. – М. : Госполитиздт, 1955. – 799 с.

2. Баранова, Н. П. Парламентаризм в России: история и современность / Н. П. Баранова, Р. М. Романов. – М. : Современная экономика и право, 2009. – 392 с.
3. Красуцкий, А. В. Парламентаризм и парламент в современной Беларуси / А. В. Красуцкий // Место и роль Национального собрания в конституционной системе разделения властей: материалы науч.-теорет. конф., Минск, 16 дек. 2008 г. / Институт парламентаризма и предпринимательства. – Минск : Иппокрена, 2008. – С. 11–17.
4. Екадумова, И. И. Основы идеологии белорусского государства: конспект лекций / И. И. Екадумова, И. А. Кузнецова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 128 с.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ.референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФАНДРАЙЗИНГА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Н.Л. ЕРМАЧЁНОК****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

Право на свободу ассоциаций дает предпосылки к развитию и становлению гражданского общества, ведь некоммерческие организации являются неотъемлемой частью демократического правового социально-ориентированного государства. Предпосылкой будущего перспективного развития общественных организаций является финансовая устойчивость.

Кардинальные изменения на территории нашего государства конца XX-го века привели к переходу на рыночную экономику и к смене политического режима. Данная «картина событий» обусловила появление некоммерческих организаций, а равным счетом и такого зарубежного явления как «фандрайзинг» или «фандрейзинг».

Фандрайзинг – это «деятельность некоммерческой организации (НКО), базирующаяся на ее уникальной миссии и стратегии, использующая эффективные и продуктивные способы получения ресурсов, необходимыми для реализации ее программ и достижения стоящих перед ней целей, обеспечивающая желаемую удовлетворенность дарителю (источнику ресурсов) и имеющая конечным результатом укрепление благополучия общества в целом» [1]. Данная деятельность белорусских НКО по привлечению ресурсов в республике ещё не устоялась. Однако мы наблюдаем тенденцию распространения знаний о фандрайзинге [2].

Фандрайзинг можно осуществлять в виде реализации предпринимательской деятельности, направленную для достижения уставных целей; благотворительности от физических и юридических лиц (через краудфандинг, спонсорскую помощь, иностранную безвозмездную помощь) и т.п.

В соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) под предпринимательской деятельностью стоит понимать самостоятельную деятельность: «юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления» [3]. Принято понимать, что это прерогатива, в первую очередь, коммерческих организаций, однако согласно того же ГК Республики Беларусь ст. 46 некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций, либо поскольку она необходима для выполнения государственно значимых задач [3].

Мы наблюдаем, что законодателем установлены льготные условия по организации предпринимательской деятельности в отношении спортивных общественных объединений и их союзов. Им не требуется создавать коммерческие организации для ведения предпринимательской деятельности в таких сферах как туристическая деятельность; оптовая и розничная торговля; рекламная деятельность; деятельность водного транспорта и т.д. [4] Мы считаем, что данное послабление государством в отношении одного вида организации при ведении предпринимательской деятельности является недейственным для развития гражданского общества. Поэтому для положительного развития белорусских общественных организаций необходимо упростить процесс: убрать процедуру создания отдельных коммерческих структур как можно для большего количества общественных объединений (в идеальном варианте для всех) для привлечения денежных средств на их уставные цели.

В Законе «Об общественных объединениях» предусмотрены и другие источники формирования денежных средств: лекции, выставки, спортивные и другие мероприятия [5]. На практике члены-участники НКО не всегда понимают и даже путают, проведенные на возмездной основе мероприятия с предпринимательской деятельностью. По разъяснению Министерства юстиции Республики Беларусь, данного на запрос в рамках проводимого исследования «Источники фандрайзинга НКО в стране: возможности и перспективы», «деятельность по проведению в уставных целях мероприятий на возмездной основе не будет являться предпринимательской, только если полученные доходы в полном объеме будут направлены на возмещение расходов по данным мероприятиям» [6].

Следующей формой фандрайзинга является краудфандинг. В Республике Беларусь краудфандинг относительно новое явление. В нашем государстве нет специального законодательства, регулирующего

данную деятельность по сбору денежных средств. Поэтому юристы прибегают к гражданскому, налоговому, банковскому праву Республики Беларусь т.п. Основными законодательными актами, регулирующими краудфандинг является Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3, Указ Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О безвозмездной (спонсорской) помощи», а также Указ Президента Республики Беларусь № 31 от 31.01.2017 г. «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы», который признает краудфандинг интернет-площадкой для вклада инвестиций. Однако в данном законодательном акте нет четкого дефинирования краудфандинга.

Краудфандинговые площадки в Беларуси работают на основе договора дарения. В соответствии с ч. 1 ст. 543 ГК Республики Беларусь: «По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность, либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом». Отдельным видом дарения является жертвование, в соответствии со ст. 553 ГК Республики Беларусь: «пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях», однако в законодательстве нет легального определения «общеполезные цели», не решён вопрос с жертвованиями посредством электронных средств коммуникации и соблюдения письменной формы сделки и др.

Кроме того, в белорусском законодательстве отсутствует однозначная правовая квалификация следующих понятий: «благотворительность», «безвозмездность», «добровольность», «спонсорство» и другие, которые порождают произвольное толкование. Например, в российском законодательстве имеются нормы-дефиниции терминов: «благотворительная деятельность» (ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 7 июля 1995 г. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»), «добровольная (волонтерская) деятельность» (ч. 2 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 7 июля 1995 г. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [8] и т.д. Мы считаем, что отсутствие толкования законодателем данных основных понятий не способствует развитию фандрайзинга в Республике Беларусь.

Таким образом, необходимо повысить качество законодательства в сфере благотворительности, а именно закрепить правовой статус лиц и их правоотношения, включить термины «общеполезные цели», «благотворительность», «безвозмездность», «добровольность», «спонсорство». Законодательно оформить такое явление как краудфандинг, в связи с чем больше не потребуется применять аналогию закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейгельман, Н. В. Фандрайзинг в системе деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс] / Н. В. Фейгельман // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/fandrayzing-v-sisteme-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy>. – Дата доступа: 20.09.2019.
2. Николайчик, В. Фандрайзинг в Беларуси: рутина VS творчество [Электронный ресурс] / В. Николайчик // Интернет-портал неком. неправит. орг-ции by.odb-office.eu. – Режим доступа: https://by.odb-office.eu/razvicio-patencyjalu-arhanizacyj_treninhi-i-infadni/fandrayzing-v-belarusi-rutina-vs-tvorchestvo. – Дата доступа: 20.09.2019.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноя. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 апр. 2013., № 191 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 4 окт. 1994 г., № 3254-ХП : в ред. от 29.10.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Навіны і аналітыка пра сродкі на дзейнасць беларускіх некамерцыйных арганізацый [Электронны рэсурс] / Вэб-сайт. – Рэжым доступу: srodki.org <http://srodki.org>. – Дата доступу: 20.09.2019.
7. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс] / Сайт Gufo.me. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/понятие>. – Дата доступа: 20.09.2019.
8. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации 7 июля 1995 г., в ред. от 18.12.2018 N 469-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.

УДК 342

**ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ ПОМОЩИ
НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Н.Л. ЕРМАЧЁНОК****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

В данной статье рассмотрены проблемы получения иностранной безвозмездной помощи некоммерческими организациями в Республике Беларусь. Также представлен в некоторой степени правовой анализ будущего Декрета № 5. Статья представляет собой часть исследования о правовом регулировании фандрайзинга некоммерческих организаций в Республике Беларусь.

Право на свободу ассоциаций дает предпосылки к развитию и становлению гражданского общества, ведь неправительственные организации являются неотъемлемой частью демократического правового социально-ориентированного государства. Один из отрицательных моментов в отношении белорусских НКО (некоммерческих организаций) наблюдается: «ограничение источников внутреннего и внешнего финансирования, увеличение пошлин, уплачиваемых за регистрацию НКО, запрет на наличие счетов в зарубежных банках» [1].

Нынешнее законодательство об иностранной безвозмездной помощи (далее – ИБП) в Беларуси опирается, прежде всего, на Декрет Президента Республики № 5 от 31 августа 2015 г. и на Постановление Управления делами Президента Республики Беларусь от 8 февраля 2016 г. № 2 «Об установлении форм документов», а также иные акты законодательства дополняют получение ИБП в Республике Беларусь. Процесс получения данной помощи в нашем государстве в целом усложнен. Данный декрет должен был облегчить эту задачу, однако существенного упрощения не последовало, и в относительно скором промежутке времени, последовал новый проект декрета об иностранной безвозмездной помощи, который вступит в силу с 1 января 2020 года [2]. Однако, исходя из анализа, действующего и будущего декретов, главные тормозящие и усложняющие ступени процесса получения ИБП не устранены.

Во-первых, остаётся разрешительный принцип регистрации иностранной помощи. Данный принцип предполагает повышенное внимание государственных органов к регистрации ИБП, который можно рассматривать как в положительном, так и в отрицательном ключе. К положительному можно отнести, например, (1) более детальное рассмотрение предмета на соответствие целевому расходованию средств; (2) ответственность за несоблюдение порядка регистрации полностью ложиться на компетентный государственный орган. К главным отрицательным ступеням регистрации ИБП являются (1) длинные промежутки времени самой процедуры, когда денежные средства нужны в срочном порядке; (2) отказ в регистрации, который может нести субъективный характер.

Во-вторых, индивидуальное освобождение от налогов каждого получаемого транша. Некоммерческие организации могут подать заявление об освобождении зарегистрированной помощи от налогов, сборов (пошлин), однако данный шанс на полное освобождение от налогообложения НКО предоставляется далеко не всем: необходимо решение Управления по делам Президента Республики Беларусь по согласованию с самим Президентом. Декретом предусмотрена пропорциональная система налогообложения при получении иностранной помощи, с которой можно претендовать на частичное освобождение от налогообложения в зависимости от размера суммы.

Также организации могут претендовать на освобождение от таможенных сборов за совершение таможенных операций, таможенных пошлин (кроме подакцизных товаров), налога на добавленную стоимость, акцизов, налога на прибыль, налога при упрощенной системе налогообложения, единого налога для производителей сельскохозяйственной продукции Департаментом по гуманитарной деятельности Управлением делами Президента Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь. «Однако в последнее время на практике общехозяйственные расходы, указанные в плане использования, не подлежат освобождению от налогов» [3].

В свою очередь, после имплементации в белорусское законодательство норм Financial Task «Force (FATF) – межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма» [4], банки Беларуси могут по собственной инициативе либо после консультаций с НКО-получателями отправлять назад иностранным жертвователям их средства, которые вызывают у них подозрения в их целевом назначении. А значит, банки вправе проверять транзакции на предмет соответствия уставным целям НКО, и если есть нарушения со стороны клиентов-организаций, банки несут за это ответственность, что явно превышает пределы допустимого вмешательства по рекомендациям FATF.

На данный момент Департаменту по новому проекту отведено 15 рабочих дней для регистрации помощи (без представления документов об получении налоговых льгот, срок регистрации тогда составляет до 10 дней). Однако Президент лично должен поставить собственную подпись под каждым решением на использование ИБП. Если смоделировать ситуацию, что со всего мира, предположительно, в месяц 50 тыс. жертвователей решило помочь белорусским организациям, то очевидно, что данная система не работает. Из-за длительности всего этого процесса и незначительных улучшений самого проекта Декрета. «Соответственно, при реализации долгосрочного проекта, рекомендуется не разбивать получаемую помощь на мелкие «транши» и минимизировать количество обращений в Департамент по гуманитарной деятельности Управления делами президента Республики Беларусь» [3].

Подводя итоги, сам порядок регистрации иностранной помощи не изменен. Это означает, что один из самых ключевых моментов данного декрета никак не способствует улучшению почвы для развития общественных организаций. В целом, в новом проекте также дополнено определение ИБП (включены товары и услуги как виды помощи), более конкретно определена налогооблагаемая база, предусмотрены льготы по декларированию безвозмездной помощи: «Это важно для общественных организаций, в которых иногда нет бухгалтеров, которые бы правильно все это оформили и отразили в налоговой декларации» [5], – по словам начальника Управления гуманитарной деятельности Департамента по гуманитарной деятельности И.Н. Горбунцова. Также исключена обязательная регистрация взносов иностранных учредителей и членов некоммерческих организаций в Департаменте по гуманитарной деятельности, исключены нормы о направлении некоммерческими организациями не более 20% помощи на оплату труда работникам и т.д. Относительно компетенции банков Беларуси, а точнее слежения за правомочностью получения ИБП (проверки на предмет соответствия уставной цели НКО, получаемых денежных средств), то по нашему мнению, необходимо предоставить это иным компетентным органам.

Мы считаем, что государство должно обеспечивать возможность поиска, получения и использования ресурсов из национальных, иностранных или международных источников, так как это создает фундамент успешной деятельности любой ассоциации. Государства должны не только юридически закрепить их поддержку, но и фактически ее оказывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбелева, Е. А. Некоммерческие организации в республике беларусь: особенности правового и фактического положения [Электронный ресурс] / Е. А. Горбелева, Ю. Г. Чернышов // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/nekommercheskie-organizatsii-v-respublike-belarus-osobennosti-pravovogo-i-fakticheskogo-polozheniya>. – Дата доступа: 11.09.2019.
2. Иностранную безвозмездную помощь белорусы смогут получать по новому уже с 1 января [Электронный ресурс] / Центр прав. трансф. Lawtrend. – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/inostrannuyu-bezvozmezdnuyu-pomoshh-belorusy-smogut-poluchat-po-novomu-uzhe-s-1-yanvara>. Дата доступа: 11.09.2019.
3. Смолянко, О. Алгоритм действий при получении иностранной безвозмездной помощи в виде денежных средств на реализацию проекта аря [Электронный ресурс] / О. Смолянко // Центр прав. трансф. Lawtrend. – Режим доступа: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2017/04/Algoritm-dejstvij-pri-poluchenii-inostrannoj-bezvozmezdnnoj-pomoshhi_SO_2017_red.pdf. – Дата доступа: 11.09.2019.
4. Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) [Электронный ресурс] / Веб-сайт ЕАГ. – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/ru/FATF>. – Дата доступа: 11.09.2019.
5. Обновленный проект Декрета № 5 «Об иностранной безвозмездной помощи» в ближайшее время представят Президенту [Электронный ресурс] / Информационный портал Kadrovik.by. – Режим доступа: <https://kadrovik.by/news/show/31793/>. – Дата доступа: 11.09.2019.

УДК 342

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ: ПОНЯТИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ФОРМЫ**А.В. КРЕМНЁВ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Данная статья посвящена анализу института парламентского контроля в целом. Автор статьи рассматривает понятие парламентского контроля, его назначение и формы, даёт их краткую характеристику. На основе проведенного исследования автор делает вывод, что парламентский контроль является необходимым элементом любого демократического государства.

Контроль является одной из основных составляющих властной деятельности государственных органов. В политико-правовом контексте существует множество определений этого термина, которые, в свою очередь, нередко противоречат друг другу.

С.А. Коршунов даёт следующее определение: «Контроль – это неотъемлемая функция системы управления, целью которой является получение информации об отклонениях в деятельности объекта управления на возможно более ранней стадии с тем, чтобы в дальнейшем иметь возможность принять корректирующие меры» [4, с. 12].

Несмотря на то, что по своей сути парламент является представительным и законодательным органом, а не специальным контролирующим, он входит в число государственных органов, наделенных контрольными полномочиями. При этом нередко контрольную функцию парламента по значимости ставят вслед за законодательной [2, с. 150]. Таким образом, можно выделить три основные функции парламента: законодательную, контрольную и представительную.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в юридической литературе отсутствует единое мнения касательно определения парламентского контроля, так как правоведы, занимающиеся этим вопросом, стараются добавить что-то своё, тем самым расширяя определение.

Наиболее классическая дефиниция парламентского контроля была дана российскими учёными в области конституционного права М.М. Утяшевым и А.А. Корнилаевой, которые определяли его как осуществление органами законодательной ветви власти комплекса разнообразных мер по постоянному наблюдению и проверке деятельности системы, а также по устранению обнаруженных в результате проверки нарушений и профилактики возможных несоответствий [1].

Однако существуют и другие определения парламентского контроля. Например, учёный-юрист А.Р. Гиздатов определяет парламентский контроль как конституционно-правовую возможность и практику высшего законодательного (представительного) органа государственной власти, парламентариев, и образуемых структурных органов мониторинга и проверки законности осуществления полномочий органами исполнительной власти и их должностными лицами с целью последующей оценки их деятельности и возможного применения мер реагирования [3, с. 72].

Таким образом, под парламентским контролем можно понимать функцию парламента по постоянному наблюдению и проверке деятельности исполнительной власти с возможным последующим применением различных мер реагирования.

Контрольные функции парламента вытекают из теории разделения властей, согласно которой государственная власть должна быть разделена между тремя независимыми ветвями власти, которые в свою очередь должны контролировать друг друга. Необходимость существования контрольной функции парламента обусловлена двумя основными моментами. Во-первых – это стандартный элемент системы сдержек и противовесов, согласно которой все три ветви власти зависят друг от друга и контролируют друг друга. Во-вторых, необходимость парламентского контроля обусловлена стремлением преодолеть возможную политическую предвзятость, а также узковедомственные интересы в осуществлении правоохранительной деятельности [6]. Несомненно, парламентский контроль – значимый элемент системы государственного контроля в демократических государствах. Без парламентского контроля невозможна эффективная деятельность правительства, слаженная работа всего государственного механизма, так как именно благодаря парламентскому контролю существует возможность предотвращения разного рода злоупотреблений, нарушений прав и свобод, а также фактической узурпации власти исполнительными органами.

Существует различные формы парламентского контроля, которые обычно закрепляются либо в конституции государства, либо в других нормативных правовых актах. Однако иногда эти формы могут быть не закреплены, если в ходе исторического процесса они сложились традиционно [7].

Форм парламентского контроля насчитывается достаточно большое количество, к основным можно отнести:

1. Обсуждение основных направлений деятельности правительства - после избрания парламента, когда образуется правительство (это касается парламентских республик и парламентских монархий), глава избранного правительства выступает с речью, в которой излагает основные направления и приоритеты своей будущей деятельности, рассказывает о тех задачах, которые правительство ставит перед собой. В данном случае члены парламента, выступая (критикуя или одобряя эти направления), осуществляют превентивный (предупредительный) контроль, поскольку предупреждают о каких-то нежелательных акциях, об ответственности в случаях невыполнения обещаний и т.д. Таким образом они контролируют будущую деятельность правительства.

2. Специальные парламентские вопросы и запросы – это наиболее распространенная форма парламентского контроля, которая, можно сказать, является повседневной и обыденной. Запросы могут быть адресованы отдельным министрам, премьер-министру, иногда – правительству в целом. Запросы делятся на два вида – устные и письменные, порядок внесения этих запросов, а также ответа на них, обычно устанавливается в регламентах палат [7].

3. Интерпелляция - запрос депутата или группы депутатов парламента правительству или отдельным его членам по конкретным или общим вопросам политики правительства, министерств [5, с. 51]. Нередко интерпелляции делаются какого-нибудь факта, вызывающего серьезное беспокойство в обществе.

4. Парламентские расследования – особая форма парламентского контроля, позволяющая реагировать на наиболее острые проблемы государства. Для проведения расследований создаются специальные комитеты, которые обладают широкими полномочиями в сфере решения поставленной задачи. Они имеют право вызывать свидетелей, истребовать необходимую документацию и так далее.

5. Парламентские дебаты – эта форма парламентского контроля используется для оценки общей политики правительства или его действиям по конкретному вопросу. Чаще всего инициаторами парламентских дебатов выступает оппозиция.

6. Выражение вотума недоверия – это выраженное палатой парламента неодобрение политической линии, определенной акции, законопроекта правительства или отдельного министра. Последствием выражения вотума недоверия может быть либо уход в отставку нынешнего правительства и формирование нового, либо роспуск парламента и проведение досрочных выборов.

В зависимости от конкретного государства формы парламентского контроля могут варьироваться. Многие ученые выделяют и дополнительные формы контроля, однако перечисленные шесть встречаются на практике гораздо чаще и являются основными.

Таким образом, исходя из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что парламентский контроль предназначен для выявления и предотвращения злоупотреблений и нарушений органами государственной власти, осуществляется в различных формах, таких как интерпелляции, парламентские запросы, парламентские расследования и так далее. Парламентский контроль является необходимым элементом демократического государства, без которого существование демократии в государстве невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абгаров, С.С. Конституционно-правовая природа парламентского контроля / С.С. Абгаров // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 36–41.
2. Вегера, И.В. Виды и формы парламентского контроля / И.В. Вегера // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 150–154.
3. Гиздатов, А.Р. Сущность и формы парламентского контроля в Российской Федерации / А.Р. Гиздатов // Вопросы управления. – 2014. – № 2 (8). – С. 71–77.
4. Коршунов, С.А. Правовое регулирование в сфере местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С.А. Коршунов ; Урал. гос. юрид. акад. – Казань, 2006. – 26 с.
5. Мустафин, А.А. Политология : словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин. – Ангарск : АГТА, 2012 г. – 168 с.
6. Парламентский контроль // Studme.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/75842/pravo/parlamentskiy_kontrol. – Дата доступа: 25.05.2019.
7. Парламентский контроль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5248909/page:53/>. – Дата доступа: 26.04.2019.

УДК 947.6

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В ПОЛЬШЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ДЕПУТАТОВ (1921–1939 гг.)****А.В. КРЕМНЁВ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

В данной статье автор анализирует парламентские формы борьбы за права национальных меньшинств, к которым прибегали белорусские депутаты во II Речи Посполитой для защиты интересов собственного народа. К таким формам автор относит критику политики польских властей, участие в комиссиях и комитетах, составление интерпелляций, организация митингов.

По окончании советско-польской войны 1919 – 1920 гг. Беларусь была разделена на две части между СССР и Польшей. По Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. к Польской Республике, так называемой II Речи Посполитой, отошли Гродненская губерния, Новогрудский, Пинский, часть Минского, Слуцкого и Мозырского поветов Минской губернии. А также Лидский, Ошмянский, Дисненский поветы Виленской губернии. За этими территориями закрепилось неофициальное название «Западная Беларусь». Польские власти не признавали этого названия и в официальных документах называли Западную Беларусь «Kresy Wschodnie» – Восточные Краины. Более 3 млн. человек, 70% из которых являлись белорусами, были юридически присоединены ко II Речи Посполитой [1, с. 11].

Несмотря на то, что в Польской Конституции от 17 марта 1921 года, а также в Рижском мирном договоре от 18 марта 1921 года декларировалось право национальных меньшинств в Польском государстве на полное и свободное развитие их культуры, языка и других национальных особенностей [2, ст. 109; 3, ст. 7], на практике дела обстояли иначе. Подробный анализ статей Польской Конституции от 17 марта 1921 года позволяет сделать вывод о том, что никаких гарантий реализации своих прав национальным меньшинствам не предоставлялось. В теории они могли реализовывать свои права через самоуправление, однако государство оставляло за собой право в любой момент вмешаться в дела национальных меньшинств, самоуправление должно было быть подчинено администрации, а его организация и большинство полномочий регулировалось внеконституционными законами [4, с. 33].

Ещё до подписания Рижского мирного договора польскими властями была начата политика ассимиляции национальных меньшинств на оккупированных территориях. 1 марта 1921 года вступило в силу распоряжение о распространении польского законодательства на оккупированных территориях. В циркуляре, выданном воеводам и предназначенным для старост, говорилось о необходимости придерживаться чистоты польского языка во всевозможных обращениях и объявлениях. Нарушители должны были караться, а печатная продукция должна была быть конфискована [5, с. 169].

После подписания Рижского мирного договора ситуация в Западной Беларуси ухудшилась. Местные польские власти начали закрывать белорусские общественно-культурные учреждения без предъявления каких-либо обвинений, также местной администрацией запрещались кооперативы, белорусским детским приютам не отпускались продукты [1, с. 37], служащие непольской национальности массово увольнялись [1, с. 45-46]. Эти и другие действия польских властей были крайне негативно оценены со стороны белорусских организаций, однако к их мнению польские власти не прислушивались.

Близилась парламентские выборы в Польский Сейм и Сенат, которые должны были состояться 5 и 12 ноября 1922 года. Поскольку, согласно мартовской Конституции, Польша являлась парламентской республикой с весьма ограниченными полномочиями президента [2], то эти выборы должны были определить политический курс страны на ближайшие 5 лет. Исходя из этого факта, всеми белорусскими организациями и партиями, входившими в состав Белорусского национального комитета (БНК), было принято решение об участии в этих выборах. Однако, на тот момент действовал, принятый 28 июля 1922 года Законодательным Сеймом специальный избирательный закон [6, с. 3], который по своей сути был направлен на то, чтобы допустить в палаты как можно меньше национальных меньшинств. Согласно этому закону, был введен, так называемый, государственный список (Lista Państwowa), суть которого заключалась в следующем: из 444 послов Сейма непосредственно населением выбиралось только 372, а остальные 72 посла входили в государственный список (из 111 сенаторов – 93 и 18 соответственно). Те мандаты, которые приходились на государственный список делились высшим избирательным комиссаром между партиями, пропорционально к количеству голосов, поданных за тот или иной лист на территории всей республики. Стоит отметить, что правом получения мандатов из государственного списка могли пользоваться только те партии, которые получили мандаты минимум в шести разных округах [6, с. 3]. Таким образом, отсеивались слабые партии и укреплялись сильные. Эта норма ставила националь-

ные меньшинства в весьма сложное положение, т.к. никто из них не имел возможности получить мандаты в шести разных округах.

Поэтому для того, чтобы выйти из такого затруднительного положения и существенно повысить шансы пройти в польский парламент, белорусские депутаты были вынуждены пойти на объединение с другими национальными меньшинствами. Сначала белорусы объединились с украинцами и русскими, создав «Славянский блок» [6], но этого было недостаточно. Тогда «Славянский блок» принял решение об объединении с немцами и евреями. Таким образом, был создан «Блок национальных меньшинств» [7, с. 161].

В результате объединения и активной предвыборной агитации 10 белорусов стали депутатами польского сейма, 2 белоруса вошли в сенат [7, с. 162]. Результаты выборов укрепили надежду среди белорусов на возможность легально отстаивать интересы своего народа, не прибегая к радикальным и экстремистским методам, противоречащим законодательству II Речи Посполитой.

Избранным депутатам, с целью предотвращения внутренних разногласий и сохранения единства, необходимо было выработать единую тактику, способную удовлетворить депутатов, имеющих порой диаметрально противоположные политические взгляды. С этой целью ими был создан Белорусский посольский клуб (БПК), в статуте которого, закреплялись одновременно умеренные и некоторые радикальные идеи [8, с. 230-231]. Белорусским посольским клубом была выработана программа, которая включала в себя требование у польских властей создания белорусских школ, а также белорусского факультета при Виленском Университете, также БПК добивался отчуждения церковных, монастырских, государственных земель и передачи этих земель беднейшим крестьянам-белорусам и т.д. [8, с. 230-231].

После начала работы Сейма в отдельных ветвях законодательства были созданы комиссии (промышленности и торговли, образования, иностранных дел и т.д.), в каждую из которых вошёл один белорус [9]. Белорусские депутаты активно пытались отстаивать интересы своего народа, путем внесения изменений и дополнений в законодательство II Речи Посполитой, однако все комиссии, т.к. большая часть членов была поляками, твердо стояли на поддержке польского элемента в Западной Беларуси.

Поэтому все поправки, вносимые белорусскими депутатами, отклонялись. Тогда членами БПК было принято решение изменить тактику и официально перейти в оппозицию. С этого момента белорусские депутаты не упускали шанса активно критиковать с сеймовой трибуны польские партии и польских политиков за нерешенный аграрный вопрос, политику колонизации, невыполненные обещания и т.д. [10, с. 46-53]. Некоторые депутаты организовывали митинги для привлечения внимания к наиболее важным вопросам.

Наиболее распространенной формой борьбы белорусских депутатов являлись интерpellации, которые состояли из указаний на противоправные действия (избиение, беспричинные аресты, увольнение по причине принадлежности к непольской национальности, преследование оппозиционной прессы и т.д.) со стороны местной администрации по отношению к белорусскому населению [10, с. 63]. Они составлялись с целью привлечения правонарушителей к судебной ответственности. В интерpellациях содержалось описание конкретного случая нарушения прав белорусов, они составлялись со слов белорусского населения, подписывались всеми депутатами БПК и отправлялись для рассмотрения министру внутренних дел, образования и др., которые в свою очередь должны были принять меры [11, с. 1-2].

После активной критики, а также огромного количества запросов и интерpellаций, польские власти сделали значительный шаг навстречу национальным меньшинствам. Ими была создана комиссия по разработке законопроекта о внесении белорусского и украинского языка в школьную и повседневную жизнь. Через некоторое время закон был принят. Он позволял белорусам пользоваться белорусским языком в государственных учреждениях, учреждениях образования, а также позволял открывать начальные белорусские школы [12, с. 37]. Однако на практике белорусы не всегда могли пользоваться таким правом из-за повсеместной политики колонизации.

В 1925 году произошел раскол в среде белорусских депутатов. Некоторые депутаты покинули БПК и заявили о создании самостоятельного клуба Белорусской крестьянско-рабочей громады (БСРГ) [13, с.1]. Стоит отметить, что, несмотря на раскол и большое количество разногласий, 2 клуба всё так же отстаивали интересы одного народа и их деятельность (составление интерpellаций, критика польских партий с сеймовой трибуны и т.д.) не изменилась.

В мае 1926 года в Польской Республике произошел государственный переворот. В результате этого переворота были значительно расширены полномочия Президента. Он наделялся правом издавать законодательные акты, мог самостоятельно распустить Сейм и Сенат [14, с. 308]. После майского переворота 1926 года депутатами БПК был составлен и направлен новому главе государства список с очень скромными требованиями, которые могли бы улучшить положение белорусов. Однако ответа они не получили. Официальные представители белорусского народа игнорировались польскими властями [12, с. 60]. 28 ноября 1927 года президентским декретом были распущены польские Сейм и Сенат, которые

действовали с декабря 1922 года. А в январе 1927 года была разгромлена Белорусская крестьянско-рабочая громада, которая на тот момент насчитывала более 100 тысяч членов [14, с. 311].

Для белорусских депутатов предвыборная кампания была затруднена, т.к. польскими властями были организованы мероприятия по минимизированию участия непольского элемента в политической жизни страны. Поэтому проводить качественную агитацию они не могли. Митинги, которые устраивали белорусские депутаты, разгонялись полицией. Выборщиков под угрозой применения насилия заставляли снимать свои подписи и т.д. [7, с. 64]. Также белорусы были разрознены и, несмотря на длительные переговоры, не смогли выступить единым блоком.

Во второй Сейм белорусы вошли ослабленные, они были разделены на 2 фракции: Белорусский национальный клуб, который был аналогом БПК и «Змаганьне». Всего было 10 белорусских депутатов и 2 сенатора [14, с. 311]. Депутаты, входившие во фракцию «Змаганьне» придерживались радикальных коммунистических взглядов, фактически они были легальным филиалом Коммунистической Партии Западной Беларуси, поэтому они находились в непримиримой оппозиции с польскими партиями.

В первые же дни работы в сейме, послы фракции сделали запрос в деле избирательных нарушений, однако этот запрос не был принят сеймовым большинством [15, с. 106]. Депутаты фракции заявляли протесты в связи с нарушением демократических прав, с сеймовой трибуны они критиковали внешнюю и внутреннюю политику. Однако их критика была идеологически окрашена, что мешало сотрудничеству с другими партиями, не придерживающихся коммунистических или социалистических взглядов. [15, с. 120].

Белорусский национальный клуб же наоборот решил изменить свою тактику и перейти к диалогу с польскими партиями. Создавались комиссии, в которых объединялись белорусы и левые польские партии и голосовали за или против определенного законопроекта. Однако не один из этих путей не принёс никаких плодов. Отношение к белорусам и другим национальным меньшинствам ухудшалось. Непольские школы начали закрываться, белорусские педагоги переводились в польские школы, а белорусские депутаты не могли ничего с этим поделать, т.к. их голос игнорировался.

Через некоторое время белорусские депутаты перестали играть хоть какую-то роль в политической жизни страны.

Таким образом, можно сказать, что белорусы смогли, в недружелюбном для них государстве, используя легальные методы, повлиять на положение своего народа, путем вхождения в польский парламент и попыткой лоббирования там своих интересов. Проанализировав деятельность белорусских депутатов во II Речи Посполитой можно сделать вывод, что они пользовались такими легальными формами борьбы как критика политики польских властей, деятельность в разного рода комиссиях и комитетах, составление интерpellаций, организация митингов. Однако внутренние разногласия, повсеместная политика колонизации, а также нежелание польских властей сотрудничать с национальными меньшинствами, не позволили белорусам добиться поставленных целей легальным демократическим путем, белорусские депутаты не смогли реализовать свой потенциал, не смотря на то, что были в самом сердце законодательной ветви власти во II Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Польша – Беларусь (1921–1953) : сб. документов и материалов / под ред. А. А. Ковалени [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Минск : Беларус. навука, 2012 – 420 с.
2. Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej, 1921. – Poz. 267.
3. Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/46132>. – Дата доступа: 13.09.2019.
4. Дмитрук, Е. П. Права национальных меньшинств и возможность их реализации согласно с конституциями Речи Посполитой Польши 1921 г. и 1935 г. / Е. П. Дмитрук // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та. Сер.4, Правазнаўства. – 2012. – № 5. – С. 29–33.
5. Гамулка, К. Паміж Расіяй і Польшчай. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў / К. Гамулка ; пер. з пол. мовы. — Вільня, 2008. – 256 с.
6. Пашкевіч, А.В. Сотрудничество евреев и славянских национальных меньшинств в ходе парламентских выборов в межвоенной Польше / А. В. Пашкевіч // Берасцейскі хранограф. – 2004. – Вып. 4. – С. 187–198.
7. Логвінаў, І. П. Кароткі нарыс беларускага пытання / І.П. Логвінаў – Мінск: Кнігарня "Наша Ніва", – 2009 г. – 396 с.
8. Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию исторического факультета ВГУ

- имени П. М. Машерова, Витебск, 26-28 апреля 2018 г. / [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]] ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова". – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 442 с.
9. Ziaziula, A. Z SOJMY / A. Ziaziula // Bielaruskaja Krynica. – 1923 г. – 12 траўня. – № 4 – С. 5.
 10. Ліс, А.С. Браніслаў Тарашкевіч / А.С. Ліс. – Мінск: Навука і Тэхніка, 1966 г. – 168 с.
 11. Бюлетэнь Беларускага Пасольскага Клубу. – Вільна: Выдавецтва Белар. Пасольск. Клубу, 1925 г. – 26-га траўня. – 4 с.
 12. Рагуля, В.Ц. Успаміны / В.Ц. Рагуля. – Мн.: ВЦ "Бацькаўшчына", 1993 г. – 96 с.
 13. Пашкевіч, А.В. Беларускае прадстаўніцтва ў польскім парламенце ў 1925-1927 гг.: пытанне ўзаемаадносін / А. В. Пашкевіч // Сборник трудов молодых учёных Национальной Академии наук Беларуси. Том 1. Отделение гуманитарных наук и искусств. – Мн.: ИООО "Право и экономика", 2003. – С. 237-241.
 14. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. - 416 с.
 15. Даніловіч, В.В. Дзейнасць арганізацыі "Змаганне" ў Заходняй Беларусі (1927-1930 гг.) / В.В. Даніловіч. – Мінск : Белаурс. навука, 2007. – 159 с.

УДК 342

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА****А.С. МАЛЯРОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)*

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с правонарушениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В ней описаны составы, объекты и субъекты правонарушений, а также затронуты изменения, внесённые в главу 18 КоАП РБ.

Под транспортом (от лат. transportare – перевозить, перемещать) понимается отрасль материального производства, осуществляющая перевозки людей и грузов.

Различают наземный, воздушный, водный и трубопроводный транспорт. К наземным видам транспорта относится железнодорожный, автомобильный транспорт. К водному относят морской и речной транспорт, а к воздушному – авиационный.

Транспорт и его составляющие (в том числе транспортные средства) имеют исключительное значение в жизни общества, оказывая огромное влияние на эффективность народного хозяйства, функционирование объектов жизнеобеспечения городов и других населенных пунктов, на темпы и успехи предпринимательской и иной деятельности людей. Вместе с тем все виды транспортных средств являются не только техническими устройствами, облегчающими жизнь и деятельность людей, но и наиболее распространенным источником повышенной опасности. При неумелом либо легкомысленном обращении с транспортными средствами могут наступить и нередко наступают тяжкие последствия, сопряженные с гибелью людей, причинением вреда их здоровью либо имущественного вреда.

Чаще всего вышеуказанные последствия наступают в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП). [1]

ДТП – происшествие, которое произошло с участием хотя бы одного находящегося в движении механического транспортного средства, в итоге чего причинен вред жизни или здоровью физического лица, его имуществу либо имуществу юридического лица.

ДТП являются показателем состояния безопасности дорожного движения (исходя из п. 2.4. Правил дорожного движения)

Под **безопасностью дорожного движения** понимается состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возникновения опасности для движения и ДТП. [2]

Административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта закреплены в главе 18 КоАП [3].

С объективной стороны правонарушения данной группы совершаются путем:

действия (ст. 18.19 «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления», ст. 18.13. «Превышение скорости движения», ст. 18.15 «Нарушение правил проезда железнодорожного переезда» и др.),

бездействия (ст. 18.30. «Безбилетный проезд», ст. 18.31. «Неоплаченный провоз багажа»),

действия и бездействия (ст. 18.14. Невыполнение требований сигналов регулирования дорожного движения, нарушение правил перевозки пассажиров или других правил дорожного движения» и др.)

Большинство правонарушений рассматриваемой группы относятся к правонарушениям с формальным составом (наступления последствий неблагоприятных в результате совершения правонарушения не требуется) - (ст. 18.12. «Нарушение правил эксплуатации транспортного средства», ст. 18.15. «Нарушение правил проезда железнодорожного переезда», ст. 18.16. «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)» и др.).

С материальным составом (ст. 18.17. «Нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения, повреждение транспортного средства или иного имущества», ч. 4 ст. 18.23. «Нарушение правил дорожного движения пешеходом и иными участниками дорожного движения» - совершение лицами, указанными в части первой настоящей статьи, нарушений правил дорожного движения, повлекших причинение потерпевшему легкого телесного повреждения либо повреждение транспортного средства). [1]

Обязательными признаками состава правонарушения в главе 18 КоАП являются:

место совершения правонарушения (ч. 4 ст. 18.36 «Нарушение порядка пользования автомобильными дорогами общего пользования» - въезд на автомобильную дорогу общего пользования транс-

портного средства и съезд с нее либо прогон животных через такую дорогу в неустановленных или не обустроенных местах, или ст. 18.35. «Повреждение либо загрязнение автомобильной дороги или иного дорожного сооружения» - повреждение, загрязнение либо загромождение автомобильной дороги, полосы отвода, железнодорожного переезда, другого дорожного сооружения или технического средства регулирования дорожного движения, а также погрузка и выгрузка груза на **проезжей части**);

время (ст. 18.12. «Нарушение правил эксплуатации транспортного средства» - управление транспортным средством, имеющим неисправности тормозной системы, рулевого управления, сцепного устройства (в составе поезда), стеклоочистителей (**во время выпадения осадков**), с не горящими фарами и задними габаритными огнями (**в темное время суток и в условиях недостаточной видимости**),

повторность (ч. 4 ст. 18.13 «Превышение скорости движения» ч. 2 ст. ст. 18.25. «Допуск к управлению транспортным средством водителя, находящегося в состоянии опьянения» и др.). [1]

Основными *субъектами* являются лица, достигшие 16-летнего возраста, вменяемые, а также индивидуальные предприниматели и юридические лица.

Субъектами правонарушений, предусмотренных ст. 18.3 «Нарушение правил, обеспечивающих безопасность движения на железнодорожном или городском электрическом транспорте» (ч. 1-3, 5), ст. 18.4 «Нарушение правил пользования средствами железнодорожного транспорта», ст. 18.9 «Нарушение правил пользования транспортным средством», ст. 18.10 «Нарушение правил пользования метрополитеном» и ст. 18.34 «Нарушение требований по обеспечению сохранности грузов транспорте», являются **физические лица, достигшие 14-летнего возраста**.

Рядом составов правонарушений предусмотрен специальный субъект – должностное лицо, водитель, пешеход, пассажир, лицо, управляющее судном, и др.

С *субъективной стороны* большинство административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта характеризуются умышленной виной и по неосторожности, проявляясь в легкомыслии либо небрежности (ст. 18.17 «Нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения, повреждение транспортного средства или иного имущества» и др.).

Согласно сведениям о состоянии дорожно-транспортной аварийности чаще всего ДТП совершаются по причине нарушения следующих ПДД: превышение установленной скорости движения, нарушение правил маневрирования, выезд на полосу встречного движения, несоблюдение правил проезда перекрестков, нарушение правил проезда пешеходных переходов. [1]

С 31 января 2018 года вступили в силу существенные изменения главы 18 КоАП:

В статье 18.12 «Нарушение правил эксплуатации транспортного средства» из правонарушений исключена часть 2 «выпуск в эксплуатацию техники с неисправными спидометрами руководителем и (или) иным должностным лицом государственной или иной организации, имеющей долю государственной собственности, или сельскохозяйственного производственного кооператива (колхоза)».

- В статье 18.17. «Нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения, оставление места дорожно-транспортного происшествия» в части 1 изменен нижний предел штрафа (с трех до двух базовых величин) за нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения.

- Исключена статья 18.18. «Управление транспортным средством лицом, не имеющим документов, предусмотренных правилами дорожного движения».

- Отменены фиксированные размеры штрафа и установлены пределы размера ответственности по административным взысканиям, применяемым для правонарушений, указанных в статье 18.20. «Эксплуатация или допуск к участию в дорожном движении транспортного средства без договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств». При этом размер верхнего предела ответственности не превышает ранее установленную фиксированную величину штрафа по соответствующему правонарушению.

- Так, за эксплуатацию в дорожном движении транспортного средства без заключения его владельцем договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, предусмотрено наложение штрафа в размере от трех до пяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо - от десяти до пятнадцати базовых величин. Ранее за это правонарушение был установлен штраф в размере пяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо - пятнадцати базовых величин.

За то же деяние в случае совершения дорожно-транспортного происшествия лицом, уполномоченным управлять таким транспортным средством, предусмотрено наложение штрафа в размере от пяти до десяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо - от пятнадцати

до двадцати пяти базовых величин. Ранее за это правонарушение был установлен штраф в размере десяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо - двадцати пяти базовых величин.

- За участие в дорожном движении в Республике Беларусь транспортного средства, зарегистрированного за ее пределами, без договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, имеющего силу на территории Республики Беларусь, влечет наложение штрафа в размере от десяти до двадцати базовых величин. Ранее за это правонарушение был установлен штраф в размере двадцати базовых величин.

В статье 18.26 «Нарушение установленного режима труда и отдыха и требований к его учету при выполнении автомобильных перевозок» некоторые указанные в статье правонарушения конкретизированы и дополнены. Так, формулировка правонарушения, указанного в части первой статьи дополнена условием, что правонарушением также является непредставление водителем, выполняющим международную автомобильную перевозку, информации о режиме труда и отдыха за установленный законодательством период времени.

В данную статью добавлено нарушение требований законодательства к использованию контрольного устройства (тахографа), которое может повлечь искажение или утрату данных о режиме труда и отдыха водителя, за исключением случаев, предусмотренных частью первой настоящей статьи, что влечет наложение штрафа в размере от пяти до десяти базовых величин.

Формулировка правонарушения, указанного в части четвертой (ранее третьей) дополнена условием, что правонарушением также является нарушение предусмотренных законодательством сроков хранения информации о режиме труда и отдыха водителя.

- Статья 18.42. «Осуществление международной автомобильной перевозки без разрешения или управление транспортным средством без международного сертификата технического осмотра» разделена на два отдельных правонарушения с разными пределами размеров административных взысканий: одно за нарушение осуществления международной автомобильной перевозки пассажиров или грузов по территории Республики Беларусь транспортным средством, принадлежащим иностранному перевозчику, без разрешения на осуществление такой перевозки, другое – за нарушение осуществления такой перевозки без наличия действующего международного сертификата технического осмотра транспортного средства.[4]

Таким образом, административные правонарушения безопасности движения и эксплуатации транспорта – это совершаемые умышленно или по неосторожности, предусмотренные в гл. 18 КоАП деяния, которые причиняют вред охраняемым законом общественным отношениям. Данная глава включает в себя статьи 18.1 – 18.43.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая характеристика административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdo.institutemvd.by/mod/book/view.php?id=3989>. - Дата доступа: 23.09.2019 г.
2. Правила дорожного движения Республики Беларусь с изм. и доп. от 10 августа 2015 г. №349 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pdd.by/pdd/ru/>. – Дата доступа: 23.09.2019
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 17 июля 2019 г. № 232-3. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0300194>. – Дата доступа: 23.09.2019
4. 31 января 2018 года вступили в силу изменения в КоАП, смягчающие ответственность, в том числе при осуществлении международных автоперевозок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bamar.org/information/news/2018_01_31_94707/. – Дата доступа: 23.09.2019 г.

УДК 341.01

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ БЕЖЕНЦЕВ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****К.А. МАТВЕЕВА***(Представлено: В.В. ДОРИНА)*

В данной статье рассмотрена проблема правового закрепления понятия экологических беженцев в национальном законодательстве Республики Беларусь. На основе проделанного исследования, предлагается расширение понятия беженец в национальном законодательстве Республики Беларусь.

В последние несколько лет миграционный кризис достиг небывалых масштабов. Ежедневно десятки, сотни людей в разных странах вынуждены по независящим от них обстоятельствам пересекать международные границы в поисках спасения. Существует множество причин, почему люди в отчаянии бегут из своих домов и ищут безопасные места, чтобы спасти свою жизнь: вооруженные конфликты, отсутствие стабильности в личных правах и свободах, межнациональные конфликты, экологические катастрофы и многое другое. Среди выделенных причин хочется выделить последнюю, а именно экологические катастрофы. Сегодня, в законодательстве Республики Беларусь существует достаточное количество норм, регулирующих правовое положение беженцев в период вооруженных и межнациональных конфликтов. Что же касается правового положения так называемых экологических беженцев, в Республике Беларусь отсутствует правовое регулирование данной категории лиц, но они находятся в таком же уязвимом положении и нуждаются в четко регламентированной защите их прав.

Правовое положение беженцев в Республике Беларусь регулируется положениями Конституции, которые закрепляют возможность предоставления убежища лицам, преследуемым в других странах за политические, религиозные убеждения и национальную принадлежность (ст. 12) [1], и законодательством, устанавливающим национальный режим для иностранных граждан и лиц без гражданства наряду с гражданами Республики Беларусь, если иное не закреплено Конституцией, законом и международными договорами Республики Беларусь (ст. 4 Закона о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства) [2]. Предоставление статуса беженца и дополнительной защиты в Республике Беларусь регулируется Законом «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [3].

В статье 19 Закона «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» сказано, что статус беженца предоставляется иностранному гражданину, находящемуся на территории Республики Беларусь в силу обоснованных опасений стать жертвой преследований в государстве гражданской принадлежности по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальной принадлежности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, который не может или не желает в силу таких опасений пользоваться защитой этого государства, или лицу без гражданства, находящемуся на территории Республики Беларусь вследствие указанных опасений, которое не может или не желает вернуться в государство прежнего обычного места жительства в силу таких опасений.

Проанализировав вышесказанное, можем сделать вывод о том, что экологические катастрофы не являются основанием для предоставления статуса беженца в Республике Беларусь, да и в целом, категория экологических беженцев, не находит отражения в данном понятии.

На сегодняшний день в национальном законодательстве Республики Беларусь не существует универсального документа, положения которого прямо регламентируют вопросы защиты экологических беженцев, что существенно осложняет возможности по оказанию помощи данной категории лиц.

Что же касается международного признания статуса данной категории лиц, понятие экологических беженцев впервые было введено в 2005 году институтом Организации Объединенных Наций. Они определили экологических беженцев как лиц, вынужденных оставить свое традиционное место проживания из-за заметного ухудшения окружающей среды в результате землетрясений, катастроф, смерчей и других природных катаклизмов [4]. Но даже несмотря на появление определения экологических беженцев в международном праве и постоянно увеличивающееся количество данной категории лиц, оно до сих пор не отражено на конвенциональном уровне.

Таким образом, проанализировав определения, представленные в национальном законодательстве Республики Беларусь, мы можем определить, что отсутствие как такового понятия «экологический беженец» существенно затрудняет разработку дальнейших положений, регулирующих порядок предостав-

ления статуса экологического беженца, а также разработку институционального механизма по защите их прав.

Полагаем, что для более эффективного функционирования системы охраны прав беженцев, перспективным видится расширение понятия «беженец», а именно добавить природные/антропогенные катастрофы в качестве оснований для предоставления убежища и считаем это первым шагом на пути к осознанию и решению глобальной и актуальной проблемы современности.

Представляется, что наиболее точным и отвечающим условиям времени определением может стать следующее: «Беженец – это лицо, находящееся вне пределов своего государства постоянного проживания, не имеющее возможности или не желающее воспользоваться защитой своего государства вследствие:

1) наличия вполне обоснованных опасений стать в своей стране жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений;

2) ведения в данном государстве вооруженного конфликта, если есть серьезные основания полагать, что жизнь и свобода данного лица может быть подвергнута опасности;

3) случая техногенного или природного катаклизма, которое нанесло серьезный ущерб данному лицу, при условии, что государство его постоянного проживания не имеет возможности или не хочет предоставить помощь, и исчерпаны все внутренние средства правовой защиты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.
2. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 4 янв. 2010г., №105-3 : в ред. От 09.02.2019г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь.- Минск, 2018.
3. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 23 июня 2008 г. № 352-3 : в ред. от 20.07.2016г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женева 28.07.1951 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 08.05.2019.

УДК 341.01

**БЕЖЕНЦЫ И МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ****К.А. МАТВЕЕВА***(Представлено: В.В. ДОРИНА)*

В статье рассматривается проблема классификации понятий «беженец», «мигрант» и «внутренне перемещённое лицо». Обращается внимание на важность разграничения данных понятий, так как это порождает серьёзные последствия для жизни и безопасности беженцев.

Одним из самых спорных вопросов, порождающих дискуссии в доктрине международного права, является разница в понятиях «беженец» и «мигрант». Многие средства массовой информации используют неверные определения при освещении столь актуальной в настоящее время проблемы. В 2015 г. 73.000 человек подписали петицию, обращённую к известной британской телерадиовещательной организации BBC с прошением об использовании понятия «кризис беженства» вместо «миграционного кризиса». В петиции указывается, что только при чётком установлении проблемы можно найти решение [1].

Анализируя Оксфордский словарь и информацию Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, можно сделать следующие заключения: «мигрант» – это человек, добровольно покинувший свою страну с целью поиска работы или лучших условий проживания [37, с. 652], а, в свою очередь, «беженец» – это тот, кто спасается от преследований по различным признакам или от вооружённого конфликта [2]. Часто ситуация беженцев настолько опасна и критична, что они любыми путями пересекают национальные границы в поисках безопасности. Отказ в предоставлении убежища для таких людей может иметь угрожающие их жизни последствия. Мигранты же могут вернуться домой в любое время, не сталкиваясь с подобными препятствиями. После возвращения они продолжают находиться под защитой своего правительства.

Смешивание понятий «беженец» и «мигрант» может иметь серьёзные последствия для жизни и безопасности беженцев. Размытость этих двух определений уводит внимание от конкретной правовой защиты, необходимой людям, спасающимся от вооружённых конфликтов и преследований, климатических катастроф и межнациональных конфликтов. Это может подорвать общественную поддержку беженцев и институт убежища, в то время как людей, нуждающихся в такой защите больше, чем когда-либо прежде.

В соответствии с положениями Конвенции о статусе беженцев 1951 г. можно резюмировать, что беженцами признаются те, кто находятся вне государства своего гражданства в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по причинам национальности, религии, расы, принадлежности к определённой социальной группе или из-за политического мнения [4].

Важно затронуть категорию лиц, упоминаемая о которых и вовсе нет в Конвенции о статусе беженцев, – это те, кто перемещается в другие страны вследствие природных катаклизмов и техногенных катастроф, так называемые «*réfugié climatique*» (климатические, экологические беженцы). Проще говоря, это люди, вынужденные оставить свое традиционное место проживания из-за заметного ухудшения окружающей среды ввиду землетрясений, катастроф, смерчей и прочих природных катаклизмов, которые могут быть вызваны не только природными явлениями, но также и результатами человеческих действий, например, взрыв на АЭС или аварии на заводах-гигантах.

Де-факто эти люди признаются беженцами, однако де-юре – по Женевской Конвенции 1951 г. официального статуса беженцев они не имеют и могут претендовать на защиту только в соответствии с региональными и двусторонними соглашениями. В 2015 г. в Женеве прошла Инициатива Нансена – международная консультация по вопросу предоставления помощи, правовой защиты и общепризнанного статуса таким лицам. Однако никаких серьёзных изменений в ситуации пока не произошло, так как, по мнению юриста Профессора Келлина, правительства, принимавшие участие в консультации, «настороженно относятся к изменению международных норм и не спешат брать на себя дополнительную ответственность» [4]. Также стоит отметить, что в доктрине существует мнение о включении природных катаклизмов и техногенных катастроф в основания для предоставления убежища в универсальных документах [5, с. 660].

Теперь следует рассмотреть разницу между понятиями «беженец» и «внутренне перемещённое лицо». В соответствии с «Принципами о внутреннем перемещении» 1998 г., внутренне перемещённое лицо – это лицо или группа лиц, которые были вынуждены покинуть своё местожительства, в частности, чтобы избежать последствий вооружённого конфликта, серьёзных нарушений прав человека или стихий-

ных бедствий, и которые не пересекли международно признанную границу [6, с. 114]. Исходя из положений Конвенции 1951 г., можно заключить, что для получения статуса беженца необходимо соблюсти важное условие – пересечь международную границу. Таким образом, лица, вынужденные покинуть свои дома, но не пересекающие границу, не могут называться беженцами. Внутренне перемещенные лица, как и любые индивиды, находятся под защитой международных договоров по правам человека и международного обычного права. Кроме того, во время вооружённых конфликтов они имеют статус гражданского населения, и соответственно, пользуются всеми гарантиями, предоставленными данной категории лиц нормами международного гуманитарного права. Положения об этом содержатся в Четвёртой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. (например, ст. 49, 147) [7], в Дополнительном протоколе I 1977 г. (далее – ДП I) (ст. 57 (7), 78 (1)) [8].

В международном праве нет универсальных договоров, посвящённых вопросу внутренне перемещённых лиц, однако в 1998 г. в Генеральной Ассамблее ООН Представителем Генерального секретаря по вопросу о внутренне перемещённых лицах были представлены Руководящие принципы о внутреннем перемещении. Данные Руководящие принципы не являются обязательным документом, вместе с тем, стоит отметить, что они получили широкую поддержку международного сообщества. Кроме того, в 2009 г. Африканский союз принял Кампальскую конвенцию о защите лиц, перемещённых внутри страны, и оказании им помощи в Африке. Этот региональный договор стал важным шагом к защите внутренне перемещённых лиц на одном из континентов, наиболее пострадавших от перемещений.

Таким образом, разграничение понятия «беженец» со смежными понятиями имеет важное значение, в том числе, для установления правовой защиты. Смешение данных определений отвлекает внимание от конкретных правовых мер защиты, которые необходимы беженцам, таких как защита от выдворения и наказание за пересечение границ без разрешения в целях обеспечения безопасности.

Подводя итог, можем отметить то, что у беженцев, мигрантов и вынужденных переселенцев абсолютно разные возможности и перспективы, выражающиеся в сроках предоставления того или иного статуса, гарантий и дальнейших правовых последствий. сроки предоставления того и другого статуса.

Но даже несмотря на верную классификацию, вследствие проведенного исследования мы выявили, что определение имеет недостаток, поскольку не содержит в качестве основания для предоставления убежища техногенные катастрофы и природные катаклизмы, что порождает серьезные последствия для жизни и безопасности данной категории беженцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Request BBC use the correct term Refugee Crisis instead of Migrant Crisis [Electronic resource] // Global petition platform Change.org. – Mode of access: <https://www.change.org/p/request-bbc-use-the-correct-term-refugee-crisis-instead-of-migrant-crisis>. – Date of access: 20.04.2018. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>. – Date of access: 26.08.2019
2. Cartagena Declaration on Refugees [Electronic Resource] : [adopted in Cartagena 22 November 1984] // The UN Refugee Agency. – Mode of access: <http://www.unhcr.org/afr/about-us/background/45dc19084/cartagena-declaration-refugees-adopted-colloquium-international-protection.html>. – Date of access: 01.08.2019.
3. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женева 28.07.1951 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 08.05.2019.
4. «Климатический беженец» – проблема есть, термина нет [Электронный ресурс] // Наша Газета : инф.-аналитический сайт. – Режим доступа: <http://nashagazeta.ch/news/politique/20483>. – Дата доступа : 22.08.2019.
5. Goodwin-Gill, G. S. The Dynamic of International Refugee Law / G. S. Goodwin-Gill // International Journal of Refugee Law. – 2014. – Vol. 25, № 4. – P. 651–666.
6. Шавцова, А. В. Право прав человека : учеб. пособие / А. В. Шавцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 240 с.
7. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] : [принята в г. Женева 12.08.1949 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml. – Дата доступа: 01.08.2019.
8. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов [Электронный ресурс] : [принят в г. Женева 08.06.1977 г.] // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. – Дата доступа: 01.08.2019.

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА****С.Г. МАЧАНСКИЙ***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

В данной статье рассматриваются особенности использования искусственного интеллекта в сфере юридического консультирования. Изучен алгоритм работы искусственного интеллекта в консультационной деятельности и рассмотрены основные преимущества и недостатки чат-ботов как субъектов юридического консультирования граждан.

Бурное развитие информационных технологий в 21 веке подарило нашему обществу искусственный интеллект. А в свою очередь, искусственный интеллект затронул все сферы деятельности человека и в том числе и юридическую. Так, уже несколько лет подряд, разработчики искусственного интеллекта пытаются адаптировать своё изобретение в сферу юридического консультирования. Для комплексного изучения данного вопроса нам потребуется обозначить некоторые понятия такие как «искусственный интеллект» и «юридическое консультирование». Согласно современным подходам учёных, искусственный интеллект — это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, — понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д. [1].

В свою очередь, юридическое консультирование — это «вид юридической помощи, состоящий в разъяснении доверителям на основании действующего законодательства и правоприменительной практики всех возможных законных способов осуществления, реализации и защиты их прав путем формулирования рекомендаций по разрешению и преодолению имеющихся у них правовых проблем» [2]. Согласно законодательству Республики Беларусь, юридическое консультирование могут осуществлять только те лица, которые имеют лицензию на этот данный деятельности. Однако на сегодняшний день юридическое консультирование возможно не только человеком, но и с помощью искусственного интеллекта в виде чат-ботов.

Применение искусственного интеллекта в сфере юридического консультирования затрагивает целый ряд вопросов, которые будут рассмотрены в данной статье. Прежде всего, возможен ли поиск искусственным интеллектом юридической информации только в нормативных правовых актах Республики Беларусь или может в себя включать иные информационные ресурсы, например правовые форумы. Так или иначе, доступ к форумам существенно упрощает процесс поиска ответов. Речь идет об аналогичных вопросах, которые кто-то когда-то задавал и уже получил на них ответ. Именно его вы можете получить, ставя задачу перед юристом-ботом. Однако будет ли эта информация достоверной? Разумеется, на форумах ответы на правовые вопросы не всегда верные.

Отдельно стоит отметить фактор устаревания информации. С одной стороны, в некоторых сферах изменения идут слишком стремительно и активно, другие же отрасли остаются неизменными. Соответственно, извлекая информацию, юрист-бот должен проверить наличие изменений в сфере, которой касается вопрос. И если для простых вопросов, вроде регистрации транспортных средств, недвижимости и т.д., это будет сделать довольно просто, то более сложные вопросы, имеющие несколько составляющих, могут провоцировать сбои в программе. Также важным является вопрос, заложено ли в коде бота отсеивание законодательства других стран, сможет ли бот-юрист понять какое законодательство использовать?

Еще одна проблема использования юрист-ботов — это то, что любой запрашиваемый вопрос может стать источником информации для злоумышленников, посягающих на информационную безопасность и конфиденциальность. Поэтому более рекомендованным является внедрение пользовательских соглашений для пользователей соответствующих юристов-ботов, которое включало бы отказ от ответственности компании, использующий соответствующий инструмент общения с клиентами за предоставленную информацию, и упоминание о том, что обращение к «живому» юристу является более надежным. С одной стороны, это должно предотвратить судебные тяжбы за предоставление неверной информации клиенту и последствия ее использования. С другой же, напомнит пользователям-клиентам, что ответ не всегда может оказаться достоверным [3].

Также изучив схему процесса консультирования можно составить примерный алгоритм работы искусственного интеллекта в консультационной деятельности:

1. Вход, запрос от клиента;

2. Процесс оценки содержания поставленного вопроса (выделение ключевых слов и определение типов вопроса);
3. Процесс поиска подходящего ответа (оценка шаблонов по ключевым словам и оценка достоверности предоставляемой информации);
4. Результаты поиска (процесс оценки результатов поиска);
5. Выход, предоставленный ответ [4].

Виртуальные помощники имеют определенный перечень преимуществ, которые оправдывают их популярность. Преимущества чат-ботов:

1. Простой доступ к информации;
2. Удобный и привычный интерфейс;
3. Консультация для людей со сложностями в установлении контакта;
4. Малое потребление трафика и высокая скорость ответа;
5. Быстро справляются с вычислительными операциями, выдавая оптимальное решение;
6. Нет необходимости что-то скачивать и устанавливать;
7. Автоматизирует рутинную деятельность, экономя на персонале;

Основными недостатками чат-ботов являются:

1. Многие не знают, кто такие виртуальные помощники;
2. Нет устоявшихся площадок для размещения;
3. Мало возможностей;
4. Простому пользователю недоступны мощные боты;
5. Несовершенный интерфейс [5].

В тоже время, чем выше уровень автоматизации машины, тем сложнее установить лицо, несущее ответственность за нанесённый ею ущерб. Поэтому обязательное страхование рисков, связанных с действиями роботов, позволит пострадавшему гарантированно получить компенсацию, а на случаи, которые не покрываются страховкой, может быть использован резервный компенсационный фонд [3].

Таким образом, использование искусственного интеллекта в сфере онлайн консультирования постепенно развивается и уже применяется на некоторых Интернет-ресурсах. На данный момент правовое регулирование данной сферы не осуществляется. Однозначно, регулирование на уровне законодательства юристов-ботов со временем станет актуальным вопросом, а именно — определение критериев, которым должен будет отвечать алгоритм поиска, критерии защищённости чат-сессии и т.д. Сейчас консультирование могут осуществлять только реальные люди. Информацию полученной от юристов-ботов следует считать ознакомительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-портал Tadviser.ru [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>/Продукт:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI).- Дата доступа: 19.09.2019.
2. Интернет-портал Право.ru [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/124329/> - Дата доступа: 10.04.2019.
3. Интернет-портал Legal IT Club [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://legal-it.club/bot-drug-ili-vrag-yurista/>.- Дата доступа: 19.09.2018.
4. Федоров Александр Михайлович Актуальность применения элементов искусственного интеллекта на предприятиях массового обслуживания // ГИАБ. 2014. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-primeneniya-elementov-iskusstvennogo-intellekta-na-predpriyatiyah-massovogo-obslyzhvaniya> - Дата доступа: 18.05.2019.
5. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. — 2018. - № 4. - С.1-8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_25647.html.- Дата доступа: 18.09.2018

УДК 340

**ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ****С.Г. МАЧАНСКИЙ***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

В данной статье рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительных системах. Раскрыто понятие «искусственный интеллект», рассмотрены принципы использования ИИ в судебной и правоохранительных системах. Приведены примеры использования искусственного интеллекта в судебной сфере.

Искусственный интеллект — это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, — понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д. [1]. На данный момент программы с элементами искусственного интеллекта могут распознавать информацию по заданным параметрам и использовать алгоритмы машинного обучения для повышения скорости работы юристов. Их способность пропускать через себя и систематизировать огромные массивы информации может также помочь юристу повысить качество работы.

Применению искусственного интеллекта в юриспруденции в США, странах Евросоюза, Японии, Южной Кореи и Китае уделяется не меньшее значение, чем применению ИИ в сферах бизнеса, промышленности, транспорте, медицине и IT. Юристы из СНГ и зарубежные исследователи проблем использования ИИ в правосудии и правоохранительной деятельности нередко ставят вопрос об этичности использования искусственного интеллекта в данных сферах. Исследователи предполагают, что использование в правосудии ИИ таит опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие бесчеловечным и формальным. Для того, чтобы развеять эти сомнения в декабре прошлого года Европейской Комиссией одобрена Европейская Этическая Хартия использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительных системах [2].

Хартия гласит, что использование ИИ для обработки судебных решений и правоохранительной деятельности поможет повысить уровень раскрываемости преступлений, поднять уровень доказательности направляемых в судебные инстанции обвинительных заключений и обеспечить новый уровень обоснованности судебных решений за счет снижения количества ошибок при их вынесении. Данная Хартия содержит 5 принципов, которыми должны руководствоваться в работе государственные и частные заинтересованные стороны, ответственные за создание и внедрение ИИ и его компонентов в судебной и правоохранительной сферах (методы машинного интеллекта включают машинное обучение или любые другие способы обработки).

Хартия поддерживает использование методов и компонентов ИИ для повышения эффективности и качества правосудия и правоохранительной работы.

В Хартии сформулированы пять принципов применения искусственного интеллекта:

1. Принцип соблюдения прав человека. Необходимо убедиться, что разработка и использование инструментов и услуг ИИ совместимы с основными правами личности. Обработка данных и судебных решений должна полностью соответствовать Европейской Конвенции о правах человека и Конвенции о защите персональных данных. Обязательно должны соблюдаться принципы, такие как верховенство закона и независимости судей, а также равенство граждан перед законом. В случае несоблюдения данных принципов, использование искусственного интеллекта в данной сфере просто невозможно;

2. Принцип запрета дискриминации. Уже на стадии разработки алгоритмов ИИ и больших данных, используемых для машинного обучения, необходимо блокировать возможность любой дискриминации между людьми или группами людей, которая может появиться в результате необдуманного использования статистических методов анализа необработанных больших данных. Необходимо чтобы заинтересованные стороны уже на стадии разработки программных средств ИИ для судебных и правоохранительных сфер заблокировали возможность дискриминации определенных групп, слоев и отдельных граждан в результате применения алгоритмов. Следует прямо запретить в алгоритмах ИИ, используемых в судебной и правоохранительной системах, использование генетических данных, а также биометрических данных, связанных со здоровьем, сексуальной жизнью и сексуальной ориентацией. В случае, если такая дискриминация выявляется, то необходимо усовершенствовать систему и не применять её до тех пор, пока дискриминация не будет исключена.

3. Принцип качества и безопасности. В отношении разработки алгоритмов и использования данных, следует анализировать источники больших данных, их структуру и содержание, а также необходимо использовать математические модели, разработанные на междисциплинарной основе, учитывающей не только прямые статистические корреляции, но и социальные, культурные, экономические и другие факторы, вызывающие эти корреляции. Данная система должна основываться на опыте работников судебных и правоохранительных органов, включая судей, прокуроров, экономистов и специалистов социальных наук.

4. Принцип прозрачности. В судебной системе и правоохранительных органах ИИ может использоваться только в том случае, если его реализация обеспечивает прозрачность, включая доступность и понятность исходных больших данных и применение лишь тех типов нейронных сетей, в отношении которых внешний аудит может выявить критерии распознавания тех или иных совокупностей. Необходимо соблюдать баланс между интеллектуальной собственностью разработчиков на методы машинного обучения, используемые нейронные сети и т.п. и необходимостью обеспечения прозрачности, беспристрастности и отсутствия дискриминации в программах и алгоритмах ИИ. Целесообразно установить порядок, согласно которому обязательным условием использования ИИ в судебных и правоохранительных сферах является прозрачность их алгоритмической базы и объяснимость принятия решений на всех уровнях с целью недопущения использования дискриминационных факторов при распознавании объектов.

5. Принцип пользовательского контроля. При применении ИИ в судебной и правоохранительной сферах исключить нормативно предписывающий подход и обеспечить, чтобы все пользователи системы были информированы участниками и эксплуатировали ИИ только в том случае, если могут разобраться в алгоритмах и способах применения ИИ. В судебной системе также как в военной сфере не могут использоваться ИИ-черные ящики. Судебные работники всегда должны понимать и знать, на чем основываются выводы ИИ, которые предлагаются им как автоматизированное экспертное мнение [3].

Рассмотрим несколько примеров как искусственный интеллект уже задействован в судебной сфере.

В США была создана программа, которая верно предсказывала решения Верховного Суда: 7 из 10 решений Верховного Суда были правильными, в отличие от человека-эксперта, который смог предсказать исход дела лишь в 6 из 10 случаев. Таким образом, можно сказать, что эксперт не смог учесть все факты и совершил ошибку из-за человеческого фактора. Но создатель программы Джош Блэкман подчеркнул, что программа призвана помочь юристам принимать более обоснованные и эффективные решения. Он отметил, что его целью является создание взаимодействия между человеком и машиной, чтобы они могли компенсировать недостатки друг друга. Большинство учёных утверждают, что большая часть задач слишком сложна и неоднозначна для машин. Найти ответ на неожиданный вопрос или распознать контекст, в котором используются слова, и изучить воздействие на человека тех или иных утверждений машины не способны [4]. Американские судьи также задумывались про применение компьютерных систем в качестве помощника, который бы фиксировал и помнил содержание судебных процессов. Многие говорят о невнимательности представителей судебной власти, а компьютер смог бы сделать точный анализ и вынести разумное, верное решение, руководствуясь разумом, а не сердцем, которого, из-за конструктивных особенностей нет. Услышать факты и зафиксировать их компьютер может лучше человека, а произвести оценку доказательств ему не под силу. Ещё неизвестно кто будет писать программы для машины: чтобы стать судьёй, необходимо образование, возраст и опыт, а создать необходимый алгоритм, возможно, поручат человеку, который не сталкивался с системой правосудия.

В наше время учёные и разработчики не могут прийти к единому мнению об автоматизации всего процесса отправления правосудия, то есть заменить судью компьютерной программой или нейросетью, способной анализировать фактические обстоятельства дела, давать им правовую оценку и выносить соответствующее решение. Судьи имеют определенную свободу при принятии решений, которая не подчиняется алгоритмам. ИИ может подсказать судье, допустим, как принять решение по конкретному делу на основе анализа прецедентов или судебной практики по данной категории процессов. Или же ИИ может дать совет сторонам решить спор до суда. Например, на данный момент, нужно ввести норму в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, которая устанавливала, что перед тем привлечь лицо к административной ответственности в виде штрафа административный орган мог бы пользоваться программой, которая бы предлагала вариант с размером штрафа с учетом сведений о правонарушении. Данное нововведение могло бы обеспечить единообразие в правоприменении, в размерах штрафа. Качественный ИИ резко снижает произвольное толкование норм права и многократно уменьшает возможности административного давления на следователей прокуроров и судей. И в обратную сторону дают возможность выявлять сомнительные решения и приговоры, например, на предмет коррупцион-

ной составляющей или даже в случаях самоговора. В Китае, США, Великобритании, Франции и некоторых других странах такие программы уже начинают использоваться, однако в настоящий момент они служат вспомогательным инструментом для анализа документов и не заменяют собой судью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-портал Tadvise.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tadvise.ru/index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](http://www.tadvise.ru/index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)). – Дата доступа: 19.09.2019.
2. Интернет-портал Zavtra.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom. – Дата доступа: 11.09.2019.
3. Интернет-портал Advgazeta.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-govorit-o-zamene-sudi-iskusstvennym-intellektom-kak-minimum-prezhdevremennno/>.- Дата доступа: 10.09.2019.
4. Интернет-портал Право.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/124329/> – Дата доступа: 10.04.2019.
5. Всероссийский государственный общественно-патриотический канал “Звезда” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201802280235-g8yx.htm. – Дата доступа: 10.09.2019.

УДК 34.096

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН**С.А. МЕНИЦКАЯ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Статья посвящена проблемам социальной дискриминации женщин в обществе на основе изучения исторических событий, а также поиску решений с целью устранения проблем в данной сфере правоохранительной деятельности.

Неотъемлемым элементом социальной политики любого государства является забота о соблюдении прав человека. В этом случае необходимо говорить о правах женщин в контексте прав человека. Женщины представляют собой социально-демографическую группу населения, особенно нуждающуюся в социальной защите. С точки зрения количества женщины составляют 53% населения и выполняют основную социальную и семейную функцию - деторождение.

Социальная дискриминация женщин представляет собой ограничение или лишение прав по признаку пола во всех сферах общественной жизни: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Социальная дискриминация приводит к снижению социального статуса женщины и является одной из форм насилия в отношении ее личности и, следовательно, угрозой ее безопасности [1]. Сама идея равных прав для мужчин и женщин предполагает их равные возможности, потому что женщина не уступает мужчине по интеллектуальному и физическому потенциалу. Для нее не существует принципиально закрытых, недоступных сфер умственного и физического труда. Ни один закон не должен запрещать женщине заниматься тем или иным делом, осваивать ту или иную профессию. Ее естественное право - полная свобода личного выбора видов и форм деятельности для ее самореализации.

Истоки социальной дискриминации женщин следует искать в древние времена. Уже тогда ученые и политики прикрывали неравное положение женщин в обществе, их угнетение и эксплуатацию спорами о том, является ли женщина человеком и имеет ли она душу. Рассмотрение женщины как низшего существа отражено в теологических и философских трудах древнего мира. Хотя женщина выполняет важнейшую репродуктивную функцию для продолжения человеческого рода, но, начиная с первобытного общества, это не давало ей никаких социальных преимуществ. Более того, ее гражданские права до XX века были ущемлены.

Впервые вопросом о равных правах мужчин и женщин были заинтересованы идеологи Французской революции. В 1791 году был принят Закон о женском образовании, им были предоставлены определенные гражданские права. Но во время термидорианской реакции эти позиции не были реализованы должным образом. В Великобритании в 1847 году был принят Закон о 10-часовом дне для женщин, и был открыт доступ к профессии учителя. В 1848 году в Соединенных Штатах замужние женщины получили право владеть имуществом, а с 1880 года - возможность стать членами профсоюзов. В 1893 году новозеландские женщины впервые воспользовались правом голоса [2].

В настоящее время многие правительственные и общественные деятели, ученые и социологи выступают против самой концепции «социальной дискриминации женщин». Ее заменяют призывы бороться за равенство с мужчинами. Но это не одно и то же. В основе данного понятия лежит преодоление всех форм ущемления прав и интересов женщин. При всем плюрализме взглядов на проблему дискриминации женщин нельзя забывать факт исторической значимости: Октябрьская революция в России 1917 года дала толчок решению ключевого вопроса о равенстве женщин и мужчин во всех сферах жизни, в том числе гражданских и юридических прав, на работе и в образовании, в семье. Но дискриминация «слабого пола» сохранялась при советской власти. Для женщин служба в вооруженных силах и других правоохранительных органах была закрыта [1]. По закону им было отказано в доступе к «тяжелой» и «вредной» промышленности, что полностью исключало свободу личного выбора.

Вторая мировая война, в результате которой целые народы оказались на грани уничтожения и которая привела к бесчисленным бедствиям для миллионов людей, затронула все население воюющих стран, независимо от пола или возраста. Все это придало проблеме дискриминации по признаку пола все большую степень важности, что выражалось в поиске механизма их защиты неизвестного ранее. Поэтому, одним из первых шагов Организации Объединенных Наций, созданной вскоре после окончания войны, в июне 1945 года, было принятие 10 декабря 1948 года Хартии прав человека - Всеобщей декларации прав человека. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека говорится, что ее следует рассматривать как стандарт, в соответствии с которым должны стремиться все народы и все государства [3].

Права женщин продолжают оставаться одной из наиболее актуальных проблем международного права в области прав человека, и за время, прошедшее со времени разработки Всеобщей декларации прав человека, она заставила многое пересмотреть в понимании данной проблемы. Идея равенства людей своими корнями уходит в глубину веков. Но потребовались столетия для запрета дискриминации групп людей по тем или иным причинам.

Одним из наиболее важных положений Всеобщей декларации прав человека является то, что каждый человек должен иметь все права и свободы, провозглашенные в Декларации, без каких-либо различий, таких как: раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или другие убеждения, национальное или социальное происхождение, собственность, имущество или другой статус. На основании этой статьи Всеобщей декларации прав человека в ближайшие пятьдесят лет 20-го века разрабатывалось все международное и национальное антидискриминационное законодательство.

Всеобщая декларация прав человека начинается со слов: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [3]. Что касается половины человечества – женщин, то приведенное выше определение прав человека не учитывает факт, который зависит не только от природы и самого человека, но и от общества: подлинная свобода личности подразумевает не только равенство прав, но и равенство возможностей их осуществления. А именно таких возможностей у женщин на протяжении всей эпохи патриархата не было и нет. И не только и не столько для каждой отдельной женщины, сколько для всех женщин как определенного социального слоя того или иного отдельного государства и даже в контексте всего мирового сообщества. Понимание общности их коллективных судеб, их зависимости от мужчин, женщин Запада, занимающих руководящие посты в государстве, обществе и экономике, в определенной степени подвинула вторая мировая война. В начале войны государства-участники призвали женщин заменить мужчин, которые ушли на фронт на рабочие места, а после окончания войны произошло массовое увольнение женщин. Причина была одинаковой везде: женщины были уволены как нежелательные конкуренты мужчин, которые вернулись с войны послевоенного государственного строительства. Государство должно влиять на социальную реальность, чтобы создать подлинную и равную свободу, которая могла бы реально существовать в обществе.

В последние годы лишь немногие области социологии достигли такого развития или занимают центральное место в этой дисциплине, как изучение гендерных отношений. В большей степени это отражает изменения в самом обществе. Женщины ограничены «стеклянным потолком», который не позволяет им занимать руководящие должности, и они часто сталкиваются с так называемой «скрытой» дискриминацией на рынке труда. И есть также тенденция - резкое снижение участия женщин в процессе принятия решений и в политической жизни.

Объективной причиной дискриминации женщин является то, что в ходе развития общества за мужчинами изначально закрепилась роль «добытчиков», а за женщинами – «хранительниц очага». С дальнейшим прогрессом у мужчин менялись способы зарабатывания средств к существованию, но роль «добытчика» по-прежнему принадлежала только им, что позволило им занимать главенствующее положение. Женщины же занимались воспитанием детей и работой по хозяйству.

В связи именно с этими двумя гендерными ролями стали складываться остальные гендерные стереотипы о полах, например, что удел женщин – это семья, дом и дети, а мужчины в большей степени принадлежат «общественной сфере», где берут свое начало властные и имущественные различия. Их мир – это хорошо оплачиваемая работа, производство и политика. Так же считается, что мужчины более амбициозные, рациональные, независимые и неэмоциональные, тогда как женщины более нежные, чувственные, эмоциональные и общительные. Именно наличие таких заведомо определённых установок в обществе сформировало дальнейшее разное социальное положение мужчин и женщин в обществе.

Но содержание и серьезность гендерных стереотипов менялись на протяжении всей истории в рамках одной и той же культуры наряду с гендерными ролями, и когда огромный разрыв в правах между мужчиной и женщиной стал очевидным для всех, мир столкнулся с концепцией «эмансипации женщин». Для этого были веские причины: женщины не имели равных с мужчинами прав в социальной, трудовой и семейной жизни: они не могли голосовать и быть избранными, получать образование, работать и получать равную заработную плату наравне с мужчинами, не обладали экономической самостоятельностью.

В Гражданском кодексе Франции женщина со дня заключения брачного контракта утрачивала гражданскую дееспособность: ее собственность переходила в управление мужа, она не могла совершать никаких действий без согласия мужа. Нарушение супругом супружеской верности по закону карается только штрафом, если это произошло со стороны жены, то наказывается лишением свободы на два года. В России замужние женщины не могли заключить личный трудовой договор без разрешения мужа. Жена должна проживать с супругом по месту жительства, если она живет в другом месте, супруг может офи-

циально заявить о себе. Если в других странах законы и менее сурово относятся к женщине, то все же принцип подчиненности законной жены своему мужу подчёркивается ими в большей или меньшей степени [4].

В современном мире устойчивое развитие общества невозможно без достижения гендерного равенства. Третье тысячелетие часто называют эпохой гендерного равенства, когда женщины могут в полной мере реализовать свои способности и способности в отношении всего спектра человеческих отношений, включая бизнес, политику и государственную службу. Основу этого процесса составляют общепризнанные международные нормы, закрепленные в ряде документов, в том числе в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Декларации и Платформе действий Всемирной конференции по улучшению положения женщины [5].

На сегодняшний день роль женщин в обществе многократно возросла как в экономической, социальной, так и политической сфере общественной жизни. Но все это результат долгой и упорной борьбы женщин в течение нескольких столетий, жертвуя всем: семьей, благополучием, иногда их собственной жизнью. Зачастую женщина оказывается мудрее многих мужчин и поэтому долгое время удерживается у власти, о чем свидетельствует правление королевы Елизаветы, премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер.

Из вышесказанного ясно, что дискриминация может иметь место в разных местах и обстоятельствах. Женщины сталкиваются со многими проблемами из-за высокого уровня дискриминации в обществе, которая складывалась на протяжении многих веков. Особое внимание к социальной и экономической роли женщин не только важно по своей природе, но и является необходимым условием достижения устойчивого развития и улучшения благосостояния общества. Отстаивая принцип гендерного равенства, мы выступаем за равенство прав, социальную справедливость, продуктивность труда и развитие бизнеса. Таким образом, делая еще один шаг навстречу всеобщему социальному прогрессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева, Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики (концептуальный подход к разработке Федеральной программы) / Л. В. Бабаева // Социс. – 1997. – № 28.
2. Правовое положение женщины в обществе [Электронный ресурс] – Режим доступа: [/https://articlekz.com/article/21807](https://articlekz.com/article/21807). – Дата доступа: 07.09.2019.
3. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1948 г. // Международные и российские механизмы. – М. : Московская школа прав человека, 2000. – 370 с.
4. Коллонтай, А. М. Социальные основы женского вопроса / А. Коллонтай. – СПб. : Знание, 1909. – 431 с.
5. Народонаселение мира в 2009 году. Перед лицом меняющегося мира: женщины, народонаселение и климат // Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <http://un.by/f/file/russianswopP09.pdf>. – Дата доступа: 07.09.2019.

УДК 34.096

ЗАРОЖДЕНИЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX ВЕКЕ**С.А. МЕНИЦКАЯ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

В статье анализируется зарождение женского движения на белорусских землях в XIX в. Борьба женщин за равные права с мужчинами, начавшаяся в период Речи Посполитой, стала частью первой волны феминизма во всем мире.

Речь Посполитая – это государство, существовавшее с XVI по XVIII века и объединившее Королевство Польское и Великое княжество Литовское. В состав Речи Посполитой входили и территории современной Беларуси.

Феминистское движение, понимаемое как усилия женщин, а также их поддерживающих представителей сильного пола, направленные на получение равных прав с мужчинами в трудовой, социальной, политической и культурной жизни, зародилось в XVIII веке. Впервые требование предоставить женщинам равные с мужчинами политические права было выдвинуто во время войны за независимость Северной Америки в 1775-1783 годах [1].

Начало организованного женского движения в Европе восходит ко времени Французской революции. Во время революции женщины из народа принимали активное участие в массовых демонстрациях. Именно тогда во Франции начал появляться первый журнал, посвященный проблемам женской борьбы за равенство, возникли первые женские организации - революционные клубы, которые активно участвовали в партийно-политической борьбе. В 1791 году Национальное собрание Франции представило «Декларацию прав женщин и граждан», подготовленную Олимпией де Гуж по образцу «Декларации прав человека и гражданина». Декларация была направлена против господства мужчин над женщинами и требовала, чтобы мужчины признавали полное социальное и политическое равенство женщин во имя реализации всеобщих прав человека.

Поскольку демократическая форма правления утверждается в разных странах, женское движение предъявляет новые, довольно специфические требования. В первой половине XIX века, когда возможность получения полноценного образования воспринималась как необходимое условие формирования разнородной личности, идеологи женского движения требовали равного доступа к образованию [2]. К середине XIX в. этот постулат получил поддержку передовой части мужского общества, возникло требование установить право женщин на оплачиваемую работу.

Историки отмечают, что разделы Речи Посполитой повлияли не только на общее развитие страны, но и на жизнь женщины, что заставило ее сменить статусную роль. Уже представители Просвещения, в том числе Уго Коллонтай, во время обсуждения вопроса реформирования системы образования выступали за повышение уровня обучения девочек. Женщина получила новую роль - не только мать, но и воспитательница новых поколений патриотов и патриоток, которые были готовы бороться за свободу своей страны, они стали ожидать готовности к жертвам и полной преданности великим целям.

Инициаторы женского движения подчеркнули невыгодное положение во всех трех частях Речи Посполитой. Закон и общественное мнение ограничивали права и возможности слабого пола.

Правовой статус женщины в середине XIX в. был довольно неблагоприятен по сравнению с положением мужчин. Их статус во многом по-прежнему определялся патриархальными отношениями в семье, которые по закону были переданы неразделенной власти мужа и отца. Женщина оставалась бесправной не только на публике, но и в семейной жизни, так как ее муж, распоряжавшийся общей собственностью, мог контролировать ее переписку, передвижение и многое другое.

Как отмечает польский исследователь А. Гурницкая-Боратынская, «...с 30-х гг. XIX века обязанности по воспитанию детей полностью ложились на женские плечи, муж и отец выполняли только формальное руководство. Правда, развитие промышленности и смежных областей давало женщинам все больше и больше возможностей зарабатывать» [3]. И так, на рубеже XIX-XX вв. женщины, занятые в текстильном производстве, часто были основными кормильцами в семьях, но это не освобождало их от выполнения домашней работы, но они не всегда имели возможность найти профессию, которая не вызывала бы общественного осуждения и обеспечивала не только прожиточный минимум, но и также возможность создания семьи. Кроме того, мужчинам было легче устроиться на работу даже в тех областях, которые, казалось бы, предназначены для женщин, таких как приготовление колбас или приготовление

сахара. Также верно и то, что женщинам стало разрешено работать телефонистами на телефонных станциях, а затем на почте.

Неравномерное положение женщин в семье также упрочилось, был установлен приоритет мужа и отца, получив фамилию мужа, жена была вынуждена работать в домашнем хозяйстве. Зависимость женщины была особенно заметна в сфере имущественных отношений: после брака все, что принадлежало новобрачному супругу, переходило под полный контроль супруга. Один из законов гласил: «муж является главой семьи», у жены были ограниченные юридические возможности, и ей также было трудно расторгнуть брак.

В 60-х гг. Появляются XIX специализированные школы для девочек, готовящие своих учеников к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Несмотря на то, что целью этих учебных заведений было не подготовить девушек к другим профессиям, которые могли бы дать им возможность финансово поддержать себя в будущей самостоятельной жизни, было много образованных женщин. Опыт преподавания, накопленный в этих вузах, впоследствии был учтен при подготовке новых программ для польских женщин среднего и высшего образования. Девочек обучали профессиональной деятельности в сфере образования, торговли и администрации [4].

Таким образом, правовой и материальный статус женщин на белорусских землях в 60-70-х гг. XIX в. был по сути таким же. В большинстве случаев женщина жила в материальной зависимости от своего мужа, за исключением тех образованных представителей дворянства, чьи семьи оказали большое влияние, были богаты и поддерживали их стремление к независимости.

С развитием капиталистических отношений и вовлечением женщин в производство, женский вопрос приобретает широкий общественный резонанс. Плюрализм мнений и подходов к его решению расширяется. На белорусских землях, население которых в этот период подвергается русификации, как бы в знак протеста, языковой и «правовой щит» коренной нации становится особенно значительным. В народной традиции женщина выступала хранителем национальной генетической памяти поколений. Фольклорный кодекс понимания мира подтвердил право женщин на свободу, внутреннюю жизнь и сильные чувства [5]. Эта особенная белорусская народная песня феминизма - удивительное явление. Образ предков, вечный источник духовного тепла и моральной силы, был сохранен в сознании людей. Он закрепился в литературных памятниках и в современной классике.

В конце девятнадцатого и начале двадцатого веков у белорусов появилась новая форма социального протеста - особое женское «эмиграционное» движение. В мрачной картине социально-экономического и политического порабощения был «выход»: белорусы, как и все население империи, имели возможность после получения начального домашнего образования продолжить его в других городах (Вильно, Москва, Санкт-Петербург). Возникают первые женские курсы, чаще всего медицинские или педагогические, клубы и ассоциации.

Можно отметить, что в процессе изменения общества положение женщин за определенный период времени также изменилось, у них было гораздо больше прав, однако они могли быть значительно ограничены в соответствии с нормами, касающимися определенной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народные традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litvin.pl/statii/narod/mozhno-li-bylo-razvestis-v-srednie-veka-v-velikom-knyazhestve-litovskom-i-v-evrope/>. – Дата доступа: 12.09.2019.
2. Borkowska G. Cudzoziemki: Studia o polskiejproziakobiecej. – Warszawa, 1996. – 34 с.
3. Бердичевский, Я. М. Всемирная история / Я. М. Бердичевский, С.А. Осмоловский. – 2001. – С. 111–128.
4. Воронин, А.В. История Российской государственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lants.tellur.ru/history/voronin/index.htm/>. – Дата доступа: 12.09.2019.
5. Malinowska, E. Feminizm europejski, demokracjaparytetowa a polskiruchkobiecy / E. Malinowska. – Lodz, 2000. – 73 с.

УДК 342

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Э.О. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В настоящей статье анализируются основные проблемы правового регулирования деятельности общественных советов. В основе статьи лежит опыт зарубежных стран и Республики Беларусь. На конкретных примерах представлено правовое закрепление организации и деятельности данного института. Выделен положительный опыт зарубежных стран.

Общественные советы при их правильном функционировании, являются неотъемлемой частью демократии в любой стране, гарантом исполнения прав человека, поэтому видится необходимым прибегнуть к опыту зарубежных стран и почерпнуть основные аспекты правового регулирования организации и деятельности данного института.

На данный момент в Республике Беларусь существует большое число общественных советов, созданных при различных органах республиканской и местной власти. Данные советы весьма разнообразны по своей форме, составу, функционированию, охватывают всю территорию нашего государства и распространяют свою деятельность на все основные направления государственной политики.

Тема общественных советов в Республике Беларусь является весьма неосвещенной как с точки зрения научных исследований, так и правового регулирования, поскольку, несмотря на многочисленность правовых актов, так или иначе упоминающих общественные советы, единого нормативного правового акта в Республике Беларусь нет. Данный пробел вызван тем, что отсутствуют какие-либо единые стандарты в области создания и функционирования советов, то есть в каждом случае их правовое регулирование начинается заново, в отрыве от предыдущей практики работы подобных органов.

Итак, для того, чтобы четко понимать, что представляет собой данный институт, в первую очередь, нужно обратиться к его определению. Так что же такое общественные советы? Определение данного института можно вывести из Положения «Об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства» [1]. На основании данного акта можно сделать вывод о том, что общественные советы – это образования с участием общественности, выполняющие консультативно-совещательные функции и участвующие в осуществлении общественного контроля в определенном порядке и формах. Кроме этого, белорусские авторы Смоляноко и Чаусо [2] предлагают следующие определение общественных советов: общественные советы - консультативные, совещательные либо экспертные образования с участием общественности, учреждаемые при органах государственной власти.

Теперь то, что касается зарубежного опыта. Во многих государствах работает свой эффективный порядок формирования общественного совета, а также его состав. В идеале, состав общественного совета должен напрямую зависеть от целей, ради которых он создан. То есть, если совет создан для экспертизы или контроля за определенной деятельностью, то большинство членов совета должны являться специалистами по данному вопросу. Так, например, Совет штата Техас по отклонениям в развитии состоит из 30 членов и включает в себя физических лиц с отклонениями в развитии, их родителей и опекунов. Еще одним таким примером является Польша. В рамках Закона «Об общественно полезной деятельности» в этой стране создан Совет по общественно полезной деятельности, задачей которого является осуществление контроля за выполнением норм Закона об общественно полезной деятельности и волонтерстве. Особенностью данного Совета является то, что в его состав входят бывшие или действующие волонтеры, которые как никто другой посвящен в данную деятельность.

Что касается непосредственно формирования совета, то существуют 3 основных способа формирования: избрание общественностью, назначение государственными органами, уведомительный порядок получения членства. В соседнем государстве – Российской Федерации в большей степени распространен способ формирования совета путем назначения членов государственными органами. Такой порядок предусмотрен, например, для формирования общественных советов при Министерстве Просвещения, Министерстве транспорта [3]. Кроме назначения государственными органами, в России также распространен такой способ формирования как приобретение членства путем уведомления. Примером может служить общественный консультационный совет при мэре города Саратова [3], который существует для повышения взаимодействия между органами местного самоуправления города и общественными организациями и обеспечения участия объединений граждан в разработке и анализе городской политики, правовых актов по регулированию отношений в экономической и социальной сферах. Представитель любой общественной организации, осуществляющей деятельность на территории города и зарегистрированный

в Министерстве юстиции РФ, может подавать заявление о вступлении в совет. Что касается способа формирования путем избрания общественностью, то примером служит общественный совет при Правительстве Новгородской области [3], для избрания участников которого формируется специальная комиссия из 30 человек, состоящая из представителей общественных объединений.

На наш взгляд наиболее удачным является такой способ формирования советов, как избрание общественностью. Данный способ является наиболее оптимальным, поскольку является наиболее демократичным, ведь именно народ решает, кто будет представлять его интересы.

Так почему же Республике Беларусь следует обратить внимание на правовое закрепление и деятельность данных структур в зарубежных странах? Существует достаточное количество положительных примеров. Первым примером служат Приоритетные Советы города Дейтона в Штате Огайо, США. В данном штате решения советов имеют консультативный характер, то есть их рекомендации не носят обязательного характера, но учитываются местными органами власти, так как в них отражены результаты исследования потребностей всех слоев населения города, они помогают городу планировать свою работу и направлять ее на удовлетворение реальных потребностей граждан, при этом рационально расходуя финансы.

Еще одним примером, когда решения Советов носят рекомендательный характер, является Общественный Совет по вопросам Северного тракта в округе Арлингтон, США. Основной функцией данного Совета является изучение общественного мнения относительно того, что делать с территорией округа, загрязненной промышленными отходами. В случае если по итогам изучения мнения окажется, что общественность недовольна состоянием территории, то она вправе внести предложения в государственные органы по улучшению состояния данной местности посредством обращения в Совет.

Кроме этого, существуют примеры реального воздействия общественных советов на органы государственной власти, местного управления и самоуправления. Таким примером являются Наблюдательные комитеты в Боливии, созданные для поддержания связи с общественностью. Основной функцией комитета является контроль за использованием местных ресурсов, находящихся в распоряжении общественного управления. При выявлении нарушений в этой области Комитет докладывает об этом власти, которая может потребовать от исполнительного органа исправить ситуацию, а при невыполнении требования исполнительным органом власть должна «заявить о несостоятельности перед Национальным сенатом».

Еще одним примером прямого воздействия на работу государственных органов является Оперативная группа Сан-Франциско, которая выступает как арбитр между лицом, которому отказано в получении документа, и хранителем государственных документов. В состав Оперативной группы входит специальный отдел жалоб, занимающийся рассмотрением петиций со стороны организаций и физических лиц, которым было отказано в получении государственных документов общественного доступа. По жалобе лица, которому отказано в получении доступа к документу, отдел жалоб может издать приказ, требующий от хранителя документов предоставить затребованный документ.

Таким образом, в рамках данного исследования был рассмотрен некоторый положительный опыт зарубежных стран в области правового регулирования организации и деятельности общественных советов. Советы различных стран, затронутые в рамках данного доклада, служат примером реального действия общественных советов, поэтому, безусловно, существует необходимость в нормативном регулировании и, в последующем, эффективной деятельности данного института в Республике Беларусь. Поскольку, как мы сказали, целью деятельности Общественных советов является взаимодействие общественности с властью, то необходимо использовать опыт зарубежных стран в данном вопросе. Необходимо положить в основу опыт штата Техас по формированию общественных советов, когда состав совета формируется исходя из целей, ради которых он создан. Что касается способа формирования, то, на наш взгляд, наиболее эффективным способом является избрание членов совета общественностью, как это предполагает Общественный совет при Правительстве Новгородской области. Кроме этого, не стоит забывать о положительном опыте Паритетных Советов штата Огайо, где решения Советов имеют хотя и консультативный характер, однако в большинстве случаев власти штата прислушиваются к органам и берут за основу их решения. Кроме того, немаловажен опыт Наблюдательных комитетов в Боливии и Оперативных групп в Сан-Франциско, которые реально воздействуют на работу государственных и местных органов власти.

Безусловно, советы являются эффективным звеном в вопросе взаимодействия между органами власти и обществом. Как показывает практика зарубежных стран, при правильной работе советы позволяют общественности влиять на политику, экономику, социальную сферу в государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] Постановление Совета Министров Республики Беларусь 20 марта 2012 № 247:

- с изм. и доп. от 5 окт. 2016г. //ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Смолянка, О., Чаусов, Ю. Общественные советы в Беларуси: правовое регулирование и практика [Информационный ресурс] / О. Смолянка, Ю. Чаусов //Медисонт. – 2011. – Режим доступа : <https://by.odb-office.eu/files/docs/Pravovoe-regulirovanie-obschestvennyh-sovetov.pdf>. – Дата доступа: 15.05.2019.
 3. Об общественном совете муниципального образования [Электронный ресурс] Модельное положение 7 февраля 2015 г. №250: с изм. и доп. от 18 апр. 2018г. // Консультант Плюс. – Москва, 2018.
 4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
 5. Смолянка, О. Общественные советы в Республике Беларусь [Информационный ресурс] / О. Смолянка // Центр правовой трансформации. – 2011. – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/obshhestvennye-sovety/obshhestvennye-sovety-v-respublike-belarus> – Дата доступа: 15.05.2019.
 6. Дьякова, Е.Г. Формирование системы общественных советов при органах исполнительной власти: экспертиза или представительство? [Информационный ресурс] / Е.Г. Дьякова // Институт психологии и права. – 2018. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/61377/1/978-5-7741-0327-0_043.pdf – Дата доступа: 16.05.2019

УДК 342

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Э.О. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В данной статье проводится анализ деятельности общественных советов в Республике Беларусь. Рассматривается динамика развития данного института. Помимо этого рассматриваются основные проблемы деятельности общественных советов в Республике Беларусь.

Интерес к тематике общественных советов в Беларуси развивается по синусоиде. Приобретая особую актуальность с созданием Общественно-консультативного совета при администрации президента, атак же Межведомственной рабочей группы по развитию странового маркетинга Республики Беларусь и Общественного координационного совета в сфере средств массовой информации, в состав которых вошли авторитетные представители организаций гражданского общества и независимые эксперты, в дальнейшем эта тема постепенно исчезает из фокуса внимания общественности. И если в первое время после создания указанных институтов в публикациях на тему общественных советов доминировали надежды на перспективы эффективной работы представителей гражданского общества их в составе, то в дальнейшем на смену надеждам пришло некоторое разочарование. В 2010 году публикации на тему общественных советов в прессе в основном содержали критические замечания и даже резкие оценки [1].

Интерес к теме создания и деятельности общественных советов возрос с появлением Директивы Президента №4 от 31 декабря 2010 года «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [2]. Данный акт предписал введение в практику работы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных исполнительных комитетов и Минского городского исполнительного комитета обязательное обсуждение проектов актов законодательства, которые могут оказать влияние на осуществление предпринимательской деятельности, в том числе посредством создания в этих органах общественно-консультативных советов с участием субъектов предпринимательской деятельности.

С принятием данной Директивы [2] возросло количество общественно-консультативных советов при государственных органах власти. Так, например, были созданы Общественный Совет при Министерстве связи и информатизации, Общественно-консультативный (экспертный) совет при Министерстве юстиции.

Некоторые из этих общественных советов достаточно эффективно осуществляют свою деятельность. К ним относятся, например, ряд советов по агротуризму, устойчивому развитию, социальных и предпринимательских советов. Кроме этого, создаются общественные советы, направленные на решение конкретных задач, которые утрачивают свою необходимость после осуществления цели, ради которой они создавались. Но нельзя забывать, что существует немалое количество советов, существующих лишь формально. Кроме этого, не все созданные при государственных органах советы можно по праву называть общественными, так как они состоят исключительно из представителей различных государственных органов и являются по своей сути механизмом межведомственного согласования подходов.

Однако, несмотря на то, что в Республики Беларусь создано немало общественных советов, существующих лишь «на бумаге», существует и положительный опыт функционирования данных структур.

Большинство респондентов отметили эффективную деятельность общественных советов, в состав которых они входят. Таким образом, советы выполняют определенную функцию представительства интересов общественности и коммуникации между гражданами и органами государственной власти. Многие респонденты отметили важность неформальной коммуникации и налаживания контактов в рамках советов, даже в случае их в целом неэффективной работы [3].

Республика Беларусь знакома с примером прямого влияния совета на распределение бюджетных средств. Таким примером служит Белорусский фонд социальной защиты инвалидов, созданный в 1992 году, который, впоследствии был ликвидирован. В число задач данного Фонда входили:

- финансирование программ и отдельных мероприятий по оказанию социальной помощи инвалидам, их социально-трудовой и медицинской реабилитации и вовлечению в общественно-полезную деятельность;
- аккумуляция средств, поступающих от предприятий (объединений), учреждений, организаций, трудовых коллективов, граждан и из других источников;

- осуществление расширенного воспроизводства средств фонда на основе принципа самофинансирования;
- установление и развитие взаимовыгодных контактов с аналогичными фондами и другими организациями зарубежных стран [3].

Согласно Положению о данном Фонде [3], состав правления Фонда утверждался Республиканским межведомственным советом по проблемам инвалидов.

Существует большое количество примеров продуктивной деятельности общественных советов в Республике Беларусь. К примеру, если обратиться к Плану работы общественно-консультативного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь на 2018 год [4], то можно отметить достаточно большое количество вопросов, выносимых на рассмотрение данного Совета. К таким вопросам, например, относятся:

- наращивание экспорта медицинских услуг организациями негосударственной формы собственности;
- рассмотрение вопросов ценообразования на платные медицинские услуги и выработки решений по их упорядочиванию;
- состояние работы по развитию системы электронного здравоохранения и многие другие.

Кроме этого, в компетенцию данного Совета входит рассмотрение нормативных правовых актов, разрабатываемых Министерством здравоохранения Республики Беларусь. К таким нормативным правовым актам, например, относятся:

- Постановление Министерства здравоохранения «Об установлении гигиенических нормативов» [5];
- Постановление Министерства здравоохранения «О порядке проведения экспертизы временной нетрудоспособности» [6] и другие.

Также, обратимся к Плану работы общественно-консультативного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве архитектуры и строительства Республики Беларусь на 1-е полугодие 2018 года [7]. В соответствии с Планом [7], повестками заседаний являются:

- рассмотрение проекта Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь»;
- рассмотрение проекта Постановления Совета Министров Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнения в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь»;
- рассмотрение проекта постановления Минстройархитектуры «О внесении изменений и дополнений в постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 2 мая 2014 г. № 25» и другие.

Результатом заседания общественных советов является издание протокола. Для того чтобы четко понимать в чем выражается направленность деятельности общественных советов, обратимся к Протоколу №1 Общественно-консультативного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве архитектуры и строительства от 1 апреля 2019 года [7]. Одним из вопросов данного заседания было рассмотрение проекта постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2014 года № 252» [8]. В протоколе закреплены основные позиции заседания:

- «А.М. Петрушина кратко изложила основные положения проекта постановления Совета Министров Республики Беларусь "Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2014 г. № 252" (далее – проект постановления № 252). Докладчик отметила, что проектом постановления № 252 предусмотрено:

- упразднение созданной при Минстройархитектуры комиссии по решению спорных вопросов, возникающих при проведении аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих отдельные виды архитектурной, градостроительной, строительной деятельности (их составляющие), выполнение работ по обследованию зданий и сооружений;

- дополнение перечня оснований прекращения действия аттестатов соответствия (дается право Минстройархитектуры прекратить действия аттестатов соответствия в случае, если их обладатели не выполнили обязательные для исполнения письменные указания Министра по вопросам архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, относящимся к компетенции Минстройархитектуры).

Кроме того, проектом постановления № 252 предусмотрено, что органы государственного строительного надзора направляют в Министерство архитектуры и строительства предложения о прекращении действия аттестатов соответствия также в случаях ненаправления уведомления о начале производства строительно-монтажных работ, когда его направление является обязательным» [7].

Что касается итогов данной заседания, то выступающие высказались против упразднения созданной при Минстройархитектуры комиссии по решению спорных вопросов, возникающих при аттестации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также руководителей и специалистов. Данная позиция была мотивирована тем, что в разные годы существовали разные классификаторы руководителей и специалистов. В настоящее время привязка к действующему общегосударственному классификатору Республики Беларусь «Профессии рабочих и должности служащих» (ОКРБ 006-96) без учета полученных специальностей представляется некорректной. Комиссия анализирует изучаемые дисциплины, которые по своим часам сопоставимы с дисциплинами, изучаемыми в настоящее время, в трактовке новых специальностей.

Что касается предложения: органы государственного строительного надзора направляют в Министерство архитектуры и строительства предложения о прекращении действия аттестатов соответствия также в случаях ненаправления уведомления о начале производства строительно-монтажных работ, когда его направление является обязательным, данный вопрос является вопросом законодательства о самовольном строительстве, а не законодательства об аттестации [7].

Несмотря на то, что многие советы занимают активную позицию в области реализации своих полномочий, в нашей стране все же прослеживается отрицательная статистика деятельности советов по сравнению с опытом зарубежных стран. В первую очередь это связано с тем, что абсолютное большинство решений советов имеют рекомендательный характер и не являются обязательными для исполнения. В связи с этим, в Республике Беларусь ведется работа по налаживанию активной деятельности общественных советов в стране. Так, например, в 2011 году на базе агроусадьбы «Мазурный берег» в Миорском районе в рамках совместного проекта БОО «Отдых в деревне» и Европейского центра эко- и агротуризма Германии был реализован проект, посвященный налаживанию работы общественных советов по развитию агроэкотуризма [9]. Представители усадеб, местных органов власти, хозяева сельских усадеб из всей области положительно оценили опыт реализации данного проекта. За полтора года реализации данного проекта было реализовано множество инициатив: кулинарные фестивали и конкурсы, первый слет агроусадьб Витебской области, заработали «зеленые» маршруты, проведены стажировки, семинары, тренинги.

Положительным примером создания и деятельности общественного совета в Республике Беларусь является Общественный Совет по нравственности, созданный в 2009 году. Почему данный Совет является положительным опытом? Дело в том, что, в идеале, состав общественного совета должен напрямую зависеть от целей, ради которых он создан. Так, Совет по нравственности является совместным общественным органом, учредителями которого выступили Белорусская Православная Церковь и Союз писателей Беларуси при поддержке Президента нашей страны.

Митрополит Филарет, выступая на собрании, отметил, что Президент поддержал идею создания совета и «выразил понимание обеспокоенности Церкви нравственным состоянием общества». Целью Совета является содействие духовному оздоровлению нации, утверждению в белорусском обществе высоких нравственных принципов. Эту цель предполагается достигать путем принятия советом заключений, рекомендаций, обращений к телерадиокомпаниям, периодическим изданиям, театрам, кинотеатрам, издательствам, учреждениям образования, культуры, науки. В состав Совета вошли все руководители всех традиционных вероисповеданий страны: Православной, Римско-католической, Лютеранской церквей, Иудаизма и Ислама, а также несколько десятков видных деятелей искусства, образования и спорта [10].

Итак, таким образом, был проведен небольшой анализ деятельности общественных советов в Республике Беларусь. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие единого нормативного правового акта, в нашей стране все же прослеживается определенная динамика развития данного института. Однако существует некая проблема в деятельности общественных советов. Данная проблема выражается в рекомендательном характере решений вышеназванных структур. Системе государственной и местной власти следует стремиться к установлению обязательного характера их решений, ведь именно посредством советов народ может четко взаимодействовать с органами государственной и местной власти путем, например, более легкой процедуры изменения нормативных правовых актов через данные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смолянок, О. Общественные советы в Республике Беларусь [Информационный ресурс] / О. Смолянок // Центр правовой трансформации. – 2011. – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/obshhestvennye-sovety/obshhestvennye-sovety-v-respublike-belarus> – Дата доступа: 15.05.2019.

2. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] Директива Президента Республики Беларусь 31 декабря 2010 № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Смолянюк, О., Чаусов, Ю. Общественные советы в Беларуси: правовое регулирование и практика [Информационный ресурс] / О. Смолянюк, Ю. Чаусов //Медисонт. – 2011. – Режим доступа : <https://by.odb-office.eu/files/docs/Pravovoe-regulirovanie-obschestvennyh-sovetov.pdf>. – Дата доступа: 15.05.2019
4. План работы общественно-консультативного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве здравоохранения на 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/%D0%9F%D0%9B%D0%90%D0%9D.pdf>. – Дата доступа: 13.09 2019.
5. Об утверждении санитарных норм, правил и гигиенических нормативов [Электронный ресурс] Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь 1 ноября 2011 № 110//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. Об утверждении Инструкции о порядке проведения экспертизы временной нетрудоспособности [Электронный ресурс] Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь 24 декабря 2014 № 104//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. План работы общественно-консультативного (экспертного) совета по развитию предпринимательства при Министерстве архитектуры и строительства Республики Беларусь на 1-е полугодие 2018 года [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.mas.by/ru/informacia/> – Дата доступа: 13.09 2019.
8. О некоторых вопросах аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области строительства [Электронный ресурс] Постановление Совета Министров Республики Беларусь 21 марта 2014 № 252//ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. Belarussian association «Country escape» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruralbelarus.by/index.php?option=com_content&view=article&id=37:05092011&catid=3:osnovnye-novosti&Itemid=2&lang=en. – Дата доступа: 13.09 2019.
10. Белорусская православная церковь Минская духовная семинария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minds.by/news/20090709_13-23-06#.XYj2SiDVLIU. – Дата доступа: 13.09 2019.

УДК 342.72/.73

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ**Т.А. АХРЕМЕНКО****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

Исследуется понятие экономического насилия в контексте правового регулирования данного вопроса в Республике Беларусь и зарубежных странах. В статье обосновывается целесообразность правового закрепления категории «экономическое насилие».

В 2018 году в Республике Беларусь вопрос о правовом противодействии экономическому насилию был поднят Министерством внутренних дел Республики Беларусь: была разработана концепция проекта Закона «О противодействии домашнему насилию».

Многие другие государства уже сейчас признают экономическое насилие на уровне законодательства. Несомненно, законодательному закреплению предшествует исследование социальной ситуации в стране, выявление потребностей в правовом регулировании общественных отношений. Такая позиция является наглядным подтверждением тому, что проблема существует в действительности. Следовательно, государства постепенно начинают предпринимать попытки в противодействии ей: принимают отдельные законы, дают определение экономическому насилию.

Экономическое насилие проявляется в следующих действиях: вмешательство партнера в рабочую или образовательную деятельность (запрет работать, учиться, принуждение работать); лишение ресурсов (денежные средства, предметы первой необходимости, такие как жилье, еда, лекарства, одежда и т.д.); единоличное принятие большинства финансовых решений; принуждение жертвы к получению кредита, к подписанию любого юридического документа и т.д.

Экономическое насилие должно рассматривать как нарушение конституционных прав человека. Первоначальным условием противодействия экономическому насилию является его правовое закрепление.

В концепции проекта Закона «О противодействии домашнему насилию» было дано следующее определение: «экономическое насилие – форма домашнего насилия, которая включает любые умышленные действия с целью поставить гражданина в зависимое положение посредством лишения его жилья, пищи, денежных средств или другого имущества, на которые он имеет право в соответствии с законодательством Республики Беларусь, либо возможности пользоваться ими, воспрепятствования получению социальных услуг, запрета работать или учиться, принуждения к труду». Определение делает акцент на умышленность противоправных действий, содержит в себе их исчерпывающий перечень. Подчеркивается цель установить зависимое положение.

Поскольку концепция закона Республики Беларусь «О противодействии домашнему насилию» не была принята, и разработка закона прекращена, в настоящее время формами домашнего насилия признаются акты физического, психологического и сексуального насилия (ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах профилактики правонарушений») [1].

Важным международным документом в области противодействия домашнему насилию является Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 г. № 210 [2]. Данная конвенция поддерживает призыв обеспечить большее равенство между женщинами и мужчинами, поскольку насилие в отношении женщин проистекает из отношений неравенства между женщинами и мужчинами в обществе и подпитывается культурой терпимости к насилию и его игнорирования. В статье 3 Конвенции "домашнее насилие" означает все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва. Республикой Беларусь данная Конвенция не ратифицирована.

Помимо того, что в понятие включено экономическое насилие, также определена сфера действия домашнего насилия и круг лиц, между которыми возникают отношения.

Так, законодатели большинства стран (страны Европейского союза, Украина, Республика Молдова, Республика Армения и др.) руководствуются положениями Стамбульской конвенции. В настоящее время – это наиболее прогрессивный акт, регулирующий указанные отношения. В соответствии с ней принимаются и совершенствуются нормативные акты, направленные на предупреждение и пресечение домашнего насилия.

В п. 4 ст. 1 Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» от 7 декабря 2017 под экономический насилием понимается: форма домашнего насилия, включая умышленное лишение жилья, еды, одежды, другого имущества, денежных средств и документов или возможности пользоваться ими, оставление без присмотра или попечительства, препятствование в получении необходимых услуг по лечению или реабилитации, запрет работать, принуждение к труду, запрет учиться и другие правонарушения экономического характера [3]. Приведен открытый список противоправных действий, которые направлены на экономические блага, что позволяет расширить содержание нормы.

В ч. 7 ст. 2 Закона Республики Молдова «О предупреждении и пресечении насилия в семье»: «экономическое насилие – лишение экономических средств, в том числе средств к существованию, таких как еда, лекарства, предметы первой необходимости; злоупотребление преимущественным положением для присвоения вещей лица; запрет на право владения, пользования и распоряжения общим имуществом; несправедливый контроль за общими имуществом и ресурсами; отказ содержать семью; принуждение к тяжелому и вредному для здоровья труду, в том числе несовершеннолетнего члена семьи; другие действия аналогичного характера» [4]. В определении так же перечисляются противоправные действия, однако отсутствует умысел лица, совершающего экономическое насилие.

В Законе Литовской Республики от 26 мая 2011 г. № xi-1425 «О защите от насилия в близком окружении»: «насилие – оказываемое на лицо действием или бездействием умышленное физическое, психическое, сексуальное, экономическое или иное воздействие, вследствие которого лицу наносится физический, материальный или нематериальный вред» [5]. Из определения насилия в законе можно вычленить экономическое – это умышленное действие или бездействие, вследствие которого лицу наносится материальный вред. Исходя из такого содержания возникает вопрос: какие умышленные действия, а в особенности – бездействия смогут считаться экономическим насилием, и что понимать под материальным вредом.

В Казахстане в п. 5 ст. 4 Закона «О профилактике бытового насилия» установлено: «экономическое насилие – умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право» [6]. В соответствии с данным понятием, экономическое насилие лишает человека основных благ, необходимых ему для нормальной жизнедеятельности, законных имуществ и средств. Однако не вполне ясно, что понимать под средствами.

Примеры из зарубежного законодательства позволяют сделать вывод о том, что нормы отличаются по своему содержанию, по объему толкования, по степени определенности действий, по степени строгости.

В большинстве случаев, расплывчатость определений, недостаток конкретизации действий, причиняющих имущественный вред, могут стать причиной злоупотребления правом на обращение об актах совершения экономического насилия.

Умышленность деяний позволяет подчеркнуть само отношение лица к этим действиям, возможность наступления неблагоприятных последствий. Такое положение дает возможность воспринимать всю совокупность действий как негативные, которые могут нанести значительный вред. Хотя в некоторых нормах указание на умышленность необоснованно отсутствует.

Законодатели группируют объекты посягательства в определенном порядке: от более значимых к менее. Так, на первое место ставятся такие жизненно необходимые блага, как жилье, пища, одежда (ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь: право на достойный уровень жизни), лекарства, также денежные средства, затем следует имущество, на которое лицо имеет право (ст. 29 Конституции: неприкосновенность законных владений), социальные услуги (лечение, реабилитация и т.п.). Запретами на работу и учебы, принуждением к труду наносится вред достоинству, свободе отдельного человека (ст. 25, 41, 45 Конституции: право на свободу, неприкосновенность, достоинство, право на труд, право на здоровье).

Поскольку в Республике Беларусь данный вопрос не урегулирован, граждане остаются подверженными риску применения к ним экономического насилия без возможности защитить свои права. Поэтому в целях обеспечения всесторонней и объективной защиты их конституционных прав от актов домашнего насилия представляется необходимым признавать экономическое насилие как отдельную правовую категорию. Это позволит сделать первый шаг в формировании законодательства о противодействии экономическому насилию, но и закреплении в общественном сознании нетерпимого отношения к любым формам проявления насилия в семье.

Считаем целесообразным в Закон Республики Беларусь «Об основах профилактики правонарушений» ввести дефиницию «экономическое насилие» следующего содержания: «экономическое насилие – форма домашнего насилия, которая включает умышленные действия экономического характера, выражающиеся в лишении необходимых для нормальной жизнедеятельности средств, таких как пища, жилья, одежды, лекарств, а также денежных средств, документов и другого имущества, на которое лицо имеет

предусмотренное законом право, или возможности пользоваться ими, воспрепятствовании в получении социальных услуг по лечению и реабилитации, запрете работать, учиться, принуждении к тяжелому и вредному для здоровья труду».

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687>. – Дата доступа: 05.09.2019.
3. Про запобігання та протидію домашньому насильству: Закон України, 7 дек. 2017 г. № 2789-III // Верховна Рада України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/2229-19>. – Дата доступа: 05.09.2019.
4. Cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie: Republica Moldova, 1.03.2007 Nr. 45// Parlamentul [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=327246&lang=1>. – Дата доступа: 05.09.2019.
5. Apsaugos nuo smurto artimoje aplinkoje įstatymas: Lietuvos Respublikos, 26 мая 2011 г. № XI-1425 // Lietuvos Respublikos Seimas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.400334>. – Дата доступа: 05.09.2019.
6. Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы: Қазақстан Республикасының, 4 дек. 2009 г. № 214-IV // Қазақстан Республикасының Парламенті [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z090000214_. – Дата доступа: 05.09.2019.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Детский правовой сайт. – Режим доступа: <http://www.mir.pravo.by>. – Дата доступа: 05.09.2019.

УДК 342.72/.73

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ**Т.А. АХРЕМЕНКО****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

В статье рассматриваются существующие в Республике Беларусь механизмы противодействия домашнему насилию. Исследуются вопросы о том, какие меры борьбы с домашним насилием могут быть применены в случаях совершения экономического насилия.

Домашнее насилие – это система поведения одного человека для установления и сохранения власти и контроля над другим человеком [1]. В обществе сформировалось мнение о том, что если насилие в семье и существует, то выражается либо в побоях, истязаниях (физическое насилие), либо в принуждении к сексуальным действиям (сексуальное насилие).

Поэтому основными формами домашнего насилия принято считать: физическое насилие (реальное и потенциальное применение физического вреда), психологическое насилие (устрашение, запугивание, причинение душевной или психологической травмы, ограничение свободы волеизъявления, унижение достоинства и т.д.), сексуальное насилие (любое принудительное сексуальное действие или использование сексуальности другого человека).

Однако существует и экономическое насилие, которое направлено на умышленное лишение человека необходимых для существования средств, имущества, на которое лицо имеет законное право. Также оно проявляется в таких действиях как оставление без присмотра и попечительства, препятствование в получении необходимых услуг по лечению и реабилитации, запрет работать, учиться, принуждение к вредному для здоровья труду, лишение денежных средств и документов, и другие действия имущественного характера.

Помимо этого, экономическое насилие является формой посягательства на основные права человека – конституционные: право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье, право на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, право на неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, право на труд, право на охрану здоровья, право на образование (ст. 21, 25, 29, 41, 45, 49 Конституции Республики Беларусь) [2].

Экономическое насилие обладает характерным для всех форм домашнего насилия признаком латентности, а также может являться одной из причин появления более тяжелых последствий.

Государства должны предпринимать всевозможные действия по пресечению и предупреждению экономического насилия для защиты прав и свобод человека и для формирования представления о том, что ни одно насилие не должно быть оправданным.

Во многих странах уже действуют нормативные правовые акты, которые определяют экономическое насилие. Например: Закон Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» [3], Закон Республики Молдова «О предупреждении и пресечении насилия в семье» [4], Закон Литовской Республики «О защите от насилия в близком окружении» [5], в Казахстане – Закон «О профилактике бытового насилия» [6] и т.д. Наличие правового регулирования позволяет говорить о том, что этот вид насилия фактически существует и представляет собой реальную проблему для общества.

Если рассматривать настоящее законодательство Республики Беларусь в области защиты жертв домашнего насилия, то существует закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений Республики Беларусь» [7]. Стоит отметить, что наличие отдельного закона о противодействии домашнему насилию способно обеспечить более эффективную защиту пострадавшим. В данный момент такого закона в Республике Беларусь нет. А в статье 1 Закона зафиксировано понятие насилия в семье без включения в него экономического.

Среди индивидуальных мер профилактики правонарушений законом установлены: профилактическая беседа; официальное предупреждение; профилактический учет; защитное предписание, иные меры, предусмотренные законодательными актами [7].

Профилактическая беседа – устное разъяснение гражданину общественной опасности подготовки и совершения правонарушений, правовых последствий, наступающих в результате совершения правонарушений, а также убеждение гражданина в недопустимости их совершения.

Коррекционная программа как профилактическое воздействие является специальным курсом психологической коррекции, направленным на изменение поведения обидчика, ориентированного на насилие, формирование у него навыков ненасильственной коммуникации, предотвращения повторного наси-

лия. Данные программы проводятся в центрах социального обслуживания семьи и детей специалистами в области психологии.

Официальное предупреждение как профилактическая мера. Однако стоит вопрос об эффективности и безопасности ее применения к еще большей агрессии со стороны обидчика. Евсикова Е.В., Жигулина В.В. отмечают наличие официального предупреждения как профилактической меры указывает на то, что существуют некоторые недостатки в реализации Закона об основах деятельности по профилактике правонарушений. Включение профилактической беседы показывает и на то, что государство ставит сохранение взаимоотношений с агрессором выше жизни, здоровья и безопасности жертв домашнего насилия [8].

Защитное предписание – одна из эффективных мер по предупреждению насильственных действий. Она также предусмотрена в Украине и в Республике Молдова, Литовской Республике. Защитное предписание представляет собой установление гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий. Такими ограничениями могут являться: запрет на попытки выяснить место пребывания гражданина; запрет на посещение места нахождения пострадавшего гражданина; запрет на общение, переписку, телефонные переговоры или контактировать через другие связи лично и через третьих лиц.

В вопросах противодействия необходимо говорить о том, что всесторонняя, комплексная и эффективная защита – это основа любой борьбы с насилием в семье, с экономическим насилием в частности. Так, В.В. Заболоцкая, Е.А. Коротич определяют следующие компоненты в борьбе с нарушениями прав человека: изменение общественного сознания; изменение законов и реформ системы уголовного правосудия; выполнение международных соглашений; процесс гуманизации общества.

Первым шагом к противодействию домашнему насилию будет являться изменение представлений в обществе о домашнем насилии и его формах, о их последствиях. Человек, к которому применяют экономическое насилие, должен понимать: когда ему ограничивают доступ к семейному бюджету, когда вмешиваются в личную жизнь запретом (принуждением) работать – это не семейные отношения, какими они должны быть, это нарушение основных его прав. Это фундамент для последующего насилия, для более тяжелых форм его проявления. Ведь то, что под насилием в семье понимает общество, накладывает отпечаток на то, насколько эффективно можно этому противодействовать.

Второй шаг – законодательное закрепление экономического насилия в качестве отдельной правовой категории и включение его в Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

Третье – непосредственно сами меры противодействия, которые смогут соответствовать экономическому насилию, учитывая его характерные особенности:

- 1) коррекционная программа как профилактическое воздействие;
- 2) защитное предписание, включающее меры по ограничению в праве в одностороннем порядке распоряжаться общим имуществом (как денежные средства, так и вещи, например, автомобиль), обидчик может быть обязан временно покинуть общее с пострадавшим жилое помещение на время с возможностью взять с собой только личные вещи;
- 3) также, когда речь идет об экономическом насилии, представляется необходимым предусматривать и такую меру противодействия как требование от обидчика компенсации затрат (например, на аренду жилья).

Несомненно, меры по борьбе с экономическим насилием – это комплекс, включающий взаимодействие субъектов, осуществляющих мероприятия в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию, общественных организаций и объединений, исследовательских центров на выявление причин домашнего насилия, его форм и эффективности применения инструментов по его противодействию, СМИ по освещению данного вопроса с целью осведомления населения. Используя все механизмы, реагируя на проблемы домашнего насилия, государства способны в полной мере обеспечить свободу, неприкосновенность и достоинство личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Печенкин, В.В. Межведомственное взаимодействие в сфере решения проблемы насилия в семье / В.В. Печенкин // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 1. – С. 118–123.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Детский правовой сайт. – Режим доступа: <http://www.mir.pravo.by>. – Дата доступа: 05.09.2019.

3. Про запобігання та протидію домашньому насильству: Закон України, 7 декабря 2017 года № 2789-III // Верховна Рада України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/2229-19>. – Дата доступа: 05.09.2019.
4. Cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie: Republica Moldova, 1 марта 2007 Nr. 45// Parlamentul [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=327246&lang=1>. – Дата доступа: 05.09.2019.
5. Apsaugos nuo smurto artimoje aplinkoje įstatymas: Lietuvos Respublikos, 26 мая 2011 г. № XI-1425 // Lietuvos Respublikos Seimas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.400334>. – Дата доступа: 05.09.2019.
6. Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы: Қазақстан Республикасының, 4 декабря 2009 года N 214-IV // Қазақстан Республикасының Парламенті [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z090000214_. – Дата доступа: 05.09.2019.
7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Евсикова, Е.В. Особенности законодательного урегулирования предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации и других государствах- членах Евразийского экономического союза / Е.В. Евсикова, В.В. Жигулина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-zakonodatelnogo-uregulirovaniya-preduprezhdeniya-domashnego-nasiliya-v-rossiyskoy-federatsii-i-drugih-gosudarstvah>. – Дата доступа: 06.05.2019.

УДК 340

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ****К.А. ГАЙКОВА****(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)**

В публикации рассматриваются пути совершенствования правовой защиты биометрических персональных данных в законодательстве Республики Беларусь.

В связи с развитием информационного общества появилась необходимость в правовой защите персональных данных. Участились случаи несанкционированного доступа, что могло привести к утечкам, а те к потере репутации, которая важна для крупных организаций или предприятий. Физические лица сталкиваются с этой проблемой почти ежедневно: предоставление своих данных при посещении поликлиники, банка, учебного заведения, при приеме на работу и т.д.

Ю.Г. Просвирнин выделяет два признака персональных данных:

1) должны относиться к конкретному человеку, что позволило бы идентифицировать его прямо или косвенно;

2) с учетом требования действующего законодательства такая информация должна быть независима от формы ее представления и зафиксирована на материальном носителе [1, с. 178].

В 2018 году был подготовлен законопроект о персональных данных, в апреле 2019 был внесен на обсуждение в Палату Представителей. 13 июня 2019 года был принят в первом чтении.

На протяжении правовой истории Беларуси еще не было нормативного акта, который бы регулировал именно сферу персональных данных. Однако пока это всего лишь законопроект, находящийся в разработке и имеющий некоторые недостатки, в том числе и пробелы.

Одной из недоработок выступает отсутствие санкций за нарушение норм, рассматриваемого законопроекта. На сегодняшний момент в Кодексе Республики Беларусь (далее – КоАП) об административных правонарушениях предусмотрена статья 22.13 «Разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны либо персональных данных», где наказание назначается в виде штрафа в размере от 4-х до 20-ти базовых величин. Так же в Уголовном Кодексе Республики Беларусь (далее – Уголовный Кодекс) статья 179 «Незаконное собиране либо распространение информации о частной жизни» предусматривает наказания от общественных работ, штрафом, арестом до лишения свободы сроком до 3-х лет. В связи с этим, можно сделать вывод, что Уголовный Кодекс и КоАП должны пополниться новыми статьями.

Так же в проекте выделяется четыре вида персональных данных:

1) биометрические – это сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, с помощью которых и будет идентифицировано лицо. Например: отпечатки пальцев, ладоней, радужная оболочка глаза и др.;

2) генетические персональные данные – уникальные и постоянные сведения, касающиеся генетического наследия и (или) кода ДНК человека, на основании которых можно его идентифицировать;

3) общедоступные – это данные распространенные самим субъектом либо с его согласия, либо распространенные в соответствии с требованиями законодательных актов;

4) специальные – данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, судимости.

Все выше перечисленные данные субъекта будет собирать, обрабатывать, распространять, а также предоставлять государственный орган, физическое либо юридическое лицо. В законопроекте дается такое понятие как оператор. В некоторых случаях, предусмотренных в рассматриваемом проекте, оператор может не уведомлять субъекта о том, что с его персональными данными как-то взаимодействуют.

Мы полагаем, что требуется ввести в законопроект правовые гарантии по защите персональных данных, согласно которым ни один из органов, в том числе операторов не сможет получить информацию о субъекте, если сам субъект не дал письменное разрешение, за исключением абз.6 ч.1 ст.6 Закона «О персональных данных» «для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно, в частности, по причине бессознательного состояния такого лица или его безвестного отсутствия». Такой информацией, обладающей правовыми гарантиями должны быть: генетические персональные данные (информация о генетическом наследии и коде ДНК человека) и специальные персональ-

ные данные, касающиеся политических взглядов, религиозных и др. убеждений и половой жизни. Таким образом, обеспечивается реализация статьи 28 Конституции Республики Беларусь «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство».

Регулятором должен будет служить учрежденный центральный орган по защите прав субъектов, касающийся персональных данных. У органа будут следующие полномочия:

- рассмотрение заявлений субъектов по вопросам их личной информации,
- наблюдение за исполнением закона операторами,
- защита прав граждан.

Не исключено, что нужна квалифицированная подготовка лиц для работы с информацией, где потребуются знания не только информационно-коммуникационных технологий.

Если документ вступит в законную силу, то это вызовет вопросы в сфере бизнеса и, скорее всего, малый и средний бизнес может не справиться с требованиями по защите данных. Бизнес Республики Беларусь в основном ориентирован на экспорт, в связи с чем потребуется дополнительная защита данных зарубежных пользователей, а также белорусских граждан. Следует учитывать то, что индивидуальному предпринимателю потребуется письменное соглашение работника для сбора, распространения и передачи информации. Однако, в проекте закона, как указывалось выше, предусмотрены исключения, где не требуется спрашивать согласие субъекта.

В заключение, отметим, что отдельные аспекты законопроекта нуждаются в доработке. В том числе, следовало бы уделить особое внимание квалифицированной подготовке лиц, а также защите личной информации, дабы не повторить ошибки государств, в которых уже действуют системы персональных биометрических данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Просвирнин, Ю.Г. Защита персональных данных / Ю.Г. Просвирнин // Вестник ВГУ. – 2008. – № 2. – С. 178.

УДК 340

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****К.А. ГАЙКОВА****(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)**

В публикации рассматривается анализ защиты биометрических персональных данных в практике зарубежных государств.

Биометрическая идентификация – это предоставление лицом своего уникального биометрического параметра и процесс сравнения полученной информации с имеющейся базой данных. Отпечаток пальца – наиболее разработанный и популярный на сегодняшний день метод распознавания личности. Однако дактилоскопия не единственный способ идентификации в использовании биометрических данных. Так же применяется определение личности по: радужке, сетчатке глаза, геометрии лица, венам рук. Различные методы идентификации используются в практике во многих государствах.

В качестве примера можно привести Китайскую Народную Республику. Законодательство данного государства в сфере не предусматривает специальный закон о защите персональных данных. Один из нормативных правовых актов как Конституция КНР гарантирует защиту чести и достоинства личности (ст. 38), свободу и тайну переписки (ст.40) [1].

В государстве используются новейшие технологии для идентификации. Наиболее широко используются камеры с распознаванием лиц, которые позволяют за считанные секунды найти разыскиваемого преступника или пропавшего без вести человека. В некоторых случаях этот способ идентификации является не эффективным т.к. он включает в себя ряд недостатков. Во-первых, сканирование лица происходит при определенном освещении и угле наклона. Во-вторых, огромную роль играет вариация лица, т.е. макияж, головные уборы, усы, очки, физические и психологическое состояния субъекта, старение. Если же при первом недостатке условия еще можно создать, то при втором это просто невозможно. В связи с этим могут происходить ошибочные аресты

Республика Индия – государство, где персональные данные почти не урегулированы законом. Крупнейшая в мире биометрическая система Индии носит название Aadhaar («основа»). В ней уже зарегистрировано более 1,1 миллиарда людей. Система не является обязательной, но появляется все больше услуг, требующие регистрации в Aadhaar, что не дает гражданам выбора, как зарегистрироваться. Сама же система ни разу не проверялась на защищенность от хакерских атак.

Так, Махендра Дхони, популярный индийский игрок в крикет, стал потерпевшим в связи с утечкой данных, в результате которой образовался крупный скандал, т.к. был опубликован номер социальной страховки игрока. Но управление не посчитало эту утечку каким-то недочетом в своей системе. И, конечно, такие казусы случались не единожды. В базе были неоднократно замечены фальшивые данные коров и собак.

Так же, рассматриваемая база данных носит и положительный характер. К примеру, у большого количества людей не было свидетельства о рождении, но эта биометрическая система позволила открыть доступ к финансовым возможностям (счет в банке, кредит и т.д), трудоустроиться и т.д.

В Великобритании биометрические данные задействованы почти во всех сферах жизни общества. Системы идентификации используются для различных целей: обработка платежей, при приеме на работу, голосование и т.д. Вдобавок, биометрия получила широкое развитие в системе пограничного контроля. Тем не менее, правительство Великобритании в 2015 году объявило, что лица, которые регистрируются и хотят получить гражданство, будут обязаны предоставить свою биометрическую информацию в своем заявлении. В данную категорию лиц входят граждане стран, не входящих в Европейское экономическое пространство (ЕЕА), которые подают заявление на получение карты проживания или карты постоянного проживания. Нововведения призваны помочь урегулировать и согласовать действующее законодательство. Кроме того, это может облегчить процедуру подтверждения статуса в Великобритании, а также помочь в идентификации тех лиц, которые проживают в Англии незаконно [2].

Для защиты данных в Великобритании применяются Национальный регистратор и Национальный суд. Для исполнения своих задач регистратор наделен:

– административно-властными полномочиями (регистрации лиц, которые заняты сбором, обработкой и распространением данных);

– следственными полномочиями (доступ в помещение для инспекции информационных систем и на конфискацию имущества или документов, которые служат доказательством нарушения законодательства о защите данных);

– полномочиями на возбуждение уголовного преследования нарушителей законодательства о защите данных [3, с. 70].

Что же касается полномочий суда, то они ограничиваются рассмотрением апелляций на решения, принятые регистратором.

В Федеративной Республике Германии существует самое строгое законодательство, касающееся защиты данных. По мнению А.В.Параскевова Германия, является европейским лидером в сфере правового регулирования персональных данных. Германия приняла первый в мире закон о защите данных в 1970 году. За ним же был принят в 1977 году Федеральный закон о защите персональных данных, пересмотренный в 1990 году [4, с. 12].

Так как ФРГ представляет собой 16 земель, то соответственно каждая территория имеет свои законы по регулированию вопросов, касающихся персональных данных. На каждой земле присутствует специально уполномоченный надзорный орган, который призван осуществлять надзор за соблюдением законодательства в сфере персональных данных – Федеральная комиссия. Санкциями, которые может наложить надзорный орган, в случае нарушения законодательства являются штраф либо заключение.

Кроме того, в законе предусматривается, что необходимо получить разрешение по сбору, обработке и передаче данных. В том числе, общественные и частные учреждения должны по требованию субъекта проинформировать его, какими данными о нем располагают. Однако, в законодательстве Республики Германии отсутствуют положения, касающиеся распространения и защите данных умерших.

Таким образом, проанализировав международную практику и опыт можно сделать вывод, что одной из самых совершенных систем в сфере персональных биометрических данных является Федеративная Республика Германия.

Сравнительный анализ правовой защиты биометрических данных дал понять, что в Республике Беларусь персональные биометрические данные практически не урегулированы законодательством. Однако разрабатывается законопроект, который должен исправить этот недочет. Следует учитывать и то, что была проведена консультация с международными органами Европейского Союза, где законодательная база наиболее развита по вопросам защиты персональных данных. На основании этого, есть возможность предположить, что будущий закон будет удовлетворять требованиям на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chinalaw.center [Электронный ресурс]: Конституция КНР. – Режим доступа: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/. – Дата доступа: 13.09.2019.
2. Reddick Biometric UPDATE [Electronic resource] immigration introduces new rules regarding biometrics, 2015. – Mode of access: <https://www.biometricupdate.com/201503/uk-immigration-introduces-new-rules-regarding-biometrics>. – Date of access: 13.04.2019.
3. Иванский В.П. Правовая защита информации о частной жизни граждан / В.П. Иванский // М. : Издат. РУДН. – 1999. – С. 70.
4. Параскевов А.В. Сравнительный анализ правового регулирования защиты персональных данных в России и за рубежом / А.В. Параскевов, А.В. Левченко, Ю.А. Кухоль. – КубГАУ. – 2015. – № 110 (06). – С. 12.

УДК 342

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**А.А. ГЕРАСИМЕНОК***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы национального правового регулирования правовых гарантий реализации прав детей. Акцентируется внимание на конкретных и основных нормативных правовых актах Республики Беларусь в сфере регулирования правовых гарантий реализации прав ребёнка

Немыслимо закреплять какие-либо права детей в государстве, если нет чётких и ясных механизмов по защите данных прав, которые нормативно закреплены и приведены в не виртуальное исполнение. В рамках общей теории права давно сформировано положение, согласно которому правовой статус личности складывается из прав, обязанностей и гарантий. Гарантии являются неотъемлемым элементом обеспечения прав и свобод детей. Под гарантиями реализации прав детей понимаются меры, которые способствуют обеспечению реализации прав детей.

Ребенок является субъектом права, однако зависимое положение детей может создавать для них трудности в использовании средств правовой защиты в случае нарушения их прав [1, с. 2].

Общая теория права выделяет материальные, политические, духовные и юридические гарантии. Материальные, политические и духовные гарантии, в силу сложности реализации самим субъектом уступают по возможностям использования юридическим гарантиям, ведь, например, очевидно, что ребёнок в силу законодательных цензов не может реализовать свои политические гарантии. В отношении детей подавляющими являются юридические гарантии. Юридические гарантии – нормативно закреплённые правовые средства, с помощью которых обеспечивается реализация субъективных прав и законных интересов субъекта.

Собственно, отдельного закона в Республике Беларусь о правовых гарантиях прав детей не существует. Статья 2 Конституции Республики Беларусь закрепляет, что не только признание, но и соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина – высшая цель общества и государства [2]. То есть, конституционно, гарантии реализации прав детей и взрослых не различаются. Как правило, гарантии реализации прав ребёнка проявляется в их защите со стороны компетентных государственных органов, в основном это органы опеки и попечительства, а также в комиссии по делам несовершеннолетних. В части 3 статьи 13 Закона Республики Беларусь о правах ребёнка, закреплено следующее положение. В случае нарушения прав ребенка, которые определены Конвенцией Организации Объединённых Наций о правах ребенка 1989 года и иными актами законодательства Республики Беларусь, ребенок имеет право обращаться в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – в суд для защиты своих прав и законных интересов, а также осуществлять защиту прав и законных интересов через своих законных представителей [3].

В ст. 32 Конституции Республики Беларусь за родителями закрепляется одновременно право и обязанность на воспитание детей во всех проявлениях, начиная от защиты их здоровья и заканчивая нравственным и образовательным развитием. За нарушения прав детей и уклонение от своих обязанностей дети могут быть отделены от родителей. Относительно детей данное положение является гарантией реализации их нормативно закреплённых прав. Ведь, если законные представители не могут обеспечить права ребёнка, то вместо них это сделает государство. Интересным является положение о том, что государство создаёт необходимые условия для свободного и эффективного участия молодёжи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии. То есть, исходя из лексического толкования, предполагается, что государство берёт на себя обязанность в создании перечисленных условий. Данное положение частично реализуется в национальном плане действий по улучшению положения детей и охране их прав, а также путём проведения различного рода мероприятий, например, проведение молодёжных парламентов.

Статья 20 Конвенции о правах ребёнка закрепляет за ним право на защиту и помощь при лишении им семейного окружения. В Республике Беларусь гарантией реализации данного права является положение части 2 статьи 29 закона Республики Беларусь о правах ребёнка, согласно которому «органы опеки и попечительства, иные организации, уполномоченные законодательством Республики Беларусь осуществлять защиту прав и законных интересов детей, должны предпринимать все меры по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью. При этом дети с учётом их интересов подлежат преимущественному устройству в семьи родственников детей либо в семьи

граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь» [3]. Нельзя не отметить положительную тенденцию по уменьшению количества детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей с 4 199 в 2011 году и 2 369 в 2017 году [4], согласно официальной статистики Белорусского статистического комитета. И при этом численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях на усыновление, снижается с 10 257 в 2011 году и 11 168 в 2017 году [4].

Большим пробелом в гарантиях реализации прав детей является отсутствие в Республике Беларусь уполномоченного по правам ребёнка (далее омбудсмен). Должность уполномоченное по правам ребёнка существует во многих странах Латинской и Северной Америки, Европы. Исходя из опыта зарубежных государств Главным и неоспоримым преимуществом омбудсмана является то, что он является самостоятельным и независимым органом, также у него есть возможность выступать от имени детей и концентрировать свою работу на защите прав детей и их реализации. Мы уверенно предполагаем, что введение должности детского омбудсмана является первоочерёдным и необходимым шагом для действительности гарантий реализации прав ребёнка.

Соответственно, в силу того, что ребёнок сам не может о себе позаботиться следует прежде всего развивать юридические и институциональные гарантии, то есть улучшать систему общественных и государственных организаций, которые будут способствовать недопущению нарушению прав ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goncharova D. V. The legal framework to protect the rights of children / D.V Goncharova // International scientific review. – 2015. – Vol. 1, № 2. - P. 13-15.
2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Амалфея, 2008. – 48 с.
3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 №2570 XII: в ред. Закона Респ.Беларусь от 12.12.2013 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya_statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10763/. – Дата доступа: 13.09.2019.

УДК 342

**ДЕТСКИЙ ОМБУДСМЕН КАК ОДНА ИЗ ГАРАНТИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ДЕТЕЙ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****А.А. ГЕРАСИМЕНОК***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается зарубежная практика деятельности детского омбудсмента, исследуются его полномочия, функции и цели, которые ставятся перед ним. Акцентируется внимание на положительном опыте института детского омбудсмента в зарубежных государствах.

Детский омбудсмен является следствием наличие в государстве институциональных гарантий реализации прав и законных интересов ребёнка. Государства, которые общепризнаны на мировой арене действительно правовыми, имеют параллельно должность и омбудсмента, и детского омбудсмента. Такая дифференциация необходима в связи с тем, что взрослый человек и ребёнок – совершенно разные личности, с полностью разноцветной эмоциональной, интеллектуальной и мировоззренческой палитрой. Наличие института детского омбудсмента показывает зрелость правовых гарантий в государстве.

Детский омбудсмен – независимое должностное лицо, осуществляющее защиту прав и свобод несовершеннолетних, наблюдающее за законностью и обоснованности действий государственных органов в отношении детей [5, с. 133]. Существуют разные подходы к сущности должности детского омбудсмента. Первый подход нормативно фиксирует детского омбудсмента как государственную должность, наделённую властными полномочиями. При данном подходе детский омбудсмен осуществляет надзор за деятельностью государственных и негосударственных учреждений, которые работают в сферах, затрагивающих детей. При выявлении факта нарушения прав детей, детский омбудсмен имеет право принимать нормативные решения, которые обязаны к исполнять поднадзорные субъекты, в противном случае они будут привлечены к административной ответственности. Данный подход реализуется в Литовской Республике. Второй подход к сущности должности детского омбудсмента заключается в том, что данная должность не наделяется властными полномочиями, хотя и считается государственной должностью. При таком подходе детский омбудсмен воспринимается скорее как SMM-маркетолог, который лишь привлекает внимание к правам и интересам детей. При таком подходе детский омбудсмен неправомочен сам начинать и вести административный процесс, то есть самостоятельно, по своему усмотрению, привлекать лицо, которое нарушило права или интересы детей не может. Данный подход используется в Австрийской Республике.

Далее необходимо рассмотреть гарантии реализации прав детей в Российской Федерации. Российское законодательство в сфере гарантий прав детей развито лучше по сравнению с белорусским. Так, в 1998 году был принят Федеральный закон об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации [1]. Данным законом определяются цели государственной политики в интересах детей, полномочия органов государственной власти, законодательные гарантии прав ребёнка, меры по защите прав ребёнка в области образования, профессиональной занятости, в сфере обеспечения прав детей на отдых и здоровья и многое другое. Наличие такого закона позволяет, в одном нормативном правовом акте, всесторонне и полно регулировать и закреплять гарантии реализации прав детей. В Российской Федерации также существует должность уполномоченного по при президенте Российской Федерации по правам человека, что является плюсом по отношению гарантий прав ребёнка. Правовой статус детского омбудсмента регулируется указом Президента Российской Федерации «Об уполномоченном при президенте Российской Федерации по правам ребёнка» [2]. В соответствии с пунктом 4 настоящего указа детский омбудсмен имеет право:

- запрашивать и получать в установленном порядке необходимые сведения, документы и материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц;
- беспрепятственно посещать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации;
- проводить самостоятельно или совместно с уполномоченными государственными органами и должностными лицами проверку деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также должностных лиц, получать от них соответствующие разъяснения;
- направлять в федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти

субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и интересов ребенка, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и интересов;

– привлекать в установленном порядке для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка, научные и иные организации, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе [2].

Важность деятельности детского омбудсмена должна способствовать тому, чтобы внимание общества было сфокусировано на проблемах обеспечения прав, свобод и законных интересов ребенка, в какой бы ситуации тот ни находился и к какой бы социальной группе ни принадлежал [3, с.26].

Республика Польша является одной из зарубежных стран, где гарантии реализации прав детей развиты на очень высоком уровне. Прежде всего это проявляется в правовом положении уполномоченного по правам ребёнка. Польша – это первое и на данный момент единственное государство, которое на конституционном уровне закрепило статус детского омбудсмена. Закон определяет компетенцию и порядок назначения Защитника Прав Ребёнка [4]. Детский омбудсмен в Польше в соответствии с законом имеет широкие полномочия при осуществлении своей деятельности:

- расследовать, даже без предупреждения, каждое дело на месте;
- требовать от органов власти, организаций или учреждений предоставления объяснений, информации, а также актов и документов, в том числе, содержащих личные данные, также доступны для ознакомления в Бюро Уполномоченного по правам ребёнка;
- заявить о своем участии в судебных делах, рассматриваемых Конституционным Трибуналом, возбуждённых на основании заявления Уполномоченного по гражданским правам или по вопросу конституционной жалобы, касающихся прав ребенка, а также участвовать в этих процессах;
- обращаться в Верховный Суд с предложениями по вопросу решения расхождений в интерпретации законодательства в сфере юридических положений, касающихся прав ребенка;
- внести кассацию или кассационную жалобу на правомочное решение, в порядке и на принципах, определенных в отдельных положениях;
- требовать начать расследование в гражданских делах, а также участвовать в уже начатом процессе - на правах, которые предоставляются прокурору;
- принять участие в начатом процессе, касающемся несовершеннолетних - на правах, которые предоставляются прокурору;
- требовать возбуждения назначенным обвинителем подготовительного процесса в делах о преступлениях;
- обращаться с требованием возбуждения производства об административном правонарушении, вносить жалобы в административный суд, а также участвовать в этих процессах - на правах, которые предоставляются прокурору;
- обратиться с предложением по поводу наказания в процессах, касающихся правонарушений, в порядке и на принципах, определенных в отдельных положениях;
- поручать проведение исследований, а также приготовление экспертиз и заключений.

То есть, проанализировав данные положения видно, что детский омбудсмен в Республики Польша имеет весьма широкие полномочия, что помогает ему эффективно защищать права детей и соблюдать исполнение гарантий прав детей. Все вышеуказанные положения, которые были приведены в данной статье способны улучшить гарантию реализацию прав детей в Республике Беларусь, так как не имеют в своём основании каких-либо ментальных, национальных или культурных моментов, которые привели бы к появлению разломов между традиционными способами реализации гарантий прав детей и зарубежными методами защиты прав детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июля 1998 г., №124-ФЗ в ред. Федерального закона от 04.06.2018 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
2. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. конституц. закон, 26 февр. 1997 г., № 1-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. закона от 31.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

3. Додонова А.Д. Становление института Уполномоченного по правам ребенка в зарубежных государствах / А.Д. Додонова // Становление института Уполномоченного по правам ребенка в зарубежных государствах. – 2013.- №4.- С.24-36.
4. Конституция Республики Польша [электронный ресурс] : Принята Национальным Собранием Республики Польша 2 апр. 1997 г. Режим доступа. - <https://worldconstitutions.ru/?p=112>. – Дата доступа: 05.09.2019.
5. Федорова О.В. Краткая характеристика деятельности уполномоченных по правам ребёнка в некоторых зарубежных странах / О.В. Федорова // Известия Байкальского государственного университета. – 2013. - № 6. – С. 133-137.

УДК 342

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «РЕБЕНОК»
КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****А.А. ГЕРАСИМЕНОК***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье анализируется теоретическая и правовая характеристика понятия «ребёнок». Акцентируется внимание на конкретных и основных нормативных правовых актах Республики Беларусь, зарубежных государств, регламентирующих правовой статус ребенка как субъекта конституционно-правовых отношений.

Если говорить о субъектах конституционно-правовых отношений, то юридическая наука, в целом, не затрагивает детей, как особую категорию конституционно-правовых отношений. Тому есть ряд причин, включая и универсальный и обобщённый характер Конституции Республики Беларусь. Однако, некоторые статьи Конституции всё же затрагивают их правовой статус и упоминают детей как субъектов конституционных правоотношений. Целью данного исследования является проведение обстоятельного правового анализа понятия «ребёнок» с теоретических и правовых позиций, с целью наиболее правильного понимания ребёнка как субъекта конституционных правоотношений.

В традиционном понимании, дети – это люди, возрастные рамки которых колеблются в пределах от рождения и до момента совершеннолетия. К примеру, на Фарерских островах - это 14 лет, а в Сингапуре – с 21 года. Согласно Конвенции о правах ребёнка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, ребёнком считается лицо, достигшее 18-летнего возраста, только, если по закону он не достигает совершеннолетия ранее [1]. Аналогичная формулировка применяется и для определения понятия «ребёнок» в Республике Беларусь. Так, согласно части 2 статьи 1 Закона о правах ребенка под ребёнком понимается физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объёме [2]. Примечательной является вторая часть вышеприведённой правовой дефиниции, если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объёме. Данная формулировка означает, что по законодательству Республики Беларусь ребёнок может утратить статус ребёнка, а именно в случае эмансипации. Гражданскую дееспособность в полном объёме может приобрести лицо путём эмансипации. Так, статья 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь описывает условия объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным, к числу которых относятся следующие:

1. Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору(контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

2. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органов опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя, а при отсутствии такого согласия – по решению суда [3].

Таким образом, само определения понятия «ребёнок» по международному праву и по национальному законодательству Республики Беларусь не расходятся, и имеют практически идентичное определение с конкретной цифрой – 18 лет, однако в международном праве нет разделений на малолетних, подростков. Если выделять положительные и отрицательные моменты в правовом определении «ребёнок», то к «плюсам» можно отнести следующее: наличие конкретно-определённого возраста достижения совершеннолетия, то есть присутствие конкретной цифры, благодаря которой можно чётко отнести лицо к «ребёнку» или «взрослому», а к отрицательному – то что, в определении не приводятся психофизиологические особенности, присущие детям.

В рамках юридической науки изучение особенностей такого субъекта конституционно-правовых отношений часто являлось предметом исследований К примеру, профессор В.М. Полонский давал следующее определение понятия ребёнок: «ребёнок – человек не достигший 18 лет» [4, с. 123]. На наш взгляд, данное понятие слишком укороченное и упрощённое, так как само определение строится лишь вокруг одной цифры 18, не учитывает градации возраста ребёнка, ведь очевидно, что психическом развитии, ребёнок в 1 год и ребёнок в 17 лет сильно различаются, к тому же объём дееспособности у лиц до 18 лет различен. Однако наличие точного возрастного предела, позволяет на формальном уровне точно относить лицо к ребёнку.

Анализируя подход В.М. Полонского, Анисимов В.П. отмечает следующее: «такое устаревшее (средневековое) представление о ребёнке как лишь маленькой копии взрослого и существе асоциальном, требующем постоянной заботы и пристального контроля и руководства взрослых по его непрерывной социализации, уже давно не соответствует современным философским, социально психологическим, теологическим и собственно педагогическим представлениям» [5]. Напомним, что согласно законодательному подходу Республики Беларусь под ребёнком физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме [2]. Для сравнения приведем законодательный подход к определению ребенка в Российской Федерации. Так, российское законодательство пошло по пути слияния понятия «ребёнок» на национальном уровне и международном. Так, согласно Семейному Кодексу Российской Федерации, «ребёнок – лицо, не достигшее возраста 18 лет» [6], это же определение встречается и в Конвенции о правах ребёнка. В России также принято деление детей на подростков, несовершеннолетних и малолетних. Однако, в основном определении ребёнка отсутствует упоминание о возможности эмансипации ребёнка, хотя и гражданское законодательство Российской Федерации допускает эмансипацию ребёнка при соблюдении определённых условий. Российский законодатель, в отличие от белорусского отождествил международное определение понятия ребёнка с национальным.

В юридической науке имеются подходы, согласно которым в общем понятии «ребенок» выделяются отдельные категории. Так, Солдатов А.П. разделял понятие «несовершеннолетний» на «малолетний» и «подросток», «малолетний» употребляется в отношении детей с момента рождения до 10 лет, а подросток – ребёнок от 10 до 14 лет [7, с. 113]. Правовед Капитонова Е.А. считает, что понятия «ребёнок» и «несовершеннолетний» тождественны по содержанию [8, с. 13].

Мы с таким предположением не согласны, поскольку понятие «ребёнок» слишком обширно и универсально, ведь ребёнок – любое лицо до 18 лет, а понятие «несовершеннолетний» довольно конкретизировано. Таким образом, правовое регулирование прав ребенка представлено на международном и республиканском уровне. Принципы международного права имеют большое значение для развития национального законодательства Республики Беларусь, обеспечивая соответствие нормам международного права национального законодательства. Различие в понимании термина «ребенок» состоит в разделении возрастных рамок, в зависимости от которых выделяются разновидности.

Поскольку речь идёт о теоретическом понятии ребёнка, то непременно следует оперировать категориями и подходами педагогики, которая, не заикливаясь на одном понятии «ребёнка», а дополнительно выделяет понятия малолетнего и подростка, в связи с различным психофизиологическим состоянием ребёнка. На правовом уровне так же необходимо провести дифференциацию понятия ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 06.09.2019.
2. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 №2570 XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г.; № 218-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2006 г. // Консультант плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Полонский, В.М. словарь по образованию и педагогике / В.М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.
5. Анисимов, В.П. К определению ключевого понятия арт-педагогике – ребенок / В.П. Анисимов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–11. – С. 2440–2449.
6. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : с изм. от 15 ноября 1997 г., 27 июня 1998 г., 2 января 2000 г., 22 августа, 28 декабря 2004 г., 3 июня, 18, 29 декабря 2006 г., 21 июля 2007 г., 24 апреля, 30 июня 2008 г., 23 декабря 2010 г., 4 мая, 30 ноября 2011 г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
7. Солдатов, А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления / А.П. Солдатов. – Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2008. – 387 с.
8. Капитонова, Е.А. Конституционные обязанности ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.А. Капитонова. – Пенза, 2010. – 25 с.

УДК 342

**НЕКОРРЕКТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ИНВАЛИД»
НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ****А.А. ГРИНЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования статуса инвалидов на международном и национальном уровне. Автором уделяется внимание на определение понятия «инвалид», выделяются его характерные признаки. На основании проведенного исследования приводятся аргументы некорректности использования термина «инвалид» в законодательстве Республики Беларусь

В настоящее время проблема определения правового статуса инвалидов является проблемой всего мира, в том числе, и Республики Беларусь. В нашем государстве постоянно увеличивается число инвалидов, ходатайствующих о предоставлении социальной помощи, о чем свидетельствуют цифры официальной статистики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современный период обществу всегда было интересно наблюдать и узнавать о признании прав инвалидов в Республики Беларусь и за её пределами.

Признание прав инвалидов актуально на территории Республики Беларусь. Доказательством тому может служить, что согласно Национальному плану действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь: «По итогам 2016 года численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, составила 554,9 тыс. человек (около 6 процентов от численности населения страны), в том числе: инвалидов I группы – 86,5 тыс. человек; II группы – 266,4 тыс. человек; III группы – 172,4 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 29,6 тыс. человек. В 2016 году общая численность инвалидов увеличилась по сравнению с предшествующим годом на 5,4 тыс. человек [4]». Из этих данных можно сделать следующий вывод: на территории Республики Беларусь 6% населения инвалиды, которые нуждаются в социальной помощи, защите их прав и свобод и в защите от дискриминации.

В статье закона «О социальной защите инвалидов в Республики Беларусь» есть такое определение: «инвалид – лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами». Получается, что в статье закона человек с инвалидностью рассматривается как больной, недееспособный, несамостоятельный и нуждающийся в защите.

Тогда как в «Конвенции о правах инвалидов» мы видим совсем другое определение: «Инвалидность — эволюционирующее понятие, инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими».

Таким образом, если в первом определении мы говорим о медицинских аспектах и практически сразу навешиваем на человека ярлыки (человек имеет инвалидность, значит, он не может петь, танцевать, читать и ходить в музеи), то во втором речь идет непосредственно об отношении окружающих и тем психологическим барьерам, которые мешают им свободно общаться с особыми людьми.

Отсюда вывод: инвалидность — вовсе не медицинское, а социальное понятие и одна из форм неравенства, которая формируется обществом.

Согласно анализу части 2 статьи 1 Конвенции о правах инвалидов: «К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими [1]». Из данного определения можно выделить следующие признаки:

- инвалид - лицо, которое имеет устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем;
- инвалид – лицо, которое имеет ограниченные возможности, в связи со здоровьем;
- инвалид – лицо, которое не может эффективно участвовать в жизни общества наравне с другими.

Данное определение было разработано в 2006 году. Однако общество не стоит на месте и на наш взгляд его стоит немного разработать. В данном определении нет не одного слова о дискриминации инвалидов. Это является слабой стороной в данном определении, так как этот вопрос не прописан в определении. На наш взгляд, Инвалид – это лицо, которое подвергается дискриминации со стороны общества.

Данная проблема существует в современном обществе долгое время. Международные организации издают и принимают нормативные акты для урегулирования данной проблемы. Конвенция о правах инвалидов одной из своих целей прописывает защиту от дискриминации инвалидов.

На наш взгляд, Инвалид - это человек, который получает от государства социальную помощь, вот тот положительный момент и он любое государство характеризует только с хорошей стороны. Данная формулировка не прописана в определении. В нашем случае это необходимо, потому что именно государство оказывает данную социальную помощь.

Правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в сфере признания и защиты лиц с инвалидностью в Республике Беларусь представлено Конституцией, Законом «О социальной защите инвалидов» и др.

Согласно статье 12 Конституции Республики Беларусь: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Данная статья подразумевает, что государство обязано заботиться о социально уязвимых слоях населения.

Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [2]» был принят в 1991 году. С 1991 года Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [2]» был изменен и дополнен 9 раз, это говорит о том, что вопрос о признании прав инвалидов не стоит на месте, а является актуальным в современном обществе. Закон направлен на уравнивание прав инвалидов с обычными гражданами в различных сферах жизнедеятельности. Вопрос дискриминации является основополагающим в Законе Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [2]». Вот как комментирует данный вопрос Е.Ф. Гречнева - доцент кафедры политологии Белорусского Государственного Университета: «Одним из первых важных правовых актов о защите инвалидов от дискриминации был Закон «О социальной защите инвалидов», в котором содержалась норма, согласно которой дискриминация инвалидов запрещается по закону. В новой редакции, Закона подчеркивается, что белорусское законодательство строится на принципах недискриминации. И хотя такая формулировка, на наш взгляд, является недостаточно определенной, наличие такой нормы является очень важным фактором дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере [5]».

Согласно Закону Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь»: «Инвалид – лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами [2]». Выделим следующие признаки понятия инвалид:

- Инвалид - лицо, которое имеет устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем;
- Инвалид – лицо, которое имеет ограниченные возможности, в связи со здоровьем;
- Инвалид – лицо, которое не может эффективно участвовать в жизни общества наравне с другими.

Определение термина инвалид в Законе Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [2]» и Конвенции о правах инвалидов не отличается. Из этого следует, что определение инвалид в белорусском законодательстве было заимствовано из международного опыта права.

В 2008 году был принят Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [6]». Согласно данному нормативно-правовому факту Республика Беларусь возвращается к определению понятия инвалид, которое прописано в Конвенции о правах инвалидов. Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» предоставляет возможность гражданам ознакомиться с обязанностями государства в области реабилитации инвалидов. Закон имеет перечень государственных программ, которые направлены на регулирование прав и свобод инвалидов, предоставления им социальной помощи и реабилитацию их прав в различных общественных отношениях. Согласно статье 41 настоящего Закона, Совет Министров контролирует исполнение и реализацию данного Закона на территории Республики Беларусь. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 «Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [3]» было принято в 2002 году. В Постановлении изложены основные термины и понятия, которые тесно связаны с инвалидностью. Основной функцией Постановления является определение группы инвалидности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 61 «Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности» дает следующее определение понятию инвалид: «Инвалид - лицо, которое

в связи с ограничением жизнедеятельности вследствие наличия физических или умственных недостатков нуждается в социальной помощи и защите [3]». Выделим следующие признаки понятия инвалид:

- инвалид – лицо, которое ограничено в возможностях вследствие наличия физических или умственных недостатков;
- инвалид – лицо, которое нуждается в социальной помощи;
- инвалид – лицо, которое нуждается в социальной защите.

Определение термина инвалид в Постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 «Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [3]» является первым в истории суверенной Республики Беларусь. Определение было разработано белорусскими учеными. Однако данное определение широкого распространения на территории Республики Беларусь не получило.

В 2018 году на рассмотрение поступил новый законопроект «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Именно в данном законопроекте законодатель ставит перед собой цель избавиться от термина «инвалид», а вместо него ввести «люди с инвалидностью». По словам заместителя министра труда и социальной защиты Александра Румака, при этом учитывается международная практика. В нормативных правовых актах вместо термина «инвалиды» предлагается использовать термин «люди с инвалидностью».

Данная проблема не оставила в стороне и общественные объединения, которые предложили последовать пути соседних государств, а именно Украины, Литвы, России. В Украине термин «инвалид» отменили еще в прошлом году. В 37 законах он заменен на «человек с инвалидностью». В Молдове применяется термин «лица с ограниченными возможностями», в Литве — «лица с недугами», в России, как и в Беларуси, используется термин «инвалид».

Против использования термина «инвалид» выступают и организации представляющие людей с инвалидностью. Свою позицию они комментируют следующим образом: «Мы вновь и категорически настаиваем на обязательности применения термина «человек с инвалидностью» вместо термина «инвалид». Это является общим мнением организаций Беларуси представляющих лиц с инвалидностью. Такой позиции придерживаются наши коллеги из России и Украины. Комитет ООН в своих замечаниях дает общую рекомендацию странам, использующим как государственный язык русский, применить термин «человек с инвалидностью» и исключить термин «инвалид»».

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что понятие-термин «инвалид» является некорректным, так как дискриминирует людей с инвалидностью, а также не отвечает нормам и принципам Конвенции о правах инвалидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [прин. резолюцией 61/106 Ген. Ассамблеи, 13 декабря 2006 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability. – Дата доступа: 07.09.2019.
2. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [Электронный ресурс] : Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20717387>. – Дата доступа: 07.09.2019.
4. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21700451_1497646800.pdf. – Дата доступа: 07.09.2019.
5. Проблемы обеспечения прав инвалидов и иных лиц, нуждающихся в дополнительной социальной защите : сборник материалов круглого стола, 26 декабря 2017 г., Минск / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 122 с.
6. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 г. № 422 – III // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342

**ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.А. ГРИНЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются пределы правового регулирования прав и свобод инвалидов на территории Республики Беларусь. Автором уделяется внимание на определение основных направлений, разработанных в концепции законопроекта «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Дается оценка изменений, а также предлагаются направления по улучшению законодательства в сфере защиты и определения прав и свобод лиц с инвалидностью.

Согласно Национальному плану действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь: «По итогам 2016 года численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, составила 554,9 тыс. человек (около 6 процентов от численности населения страны), в том числе: инвалидов I группы – 86,5 тыс. человек; II группы – 266,4 тыс. человек; III группы – 172,4 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 29,6 тыс. человек. В 2016 году общая численность инвалидов увеличилась по сравнению с предшествующим годом на 5,4 тыс. человек [1]».

Согласно конституционному законодательству Республики Беларусь, тема о признании прав инвалидов актуальна и в Республике Беларусь. Согласно части 1 статьи 1 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь – социальное государство [2]». Из этого следует, что политика государства направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Государство обязано предоставить помощь инвалидам, а также создать для них все условия для достойного уровня жизни. Статья 22 Конституции Республики Беларусь звучит следующим образом: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [2]». Согласно данной статье Конституции “все равны перед законом”, данная формулировка говорит о том, что в стране должно сохраняться равноправие, несмотря на то какой статус или положение занимает человек в обществе. Вторым элементом данной нормы является “дискриминация”. Это важный аспект, если говорить об инвалидах. Инвалиды в современном обществе подвергаются дискриминации и согласно конституционному законодательству Республики Беларусь цель государства эту дискриминацию устранить. Таким образом, проблема признания прав инвалидов актуальна на территории Республики Беларусь. На территории Беларуси инвалиды не остались незамеченными их права и свободы регулируются следующими нормативно-правовыми актами:

- Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [3]»;
- Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [4]»;
- Указ Президента Республики Беларусь «О государственной поддержке инвалидов» [5] и другие.

В 2015 году Республика Беларусь присоединилась к Конвенции о правах инвалидов, составленную и принятую в Организации Объединенных Наций. В 2017 году Совет Министров Республики Беларусь утвердил Национальный план о ратификации Конвенции о правах инвалидов, реализация которого продлится до 2025 года. Национальный план о ратификации Конвенции о правах инвалидов определил одним из основных направлений - обновление законодательной базы в области правового регулирования прав и свобод инвалидов на территории Республики Беларусь. В 2018 году законодатель на территории Республики Беларусь представил общественности новый законопроект о социальной защите инвалидов. Данный законопроект получил новое название – «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Закон предусматривает регулирование прав и свобод людей с инвалидностью на территории Республики Беларусь. Законопроект направлен на замену ныне существующих Законов Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов» и «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов».

Министр труда и социальной защиты Республики Беларусь Александр Румак прокомментировал данный законопроект следующим образом: «Наша цель – убрать барьеры для всех социально уязвимых категорий граждан». Исходя из слов должностного лица, можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь вопрос по урегулированию прав и свобод уязвимых слоев населения является одним из основных направлений внутренней политики государства.

Основные направления нового законопроекта представляют собой поправки в трудовое законодательство Республики Беларусь. Согласно исследованиям, на территории Республики Беларусь насчитывается около 500 тысяч инвалидов. Около 200 тысяч из этого числа имеют трудоспособный возраст, однако не все инвалиды получают определенное законодательством право на труд. Изменения, которые предусматривает концепция законопроекта «О правах инвалидов и их социальной интеграции», заимствованы из международной практики. Основным способом повышения трудящихся лиц с инвалидностью - является элемент «принуждения». Законодатель поставил перед собой цель «принуждать» организации для отказа от барьеров. В международной практике предусмотрено квотирование рабочих мест. То есть предприятию, исходя из численности работников, будет доводиться квота на трудоустройство инвалидов.

На наш взгляд, данный механизм является одним из важнейших элементов концепции законопроекта «О правах инвалидов и их социальной интеграции [5]». К сожалению, в современном мире, работодатель делает свой выбор в пользу здорового человека, а не в пользу человека, который имеет проблемы, связанные со здоровьем. Нормы, которые приведены в концепции законопроекта «О правах инвалидов и их социальной интеграции», направлены на устранение данной несправедливости, а также для того, чтобы в полной мере предоставить лицам с инвалидностью право на труд, предусмотренное Конституцией Республики Беларусь.

Изменения в работе медико-реабилитационной экспертной комиссии является следующим направлением в концепции законопроекта «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Согласно данной концепции лицо, у которого возможности его личной жизнедеятельности в обществе ограничены из-за его физических, умственных, сенсорных или психических отклонений, обязано проходить обследование и подтверждать свою группу инвалидности каждый год в медико-реабилитационной экспертной комиссии.

Нововведение об подтверждение группы инвалидности каждый год в медико-реабилитационной экспертной комиссии получило обширное общественное обсуждение. Существует два расходных мнения, первая сторона утверждает, что данную процедуру необходимо проводить каждый год, другая сторона придерживается противоположного мнения. Законодатель утверждает, что проверка необходима каждый год для помощи и защиты инвалидов. Согласно мнению законодателя лица с инвалидностью смогут каждый год получать определенные медико-реабилитационные рекомендации, что поможет облегчить их «тяжбу» с этой тяжелой участью. Однако существует и противоположное мнение, инвалид – это лицо имеющее определенные проблемы со здоровьем, а именно мнение общественности складывается из того, что лицам с инвалидностью крайне сложно ходить по врачам, к слову, некоторые могут передвигаться только с помощью другого лица. Также необходимо отметить, что в современном мире проблема очередей в поликлиниках, больницах является распространенной. Исходя из этого, можно сделать вывод, что с введением этой обязанности проблема не решится, а наоборот только усугубится.

С одной стороны, законодатель заботится о здоровье инвалидов, с другой стороны создаёт другие проблемы, которые решить пока не предоставляется возможности из-за нехватки кадров. На наш взгляд, данные нормы нуждаются в доработке, а именно предлагается внести изменения только для определенных групп лиц с инвалидностью, а именно 3-4 группы инвалидности.

Инклюзивная практика является неотъемлемой частью жизни лиц с инвалидностью. В проекте закона придается особое значение праву лиц с инвалидностью на получение образования, вводится принцип инклюзии, определены концептуальные подходы к подготовке кадров, содержанию учебных программ, созданию без барьерной среды.

На наш взгляд, данное нововведение предаст новый толчок к развитию и защите прав и свобод инвалидов в различных сферах жизнедеятельности. Примечательным моментом является то, что Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь подписало договора с 92 организациями, учреждениями по преодолению барьера, который существует между лицами с инвалидностью и здоровыми людьми.

Закон «О правах инвалидов и их социальной интеграции» повышает социальные стандарты общества и станет своеобразной конституцией для людей с инвалидностью. Однако, на наш взгляд, он требует некоторых доработок, которые могут быть высказаны уже на шестой сессии Палаты Представителей Национального собрания шестого созыва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики

- Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь //Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21700451_1497646800.pdf. – Дата доступа: 07.09.2019.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
 3. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 4. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 г. № 422 – III // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа:07.09.2019.

УДК 342

**ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ
НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ****А.А. ГРИНЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются гарантии реализации прав и свобод людей с инвалидностью в Республике Беларусь. Автор анализирует нормативно-правовые акты Республики Беларусь, регулирующие права и свободы людей с инвалидностью. Рассматриваются вопросы правовой регламентации гарантий реализации прав и свобод инвалидов в Республике Беларусь.

Гарантии реализации прав являются одним из элементов конституционно-правового статуса инвалидов. В Республике Беларусь, как и в любом правовом государстве, гарантии реализации прав инвалидов основываются на нормативно-правовых документах. Республика Беларусь при решении вопроса о гарантиях реализации прав инвалидов не обошлась без международного опыта.

Основным документом, который является гарантом реализации прав инвалидов в Республике Беларусь является Конституция Республики Беларусь. Согласно статье 22 Конституции Республики Беларусь: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [2]». Согласно данной конституционной норме, инвалиды не могут быть лишены права на реализацию каких-либо прав.

Итак, основным документом, который регулирует гарантии реализации прав инвалидов в белорусском законодательстве является Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», но также это Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» и Конвенция о правах инвалидов.

Так как для инвалидов характерны устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем, то начать следует с гарантии реализации прав инвалидов на предупреждение инвалидности и предоставление им реабилитации. Основным документом в этом вопросе является Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов». Согласно данному законодательному акту государство предоставляет инвалидам право на медицинское обслуживание, а также реабилитацию. Первым и основополагающим элементом этого документа является то, что данный документ принят и издан государственным аппаратом Республики Беларусь. Из этого можем сделать вывод, что он является общеобязательным для исполнения всеми слоями общества Республики Беларусь. Вторым моментом является то, что документ нейтрализует дискриминацию против инвалидов. Это происходит не в полной мере, но если их права по данному акту будут нарушены, то они могут обратиться в суд для помощи в решении данной проблемы. Согласно статье 2 настоящего Закона: «Законодательство Республики Беларусь о предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона, законодательных актов Республики Беларусь о социальной защите инвалидов и иных актов законодательства Республики Беларусь, а также международных договоров Республики Беларусь [4]», стоит сказать, что гарантом данного Закона является Конституция Республики Беларусь, что говорит о полной защите инвалидов в реализации своих прав, так как согласно Конституции все равны перед законом и не допускается никакая дискриминация.

Рассмотрим некоторые аспекты государственной политики по гарантиям реализации прав инвалидов по Закону Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов». Согласно статье 5 данного Закона, государственная политика Республики Беларусь в области предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов направлена на:

- создание правовых гарантий для развития и совершенствования системы предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов;
- обеспечение гарантий прав инвалидов на медицинскую, профессиональную, трудовую и социальную реабилитацию;
- определение прав, обязанностей, полномочий и ответственности организаций в области предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов [4].

Из этого следует, что государственная политика в сфере предупреждения инвалидности реализуется в следующих сферах:

- создание и совершенствование действенного механизма правового регулирования путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство;

- гарантирование прав инвалидов в наиболее важных направлениях социальной сферы общества;
- вовлечение институтов гражданского общества (организаций по защите прав инвалидов) в процесс обеспечения и реализации прав данной категории лиц.

Из данных направлений можно сделать вывод, государство дает гарантию на реализацию прав инвалидов в области предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов. При этом права должны быть гарантированы не только государством, а также организациями, которые занимаются этим вопросом. Государство ведет контроль за исполнением нормативно-правовых актов, поэтому в Республике Беларусь проблем с вопросом реализации прав инвалидов по предупреждению инвалидности и реабилитации инвалидов остро не стоит.

Положения Закона Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» направлены на определение правовых и организационных основ предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов в целях предотвращения случаев возникновения инвалидности, улучшения качества жизни инвалидов, их социальной адаптации и интеграции в общество, а также восстановления или компенсации нарушенных или утраченных функций организма и имеющихся ограничений жизнедеятельности инвалидов в соответствии с их интересами и потенциальными возможностями [4]. Положительно стоит оценить внесение изменений и дополнений в данный Закон в 2018 году [3]. Благодаря данным нововведениям общественные организации получили возможность участвовать в разработке различных программ реабилитации инвалидов. Кроме того, Законом о внесении изменений и дополнений от 9 января 2018 года № 91-3 были расширены полномочия местных органов власти в части разработки комплекса региональных мероприятий по реабилитации инвалидов и их финансирования за счет местных бюджетов [3].

В 2016 году была ратифицирована Конвенция по правам инвалидов, а в 2017 году был разработан план по её реализации. Это является еще одним подтверждением того, что государство на ближайшие лет 8 гарантирует инвалидам реализацию их прав и более того улучшение их места в социальном-правовом обществе. «Функции по защите, реализации и мониторингу выполнения Конвенции будут возложены на Республиканский межведомственный совет по проблемам инвалидов. Аналогичные структуры планируется создать при облисполкомах и Минском горисполкоме [6]». Создание таких советов или организаций поможет инвалидам не только в реализации своих прав, но также и в защите своих прав. Благодаря данным организациям они смогут защищать свои права с помощью профессионалов и возможно даже совершенно бесплатно.

В Республике Беларусь большинство прав инвалидов прописано в Законе Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь». Однако функция данного Закона заключается не только в предоставлении прав инвалидам, а также даёт гарантии инвалидам, что они смогут реализовать свои права в полной мере. Согласно статье 2 данного Закона Конституция является гарантом прав инвалидов прописанных в этом Законе: «Законодательство о социальной защите инвалидов основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона, актов Президента Республики Беларусь, иных нормативных правовых актов, а также международных договоров Республики Беларусь [7]». По сути Конституция является гарантом всех прав, которые имеют инвалиды, однако это ещё одна ступень для создания фундамента защиты прав инвалидов. Следующим элементом данного Закона является ст. 4, где определены основные направления государственной политики по реализации и защите прав инвалидов. Государственная политика Республики Беларусь в области социальной защиты инвалидов направлена на обеспечение полноправного участия инвалидов в жизни общества и проводится на основе принципов:

- соблюдения прав человека;
- запрещения дискриминации по признаку инвалидности;
- обеспечения доступности медицинской, социальной, профессиональной и трудовой реабилитации;
- равных прав инвалидов, наряду с другими гражданами, на охрану здоровья, образование и свободный выбор трудовой деятельности;
- взаимодействия государственных органов с общественными объединениями инвалидов [4].

Данные направления характеризуют политику государства только с положительной стороны. Направления показывают, что государство ведет работу не только по защите инвалидов от дискриминации, уравниванию их прав, а также по защите реализации прав инвалидов.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы о том, что гарантии реализации прав инвалидов в Республике Беларусь реализуются и защищаются благодаря - государственному управлению, государственному аппарату, законодательству Республики Беларусь, а также международным актам.

Правовой статус людей с инвалидностью в Республике Беларусь представлен огромным количеством нормативных правовых актов, которые содержат гарантии реализации прав людей с инвалидностью в различных сферах жизнедеятельности, например: трудовой, медицинской и т.д.

Благодаря анализу законодательной базы Республики Беларусь в области реализации прав людей с инвалидностью, можно положительно оценить ряд норм для правового регулирования данной тематики. В то же время ряд проблем для решения является актуальным для государства, особенно после ратификации Конвенции о защите прав инвалидов и принятия Национального плана. Предложенные нами изменения и дополнения соответствуют тем основным направлениям, которые обозначены как важные для исполнения в Национальном плане [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21700451_1497646800.pdf. – Дата доступа: 07.09.2019.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2018 г. № 91-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 г. № 422 – III // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20717387>. – Дата доступа: 07.09.2019.
6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 07.09.2019.
7. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. - 2018. - № 6. – С. 211.

УДК 342

ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И ВИДЫ ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**Д.С. ДМИТРИЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается значение домашнего образования, его понятие, основные цели и задачи. Акцентируется внимание на видах домашнего образования, дается их подробный анализ и выявляются способы реализации

Домашнее образование – способ получения образования, который предполагает изучение общеобразовательных предметов вне школы (дома, в образовательных центрах).

Домашнее обучение – самая древняя форма получения образования, которая появилась задолго до первых школ. На протяжении многих веков домашнее обучение было единственным способом получить образование. Впрочем, к домашнему обучению можно отнести и передачу основных навыков ведения домашнего хозяйства, и обучение ремёслам. Изначально эта форма была доступна лишь обеспеченным семьям, у которых было время обучать собственных детей или средства нанять преподавателя.

Цель домашнего образования – не прекращение обучения ученика в общеобразовательной школе, а обучение ребенка в домашних условиях для того, чтобы он усвоил всё от школьной программы. Обучение на дому заканчивается тогда, когда причины, препятствующие ученику посещать общеобразовательную школу (например, болезнь), будут устранены, т.е. обучение в домашних условиях без посещения массовой школы с целью получения им полноценного образования.

Основная задача семейного образования состоит в том, чтобы, используя современные эффективные педагогические технологии, дать ребенку не количественную, а качественную оценку его работы; обеспечить развитие познавательного интереса и познавательной активности ребенка. Ещё одной основной задачей семейного образования является постепенное развитие в ребенке способности к самообразованию и самостоятельному обучению;

Домашнее обучение на законных основаниях существует во многих странах. При этом степень свободы у семьи, обучающей детей дома, в разных государствах может быть разной. Пожалуй, наиболее свободно чувствуют себя семьи в странах англосаксонской правовой семьи [1]:

1. США; (Закон «Об улучшенной системе образования для лиц с ограниченными возможностями» 2004 г.)

2. Канада; (Закон «О посещении школы» в зависимости от провинций)

3. Великобритании. (Закон «Об образовании» 2002 г. и Закон «Об образовании и профессиональной подготовке (Шотландия)» 2000 г.)

Запрет подобного образования является крайне редким и чаще всего связан с ростом тоталитарности в государстве и желанием контролировать все сферы, в том числе и образования. Примерами являются следующие государства [1]:

1. Германия; (Закон «Об образовании» в зависимости от федеральной земли). Такой вид образования запрещен и карается штрафами, тюремными сроками для отцов и матерей и даже лишением их родительских прав. Пример: общественный резонанс вызвало решение немецких властей насильно забрать четырех детей из семьи Вундерлих, проживающей недалеко от города Дармштадт в земле Гессен. Несовершеннолетних на три недели поместили под государственную опеку, пока суд все-таки не разрешил им вернуться домой, взяв с родителей обещание, что они отдадут их в школу.

2. Швеция. (Закон «Об образовании» 2010 г.) Шведская либеральная партия выдвинула в 2010 г. новый закон о школьном обучении на 1500 страниц, один абзац которого делает домашнее обучение как выражение религии или философии практически невозможным для шведских семей, за исключением «исключительных обстоятельств», таких как проблемы со здоровьем или удаленность от государственной школы. Закон также строго ограничивает религиозную практику в «конфессиональных» школах Швеции.

Право на домашнее обучение может быть и незакрепленным в законе, а его использование чаще всего будет согласовываться с самой школой и её администрацией. К примеру, в ст.17 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» домашней формы получения образования нет. В конституции РБ также отсутствует информация о домашней форме образования, но при этом запрет на перевод по индивидуальному плану также отсутствует [2, 3].

В большинстве стран домашнее образование существует, и это естественно – ведь право родителей выбирать вид образования для своих детей предусмотрено Всеобщей декларацией прав человека. Но нужно ли развитие домашнего образования в настоящее время? Стоит разобрать положительные и отрицательные стороны

Существует несколько видов домашнего образования

1. Анскулинг — философия и практика образования, основанная на важности соблюдения в первую очередь интересов ребёнка, когда ребёнок обучается без отрыва от семьи, основываясь на опыте своей повседневной, зачастую весьма разнообразной жизни, задавая вопросы, получая или отыскивая самостоятельно ответы на них. Один из вариантов домашнего обучения. Иногда их противопоставляют, так как последнее, в отличие от анскулинга, подразумевает следование школьной или иной программе.

Педагог и арт-терапевт Елена Коноплева считает, что анскулинг это метод обучения, который утверждает приоритет занятий, избираемых ребенком самостоятельно, что включает в себя не только изучение академических предметов, но и обучение в игре, творчестве, повседневной жизни, путешествиях, общении и т.п. [5].

Юлия Бахтина считает, что по разным причинам, анскулинг может быть не осуществим в вашей жизни. В этом случае, надеюсь, что вы все равно сможете уйти от стандартных тестов и оценок, и следовать своим интересам в обучении, самообучению, вне зависимости от того, где это происходит. Если вы рассматриваете уход из школы или вариант семейного обучения для ваших детей, я надеюсь, что текст ниже побудит вас перейти от мыслей к действиям [6].

2. Хоумскулинг — это обучение детей дома без участия какого-либо образовательного учреждения, связанное с усвоением школьной программы в домашних условиях.

Противники семейного образования считают, что *homeschooling* не даёт детям ни хорошей академической подготовки, ни навыков социальной жизни (последнее, по их мнению, является основным недостатком семейного образования). Они полагают, что дети, окончившие домашние школы, не будут способны адаптироваться к жизни в социуме. По их мнению, родители, обучающие своих детей на дому – властные, часто фанатически верующие люди, которые в угоду своим прихотям лишают ребёнка радости общения со сверстниками. Помимо этого, семейное образование не обеспечивает детям должного уровня физической подготовки. Кроме того, отдельно подчёркивается, что многие родители не имеют достаточной квалификации для того, чтобы качественно обучать своих детей дома [7].

У *homeschooling* есть много сторонников. Вот некоторые факты, которыми они оперируют. «Домашние» дети, как правило, обнаруживают более высокое качество знаний, чем учащиеся не только государственных, но даже и некоторых частных школ. Как показали тесты по базовым предметам, предложенные 20 тыс. детей школьного возраста, результаты школьников оказались существенно ниже результатов, продемонстрированных «домашними» детьми (исследование проведено Мэрилендским университетом). Опрос показал, что 25% таких детей на 12 года опережали по основным предметам учеников частных школ, не говоря уже о государственных. В младших же классах такое преимущество имели почти 100% «домашних» детей. При выполнении общенациональных тестов для поступающих в Вузы (ACT) *homeschoolers* также набирают 23 из 36 баллов (при среднестатистическом показателе 21 балл) [4].

Таким образом, «Домашнее образование» – самая быстрорастущая по популярности форма образования в мире. С этой точки зрения домашнее образование не может быть «престижным» просто потому, что его на «образовательном рынке» никто специально не продвигает, но при этом как показывает статистика – количество людей, которые используют домашнее образование, значительно растёт. Каждый из видов предполагает обучение в домашних условиях, а анскулинг осуществляет процесс обучения без каких-либо ограничений и целей, которые ставятся в процессе обучения в школе.

Также присутствует высокая эффективность. Неоднократно американские исследования национального масштаба показывали, что уровень академических достижений, качество знаний детей, обучающихся в семье, в среднем значительно выше, чем обучающихся в школах.

При этом большим минусом является выборочное внимание к предметам, в особенности это касается такого вида образования, как анскулинг. Нужно ровно изучать абсолютно все предметы, чтобы потом не подвести ученика, который внезапно найдет в себе талант к чему-то другому, а не к тому, что он изучал ранее.

Автор делает вывод, что в Республике Беларусь процесс внедрения домашнего образования отсутствует. Число лиц, получающих домашнее образование, не достигает и четырёхсот человек, а правовое регулирование вовсе отсутствует. Образование в Республике Беларусь должно предоставлять различные способы получения домашнего образования для различного функционирования с гражданами, а также создать необходимые условия для реализации домашнего обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнее обучение за рубежом и в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://akvobr.ru/domashnee_obuchenie_za_rubezhom_v_rossii.html - Дата доступа: 14.09.2019.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – ст. 49. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> – Дата доступа: 14.09.2019.
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г. №243-3: Принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. : 22 дек. 2010 г. : В Кодекс с 21.07.2016 г. изм. и доп. не вносились. – Минск, ст.17.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> – Дата доступа: 14.09.2019.
4. Семейное образование как вариативная форма обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-obrazovanie-kak-variativnaya-forma-obucheniya> - Дата доступа: 14.09.2019.
5. Что такое анскулинг? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://semeynoe.com/magazine/column/unschooling_mystery/ - Дата доступа: 14.09.2019.
6. 9 причин выбрать анскулинг [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://semeynoe.com/magazine/column/unschooling/> - Дата доступа: 14.09.2019.
7. Семейное и домашнее образование в США: историко-социальный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-i-domashnee-obrazovanie-v-ssha-istorikosotsialnyu-aspekt> - Дата доступа: 14.09.2019.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Д.С. ДМИТРИЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается способ реализации домашнего образования в Республике Беларусь. Акцентируется внимания на то, кто может использовать домашнее образование и на каких условиях оно будет действовать.

Согласно ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании определено, что: «Образование может быть получено в очной, заочной формах получения образования и в форме соискательства» [1].

В Республике Беларусь нет такого понятия, как «домашнее обучение», или «хоум-скулинг». Ребенок имеет право не ходить в школу, но только в том случае, если перейдет на обучение по индивидуальному учебному плану. Тогда он может осваивать школьную программу дома, но все равно будет закреплен за определенным учебным заведением, где его имя внесено в классный журнал и где время от времени ему необходимо появляться, чтобы пройти аттестацию [2].

В Беларуси правовое регулирование домашнего образования имеет следующий вид:

Родители имеют право самостоятельно обучать детей по индивидуальному плану, но окончательное решение принимает педсовет школы, учитывая способности ребенка и основания для занятий дома. Преимущество экстерната состоит в том, что он даёт возможность реализации индивидуальной образовательной траектории, освобождает время для подготовки к поступлению в вуз, позволяет в более свободном режиме посещать учебное заведение, совмещать учёбу в школе или университете и работу или обучение в другом учебном заведении и пр. Обучение в экстернате может быть полностью самостоятельным, учащийся сдаёт только экзамены.

Самостоятельно (не в школе) можно изучать как все школьные предметы, так и только один или несколько из них. Например, дома по индивидуальному учебному плану школьник занимается только математикой, а в школе вместе с другими учениками — всеми остальными предметами. При желании, полагаем, перейти на домашнее образование по индивидуальному учебному плану можно на любой период, согласованный с руководством школы: четверть, полугодие, учебный год и т.д.

При этом, даже находясь на таком обучении, ребенок все равно будет числиться в списках учеников школы, будет закреплен за своим классом.

Кто может перейти на домашнее обучение по индивидуальному учебному плану?

Такая возможность есть у учеников, которые на протяжении учебного года по уважительным причинам постоянно или временно не могут посещать занятия в школе и (или) проходить вовремя аттестацию. Конкретного перечня таких причин нет. Руководство школы по своему усмотрению решает, считать причину уважительной или нет.

Чаще всего такую форму образования используют одаренные школьники, юные спортсмены и артисты, которые часто выезжают на соревнования, сборы, конференции или гастроли. Могут быть причины другого характера, а именно [3]:

1. Частое отсутствие ребенка в городе (стране).
2. Постоянные переезды (например, если родители в разводе, а ребенок несколько месяцев живет с мамой в одном городе, несколько – с папой в другом).
3. Работа родителей, которая, к примеру, не позволяет им вовремя приводить ребенка в школу и забирать из нее из-за регулярных командировок.
4. Частые болезни ребенка.
5. Семейные обстоятельства (в неполной семье с маленьким ребенком у родителя не получается вовремя забирать школьника после занятий).
6. Иные причины. В таком случае учреждение образования разрабатывает для школьника индивидуальный план на основе учебного, устанавливает формы и сроки проведения аттестации. Но если ребенок плохо справляется с программой или его успеваемость заметно снижается, то школа вправе принять решение о прекращении такого обучения [4].

Аттестация также имеет определенные свойства. Двухгодичная программа может быть пройдена за один год со сдачей итоговой (май – июнь) аттестации.

Форма домашнего обучения в Беларуси схожа с определением «Экстернат». Форма аттестации, предполагает самостоятельное изучение общеобразовательных программ основного общего, среднего (полного) общего, высшего образования с промежуточной и государственной (итоговой) аттестациями в образовательном учреждении, имеющем государственную аккредитацию. Суть экстерната состоит в возможности получить среднее или высшее образование без ежедневного посещения школы, университета.

Речь идет в основном об одаренных и талантливых школьниках, а также о тех, кто по уважительным причинам не может постоянно или временно посещать занятия. Если у родителей есть возможность находиться рядом с ребенком в течение дня, они могут перевести его на индивидуальное обучение. Но подобные случаи единичны. Ответственность за такие семьи, как правило, лежит на администрации школы, к ним нужно относиться очень внимательно. Например, родители могут состоять в нетрадиционных религиозных группах, и дети, не посещая школу, еще больше изолируются от общества. Или мамы и папы сами в определенной степени социально не адаптированы.

Домашнее образование, по моему мнению, нуждается в дальнейшем развитии, т.к. проблемы всё ещё существуют. Самая главная проблема - неумение родителей обучать ребёнка в домашних условиях.

Домашнее обучение не закреплено в законе об образовании Республики Беларусь, тем самым чёткого протокола действий для перевода ребёнка на домашнее или индивидуальное обучение – нет. Родители или попечители должны договариваться с администрацией школы для разработки индивидуального плана обучения.

Переход на домашнее обучение требует огромное количество условий. Создание индивидуального плана для ребёнка без соблюдения определённых условий (Семейные обстоятельства, здоровье ребёнка, мобильность семьи) невозможно.

Таким образом, домашнее образование в Республике Беларусь развито на минимальном уровне. Отсутствует конкретное правовое регулирование, а также госконтроль присутствует только на стадии аттестации. Использование домашнего образования имеет огромное количество ограничений, данный фактор повлиял на количество человек, которые используют данную форму обучения. Из-за отсутствия возможности получить доступ к подобному образованию кол-во человек не превышает и трёхсот.

Анализ зарубежного опыта показал, что существуют различные формы домашнего образования, которые имеют различие с финансовой стороны.

Домашнее образование, по моему мнению, нуждается в дальнейшем развитии, т.к. проблемы всё ещё существуют.

Проанализировав значения домашнего образования и законодательства нескольких стран, а также проверив опыт зарубежных стран можно сделать вывод: в Республике Беларусь развитие домашнего обучения происходит на низком уровне.

1) Домашнее обучение не закреплено в законе об образовании Республики Беларусь, тем самым чёткого протокола действий для перевода ребёнка на домашнее или индивидуальное обучение – нет. Родители или попечители должны договариваться с администрацией школы для разработки индивидуального плана обучения.

2) Переход на домашнее обучение требует огромное количество условий. Создание индивидуального плана для ребёнка без соблюдения определённых условий (Семейные обстоятельства, здоровье ребёнка, мобильность семьи) невозможно.

3) Обучение ребёнка находится на полной ответственности родителей или попечителей, которые могут быть социально не адаптированы к этому, что вызывает риск сложного процесса обучения и может привести к необразованности ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г. №243-3: Принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. : 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2016 г. – Минск, ст. 17.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> – Дата доступа: 14.09.2019.
2. О плюсах и минусах домашнего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bez-shkolnogo-zvonka.html> - Дата доступа: 16.09.2019.
3. Домашнее обучение в Беларуси: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/domashnee-obuchenie-v-belarusi-plyusy-i-minusy/> – Дата доступа: 16.09.2019.
4. Как перевести школьника на домашнее образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex.by/news/kak-perevesti-shkolnika-na-domashnee-obuchenie/> - Дата доступа: 16.09.2016.

УДК 342

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ДОМАШНЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д.С. ДМИТРИЕВ*(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается способ реализации домашнего образования в Республике Беларусь. Акцентируется внимание на субъектном составе и условиях получения домашнего образования.

Форма домашнего обучения в Беларуси схожа с определением «Экстернат». Форма аттестации, которая предполагает самостоятельное изучение общеобразовательных программ основного общего, среднего (полного) общего, высшего образования с промежуточной и государственной (итоговой) аттестациями в образовательном учреждении, имеющем государственную аккредитацию. Суть экстерната состоит в возможности получить среднее или высшее образование без ежедневного посещения школы, университета [1].

Законодательно такая форма образования у нас не закреплена в отличие от Российской Федерации, где возможность дистанционного обучения прописана. В проекте новой редакции Кодекса об образовании, который сейчас рассматривается, предусмотрено дистанционное обучение для детей с особенностями психофизического развития. Документы об образовании российского образца пригодны для поступления в белорусские вузы. Если ребенок дистанционно успешно завершил российский школьный курс и получил аттестат государственного образца РФ, то не должно возникнуть проблем с принятием документа в Беларуси [2].

Есть огромный минус домашнего обучения, который нельзя уравновесить ни одним плюсом. Ребенок находится вне системы образования с характерными для нее концептуальными основами, принципами обучения, целями и задачами, методами, организационными формами. Педагоги получают образование, постоянно совершенствуют свой профессиональный уровень [3].

подавляющее большинство родителей предпочитают, чтобы дети ходили в школу. На так называемом домашнем обучении находятся порядка 300 ребят. Речь идет в основном об одаренных и талантливых школьниках, а также о тех, кто по уважительным причинам не может постоянно или временно посещать занятия. Если у родителей есть возможность находиться рядом с ребенком в течение дня, они могут перевести его на индивидуальное обучение. Но подобные случаи единичны. Ответственность за такие семьи, как правило, лежит на администрации школы, к ним нужно относиться очень внимательно. Например, родители могут состоять в нетрадиционных религиозных группах, и дети, не посещая школу, еще больше изолируются от общества. Или мамы и папы сами в определенной степени социально не адаптированы. Но если в семье все благополучно, то школа индивидуальному обучению ребят препятствовать не будет.

Отсутствие социализации негативно влияет на учеников. Некоторые полагают, что дети на домашнем обучении целые сутки проводят в четырех стенах и, как результат, не умеют общаться со сверстниками. Безусловно, при переходе на семейное обучение вся ответственность за социализацию ребенка ложится на Ваши плечи. Но есть огромное количество мест, где Ваш ребенок может общаться со сверстниками и не чувствовать себя изолированным от общества. Кружки и секции, развивающие центры и дома творчества — у Вас выбор будет намного шире, чем у родителей, предпочитающих традиционное обучение, ведь у Вас будет намного больше возможностей самим построить график занятий своего ребенка. К тому же, школьный опыт не всегда бывает положительным, а домашнее обучение позволит Вам оградить ребенка от негативного влияния и дать ему возможность развиваться полноценно.

Ещё одной важной проблемой является возможный переход на очное обучение. Может получиться так, что с семейного обучения Вам нужно будет вновь перевести ребенка на традиционное. Это процесс сложный, но он пройдет легче, если ребенок владеет навыками самостоятельной работы. К тому же эти навыки помогут ему на очном обучении добиться более высоких по сравнению со сверстниками результатов.

Речь идет в основном об одаренных и талантливых школьниках, а также о тех, кто по уважительным причинам не может постоянно или временно посещать занятия. Если у родителей есть возможность находиться рядом с ребенком в течение дня, они могут перевести его на индивидуальное обучение. Но подобные случаи единичны. Ответственность за такие семьи, как правило, лежит на администрации школы, к ним нужно относиться очень внимательно. Например, родители могут состоять в нетрадицион-

ных религиозных группах, и дети, не посещая школу, еще больше изолируются от общества. Или мамы и папы сами в определенной степени социально не адаптированы.

Домашнее образование, по моему мнению, нуждается в дальнейшем развитии, т.к. проблемы всё ещё существуют. Самая главная проблема - неумение родителей обучать ребёнка в домашних условиях. Домашнее обучение не закреплено в законе об образовании Республики Беларусь, тем самым чёткого протокола действий для перевода ребёнка на домашнее или индивидуальное обучение – нет. Родители или попечители должны договариваться с администрацией школы для разработки индивидуального плана обучения.

Проведенный анализ показывает, что в Республике Беларусь используется лишь один вид домашнего образования, который уступает другим видам. При разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства с учётом опыта зарубежных было предложено следующее: а) заимствование форм домашнего образования из США и Канады, т.к. в этих странах существует множество способов воспользоваться домашним образованием; б) введение термина «домашнее образование» в ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании; в) внесение изменений и дополнений в ст. 49 Конституции Республики Беларусь; г) изменение условий получения домашнего образования с учетом высокой мобильности, нестабильного состояния ученика и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнее обучение в Беларуси: плюсы и минусы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minsknews.by/domashnee-obuchenie-v-belarusi-plyusy-i-minusyi/> – Дата доступа: 16.09.2019.
2. Домашнее обучение в Беларуси: плюсы и минусы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mir.pravo.by/library/news/different/domashnee-obuchenie-v-belarusi-plyusy-i-minusyi/>. – Дата доступа: 16.09.2019.
3. О плюсах и минусах домашнего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bez-shkolnogo-zvonka.html>. – Дата доступа: 16.09.2019.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г. №243-3: Принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. : 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2016 г. – Минск, ст.17.[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. – Дата доступа: 14.09.2019.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск :Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – ст. 49. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 01.05.2019.

УДК 342.537

ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ**Е.А. МЕТЛА****(Представлено: А.В. ВАЛЕВКО)**

Подробно рассмотрено такое понятие, как «парламентские слушания». Проводится анализ определений, предложенных различными авторами. Проанализированы виды и цели парламентских слушаний, а также определено их значение.

В широком понимании слушания можно рассматривать как форму работы любого комитета и парламента в целом, содержанием которой является заслушивание позиций докладчиков, заинтересованных сторон по вопросам, отнесенным к компетенции комитетов или парламента, определение наиболее оптимального подхода к урегулированию той или иной проблемы и принятие определенных решений. В более узком смысле слушания следует рассматривать как особую форму работы парламента или комитета (специальной или следственной комиссии), для которой характерны специфика круга участников, цели, места проведения, оформления и обнародования результатов, и которая в нормативно-правовых актах, регламентирующих порядок осуществления соответствующими органами своих полномочий, определяется именно как "слушания".

В научной литературе существуют различные подходы к определению парламентских слушаний, в рамках которых одни авторы рассматривают их как «форму обсуждения» в парламенте значимых вопросов, а другие как «форму деятельности» парламента [1, с. 72].

Р.Н. Мирсаев считает, что парламентские слушания "представляют собой эффективную форму обсуждения в парламенте актуальных и наиболее значимых вопросов с привлечением специалистов и широкой общественности. Они могут быть посвящены концепции законопроекта, международному договору, подлежащему ратификации, контролю исполнения законодательного акта, но каких-либо обязывающих решений парламентские слушания давать не в праве" [2, с. 35].

По мнению Т.Я. Хабриевой, «парламентские слушания – это форма обсуждения в палатах актуальных и значимых вопросов с привлечением общественности» [3, с. 154].

В свою очередь, С.А. Авакьян называет парламентские слушания "формой работы парламента, в ходе которой обсуждаются вопросы с привлечением специалистов и других заинтересованных лиц" [4, с. 186].

Система данной формы деятельности законодательного органа состоит из таких элементов, как субъекты, объекты и предметы слушаний. Все они взаимосвязаны между собой, тем самым образуя структуру.

Субъектами являются непосредственно сам представительный орган, его комитеты или комиссии (постоянные или временные), а также депутаты.

Объектами парламентских слушаний являются вопросы, имеющие отношение к компетенции представительного органа и его ведению. Эти вопросы, естественно, имеют проблемный характер и являются значимыми для общества.

Что касается предметов парламентских слушаний, то можно сказать, что они идентичны с тематикой слушаний. Важно отметить, что предметы не должны выходить за рамки объектов слушаний.

Изучение парламентских слушаний как организационно-правовой формы деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти необходимо производить с учетом качественных характеристик парламента. В их числе назовем конституционно-правовое закрепление следующих элементов статуса органа как выражение сущности парламентаризма: его представительный характер, т.е. его формирование населением государства в соответствии с нормами избирательного права; функционирование на постоянной основе; осуществление своей деятельности в режиме принципов разделения властей, бикамерализма (при двухпалатной структуре), механизма «сдержек и противовесов»; коллегияльности и профессионализма деятельности депутатов, самостоятельности, разграничения предметов ведения и полномочий. Перечисленные сущностные признаки парламентаризма предопределяют юридическую природу парламентских слушаний, технологии их проведения, позволяют показать их значение и результативность, обеспечивают выбор модели правового регулирования анализируемой организационно-правовой формы [5, с. 18].

В зависимости от круга вопросов, являющихся предметом рассмотрения, слушания можно разделить на два вида: парламентские и комитетские.

Цель парламентских слушаний не состоит исключительно в контроле. Парламентарии, исполнительные органы и другие заинтересованные лица обмениваются информацией, чтобы выработать эффективное и рациональное законодательство, а также, чтобы добиться его надлежащего осуществления. Слушания могут служить инструментом для прояснения и согласования позиций различных государственных органов. Немаловажным в проведении парламентских слушаний является необходимость в том, чтобы заострить внимание на проблеме и привлечь к этому руководителей органов государственной власти и широкого круга заинтересованных лиц.

По целям проведения парламентские слушания можно разделить на информационные, законодательные, контрольные и следственные. Очевидно, что данное деление является весьма условным, так как целью любого слушания является получение необходимой информации и ее распространение, соответственно, каждое из слушаний по своей сути является информационным. Аналогично, поскольку любое слушание предусматривает проведение анализа государственной политики и, соответственно, деятельности Правительства в сфере реализации, правоприменения и т.д., то любое слушание в большей или меньшей степени можно считать контрольным. Можно сделать вывод, что деление слушаний на данные виды основано на преобладании соответствующей цели.

Так, главной задачей информационных слушаний является сбор и анализ информации по определенной проблеме, анализ путей ее урегулирования, выявление наиболее оптимальных механизмов решения соответствующей проблемы, выяснение позиций субъектов, представляющих общество.

Главной задачей контрольных слушаний является оценка эффективности работы правительства в той или иной сфере. Такие слушания могут предусматривать, в частности, осуществление контроля за выполнением действующих нормативно-правовых актов - Конституции, законов, иных нормативных правовых актов парламента, за соответствием актов правительства актам высшей юридической силы. Также данные слушания могут исследовать эффективность работы правительства, отдельных должностных лиц и системы органов исполнительной власти в целом.

Слушания в следственных комиссиях (комитетах по расследованию) преследуют цель установления наличия в действиях подконтрольных парламента субъектов (например, членов правительства) признаков преступлений или других действий, которые могут быть основанием для политической или юридической ответственности.

Предметом обсуждения на законодательных слушаниях являются концептуальные положения законопроектов, находящихся на рассмотрении соответствующих комитетов.

По уровню публичности слушания можно классифицировать как открытые и закрытые. Что касается открытых, главным принципом проведения слушаний является их публичность: обеспечение участия в слушаниях всех желающих принять участие, обнародование повестки дня слушаний, освещение хода их проведения в СМИ, обнародование результатов и обеспечение открытого доступа к материалам слушаний (раздаточные материалы, стенограммы, рекомендации и т.д.). Закрытые слушания проводятся только тогда, когда обсуждение касается информации с ограниченным доступом (государственная тайна, персональные данные и т.д.). Как правило, решение о проведении закрытых слушаний принимается на заседании комитета (специальной или следственной комиссии), парламента (относительно парламентских слушаний).

По месту проведения слушания можно разделить на выездные и те, которые проводятся в помещениях, отведенных для работы парламента или его органов.

В современном мире также существует практика проведения «круглых столов». Данная форма подразумевает под собой проведение плодотворных публичных обсуждений, освещение каких-либо проблем, всестороннее рассмотрение различных вопросов, выработку совместных решений, а также равноправие участников. Преимущества проведения «круглых столов» заключаются в следующем: простой порядок инициирования; отсутствие жесткой структуры и регламента проведения; проведение данного мероприятия в достаточно неформальной обстановке, которая позволяет участникам расслабиться и полностью погрузиться в обсуждение и решение той или иной проблемы. Стоит отметить, что по окончании проведения «круглых столов» обычно отсутствуют конкретные результаты, которые бы предполагали принятие итоговых документов.

Законодательный (представительный) орган осуществляет возложенные на него функции в соответствии с компетенцией, которой он наделен. Эти функции законодательного (представительного) органа реализуются посредством существования конкретных форм деятельности, с использованием предусмотренных законом правовых средств. Каждая организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа реализует собственные функции, обусловленные ее назначением. Через функции парламентских слушаний раскрывается их роль в качестве организационно-правовой

формы деятельности законодательного (представительного) органа власти и реализуется компетенция данного органа [6, с. 157].

К внешним функциям, по мнению Л.Ю. Свистуновой, всегда относятся представительская, инновационная, ориентационная, контрольная, к внутренним – законотворческая, аналитическая, общественно-политическая. Остальные функции парламентских слушаний выступают внешними или внутренними в зависимости от предмета слушаний, состава приглашенных лиц и принятых по итогам парламентских слушаний рекомендаций [6, с. 158].

Нормативное закрепление принципов, методов деятельности парламента, обеспечивающих реализацию задач и функций органа, является, в свою очередь, основой для юридического закрепления системы организационно-правовых форм, подтверждающих реальное существование парламентаризма, и определяет в ней место парламентских слушаний [5, с. 18].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из наиболее важных институтов современного парламентаризма является институт парламентских слушаний, система которого представлена тремя элементами: субъекты, объекты и предметы слушаний. Что касается классификации парламентских слушаний, ее проводят по следующим признакам: в зависимости от круга вопросов, являющихся предметом рассмотрения; по целям проведения; по месту проведения; по уровню публичности.

Проведение слушаний с привлечением представителей заинтересованных сторон способствует принятию взвешенных политических решений в интересах всего общества. Слушания обеспечивают обратную связь между обществом, законодательной и исполнительной властью. Благодаря парламентским и комитетским слушаниям депутаты и члены правительства могут получить всестороннюю информацию по проблемным вопросам государственной политики. Именно парламентские слушания дополняют механизмы общественного и парламентского контроля за деятельностью правительства. Также проведение слушаний положительно влияет на осуществление парламентом законодательных, контрольных и кадровых полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свистунова, Л.Ю. К вопросу о понятии и признаках парламентских слушаний / Л.Ю. Свистунова // Общество и право. – № 12. – С. 70-73.
2. Мирсаев, Р.Н. Роль парламентских слушаний в развитии парламентаризма / Р.Н. Мирсаев // Становление парламентаризма в Республике Башкортостан: Проблемы и решения: V респ. Обществ.-полит. чтения, посвящ. 9-й годовщине принятия Декларации о гос. суверенитете Респ. Башкортостан. – Уфа, 1999. - С. 33-36.
3. Хабриева, Т.Я. Парламентское право России: учеб. пособие / Т.Я. Хабриева. – М. : ЮРИСТЪ, 2003. – 655 с.
4. Авакьян, С.А. Федеральное Собрание парламент России / С.А. Авакьян. – М. : Российский Юридический Издательский Дом, 2009. - 432 с.
5. Свистунова, Л.Ю. Парламентские слушания в системе организационных форм работы представительных органов : учеб. пособие / Л.Ю. Свистунова. – Краснодар, 2011. – 76 с.
6. Свистунова, Л.Ю. Функции парламентских слушаний как организационно-правовой формы деятельности законодательных (представительных) органов в Российской Федерации / Л.Ю. Свистунова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 156–161.

УДК 342.537

ПУБЛИЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ, ФУНКЦИИ, ФОРМЫ**Е.А. МЕТЛА****(Представлено: А.В. ВАЛЕВКО)**

Подробно рассмотрено такое понятие, как «публичные обсуждения». Раскрыто его значение, определены цели, функции, а также формы. Проанализировано Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Рассмотрена вероятность и целесообразность использования парламентских слушаний в качестве формы публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Публичное обсуждение представляет собой процесс, при котором орган власти - разработчик размещает в публичном доступе сообщение об инициативе подготовить и принять нормативный правовой акт, а на этапе готовности проекта акта – текст проекта акта с сопроводительными документами – в целях сбора предложений и мнений об инициативе [1, с. 59].

Само публичное обсуждение проводится открыто и публично. Любой участник имеет право свободно высказывать собственное мнение, так как публичное обсуждение подготовленного проекта проводится с целью получения всесторонней оценки основных его положений со стороны как специалистов, так и представителей общественности. Также данная процедура способствует выявлению несовершенных и непроработанных положений проекта.

Значение публичного обсуждения заключается в том, чтобы по его результатам разработчики нормативных правовых актов получили возможность внести необходимые изменения и уточнения в проект, его форму и содержание.

Конституционные основы публичного обсуждения нормативных актов определяет ст.37 Конституции Республики Беларусь, которая и закрепляет право участвовать в решении государственных дел. При публичном обсуждении граждане не принимают общеобязательного публично-властного решения, однако на определенном этапе принятия решения они имеют возможность выразить свою позицию (мнение), которое затем должно быть принято во внимание при оформлении окончательного решения.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 утверждено Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов [2].

Данный документ принят в развитие нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [3].

Принятым Положением установлено, что публичное (общественное или профессиональное) обсуждение проектов нормативных правовых актов осуществляется на основе принципов открытого и независимого участия юридических и физических лиц и проводится в целях реализации принципа гласности нормотворческой деятельности, получения общественной или профессиональной (экспертной) оценки содержащихся в проекте норм права, а также определения соответствия проекта нормативного правового акта общественным ожиданиям для возможной последующей корректировки проекта.

Объектами публичного обсуждения, как правило, являются:

– проекты законодательных актов и постановлений Совета Министров Республики Беларусь, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц и устанавливающие новые либо принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений;

– проекты актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности;

– иные проекты нормативных правовых актов, подлежащие публичному обсуждению по поручению Президента Республики Беларусь, Правительства, Администрации Президента либо по инициативе организатора публичного обсуждения.

В соответствии с документом организаторами публичного обсуждения указанных проектов могут выступать: Президент Республики Беларусь, Совет Министров, депутаты Палаты представителей Национального собрания и Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, граждане Беларуси, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек, а также нормотворческий орган (должностное лицо) либо государственный орган (организация), осуществляющие подготовку проекта нормативного правового акта.

Положение решает основные вопросы публичного обсуждения, необходимые для его функционирования: определен широкий круг организаторов публичного обсуждения; указана единая информаци-

онная площадка публичных обсуждений – сайт «Правовой форум Беларуси» в глобальной компьютерной сети Интернет с отражением сведений об обсуждении на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь; введен перечень нормативных актов в зависимости от вида акта и его содержания, рекомендуемых или не подлежащих обсуждению; установлен срок публичного обсуждения, который, исходя из специфики регулируемых общественных отношений, составляет не менее 10 календарных дней.

На данном этапе можно выделить ряд основных функций, которые реализуются путем процедуры публичных обсуждений, а именно это информационная, аналитическая и легитимационная функции. Так, первая заключается в информировании общественности о подготовке проекта нормативного правового акта, вторая – в сборе информации, позволяющей расширить базу данных разработчика проекта нормативного правового акта, третья – во включении совещательного элемента в процесс подготовки нормативных правовых актов, что увеличит возможность легитимации определенных изменений.

В Положении определены способы публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. В частности, обсуждение будет проходить:

- в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси»;
- путем проведения парламентских слушаний;
- в средствах массовой информации;
- посредством проведения заседаний научных, консультативных, общественных советов при государственных органах;
- иными способами, не противоречащими законодательству.

Следовательно, нормативный правовой акт во многом закрепил уже существующие практики проведения процедуры, так как все указанные методы применялись еще до издания нового постановления, за исключением парламентских слушаний.

Механизмы каждого из вариантов проведения общественного обсуждения описаны достаточно подробно, а вот при публичном обсуждении проекта нормативного правового акта путем парламентских слушаний делается отсылка к регламентам палат Национального собрания, где и описаны все этапы данной процедуры. Проанализировав их, нам необходимо определить вероятность и целесообразность использования данной формы для публичного обсуждения.

Одна из целей парламентских слушаний, как уже было отмечено ранее, это обмен информации для выработки эффективного законодательства, а также его надлежащее осуществление. Публичное обсуждение подготовленного проекта проводится с целью получения всесторонней оценки основных его положений со стороны как специалистов, так и представителей общественности. Следовательно, по характеру преследуемых целей данные формы в какой-то мере схожи.

Однако задачей публичных обсуждений, прежде всего, является независимое и свободное обсуждение вопросов с активным участием общественности, которое не должно ограничиваться определенным кругом лиц. Чего не скажешь о парламентских слушаниях, где круг граждан ограничен. Соответственно, процедура проведения данной формы работы не отвечает задачам, преследуемым публичными обсуждениями.

Нельзя не обратить внимания на такой проблемный вопрос, как возможность граждан инициировать публичные слушания для публичных обсуждений, так как парламентские слушания проводятся по решению Совета Республики либо по решению Палаты представителей. Т.е. возможность общественности быть субъектами инициативы данной формы никак не урегулирована.

На основе проанализированной информации, мы можем сделать вывод, что такая форма, как парламентские слушания, не адаптирована для использования ее в качестве публичных обсуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тамаев, А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов как инструмент открытого правительства в России / А.М. Тамаев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. - № 5. – С. 59–62.
2. О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. О нормативных правовых актах : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347

ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИАЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ**М.С. МИХАЙЛОВА****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)**

В статье рассматриваются понятие и особенности электронной медиации. Производится сравнительный анализ медиации при помощи интернет-технологий и классической медиации. Выявляются недостатки электронной медиации.

В результате глобализации, в рамках которой произошла технологическая революция, сформировались новые менее дорогостоящие и более эффективные способы коммуникации (электронная почта, скайп и другие ресурсы сети Интернет), получившие применение в сфере медиации. Юриспруденция не могла остаться в стороне от бурного развития интернет-технологий. Их внедрение значительно расширяет возможности юридической практики.

Тренд современных способов разрешения споров среди населения и представителей бизнеса – медиация. К медиации обращаются, когда нужно сэкономить деньги, время и возникает необходимость чувствовать себя в эмоциональной безопасности на протяжении разрешения всего конфликта [1].

Но как быть, если оппоненты находятся в разных городах или в силу различных причин, например, инвалидности, не могут принимать непосредственное участие в процедурах медиации? Выход следующий — использовать интернет-технологии. В их числе телефонная конференц-связь, видео-конференц-связь, скайп, электронная почта и различные чаты. Проведение процедуры онлайн медиации дает возможность сторонам и медиатору находиться в одно и то же время в разных местах. Общение проходит в чате, который позволяет всем собеседникам видеть друг друга в конкретно заданное время.

Применяя новейшие виды коммуникации, медиатор, который является нейтральной стороной, способствует урегулированию спора между сторонами и должен провести ряд действий, среди которых:

- 1) обмен информацией;
- 2) выявление проблемы;
- 3) определение интересов каждой из сторон конфликта;
- 4) поиск точек соприкосновения конфликтующих сторон;
- 5) поиск наиболее подходящего выхода из сложившейся ситуации;
- 6) обмен предложениями, встречными предложениями, аргументами между сторонами;
- 7) определение реального положения вещей;
- 8) составление медиативного соглашения [2].

Когда процедура разрешения спора проводится преимущественно онлайн, её именуют термином онлайн разрешение споров. Большинство проводимых процедур разрешения споров онлайн, включая первоначальную направление запроса на разрешение спора, избрание медиатора, изучение доказательств, устные слушания при необходимости, онлайн-дискуссии, и даже заключение медиативного соглашения, влекущего возникновение обязательств сторон спора [3].

Мы рассматриваем медиацию в качестве альтернативного способа урегулирования различных по характеру, но прежде всего гражданско-правовых споров при участии профессионального посредника, помогающего сторонам выйти из стрессового либо конфликтного состояния и найти пути разрешения проблемы (спора). Практика показывает, что стороны в этом состоянии не могут найти общий язык. Часто конфликтующие стороны не способны самостоятельно разрешить конфликт, так как не пытаются выяснить истинную его причину. Медиатор является профессиональным лицом, стремящимся установить и устранить причину конфликта и найти правильное его решение, нейтрализуя эмоции сторон.

Из этого следует, что основными задачами медиатора состоят в выявлении и установлении причин, приведших стороны к невозможности договориться и разрешить конфликт.

Развитие технологий в сети Интернет обусловило появление специализированных сайтов по электронному разрешению споров. Процесс коммуникации происходит следующим образом: одна из сторон заполняет конфиденциальное заявление о проведении процедуры медиации, затем специалисты сайта связываются со второй стороной с целью получения согласия на проведение процедуры. В случае получения положительного ответа начинается сама процедура с использованием коммуникационных технологий [4].

Возникает вопрос: может ли медиатор в полной мере достичь цели примирения сторон, взаимодействуя с ними лишь при помощи современных телекоммуникационных технологий, т.е. не имея с ни-

ми личного контакта, не видя их эмоций, не чувствуя их непосредственного отношения к ситуации? Проведение процедуры медиации онлайн дает возможность сторонам и медиатору находиться в одно и то же время в разных помещениях. Общение сторон с участием медиатора осуществляется в чате (коммуникационный ресурс), который позволяет всем собеседникам видеть друг друга в конкретно заданное время. Индивидуальные (конфиденциальные) обсуждения конфликта с каждой из сторон могут быть проведены посредством электронной почты. В зависимости от местонахождения сторон и их желания совместные обсуждения и индивидуальные переговоры могут проходить синхронно либо в разное время с использованием видеосвязи.

Сессия проводится под управлением одного или нескольких медиаторов. Они могут находиться в разных странах, но важно, чтобы придерживались единых стандартов и профессиональных кодексов. Это позволяет рассмотреть предмет спора всесторонне, с максимальным учетом интересов сторон и пониманием социокультурных особенностей. Акцент делается на справедливость, однако при этом учитывается понимание справедливости каждой конфликтующей стороны. Таким образом, фактические и технические возможности проведения медиации с использованием коммуникативных ресурсов сети Интернет (электронная почта, скайп, конференц-связь, чат и др.) являются объективной реальностью, и отношения, связанные с их использованием в процедуре медиации, подлежат правовому регулированию.

Медиатор-посредник помогает выйти из стрессового или конфликтного состояния и определить пути разрешения спора. Практика показывает: стороны не могут найти общий язык и самостоятельно разрешить спор, поскольку не пытаются понять его причины. Медиатор, будучи профессиональным лицом, стремится установить и устранить причину конфликта и найти правильное решение, нейтрализуя эмоции сторон. Для этого ему необходимо произвести ряд действий. Это обмен информацией, выявление проблемы, определение интересов каждой из сторон, поиск их точек соприкосновения и наиболее подходящего выхода из сложившейся ситуации. После этого следует обмен встречными предложениями и аргументами между сторонами, определение реального положения вещей и составление медиативного соглашения [4].

Таким образом, онлайн урегулирование споров — это быстрый, удобный и эффективный способ разрешения конфликта при помощи посредника с использованием интернет-технологий.

Под онлайн урегулированием споров при помощи посредника, или онлайн медиацией, понимается форма медиации как способа урегулирования споров, конфликтов при участии нейтральной третьей стороны с применением интернет-технологий [3].

Рассмотрим сравнительный анализ процедуры онлайн медиации и классической медиации.

Классическая медиация осуществляется при непосредственном участии сторон и медиатора и имеет следующие особенности:

1. Синхронное взаимодействие: стороны полностью сфокусированы на разрешении конфликта в заданное время в заданном месте и нацелены на достижение результата, переживая одни и те же чувства и эмоции.
2. В процессе медиации преобладает устное общение. Данное обстоятельство позволяет сторонам слышать голос, интонацию друг друга.
3. Невербальная коммуникация позволяет наблюдать поведение, взгляды, жесты противной стороны.
4. Стороны имеют возможность общаться непосредственно друг с другом.
5. Стороны могут самостоятельно прийти к единственно верному способу разрешения конфликта.
6. Неприкосновенность частной жизни участников процедуры медиации гарантирована.
7. Присутствуют только определенные участники процедуры медиации, и медиатор имеет возможность контролировать ситуацию.
8. Медиатор является доверенным лицом каждой из сторон и использует информацию, полученную в результате проведения процедуры медиации, лишь в интересах сторон.

Онлайн медиация применяется при участии посредника с обязательным использованием интернет-технологий и имеет следующие особенности:

1. Несинхронное взаимодействие: стороны имеют возможность брать паузы, время на размышление и поиски советов со стороны.
2. Преимущественно письменное общение сторон (обмен электронными письмами или взаимодействием в чатах).
3. Как правило, стороны общаются только через медиатора.
4. Стороны могут не знать друг друга, а медиатор не имеет возможности контролировать процесс медиации.

5. Неприкосновенность частной жизни участников процедуры медиации не может быть гарантирована [4].

В силу своей специфики электронная медиация способна стать отличным решением при разрешении споров на небольшую сумму, когда сделки совершались на существенном расстоянии, что обуславливается стремительным развитием Интернет-торгов.

Однако есть и ряд недостатков. Например, возможное неустойчивое соединение и плохая связь, невозможность подписать медиативное и прочие соглашения с помощью ЭЦП или верифицировать участников, что особенно важно, поскольку в медиации должны подписываться юридически значимые документы. Соглашение необходимо будет подписать сторонами и отправить с помощью почтовой связи, а это в свою очередь тоже может расцениваться как недостаток. Пересылка займет определенное время, а при проведении множества процедур «на потоке» это малоэффективно, поскольку бумажный документооборот большого объема технически сложно отследить.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что электронная медиация кардинально отличается от классической медиации и представляет собой быстрый, удобный, недорогой и эффективный способ разрешения конфликта при помощи посредника с использованием интернет-технологий. Взаимодействие участников осуществляется при помощи сети Интернет с использованием коммуникационных ресурсов. Можно выделить следующие способы проведения процедуры онлайн медиации: телефонная конференц-связь, видео-конференц-связь, электронная почта и различные чаты. При этом неурегулированными остаются вопросы организации деятельности медиатора, заключение с ним соглашения, оплата его услуг, что с организационно-правовой точки зрения усложняет процедуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыденко, Д. Медиация // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2011. – № 5.
2. Миронова, С.Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров / С.Н. Миронова. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 245 с.
3. Махнач, В.А. Электронная медиация в Республике Беларусь / В.А. Махнач // Человек, психология, экономика, право, управление и перспективы: материалы XVII Международной научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов, г. Минск, 16 мая 2014 г. / Минский ун-т управления; под. ред. канд. пед. наук В.В. Гедранович. – Минск, 2014. – С. 137.
4. Химикус, Е.И. Отдельные вопросы правового регулирования онлайн медиации / Е.И. Химикус // Современное право. – 2016. – №2. – С. 102–104.

УДК 342

**ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
ПРОЦЕДУРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****М.С. МИХАЙЛОВА****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)**

В статье рассматривается процедура осуществления электронной медиации в Республике Беларусь и зарубежных странах. Проводится анализ платформ осуществления электронной медиации в зарубежных странах и Республике Беларусь.

Электронная медиация, как и сама медиация, зародилась в США, где и приобрела особую популярность. Суть процедуры электронного посредничества заключается в том, что все общение между сторонами происходит посредством электронной почты, видеоконференций, телефонной связи и пр. В ходе процедур электронного посредничества медиатор контактирует как с обеими сторонами, так и с каждым по отдельности. Проведение процедуры медиации онлайн даёт возможность сторонам и медиатору находиться в одно и то же время в разных местах. Общение сторон с участием медиатора осуществляется в чате, который позволяет всем собеседникам видеть друг друга в конкретно заданное время. Индивидуальные обсуждения конфликта с каждой из сторон могут быть проведены посредством электронной почты [1].

Статистика показывает: онлайн урегулирование споров наиболее распространено в США [2].

Зарубежная практика свидетельствует, что онлайн урегулирование споров может применяться для разрешения широкого спектра проблем — от межличностных, в том числе потребительских споров, до межгосударственных конфликтов. Большой потенциал онлайн урегулирование имеет при разрешении конфликтов в сфере электронной коммерции. Так, онлайн медиация применяется на некоторых крупных интернет-сайтах, осуществляющих онлайн торговлю различными товарами. Такова международная торговая площадка eBay.com, основанная в 1995 году как место торговли коллекционными и труднодоступными товарами. Поскольку на сайте eBay.com ежедневно проводятся тысячи торговых операций, возникновение конфликтов, вызванных несвоевременной доставкой товара, повреждением товара в момент транспортировки, несоответствием товара, указанного на сайте, реально полученному, неизбежно. Для урегулирования конфликтов на сайте eBay.com применяется онлайн медиация, правила которой включают следующие положения:

1. В случае возникновения какого-либо конфликта между продавцом и покупателем в первую очередь используется возможность поиска компромиссного выхода из спорной ситуации при помощи обмена электронными письмами.

2. Если сторонам не удалось урегулировать конфликт при помощи обмена электронными письмами, они могут связаться по телефону. При этом контактная информация может быть доступна лишь заинтересованной стороне и предоставлена ей только в том объеме, на которое противоположная сторона дала сайту eBay.com свое согласие [2].

3. Если и телефонный разговор не помог сторонам достигнуть каких-либо договоренностей, что бывает крайне редко, сайт eBay.com предоставляет своим покупателям возможность использовать ресурс под названием «Square-Trade». Ресурс основан в 1999 году с целью обеспечения субъектам — участникам онлайн торговли возможности онлайн урегулирования возникающих споров. При обращении к данному сервису стороны дают согласие на привлечение медиатора как профессионального посредника урегулирования конфликта. С этого момента обсуждение конфликта происходит при помощи медиатора посредством электронных ресурсов. В данном случае стоимость работы медиатора составляет 20 долларов США, при этом расходы распределяются между сторонами поровну. Сервис «Square-Trade» устанавливает для онлайн медиации следующие правила:

- это добровольный процесс, в рамках которого стороны взаимодействуют с медиатором;
- данный процесс работает лишь при совместном участии сторон и их обоюдном желании прийти к компромиссу;
- медиация не является судебным разбирательством;
- медиация не является процедурой, вынуждающей стороны чувствовать себя некомфортно;
- главной задачей процедуры медиации является поиск компромиссного решения, устраивающего конфликтующие стороны;

- медиатор может дать совет конфликтующим сторонам в отношении разрешения сложившегося спора лишь при условии, что обе стороны дадут свое согласие на выражение им своего личного мнения
- медиатор не имеет права определять, какая из сторон права, а какая нет; — медиатор не выступает в качестве судьи;
- медиатор не выступает в качестве арбитра [3].

Интернет площадка «Square Trade» была ведущим поставщиком онлайн разрешения споров для медиации в потребительской сфере до 2008 г. Система использовалась при разрешении споров крупнейших торговых площадок eBay и PayPal.

Медиаторы используют навыки управления представлениями о конфликтной ситуации, поощряя стороны к заключению медиативного соглашения, позволяя им более эффективно вести диалог с помощью перефразирования и рефрейминга. Примирение аналогично процедуре медиации, но в ходе примирения посредник может предложить свои варианты решения сторонам для достижения соглашения. Кроме того, помощь в ходе примирительных процедур возможна за счет улучшения коммуникаций сторон при содействии третьей стороны или программного обеспечения. В самом деле, некоторые эксперты считают, что содействие переговорному процессу, примирение и фасилитация представляют собой просто разные типы посредничества. Основные преимущества этих процессов при использовании онлайн технологий являются их неформальность, простота, и дружелюбность по отношению к пользователю [4].

В системе CyberSettle автоматизация переговорного процесса осуществляется исключительно с помощью платформы онлайн разрешения споров без вмешательства нейтральной третьей стороны-посредника. Это, как правило, включает в себя переговоры по типу «заключение сделок вслепую» — blind-bidding. Процесс предназначен для урегулирования взаиморасчетов и расчетов по претензиям с бесспорными основаниями. Он происходит, когда одна сторона приглашает другую для разрешения денежных вопросов в споре. Если стороны не достигли вариант соглашения, но согласились на участие в процессе, то они начинают переговоры по типу «заключение сделок в слепую» — процесс, в котором обе стороны направляют конфиденциальные предложения, которые будут раскрыты другой только если оба предложения соответствуют определенным стандартам. Стороны могут сделать одно или несколько разных предложений либо требований, и если разница между предложениями/ требованиями разных сторон менее определенного процента или заданной суммы денег, то CyberSettle произведет урегулирование путем вычисления среднего арифметического наиболее близких предложений/требований сторон спора.

Mordia – это система, которая имеет многостадийный процесс урегулирования спора от диагностики и переговорной стадии до медиации, и ориентирована на урегулирование сложных споров. Данная система объединила команду разработчиков Американской Арбитражной Ассоциации. Планируется, что Mordia будет обрабатывать 100 000 споров ежегодно.

Цель этой компании — предоставление одноименной системы онлайн разрешения споров как для случая споров небольшой цены, так и для дорогостоящих споров. Для большинства незначительных по цене споров компания Mordia разработала пошаговый алгоритм. Первый шаг в этой работе именуется “Модуль диагностики спора”, определяющий предмет спора / зону разногласий в конфликте. На этом этапе работает функция сортировки для облегчения фильтрации претензий. Следующим этапом, предлагаемым системой Mordia — это «Переговорный модуль», который обобщает спорные вопросы, требует от сторон внесения предложения по урегулированию спора, а также предлагает на усмотрение сторон свободный выбор вариантов решения их конфликтной ситуации.

Неразрешенный спор следует далее согласно пошаговому алгоритму разрешения споров. Следующий этап, «посреднический модуль», где назначается третий нейтральный посредник с целью оказанию содействия (фасилитации) в достижении мирового соглашения. Заключительным этапом является “арбитраж”, где нейтральный арбитр будет выносить решение по не разрешенному на предыдущих этапах спору. Mordia утверждает, что, как в и случае eBay, большинство споров будет разрешено в ходе первых двух этапов без человеческого вмешательства, хотя для эффективной работы онлайн разрешения споров необходимы сильные побудительные мотивы у сторон к сотрудничеству.

RTA Pi Claims Portal – система для урегулирования споров по возмещению вреда жизни, здоровью, имуществу в результате дорожно-транспортных происшествий. Используется в Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии. Онлайн процесс позволяет сторонам в досудебном порядке обменяться претензиями и возражениями и достичь урегулирования спора по результатам ДТП, в случае, когда степень тяжести вреда оценивается ниже двадцати пяти тысяч английских фунтов стерлингов. Интернет-портал предлагает сторонам на выбор претензии стандартной формы и другие документы, а также обеспечивает онлайн коммуникации. Процедура регулируется стандартным Досудебным протоколом об

урегулировании незначительных травм по результатам дорожно-транспортных происшествий, и предполагает заранее определенные значения издержек на услуги представителя. Как и в других обязательных досудебных примирительных процедурах, если истец отказывается урегулировать свои претензии на досудебной стадии и сразу подает иск непосредственно в суд, то судебные издержки относятся на истца независимо от результата рассмотрения спора [5].

Интернет площадка Nominet обеспечивает онлайн медиацию между владельцами ccTLD (национальных доменов верхнего уровня), а именно между владельцами доменных имён и правообладателями торговых марок, возникающий в результате регистрации кем-либо доменного имени в пространстве доменных имён .uk, которое является сходных до степени смешения с зарегистрированной торговой маркой, для извлечения выгод его наработанной репутации. Часть процедуры для разрешения этого спора происходит через этап интернет медиации. Эта процедура называется, как «неформальная медиация», и происходит в течение трех дней. Nominet рассматривает отзыв на претензию заявителя, но медиация не происходит, если ответчик не направляет свой ответ. Дискуссия модерировается медиатором и соблюдается принцип конфиденциальности. Если стороны достигают медиативного соглашения, в ходе медиации, то предмет, основания и сроки спора остаются конфиденциальными, если только стороны не договорились об ином, в противном случае остается право на обращения в компетентный суд. Если стороны не достигают медиативного соглашения в течение десяти дней, то заявитель оплачивает плату, покрывающую дополнительные судебные издержки, и Nominet назначает эксперта, призванного урегулировать спор онлайн [5].

Small Claims Mediation Scheme практикуется в судах Соединенного Королевства и представляет собой алгоритмизированную процедуру одночасовой медиации по телефону. Ежегодное число сессий медиации составляет 10 000. Медиация доказала свою эффективность не только по недорогим спорам. Процедура медиации также эффективно используются для споров с достаточно высокой ценой иска, а также в случае сложных споров, как например, в спорах, вытекающих из налоговых правоотношений. Есть много отраслевых приложений в конкретных правовых сферах. Например, с 2011 года в семейных конфликтах предусмотрено обязательное досудебное обращение к базовой информации о медиации и оценочных процедурах посредничества.

MoneyClaim Online - также используется в Соединенном Королевстве для урегулирования споров между заемщиками и должниками при цене спора до 100 000 фунтов стерлингов. Истцы могут отслеживать движение дела онлайн, и ответчикам также предлагается использовать систему онлайн. С помощью системы Денежные требования онлайн было обработано более чем 60000 претензий в год, что превышает годовое число споров в любом окружном суде страны [5].

В Российской Федерации существует интернет площадка 7яМедиация.РФ для начала переговоров на этапе семейной медиации и бракоразводных процедур. На данной площадке можно заключить мировое соглашение онлайн о разделе имущества, брачный договор, провести школьную медиацию, также проводится семейное консультирование, существуют виртуальные комнаты примирения.

У нас в стране онлайн медиация не развита. Во многом это объясняется тем, что и классические ее варианты в стране пока недостаточно востребованы по сравнению с Западом. Категория онлайн медиации в действующем законодательстве Республики Беларусь, в отличие от стран англо-саксонского права, не закреплена, что порождает необходимость ее разработки и утверждения на законодательном уровне. А, с учетом минусов онлайн способа решения конфликтов, в идеале цифровая медиация должна осуществляться с помощью универсальной платформы, которая предоставляла бы сторонам полный функционал и оперативность. Как минимум она должна быть доступной для моментального подключения всех участников медиации, которые в свою очередь должны быть верифицированы. Платформа должна позволять участникам работать над текстом соглашения одновременно и сообща, и давать возможность подписать его в электронном виде. Это становится возможным с помощью электронной цифровой подписи, однако тут же возникает ряд организационных вопросов, связанных с получением сторонами ЭЦП и ее применением. В Республике Беларусь онлайн медиация только начинает развиваться и способна стать отличным способом разрешения споров в области интернет торговли в связи с высоким темпом развития торговли.

В Республике Беларусь, как в современном государстве, следует разработать интернет площадки для разрешения споров. Это могут быть интернет площадки для решения споров, возникающих из трудовых, семейных, коммерческих отношений, в сфере торговли. Например, существует необходимость создания интернет площадки при министерстве МАРТ для урегулирования споров между потребителями и продавцами, что сократит издержки на ведение споров и даст возможность урегулировать спор на расстоянии.

Из опыта зарубежных стран можно сделать вывод о том, что электронная медиация является эффективным способом для разрешения споров и для успешного развития электронной медиации в нашей стране следует перенять опыт других стран.

Таким образом, чтобы выйти на профессиональный уровень онлайн урегулирования конфликтов, система должна быть максимально проработана как с технической стороны, так и со стороны законодательства. Это станет возможным лишь когда классическая медиация в нашей стране станет наиболее популярна. Тогда затраты на проработку системы онлайн медиации станут рациональны и вполне оправданы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова, С.Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров / С.Н. Миронова. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 245 с.
2. Махнач, В.А. Электронная медиация в Республике Беларусь / В.А. Махнач // Человек, психология, экономика, право, управление и перспективы: материалы XVII Международной научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов, г. Минск, 16 мая 2014 г. / Минский ун-т управления; под ред. канд. Пед. Наук В.В. Гедранович. – Минск, 2014. – С. 137.
3. Химикус, Е.И. Отдельные вопросы правового регулирования онлайн медиации / Е.И. Химикус // Современное право. – 2016. - №2. – С. 102-104.
4. Онлайн медиация как современный способ решения конфликтов. – [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <https://blog.pravo.ru/blog/33847.html>. – Дата доступа: 11.09.2019.
5. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы. - [Электронный ресурс]. – 2015. - Режим доступа : <https://sovman.ru/article/5601/> . Дата доступа: 10.05.2019.

УДК 347.97

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ
В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ ЕГО УЧАСТНИКОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Д.И. МУРАШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Анализируются языковые права участников процесса отправления правосудия, представлен обзор нормативных правовых актов, регулирующих языковую политику при отправлении правосудия в Республике Беларусь.

Республика Беларусь, будучи расположенной в самом центре Европы, не может оставаться в стороне от мировых и региональных интеграционных процессов. Введение безвизового въезда на территорию Беларуси для граждан более чем семидесяти государств, создание Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России существенно повысили значимость для нашего государства проблем, связанных с регулированием процесса отправления правосудия, функционирующего в условиях многоязычия его участников.

Использование разумного баланса между государственным (официальным) языком и языками национальных (языковых) меньшинств, включая носителей миноритарного государственного языка (языков), является важным инструментом обеспечения права человека на справедливое судебное разбирательство. Основные принципы реализации этого права, содержащиеся в международно-правовых актах, могут быть сведены к следующим: право на пользование понятным языком в процессе отправления правосудия относится к фундаментальным, его нарушение не может быть оправдано соображениями практической целесообразности предоставления государственных услуг; право носителя языка, отличного от языка процесса отправления правосудия, понимать суть совершаемых с его участием процессуальных действий должно быть четко определено законом; помощь переводчика должна быть доступной, возможно быстрой, бесплатной и качественной; дефекты перевода, искажающие смысл первоисточника, должны иметь своим следствием исключение переведенных с иностранного языка на язык судебного процесса документов из числа допустимых доказательств, а процессуальные нарушения языковых прав вести к отмене судебного решения.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), определяя государственными языками в Республике Беларусь белорусский и русский языки, наделяет каждого правом пользоваться родным языком и выбирать язык общения. (ст.ст. 17, 50) [1]. Равенство перед законом независимо от языка декларируется в отношении: в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь от 11 января 1999 г. – граждан Республики Беларусь (ст. 12) [2], Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. – физических лиц, совершивших правонарушения (п. 2 ст. 4.2) [3], Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2012 г. – физических лиц, участвующих в административном процессе (п. 2 ст. 2.12) [4], Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. – граждан, участвующих в уголовном процессе (п. 2 ст. 20) [5], Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. – лиц, совершивших преступления (п. 3 ст. 3) [6]. Таким образом, формулировки, содержащиеся в Гражданском процессуальном и Уголовно-процессуальном кодексах Республики Беларусь, являются не вполне корректными в отношении участвующих в процессе отправления правосудия иностранных граждан и лиц без гражданства. Отдельные языковые права указанных категорий лиц регулируются ст. 17 Закона от 4 января 2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»: «задержанные или заключенные под стражу, домашний арест иностранцы без промедления должны быть проинформированы на понятном им языке о причинах их задержания или применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и правах, которые они имеют в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [7] и ст. 16 Положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь (утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 03.02.2006 N 146): «Компетентный орган, принявший решение о высылке в принудительном порядке, обязан незамедлительно уведомить иностранца на понятном ему языке о причинах его задержания, его правах и обязанностях» [8].

Согласно Закону Республики Беларусь от 26 января 1990 г. «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», «судаводства вядзецца на беларускай або рускай мове. Пры разглядзе ў судах крымінальных і грамадзянскіх спраў, гаспадарчых спрэчак асобам, што прымаюць удзел у справе і не валодаюць мовай судаводства, забяспечваюцца права азнаямлення з адпаведнымі матэрыяламі, удзел у судовых дзеяннях праз перакладчыка, права выступаць у судзе на мове, якой яны валодаюць (ст. 14), «Вядзенне спраў аб адміністрацыйных правапарушэннях у Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляецца на беларускай або рускай мове. Калі асоба, што прыцягваецца да адміністрацыйнай адказнасці, не валодае мовай, на якой вядзецца справа, яна можа выступаць на роднай мове і карыстацца дапамогай перакладчыка» (ст. 15). [9]. Аналогічныя положэння змяшчаюцца ў Працэсуальна-выканальным кодэксе аб административных правонарушениях (ст. 2.11) [4], Уголовно-працэсуальным кодэксе (ст. 21) [5], Хозяйственным працэсуальным кодэксе Рэспублікі Беларусь ад 15 декабря 1998 г. (ст. 20). При этом согласно ст. 20 Хозяйственного працэсуальнага кодэкса «право знаамацца з матэрыяламі дэла, ўдзельваць ў працэсуальных дзействах чэрэз пэрэвадчыка, а такжэ выступаць ў судзе, расматрывааючэм эканамічэскія дэла, на іном языке» гэрэнтурытуеця лшы «лшыцам, ўдзельвааючым ў дэла, нэ владэаючым гасударствэннымы языкамы Рэспублікі Беларусь» [10]. Из буквального толкования этой нормы следует, что лицо, владеющее лишь одним из государственных языков, таким правом не обладает, даже если судопроизводство ведется на том из государственных языков, которым это лицо не владеет. Иной (предполагающий при отправлении правосудия использование белорусского и (или) русского языков) подход использован в Гражданском працэсуальным кодэксе (ст. 16) [2], Кодэксе Рэспублікі Беларусь о судоустраастве и статусе судей от 29 июня 2006 г. (ст. 13) [11] и Законе Рэспублікі Беларусь «О конституцыйным судопродзвудстве» от 8 января 2014 г. (ст. 12) [12].

Противоречивый характер носит белорусское законодательство и в отношении сформулированного в ст. 14 Закона «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» положения, согласно которому «следчыя і судовыя дакументы выдааюцца асобам, што прымааюць удзел у справе, па іх патрабаваанню ў пэрэкладзе на мову, якой яны валодааюць» (ст. 14) [9]. Это право ограничено в ГПК: «судебные документы в установленном порядке вручаются юридически заинтересованным в исходе дела лицам на языке судопроизводства» (ст. 12) [2] и Хозяйственным працэсуальным кодэксе: «судебные документы (их копы), которые суд, расматрывааючый эканамічэскія дэла ... абязан напэрэвалять лшы вручаты лшыцам, ўдзельвааючым ў дэла, должы быць саставлены на языке судопродзвудства» (ст. 20) [10]. В то же время постановление суда, органа, вэдущего адмннстратывный працэсс, в установленном Працэсуальна-выканальным кодэксе аб адмннстратывных правапарушэннях пэрэвалять лшыцам, в отношении которого вэдэть адмннстратывный працэсс, его законному прэдставлтелю, зашчытныку, прэдставлтелю в пэрэваде на их родной язык лшы на язык, которым они владэют (ст. 2.11) [4], аналогічная норма змэрэжыть в Уголовно-працэсуальным кодэксе (ст. 21) [5].

В отличие от положений ранее действовавших працэсуальных кодэксав (ст. 8 Гражданско-працэсуальнага кодэкса БССР и ст. 12 Уголовно-працэсуальнага кодэкса БССР), пэрэвадчыком абеспечывааюцца нэ толькы лшыца, нэ владэаюшы языком судопродзвудства, но и нэдостаточны им владэаюшы. В действующем белорусском працэсуальным законодательстве впервые регламентыврван статус пэрэвадчыка как участннка адмннстратывнаго (ст. 4.9 Працэсуальна-выканальнаго кодэкса аб адмннстратывных правапарушэннях [4]), гражданского (стст. 102, 103, 277 Гражданского працэсуальнаго кодэкса [2]), хозяйственного (ст. 74 Хозяйственного працэсуальнаго кодэкса [10]), и уголовного (ст. 63 Уголовно-працэсуальнаго кодэкса [5]) працэсав. Важное значение имеет змэрэжыть в упомянутых правовых актлах положение о том, что участнныкы працэсса нэ вправе прннмать на себя абязаннсты пэрэвадчыка, хотя бы они и владэлы нэобходымымы для пэрэвада языкамы. При этом возмозжность использования услуг пэрэвадчыка поименована бсплатной (бзвзмездной) лшы в Працэсуальна-выканальным кодэксе аб адмннстратывных правапарушэннях (ст. 2.11) [4], Уголовно-працэсуальным кодэксе (ст. 2) [5] и Кодэксе о судоустраастве и статусе судей (ст. 13) [11]. Нэ прэдъявляя особых трэбованый к квалыфккцый судэбнаго пэрэвадчыка, законодательство Беларусь тем нэ мэнэе устанавлывааь отголвную отвлтствэнность за сдэланый пэрэвадчыком завэдомо нэправыльный пэрэвад в суде при расматриваннн уголовных, гражданских и эканамічэских дэла лшы при продзвудстве прэдварытэльного слэдствя лшы дознання и за отказ лшы уклоненне пэрэвадчыка бз уважытэльных прнчын от испольвнення возложэнных на него абязаннсты (стст. 401, 402 Уголовного кодэкса) [6].

На недопустимость нарушения языковых прав особо указано в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе»: «Судам следует иметь в виду, что любое ограничение прав подозреваемого, обвиняемого, их законных прэдставлтелей, зашчытныков, обусловленне нэзнанннем ими языка, на котором вэдэть уголовный працэсс, являеться нэдопустымым. Нэобеспеченне этым лшыцам права совершать юридическы

значимые действия на родном языке или на языке, которым они владеют, а также невручение подозреваемому, обвиняемому процессуальных документов, подлежащих в соответствии с требованиями закона обязательному вручению в переводе на их родной язык или на язык, которым они владеют, признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Подозреваемому, обвиняемому, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, орган, ведущий уголовный процесс, обязан обеспечить участие переводчика и защитника в производстве по уголовному делу (ст. 21, п. 3 ч. 1 ст. 45 УПК). Если в производстве по уголовному делу в качестве защитника в соответствии с международным договором Республики Беларусь принимает участие адвокат – гражданин другого государства, то незнание им языка, на котором ведется уголовный процесс, не может являться основанием для отказа в допуске к участию в деле» [13].

Уместным будет указать на противоречивость белорусского законодательства в определении последствий нарушения языковых прав при отправлении правосудия. Так «решение суда первой инстанции подлежит отмене... если ... при рассмотрении дела было нарушено право юридически заинтересованных в исходе дела лиц пользоваться родным языком или услугами переводчика» (ст. 424 Гражданского процессуального кодекса) [2], «нарушение норм процессуального права является в любом случае основанием для отмены судебного постановления суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции, если ... при рассмотрении дела были нарушены правила о языке судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела» (ст. 280 Хозяйственного процессуального кодекса) [10], однако ст. 391 Уголовно-процессуального кодекса не относит нарушение права пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет, к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену приговора [5].

Как видно из сказанного выше, законодательство Республики Беларусь, регулирующее языковые права при отправлении правосудия, в общем отвечает мировым тенденциям. Следует, однако, признать, что устанавливаемые этим законодательством нормы нередко носят противоречивый характер. В связи с этим представляется верным вывод о том, что как законодательство Республики Беларусь, регулирующее языковые права, так и практика его применения нуждаются в совершенствовании, средствами которого могут стать гармонизация нормативных актов, противоречащих друг другу; проведение должностными лицами судебной системы официальной проверки языковых способностей обвиняемого или подозреваемого при наличии обоснованных сомнений в их способности понимать язык судопроизводства и предоставление участникам процесса отправления правосудия права оспаривать решение об отсутствии необходимости использования услуг переводчика, а в случае оказания таких услуг – предоставление возможности предъявить жалобу на качество перевода; создание института сертифицированных судебных переводчиков и допуск к участию в процессе отправления правосудия только лиц, прошедших процедуру контроля и сертификации их профессиональных навыков уполномоченными государственными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/razdelb/text1064/page4.html>. – Дата доступа: 14.09.2019.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2019 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900238#load_text_none_1_. – Дата доступа: 14.09.2019.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0300194>. – Дата доступа: 14.09.2019.
4. Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 ноя. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2019 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК0600194#load_text_none_3_1. – Дата доступа: 14.09.2019.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июл. 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Бела-

- русью от 9 янв. 2019 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900295#load_text_none_5_3. – Дата доступа: 14.09.2019.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q_id=1024965. – Дата доступа: 14.09.2019.
 7. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2010 г., № 105-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=Н11000105>. – Дата доступа: 14.09.2019.
 8. Положение о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь : утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 03 февраля 2006 г., № 146 // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/uploads/dgim/146.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2019.
 9. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 26 студз. 1990 г., № 3094-ХІ : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 16 лістап. 2010 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=v19003094>. – Дата доступа: 14.09.2019.
 10. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой представителей 11 ноя. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 ноя. 1998 г. : в редакции Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2019 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9800219#load_text_none_2_1. – Дата доступа: 14.09.2019.
 11. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей : 29 июня 2006 г., № 139-3 : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=Нк0600139#load_text_none_6_1. – Дата доступа: 14.09.2019.
 12. О конституционном судопроизводстве : Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2013 г., № 124-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Н11400124>. – Дата доступа: 14.09.2019.
 13. Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24 сентября 2009 г., № 7 // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal_proc/c962a7f3bce923bc.html?version=print. – Дата доступа: 14.09.2019.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ТОПОНИМОВ В МНОГОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ.
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ****Д.И. МУРАШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Рассмотрены основы регулирования языка топонимов в законодательстве некоторых многоязычных государств Западной Европы и Республики Беларусь.

Топонимы являются важными элементами истории и нематериальной культуры любого народа и одной из основ реализации права человека на этническую идентичность. При этом особое значение вопросы унификации, стандартизации и правового регулирования топонимов имеют для многонациональных стран, где следствием государственного многоязычия является множественность наименований одних и тех же географических объектов. Пункт 3 статьи 11 Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года предписывает государствам-участникам в районах традиционного проживания большого числа лиц, принадлежащих к национальному меньшинству, установку указателей традиционных местных названий, названий улиц и других топографических указателей для населения и на языке меньшинства, если имеется достаточная потребность в таких указателях [1]. Правилom, принятым в большинстве многоязычных стран, является обеспечение органами власти законодательства или процедур, разрешающих использование многоязычных названий и топонимических указателей, обычно в соответствии с принципом пропорциональности, в тех районах, где проживает достаточное число носителей соответствующих языков. Каждое национальное законодательство устанавливает свои критерии, при этом минимальное пороговое значение, при котором считается, что использование названий и указателей является обоснованным, как правило, составляет 5-20 процентов населения. При этом порядок использования названий и указателей на языках меньшинств должен иметь четкую законодательную основу, чтобы обеспечить его эффективное выполнение.

В пункте 31 части 5 ирландского Закона об официальных языках 2003 года, озаглавленной «Топонимы», уточняется, что под топонимами понимаются названия провинций, графств, городов, административных центров, деревень, баронств, приходов, поселков, территориальных объектов (естественных и искусственных), районов, зон или мест, указанных на картах Картографического управления Ирландии. По специальному распоряжению министра по делам Гэлтахта (районов с преобладающим ирландскоговорящим населением) в Гэлтахтах могут использоваться только ирландские варианты топонимов в законах, на картах Картографического управления Ирландии или на дорожных и уличных указателях. За пределами этих областей на дорожных и уличных указателях и картах Картографического управления Ирландии должны использоваться названия населенных пунктов на обоих - ирландском и английском - официальных языках государства (пункты 32, 33 главы 5) [2]. Руководство по использованию дорожных знаков 2011 года, регламентирующее использование дорожных знаков и указателей в Ирландии, уточняет, что географические названия на информационных знаках должны быть на ирландском и английском языках в общем случае, и только на ирландском, если речь идет о районах Гэлтахта и тогда, когда английский вариант топонима аналогичен ирландскому (пункт 1.1.48). Ирландский текст географических названий на знаках и указателях должен быть напечатан строчными буквами курсивом и располагаться выше соответствующего английского текста, нанесенного заглавными буквами (пункты 1.1.53, 1.1.54) [3]. Статья 57 принятого в Республике Ирландия в 1950 году Закона о транспорте требует, чтобы вся публичная информация (включая названия станций) публиковалась на ирландском языке либо ирландском и английском, а билеты для перевозок в пределах страны печатались на ирландском или ирландском и английском [4].

В соответствии со статьей 33 финляндского Акта о языках топонимические тексты дорожных знаков и других указателей, предназначенных для населения и устанавливаемых властями в двуязычных муниципалитетах, должны быть на финском и шведском языках, если только в соответствии с международной практикой в них не должны использоваться исключительно иностранные языки [5].

Согласно швейцарской Инструкции о дорожных указателях от 31 мая 1963 года все указатели с наименованиями населенных пунктов должны содержать топонимы на том языке, на котором говорят в именуемых ими пунктах. Если в данной местности говорят на нескольких языках, название должно приводиться на языке большинства населения. Если название населенного пункта звучит неодинаково на

разных языках, его следует приводить на двух языках, если языковое меньшинство в данной местности составляет не менее 30% населения [6].

Часть первая статьи 32 Закона Республики Беларусь от 26 января 1990 года «Аб мовах» отдает приоритет в области топонимики белорусскому языку: «У Рэспубліцы Беларусь тапонімы (найменні населеных пунктаў, адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, вуліц, плошчаў, рэк і г.д.) даюцца на беларускай мове, з якой спосабам транслітарацыі перадаюцца на рускую мову» [7]. Аналогичную норму содержит пункт 1 статьи 17 Закона Республики Беларусь от 16 ноября 2010 года «О наименовании географических объектов» [12]. Согласно пункту 4.3.7 СТБ 1140-2013 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические условия», топонимические надписи на знаках и указателях «должны быть приведены на белорусском или русском языке (предпочтительнее - на белорусском языке)» [9].

Правила передачи географических названий с белорусской формы написания на латиницу определены Инструкцией по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита (сфера действия общеобязательная), утвержденной Постановлением Государственного комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии Республики Беларусь 23.11.2000 № 15. Согласно пункту 2 Инструкции ее требования обязательны для всех министерств, республиканских органов государственного управления, учреждений, предприятий, организаций, независимо от форм собственности, физических лиц, включая иностранные, имеющих специальные разрешения на право осуществления деятельности в области географических названий Республики Беларусь. В соответствии с Инструкцией, передача географических названий Республики Беларусь на латиницу осуществляется с их написания на белорусском языке (пункт 3), при этом кроме апострофа разрешается использовать для обозначения диакритики знаков «дужка» (‘), «штрих» (‘) и «птичка» (‘), традиционно используемых в белорусском латинском алфавите (пункт 8), поскольку, как справедливо отмечается в пункте 12 Инструкции, «в случае игнорирования диакритических знаков разрушается главная функция указателя, а именно алфавитная упорядоченность» и «необозначение диакритики усложняет поиск и идентификацию транслитерированных названий» [10]. Таким образом, при транслитерации географических названий Республики Беларусь эти названия не переводятся на английский либо какой-либо другой язык, использующий латинский алфавит, а записываются по-белорусски в соответствии с правилами белорусской латиницы, что безусловно способствует повышению статуса языка титульной нации.

Как следует из вышесказанного, политика, проводимая органами власти Республики Беларусь в области топонимики, вполне соответствует общеевропейской практике. В 2012 году позиция белорусского государства в области топонимики получила и международное признание, когда на Десятой Конференции Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий была принята резолюция X/6 (2012), рекомендовавшая белорусскую систему транслитерации в качестве международной системы для латинизации географических названий Беларуси [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Совет Европы. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, 1 фев. 1995 г., ETS/STE No. 157 // UNHCR: RefWorld [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/docid/5358ff274.html>. – Дата доступа: 15.09.2019.
2. Official Languages Act 2003 // electronic Irish Statute Book (eISB) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2003/act/32/enacted/en/html>. – Date of access: 15.09.2019.
3. Traffic Signs Manual 2010. Chapter 1 // gov.ie [Electronic resource]. – Mode of access: <https://assets.gov.ie/21641/0ee677a098f946709038b622689df358.PDF>. – Date of access: 15.09.2019.
4. Transport Act 1950 // electronic Irish Statute Book (eISB) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1950/act/12/enacted/en/html>. – Date of access: 15.09.2019.
5. Финляндская Республика. Акт о языках № 423/2003NB / Защита личности от дискриминации: хрестоматия. В 3-х т. Т. 2. – М.: Новая юстиция, 2009. – С. 285-297
6. Крючкова, Т.Б. Законодательное регулирование языковой жизни Швейцарии / Т. Крючкова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – М., 2003. – С. 377-388.
7. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 26 студз. 1990 г., № 3094-XI: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 16 лістап. 2010 г. // Вікікрыніцы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: be.wikisource.org/wiki/Закон_Рэспублікі_Беларусь_«Аб_мовах_у_Рэспубліцы_Беларусь». – Дата доступу: 15.09.2019.

8. О наименовании географических объектов: Закон Респ. Беларусь, 16 нояб. 2010 г., № 190-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 07 янв. 2012 г. // Эталон-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=N11000190#load_text_none_8_3. – Дата доступа: 15.09.2019.
9. Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические условия: СТБ 1140-2013. – Введ. 01.07.2014. – Минск: Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2013. – 118 с.
10. Инструкция по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита (сфера действия общеобязательная): утв. Государственным комитетом по земельным ресурсам, геодезии и картографии Респ. Беларусь 23 нояб. 2000 г. № 15 // Эталон онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=W20004488#load_text_none_6_1. – Дата доступа: 15.09.2019.
11. United Nation Group of Experts on Geographical Names (UNGEGN). Working Group on Romanization Systems. Resolution X/6 (2012) Romanization of Belarusian geographical names // Eesti Keele Instituut [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eki.ee/wgrs/res/res_10_6.htm. – Date of access: 15.09.2019.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**С.С. ОЛЕСЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается принцип необходимости обеспечения сбалансированности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, предлагается рассматривать его в качестве одной из конституционных ценностей Республики Беларусь. В целях аргументации конституционно-правового баланса проводится формально-юридический анализ Основного Закона Беларуси.

Конституционные ценности – определённые и установленные на уровне Конституции и конституционных законов обобщённые, ключевые, стратегические приоритеты (принципы и цели) развития общества и государства. В пределах границ своего суверенитета государства независимы и самостоятельно определяют весь каталог национальных конституционных ценностей, демонстрируя тем самым свою конституционную идентичность [1, с. 37].

В юридической науке существует множество взглядов на сущность конституционных ценностей. В то же время, мы придерживаемся той точки зрения, в соответствии с которой к конституционным следует относить лишь те ценности, которые провозглашаются в Конституции и конституционных законах страны.

Отметим, что с течением времени число конституционных ценностей постоянно увеличивается. Во многом это связывается с протекающими преобразовательными процессами в обществе и государстве, благодаря которым одни ценности отторгаются, а другие принимаются. Затронуть все такие ценности не представляется возможным, ввиду чего мы остановимся на той из них, которая, на наш взгляд, в настоящее время играет особую роль в поддержании правового государства, являясь механизмом защиты интересов наиболее уязвимого субъекта конституционного права – личности. В частности, речь ведётся о принципе «конституционно-правового баланса интересов личности, общества и государства».

Конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства есть состояние уравновешенности интересов личности, общества и государства в целях поддержания конституционного правопорядка.

Конституция Республики Беларусь косвенно апеллирует к этому базовому принципу. Аргументация данного тезиса вытекает из системного толкования положений Конституции, в число которых вошли ст.ст. 2, 21, 22 и 23, а также наименование разд. II.

Наименование разд. II Основного Закона Беларуси называет три главных субъекта конституционно-правовых отношений, выстраивая их в следующей последовательности: личность, общество, государство. Представляется, что очерёдность перечисленных субъектов неслучайна, не хаотична, а определена исходя из степени важности охраны их интересов для государства, их уязвимости и необходимости защиты. В подтверждение сказанному выше служат, например, ч. 1 ст. 2, ч.ч. 1 и 3 ст. 21 белорусской Конституции. Согласно положениям указанных правовых норм, человек, его права, свободы, гарантии их реализации являются высшей целью и ценностью общества и государства. Обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью государства, оно гарантирует гражданам их права и свободы, которые закреплены в Конституции и законах, а также предусмотрены международными обязательствами. Прочитанные положения свидетельствуют о том, что личность представляет собой особую ценность для общества и государства, последние признают первичность и приоритет её интересов.

В то же время, ч. 2 ст. 2, ч. 2 ст. 21, ст. 22 Конституции Республики Беларусь определяют т.н. баланс интересов личности, общества и государства, прописанный в ч. 1 ст. 23. Согласно перечисленным положениям Основного Закона, устанавливается баланс в реализации и защите названными субъектами своих законных интересов. Из этого следует, что конституционно-правовой баланс – это механизм, который обеспечивает реализацию интересов личности, общества, государства, в связи с чем представляет для них определённую ценность.

В частности, в порядке ч. 1 ст. 23 Конституции обеспечивается поддержание баланса между интересами личности, общества и государства путём установления конкретных оснований для ограничения интересов личности: ограничение её интересов допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [2]. Из существа указанной нормы следует, что по общему правилу интересы личности находятся в приоритете относительно интересов общества и государства. Вместе с

тем, в приоритет могут быть поставлены не только интересы личности, но также интересы общества и государства. Возможность расстановки приоритетов таким образом означает существование принципа «конституционно-правового баланса интересов личности, общества и государства». В этой связи в очередной раз укажем, что принцип сбалансированности конституционно-правовых интересов, а точнее результат его реализации, т.е. баланс, представляет собой действительную ценность для триады субъектов – личности, общества и государства, ведь в столкновении таких интересов каждый из них стремится добиться удовлетворения своего интереса.

В процессе становления конституционных ценностей ключевая роль отводится Конституционному Суду Республики Беларусь. Необходимо заметить, что Конституционный Суд в своих решениях регулярно обращается к принципу «конституционно-правового баланса интересов личности, общества, государства». Например, одно только решение «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» от 23.01.2018 № Р-1120/2018 [3] содержит 11 отсылок к названному принципу и необходимости его осуществления. В таком порядке Суд принимает решение о необходимости восстановления и поддержания конституционно-правового баланса частных и публичных интересов в рассматриваемых им общественных отношениях или возможности обеспечения данного баланса путём внесения определённых коррективов в действующее законодательство, исходя при этом из конкретных обстоятельств рассматриваемого им дела.

Думается, что названный принцип выполняет защитную функцию для конституционных ценностей, а значит и сам по себе является особой конституционной ценностью для личности, общества и государства.

Так, например, реакцией французского государства на террористические атаки, которые произошли 13 ноября 2015 года, стал конституционный законопроект по вопросам защиты нации, который включил положения об условиях введения чрезвычайного положения и включении в Конституцию норм о лишении гражданства. Необходимо заметить, что подобные случаи ни единичны. В частности, Законом Республики Казахстан от 10 марта 2017 года в Конституцию 1995 года включены положения о лишении гражданства на основании решения суда за совершение террористических преступлений и причинение другого тяжкого вреда жизненно важным интересам страны.

Возникновение кризиса безопасности обусловлено присутствием различных социальных коллизий не только внутри государств, но и между ними. Такие противоречия несут реальную угрозу возникновения конфликтов, изменений территории государства, политического строя, общественного устройства, статуса личности и т.п., способны повлечь тяжёлые и не всегда поправимые последствия для интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения безопасности. Тем самым личность, общество и государство реально заинтересованы в том, чтобы каждый из них на своей территории смог чувствовать себя в полной безопасности, что возможно лишь при условии соблюдения баланса между их конституционно-правовыми интересами. Следовательно, такой баланс для них весьма ценен.

Подводя итог, отметим, что конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства – это одновременно конституционный принцип и цель, к которой нужно стремиться каждому субъекту. Закрепление названного принципа-цели на уровне Основного Закона иллюстрирует его реальную ценность. Вместе с тем, на научных просторах Беларуси и зарубежных стран вопрос о признании состояния уравновешенности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства как конституционной ценности никогда не рассматривался. По нашему мнению, такое состояние необходимо рассматривать с точки зрения конституционных ценностей Республики Беларусь ввиду его значения для личности, общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масловская, Т. С. Конституционные ценности и их отражение в международном и национальном законодательстве / Т. С. Масловская // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь : матер. респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск / редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск, 2013. – С. 37.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
3. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 23 янв. 2018 г., № Р-1120/2018 [Электронный ресурс] / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91801120>. – Дата доступа: 23.05.2019.

УДК 342

КОЛЛИЗИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В настоящей статье дается определение коллизий конституционных ценностей, обосновывается проблема их согласованности на современном этапе. Анализируется коллизийность конституционных ценностей исходя из анализа текста Конституции Республики Беларусь и зарубежных стран. Акцентируется внимание на противоречии между «национальными» и европейскими конституционными ценностями.

Коллизийность конституционных ценностей на сегодняшний день представляет собой проблему «с тремя углами», возникающую в случае несогласованности между собой ценностей различных групп и видов. В связи с тем, категория конституционных ценностей является правовой, можно справедливо утверждать о том, что таковые хоть и не всегда прямо отражаются в нормах права, но, так или иначе, охраняются правом, защищаются органами конституционного контроля.

Коллизии конституционных ценностей можно определить как противоречие (несоответствие) норм действующего конституционного законодательства, устанавливающих конкретные ценности или в общем указывающие на существование данных ценностей, конкурирующие между собой по вопросу порядка их применения и защиты.

Явление коллизий конституционных ценностей является трёхгранной проблемой, поскольку эти коллизии могут возникать по меньшей мере в трёх измерениях, определяющих виды таких коллизий:

- коллизии разноуровневых ценностей (например, национальных и региональных ценностей);
- коллизии традиционных и т.н. «инородных» ценностей;
- коллизии национальных ценностей.

На сегодняшний день проблема согласованности конституционных ценностей особо остро стала проявляться в границах европейского правового пространства, в частности ценностей национальных и общеевропейских. Однако, если национальные ценности сотнями лет культивировались духом народа, обусловлены его историческим опытом, традициями, менталитетом, культурой и пр., делающими такой народ естественным образом уникальным, то общеевропейские ценности, отражённые в политической декларации, были созданы искусственным образом, а европейский народ как таковой не существует [1, 60; 2]. В данном случае европейские исследователи о происхождении ценностей в рамках Европейского Союза чаще всего говорят об общеевропейском конституционном наследии и общих конституционных традиций государств-участников.

В ст. 49 Договора о Европейском Союзе (в ред. 2007 года) говорится о том, что абсолютно любая страна, уважающая общеевропейские ценности, выражающая им свою приверженность и обязующаяся воплотить их в жизнь, может рассчитывать на членство в данном Союзе. Главным условием названной «оферты» является присоединение к ценностям Европейского Союза, перечисленным в ст. 2 Договора: соблюдение прав человека, в т.ч. прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство и правовое государство. Ряд названных общеевропейских ценностей демонстрирует европейское общество с точки зрения его солидарности, равенства мужчин и женщин, недискриминации, терпимости, справедливости, плюрализма. Данная норма, на наш взгляд, включает в себя два обязательных элемента:

- во-первых, ценности политического характера (плюрализм);
- во-вторых, необходимые условия для защиты конституционных ценностей (справедливость, терпимость, недискриминация, солидарность, равенство женщин и мужчин).

В то же время не все названные выше общеевропейские ценности разделяют государства-члены Европейского Союза. Так, к примеру, Франция идёт по пути активного сопротивления признанию прав меньшинств, что связано с противоречием этого правила национальной традиции. В данной стране на уровне Конституции 1958 года и Конституционного совета гарантирован принцип неделимости народа. Французы полагают, что право меньшинств не входит в состав общеевропейских ценностей [3]. Вместе с тем на самом деле все обстоит иначе. При системном толковании ст. 2 Договора о Европейском Союзе и ст. 21 Хартии Европейского Союза об основных правах 2007 года можно обнаружить отсылку к праву меньшинств. Аналогично дела обстоят с Советом Европы: ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (запретна дискриминацию) соответствует Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств 1995 года, которую Франция не подписала.

Основной закон Венгрии глубоко проникнут духом своей национальной идентичности. В основе новой Конституции были заложены христианские ценности, благодаря чему закрепляется защита жизни зародыша с момента его зачатия, защита института брака как добровольно установленных супружеских отношений между мужчиной и женщиной, семья как основы сохранения нации. Венгерский Основной закон содержит ссылку на конституционную историю государства, национальный язык, национальную культуру, провозглашается единство венгерской нации. В таком случае следует вести речь об усилении национальной идентичности государства.

Приходится констатировать, что в европейском правовом пространстве чёткие контуры обретает тенденция укрепления позиций государства в целях защиты своих национальных интересов. Например, в преамбуле Конституции Латвии (в ред. 2014 года) в качестве национального приоритета представлена защита государственных интересов.

Актуальной на сегодняшний день представляется проблема коллизий между традиционными и «инородными» конституционными ценностями. Обозначенная проблема заключается в совместимости культур и цивилизаций. Каждый отдельный народ, отдельная культура и цивилизация безостановочно наполняются своими ценностями, основанными на их историческом опыте. Системы ценностей любого человека зиждется на системе ценностей, чуждых обществу, членом которого он себя позиционирует [4]. Распространение общественных ценностей – процесс, способный привести как их укоренению, так и к их отторжению. Так, например, внедрение ценностей либеральной демократии в конституции стран, в которых ранее не существовало традиций либерализма, к примеру, стран СНГ, в отрыве от реального исторического опыта народа способно привести к проблемам коллизий ценностей или их отторжения, что связывается с искусственным характером ряда ценности. Не проистекая из менталитета народа, его исторического прошлого, такие ценности просто пытаются «привить», подбирая тождественные лишь внешне формулировки, кардинально отличающиеся по своему действительному содержанию.

Так возникает проблема различного толкования конституционных ценностей. К примеру, такая ценность как человек, его права и свободы в странах Западной Европы и постсоветского пространства трактуется абсолютно по-разному. Это извечный спор идей либерализма и коммунитаризма о том, что первично, личность или общество. Отличия конституций стран Союза Независимых Государств много чем связано с ценностным плюрализмом, заключающийся в одновременной фиксации как либеральных демократических западноевропейских ценностей (разделение властей, гуманизм, плюрализм и пр.), так и коммунитарных ценностей (социальная ответственность, социальный диалог и т.д.).

Различные трактовки также влекут несколько другие проблемы. В частности, такие ценности как защита прав большинства, возможность ограничения прав человека, его свободы в целях общего блага, публичного интереса. В таком случае следует говорить о проблеме коллизий ценностей высшего рода и иных ценностей. Для примера, в ст. 23 Конституции Республики Беларусь 1994 года (с коррективами 1996 и 2004 годов) [5] и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации 1993 года в качестве оснований ограничения прав и свобода личности закрепляются не только права других лиц, но и конституционные ценности, которые можно называть ценностями общего блага, имеющими определённый приоритет на одном ряду с другими конституционными ценностями. Думается, что такого рода ценности и следует относить к числу ценностей высшего рода: национальная безопасность, общественный порядок, защита нравственности, здоровья населения, права и свободы других лиц. Ключевой ценностью высшего рода необходимо рассматривать баланс интересов личности, общества и государства, прямо вытекающий из стст. 21 и 23 Основного Закона Беларуси.

Особо колоритно в странах Западной Европы проявляются коллизии национальных ценностей, в частности, свободы и безопасности. Аксиоматичен тот факт, что конституционные ценности всегда находятся во взаимосвязи. Вместе с тем, упоминание в конституциях ценностей высшего рода говорит об определённой «цепочке» ценностей, называемой иерархией конституционных ценностей. Личные права и свободы – ни единственные конституционные ценности, более того, ценностями высшего рода они являются не всегда. Так, например, согласно ст. I Основного закона Венгрии основные права могут быть ограничены для защиты какой-либо конституционной ценности, в безусловно необходимой мере, соразмерно цели, которую необходимо достичь, при сохранении существенного содержания основного права. В этом случае конституционная ценность считается отражением национальных интересов, а её защита трансформируется в защиту таких интересов. Из этого следует, что основные права выступают ценностью более низкого порядка.

В науке ставится вопрос о соотношении публичного (общего) и частного (личного) интересов с допускаемыми ограничениями индивидуальных прав и свобод граждан для защиты общего интереса (национальной безопасности и пр.). Выступая против абсолютизации основных прав и свобод человека, учёные замечают, что концепция таких прав уже давно эволюционировала, способствовала ослаблению коллектива [6]. Гипертрофия индивидуальных прав в ущерб публичным интересам способна привести к разлому общества, в котором существует человек [7].

Внутренняя коллизийность ценностей способна проявляться в различных аспектах. Проблемой также могут выступать неприятие инородных ценностей, навязываемых одними людьми другим (части общества), и коллизийность между ними. Человек, находящийся в несвойственном для него обществе, может не разделять определенные ценности данного общества, что также влечёт некоторые проблемы. Проще говоря, национальные ценности не всегда могут совпадать с ценностями граждан страны (части общества), проживающих на её территории. В частности, к коллизиям такого рода относится проблема несогласованности религиозных ценностей и ценностей светского государства.

Например, в марте 2004 года во Франции был принят Закон о запрете демонстрации в публичных учебных заведениях знаков религиозной принадлежности, который далее уже был инкорпорирован в Кодекс об образовании. Целью названного выше Закона являлось укрепление светской направленности государства, чем и были вызваны негодование и протесты со стороны мусульманской части населения. Согласно указанной нормой, в публичных школах, колледжах и лицеях запрещается носить знаки либо одежду, посредством которых учащиеся явно проявляют свою религиозную принадлежность (ст. L141-5-1 Кодекса об образовании). Важнейшим является уважение тех ценностей и соблюдение тех законов, которые человек встречает, находясь на территории определённой страны.

Резюмируя сказанное, необходимо выделить тенденции развития конституционных ценностей в XXI веке:

1. *Универсализация общечеловеческой группы конституционных ценностей.* Универсализация в отношении всех ценностей, невозможна в принципе, что объясняется национальной уникальностью каждой страны, т.е. она просто приведёт к исчезновению национальной идентичности. Не все национальные ценности, фиксируемые на уровне конституций, могут быть общепризнанными. Данное утверждение подтверждается тем, что государство может суверенно устанавливать и другие ценности, о чём свидетельствует опыт ряда государств.

2. *Расширение каталога конституционных ценностей.* Появляется ряд новых ценностей, среди них есть те, которые свидетельствуют об усилении национальных интересов. Иерархичность ценностей постепенно меняется, выдвигая на передний план такую ценность высшего рода как безопасность, тем самым сдвигая на уровень ниже такую ценность как свобода. Видится, что в недалёком будущем число конституционных ценностей будет только расти, а их иерархия меняться. Думается, массовым станет признание таких ценностей как публичный порядок, общий интерес и безопасность, вместе с тем, будут устанавливаться новые ценности: инновации и ответственность. Иерархия конституционных ценностей изменится благодаря перемене их приоритетов: от человека к общему благу и публичному порядку. По этим явлениям можно судить об усилении национальных интересов. Одновременно с этим, следует констатировать тот факт, что такая тенденция является негативной, поскольку она не учитывает такую ценность высшего рода, являющуюся ключевой в любом государстве, признающем человека, его права, свободы высшей ценностью общества и государства, как баланс конституционно-правовых интересов личности, общества и государства. В рамках европейского правового пространства при одновременном сохранении ориентации на укрепление общечеловеческих ценностей можно будет наблюдать усиление собственных интересов государств, укрепление их национальных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масловская, Т.С. Конституционные ценности в XXI веке : тенденции к универсализму и усилению национальных интересов? / Т.С. Масловская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право. – 2018. – № 6. – С. 56-62.
2. Trócsányi, L. Constitutions nationales et l'intégration européenne: L'exemple hongrois / L. Trócsányi // Bruxelles. – 2015.
3. Constitutions nationales et valeur européennes / eds. by M.-O. Peyroux-Sissoko et P. Kruzslics. Szeged, 2015. – P. 48.
4. Правовое пространство и человек: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденёва. – М., 2012. – С. 83.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
7. Масловская, Т.С. Рецензия на монографию Б. Матье «Право против демократии?» / Т.С. Масловская // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 4. – С. 77—80.
8. Mathieu, V. Le droit contre la démocratie? Lextenso / V. Mathieu, 2017.–304 p.

УДК 342

**КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН****С.С. ОЛЕСЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье исследуются правовые аспекты конституционных ценностей, приводятся критерии для их классификации. На основании проведенного анализа Конституции Республики Беларусь и отдельных зарубежных государств рассматриваются общечеловеческие и региональные ценности.

Конституционные ценности в нашем представлении – определённые и установленные на уровне конституции и конституционных законов обобщённые, ключевые, стратегические приоритеты (принципы и цели) развития общества и государства. В пределах границ своего суверенитета государства независимы и самостоятельно определяют весь «колорит» национальных конституционных ценностей, определяя тем самым и свою **конституционную идентичность** [1, с. 37].

Национальные конституционные ценности любых общества и государства несомненно основываются на ценностях *общечеловеческих*, т.е. универсальных социальных ценностях, признаваемых многими людьми, независимо от местности их проживания, культуры, национальности, пола, возраста, религии и ряда иных дискриминационных признаков (см., например, ст. 22 Основного Закона Республики Беларусь [2]).

Проведя формально-юридический анализ норм Конституции Республики Беларусь и зарубежных стран, можно выделить несколько основных подходов к отражению в их текстах общечеловеческих ценностей:

1. В соответствии с первым подходом, некоторые конституции, в частности, Беларуси, Армении и Азербайджана, содержат лишь общую формулировку о признании общечеловеческих ценностей, которая, как правило, закрепляется в её декларативной части – преамбуле. Интересно, что белорусская Конституция 1994 года легализовала ценность как конституционную категорию, отразив приверженность своего народа общечеловеческим ценностям, официально признав человека, его права, свободы, гарантии их реализации высшей целью и ценностью общества и государства [2].

2. Согласно второму подходу, ряд конституций закрепляет целый «каталог» подобных ценностей. Так, например, преамбула Конституции Албании 1998 года закрепила, что справедливость, мир, согласие и сотрудничество между нациями – наивысшие ценности человечества. В преамбуле Конституции Польши 1997 года перечислены следующие общечеловеческие конституционные ценности: справедливость, добро, правда и красота. В тексте преамбулы Конституции Болгарии 1991 года содержится положение о верности таким общечеловеческим ценностям как гуманизм, свобода, справедливость, мир, равенство и терпимость.

Следует заметить, что множество зарубежных конституций, в большинстве своём азиатских стран, хоть и закрепляют ценности (в т.ч. общечеловеческие), вместе с тем, для выделения данных ценностей не используют обобщающую формулировку и расширяют перечень за счёт иных ценностей, признаваемых ценностями *национальными*.

В частности, в преамбуле Конституции Королевства Бутан 2008 года в контексте конституционных ценностей упоминаются свобода, счастье, единство, справедливость, спокойствие и благополучие народа, а в преамбуле Конституции Чехии 1992 года – неприкосновенные ценности человеческого достоинства и свободы. В случае с преамбулой Конституции Казахстана 1995 года приверженность отдаётся следующим идеалам: свобода, согласие и равенство. В преамбуле Конституции Сирийской Арабской Республики 2012 года конституционными ценностями провозглашены право и справедливость, а в преамбуле Конституции Княжества Андорра 1993 года говорится о решимости настойчиво содействовать реализации демократии, свободы, справедливости и общественного прогресса.

3. Отдельные конституции в принципе не упоминают об общечеловеческих ценностях, к примеру, Конституция Индонезии 1945 года.

В то же время, необходимо сделать важную оговорку о том, что общечеловеческие ценности хотя и носят универсальный характер, однако в настоящее время в международных документах перечень данных ценностей отсутствует. Вместе с тем, сегодня чётко прослеживается протекание процесса *интернализации*, в соответствии с которым ценности одного общества «приживаются» в другом.

К числу общечеловеческих ценностей обычно относят свободу, равенство, гуманизм и демократию. Помимо них, в текстах конституций последних годов стали обильно фигурировать такие важнейшие ценности как мир, право, безопасность, социальное и экономическое благополучие, общественный прогресс.

Наряду с общечеловеческими необходимо также выделять ценности *региональные*. Под последними понимаются ценности, которые отражаются в конституциях и международных документах определенного региона. В качестве примера региональных ценностей можно рассматривать такие африканские ценности как братство и солидарность, которые упоминаются в преамбулах Конституций Республики Чад 1996 года и Королевства Марокко 2011 года. К региональной группе конституционных ценностей относят и арабские ценности: приверженность исламу как вере, своду законов и образу жизни, а также справедливость. Такие ценности свойственны для конституций Арабского Востока: Катара, Кувейта и др.

Весьма интересно, что перечню *общеευропейских* ценностей отведена отдельная статья. Так, в ст. 2 Договора о Европейском Союзе (в ред. 2007 года), говорится о том, что Европейский Союз базируется на ценностях уважения свободы, равенства, человеческого достоинства, демократии, правового государства, соблюдения прав человека, включая прав лиц, относящихся к меньшинствам. Названные конкретные виды ценностей являются для государств-членов Европейского Союза общими. Благодаря общности указанных ценностей Европейский «конгломерат» сегодня славится терпимостью, солидарностью, справедливостью, недискриминацией, равенством мужчин и женщин.

Закрепление «общего списка» конституционных ценностей в рамках договора Европейского Союза предопределяет обязательность признания и соблюдения таких ценностей всеми государствами-членами. Это, в свою очередь, значит то, что данные государства обязаны не просто на формальном уровне отразить весь список указанных ценностей в своих национальных конституциях, но также активно иллюстрировать реальное признание их превосходства посредством осуществления органами конституционного контроля своих правозащитных функций. Вместе с тем, на практике в конституциях государств-членов обнаружить положения о преданности европейским принципам и ценностям можно довольно редко. Один из немногих таких примеров – Конституция Сербии 2006 года, в первой статье которой действительно провозглашается о такой преданности.

Парадоксально интересно, что отдельные государства высказывают свои предложения о включении в конституцию новых принципов, призывая к признанию паритета, лингвистического, этно-расового либо сексуального разнообразия и достоинства. В 2009 году по такому пути пошла Франция, однако такого рода предложения были отклонены. В целях предостережения, следует заметить, что осознание государствами последствий от своего перенасыщения совершенно новыми, «искусственными» ценностями (к примеру, в случае вхождении в международную организацию) является ключевым фактором в вопросах обеспечения единства законности и поддержания тождественности правопорядка на своей территории.

Важно акцентировать, что процессы глобализации и интеграции сегодня коренным образом влияют на формирование национальных ценностей, о чём свидетельствует, заметим, не всегда позитивный в этом плане опыт Европейского Союза. Наличие в рамках европейского правового пространства двухуровневой системы конституционных ценностей на практике преподносит ряд серьезных проблем, одной из которых сейчас является **проблема согласования и конкуренции** общеευропейских и национальных ценностей.

Следует отметить, что с недавнего времени начал подниматься вопрос о формировании евразийской идентичности, основанной на *евразийских ценностях* [3], что во многом связано с активно протекающими в рамках Евразийского экономического союза интеграционными процессами. Видится, что в будущем это может стать серьезной проблемой в согласовании общеевразийских и национальных ценностей.

Приходится констатировать факт того, что сейчас особо активизировался процесс усиления роли и значимости конституции с точки зрения ценности учреждаемых ей институтов, что явилось определенной реакцией на кризис ценностей в обществе (легализация однополых браков, утрата патриотических чувств и пр.) и государстве (мир и безопасность) [4]. Легализацией однополых браков в странах Западной Европы была поднята «волна» негодования со стороны стран, несогласных с такой позицией. В результате данного обстоятельства, в целях защиты института брака и семьи, эти страны были просто вынуждены прибегнуть к конституционному закреплению брака как добровольно установленных супружеских отношений между мужчиной и женщиной [5, с. 59]. Подтверждением тезиса о возрастании роли и значимости конституций в современном мире также свидетельствуют поправки, внесенные в 2014 году в Конституцию Латвии 1922 года, согласно которым были проиллюстрированы конституционные ценно-

сти государства, в 2017 году – в Конституцию Казахстана 1995 года, посредством которых перечень особо охраняемых конституционных ценностей был значительно расширен.

Безопасность...на секунду не прекращающиеся вооружённые конфликты в Афганистане, Мьянма, Украине, Ливии, Ираке и Сирии, террористические акции и войны на территориях иных стран особо остро ставят вопрос о постановке на первое место такой ценности как безопасность. Ввиду возрастающей угрозы терроризма, страны всего мира сегодня стали пересматривать свои подходы к обеспечению безопасности. Ряд стран начали включать положения о правах и обязанностях граждан в сфере обеспечения безопасности на своей территории в тексты конституций, например, право граждан на личную безопасность – в Венгрии, обязанность не относиться терпимо и не участвовать в террористических актах – в Королевстве Бутан.

Реакцией французского государства на террористические атаки, в частности от 13 ноября 2015 года, стал конституционный законопроект по вопросам защите нации, в который были включены положения об условиях введения чрезвычайного положения и включении в Конституцию норм о лишении гражданства. Следует сказать, что подобные ни единичны. В частности, Законом Республики Казахстан от 10 марта 2017 года в Конституцию 1995 года были включены положения о лишение гражданства на основании решения суда за совершение террористических преступлений и причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам страны.

Возникновение кризиса безопасности обусловлено присутствием различных социальных коллизий не только внутри государств, но и между ними. Такие противоречия несут реальную угрозу возникновения конфликтов, изменений территории государства, политического строя и пр., способны повлечь тяжёлые и не всегда поправимые последствия для интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения безопасности. В этой связи необходимо говорить также о приоритетности конституционных ценностей.

В некоторых конституциях приоритет ценностей определяется таким образом, что определённые из них возводятся в высший ранг. В этом случае конституции оперируют понятиями «высшая ценность», как, например, в случае с Беларусью, Россией и Бразилией, и «наивысшая ценность», что чётко прослеживается в конституциях Украины и Румынии.

Доскональный анализ текстов конституций показал, что высшей ценностью общества и государства признаётся человек (Беларусь, Туркменистан и Россия), его права и свободы (Беларусь, Казахстан, России, Молдова), жизнь (Казахстан), свободное развитие человеческой личности, справедливость, политический плюрализм и достоинство человека (Молдова), человек, его жизнь и здоровье, неприкосновенность, честь и достоинство, безопасности (Украине), права личности, её достоинство и безопасность (Чехия), а также осуществление социальных и личных прав, свобода, безопасность, благосостояние, развитие, равенство и справедливость (Бразилия)[5, с. 59].

Большой список приоритетных ценностей содержится в абз. 3 ст. 1 Конституции Румынии 1991 года (в ред. 2003 года), в соответствии с которым румынское государство является демократическим, правовым и социальным, где права и свободы граждан, справедливость, свободное развитие человеческой личности, достоинство человека, политический плюрализм гарантируются и признаются наивысшие ценностью.

Исходя из сказанного, можно справедливо говорить о наличии некой *иерархии конституционных ценностей*, о признаваемых *ценностях высшего рода*, на формально-юридическом уровне определяющих конституционные приоритеты, а также иных конституционных ценностях, обладающим превосходством, относительно иных ценностей общества и государства.

Приходится констатировать, что с течением времени число конституционных ценностей постоянно увеличивается. Ключевая роль в процессе становления конституционных ценностей на момент конкретной исторической эпохи существования общества и государства отведена органу конституционного контроля. Так, например, в Республике Беларусь Конституционный суд в своём решении от 28 декабря 2011 года по вопросу о конституционности Закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» выделил такую конституционную ценность как здоровье человека[6]. Парадоксальный интерес вызывает также то, что в послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году», принятого 14 марта 2019 года, упоминается о совершенно новой конституционной ценности – *конституционном патриотизме*[7].

Проведя анализ конституционных текстов различных стран, можно вычленил некоторые группы и виды конституционных ценностей по признакам территориальности, юридической силы, а также способа их изложения.

По признаку территориальности конституционные ценности делятся на группы:

- общечеловеческие или универсальные,

- региональные,
- общеевропейские,
- общеевразийские,
- национальные.

По признаку юридической силы конституционные ценности выделяются на виды:

- ценности высшего рода,
- общие ценности.

По признаку способа изложения конституционные ценности делятся на виды:

- ценности общего изложения,
- ценности конкретного изложения,
- ценности не излагаются.

Вышеуказанным группам и видам соответствуют конкретные конституционные ценности: человек, его права и свободы, честь и достоинство, безопасность, конституционный патриотизм, свобода и многое др.

Резюмируя сказанное, важно акцентировать внимание на то, что конституционные ценности каждой конкретной страны характеризуются своей спецификой и определяют конституционную идентичность как самостоятельно государства. Вместе с тем, фиксация в тексте конституции общепризнанных ценностей в виде их упоминания или прямого перечисления позволяет высказаться весьма основательное суждение о некой стандартизации и унификации конституций в этом плане. Благодаря этому, особо остро сейчас стоит проблема согласования национальных и общеевропейских ценностей в рамках Европейского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масловская, Т.С. Конституционные ценности и их отражение в международном и национальном законодательстве / Т.С. Масловская // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: матер. респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск / редкол.: Г.А. Василевич и др. Минск, 2013. – С. 37.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
3. Чигринов, С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке / С.П. Чигринов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 32-39.
4. Масловская, Т.С. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет) / Т.С. Масловская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4. – С. 83-84.
5. Масловская, Т.С. Конституционные ценности в XXI веке : тенденции к универсализму и укреплению национальных интересов? / Т.С. Масловская // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право. – 2018. – № 6. – С. 56-62.
6. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 дек. 2011 года № Р-673/2011// Конституционный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-25613>. – Дата доступа: 14.09.2019.
7. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году : послание Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2019 года // Конституционный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-52123>. – Дата доступа: 14.09.2019.

УДК 342

**ПРОТИВОРЕЧИЕ ЛИЧНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РАМКАХ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО БАЛАНСА
КАК КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****С.С. ОЛЕСЬКО***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В настоящей статье исследуется такое социально-правовое явление как противоречие личных и коллективных интересов в рамках обеспечения конституционно-правового баланса как конституционной ценности в Республике Беларусь.

Нередкой является ситуация, при которой интерес отдельной личности расходится с интересом государства. Так возникает коллизия частных и публичных интересов. Ряд учёных связывает возникновение такого рода разрозненности интересов с тем, что такие категории как «личность», «общество» и «государство» по своей сущности не совпадают, а существовать по-отдельности не могут. Таким образом, личность, общество, государство есть конструктивные элементы конституционно-правового баланса интересов личности, общества, государства, уравнивающие интересы таких субъектов.

Неспроста же разд. II Конституции Республики Беларусь был поименован «личность, общество, государство» [1]. Данные субъекты конституционного права, словно в диффузии разнородных субстанций, образовали единое целое – понятие «конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства». По причине того, что указанные субъекты идут в неразрывной стези, их интересы нельзя представить по отдельности, независимо даже от того, сколь противными бы они друг другу не были. Учёный В.А. Затонский пишет, что «государство не может быть отторгнуто от общества, как и общество, личность – от государства» [2, с. 44]. В данном случае общество является социальным организмом, который составлен огромным количеством индивидуальных субъектов (каждая отдельная личность) и субъектов коллективных (социальные группы и институты). Роль же государства – важнейшего субъекта, который обеспечивает сбалансированность интересов указанной выше триады субъектов, заключается в его регулирующем воздействии на общественные отношения. Таким образом, личность, общество и государство реализуют свои интересы единолично (индивидуально) и совместно (коллективно).

Баланс индивидуальных и коллективных интересов должен основываться на приоритете интересов личности. Групповые же интересы не должны вступать с ними в противоречие, поскольку они имеют приоритет. Притом коллективные интересы должны использовать интересы личности в качестве ориентира – цели функционирования любой социальной структуры. К сожалению, нередок случай, и правоприменительная практика свидетельствует об этом, когда коллективным интересом оформляются интересы личности, а используются лишь как средство для достижения других целей, пусть и социально значимых. Нарушение данного положения неминуемо влечёт и нарушение баланса между интересами личности, общества и государства. Как следствие этого, ущемляются интересы личности – наиболее уязвимого субъекта.

Приходится констатировать факт того, что Республика Беларусь до сих пор испытывает на себе влияние исторических традиций, из-за чего в практике часто можно обнаружить, что коллективные интересы занимают доминирующее место в системе интересов личности, общества и государства. Проявление нигилизма в отношении интересов конкретного индивида обусловлено нежеланием общества признавать его интересы. Такое нежелание часто сопровождается элементарным незнанием действующего законодательства. Основная роль по исправлению этой ситуации отводится судам. Правовая защита и допускаемые ограничения прав и свобод личности должны осуществляться исключительно компетентным судом, независимо и в полном соответствии с белорусским законодательством. Ведь от того, какую работу по защите прав и свобод личности проведут суды, напрямую будет зависеть престиж Республики Беларусь на мировой площадке.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность единоличного и совместного осуществления интересов личностью, обществом и государством предполагают, что абсолютизация их интересов не допускается. Как коллективные интересы не могут игнорировать индивидуальные, так и индивидуальные – коллективные. Но в таком смысле, интересы личности не могут отрицать наличие общих интересов. Это значит, что при удовлетворении интересов отдельной личности обязательно будут учтены общественные и государственные интересы, идущие, как правило, в одной стези.

Абсолютизация, противопоставление коллективным интересам интересов личности на одном ряду с нарушением баланса неминуемо влекут за собой и ряд иных негативных последствий, т.к. социальный

эгоизм, анархия в обществе и т.п. В конечном счёте, разрушится целостная система прав и свобод человека. Он же перестанет осознавать груз своей ответственности перед обществом, его членами и государством. При таких обстоятельствах, нарушение законодательства станем нормой, а идеи и ценности, провозглашённые и охраняемые Основным Законом, останутся чёрной буквой на белом холсте.

Здесь речь идёт исключительно о законных интересах данных субъектов. Интересы личности, как правило, заключаются в её стремлении к определенному благу или состоянию либо в удовлетворении её определённой потребности, если это не запрещено законом и не препятствует реализации прав других лиц, а также корреспондирует юридическую обязанность государства или определенных лиц содействовать такой реализации. Выражение интереса общества осуществляется посредством общего стремления к достижению определенного блага, желаемого состояния либо максимально полного удовлетворения потребностей. Интерес же государства – это совокупность регламентированных нормами законодательства (в первую очередь Конституции) потребностей личности и общества, реализация которых обеспечивается государственными институтами при взаимодействии с гражданами и их объединениями. В связи с этим, интересы государства зачастую рассматриваются в литературе как часть общественных интересов, реализуемых в базовых сферах деятельности органов публичной власти [3, с. 38-39].

По общему правилу, законные интересы не гарантируются определенными нормами объективного права, а обеспечиваются лишь их общим смыслом. Таким образом, в законодательстве относительно слабо отражена категория законного интереса. Принимая во внимание данное обстоятельство, можно констатировать факт того, что в этом случае носитель интереса, как правило, должен доказывать его наличие взаимодействующим с ним субъектам. Законный интерес подлежит реализации в порядке, аналогичном реализации субъективных конституционных прав, – через его осуществление (использование). При этом, государство обязано содействовать реализации законных интересов личности, общества, государства, применяя в случае необходимости институт ограничения прав и свобод личности соразмерно ценности её законного интереса. К несчастью, сегодняшнее правовое регулирование не всегда позволяет сделать это корректно.

Г.Ф. Шершеневич справедливо высказался, что люди, стремясь к созданию общества, нуждаются в чём-то их связующем, позволяющем обеспечить их связь единством ценностей. «Эта связь создается общим интересом» [4, с. 12], который олицетворяет единство ценностей таких людей. Общий интерес рассматривается в качестве осознания того, что потребности этих людей возможно удовлетворять с помощью общеизвестных средств. Лишь после того, когда все люди осознают, что их потребности можно удовлетворить общими силами, интересы личностей преобразуются в интерес всего общества. Само общество – совокупность людей, хотя и имеющих свои – личностные интересы, но объединённые сознанием того, что общие для них всех потребности возможно удовлетворить наиболее лучшим образом лишь с помощью совместных сил. Проанализировав сказанное, можно с уверенностью утверждать, что интересы личности являются производными, т.е. без них просто не может существовать общественный интерес.

Касательно соотношения частных и публичных интересов, следует сказать то, что на сегодняшний день указанный вопрос характеризуется биполярностью мнений учёных-юристов.

Так, одни учёные считают, что интересы личности, общества и государства в силу своей природы просто неделимы друг от друга. Так, В.Д. Зорькин говорит о том, что: «государство существует для личности, для общества, а не для того, чтобы само себя обслуживать» [5, с. 12]. Это утверждение заслуживает особого внимания, поскольку им определяется значение интересов личности, общества и государства. Из него следует то, что удовлетворение государственных интересов должно ложиться в основу удовлетворения интересов личности и общества в том смысле, что государство должно действовать в интересах данных субъектов. При этом, существование интересов личности и общества опосредует существование интересов государства, т.к. первые являются производными для вторых. Бывает так, что «государственные (они же – общественные) интересы могут полностью совпадать с интересами частными, а иногда могут и не полностью» [6, с. 12]. В юридической литературе явление, при котором интересы общества и государства рознятся с интересами личности, именуют «конфликтом публичных и частных интересов». Однако далеко не всегда в подобном конфликте личность выходила победителем. Истории ведомы случаи, когда государство считало свои интересы столь важными, что не основывало их ни на законе, ни даже на общепризнанных принципах и ценностях, существовавших в те времена. Тогда было всё так, как в песне «Сволочи» [7]: «Отставить! На слабость нет права! Приказ: во что бы то ни стало выполнить задание! По законам военного времени, без права на провал или неподчинение. Кто не справится – в расход, арифметика простая! И никаких фамилий, никаких званий! При себе оставить лишь набор смертельных знаний! А подписка о неразглашении – без срока давности.

И ни любви, ни тоски, ни жалости!». Во время войны, иных крупномасштабных неблагоприятных событий интересы государства как никогда возвышаются на пирамиде интересов, на пике которой должны быть не иначе как интересы личности.

Возвращаясь к исследуемому вопросу о неделимости интересов личности, общества и государства, необходимо признать добротность такого утверждения. В то же время, факт того, что автором ставится знак равенства между сущностью общественных и государственных интересов, вызывает некоторое недоумение. В оспаривание данной точки зрения приведём некоторые аргументы. Во-первых, общество и государство – это кардинально различающиеся по своим функциям, целям, а значит и интересам субъекты. Детальный анализ положений Основного Закона Беларуси позволяет с уверенностью говорить о том, что народ выступает в качестве отдельного субъекта конституционных правоотношений. В преамбуле Конституции Республики Беларусь закреплены право- и дееспособность народа: «сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества» [1], он принял Конституцию. Во-вторых, в ч. 1 ст. 3 Основного Закона сказано о том, что «народ осуществляет свою власть непосредственно» [1], а следовательно – и выступает в качестве самостоятельного субъекта конституционно-правовых отношений. На одном уровне с народом свои интересы иллюстрирует и общество, которое разд. II Конституции признаёт отдельным от государства субъектом, предоставляя ему комплекс возможностей для защиты своих интересов (ст.ст. 21 и 23 Конституции Республики Беларусь). Другое дело, общественные интересы должны ложиться в основу государственных так, как и в основу общественных положены интересы личности. В таком случае, смешивание интересов общества и государства просто не допускается, хотя они и могут совпадать.

Относительно второй точки зрения, по вопросу о соотношении частных и публичных интересов учёные сходятся во мнении о том, что противоречие таких интересов объективно невозможно. Подобную коллизию В.А. Бачинин [8, с. 15] объясняет тем, что у личности и государства кардинально отличающиеся друг от друга цели. Для каждой отдельной личности наиболее важным в жизни является обладание возможностями, которые позволяют осуществить свою потребность в свободе. Для государства куда более значимым является правопорядок, без него попросту теряется власть над обществом, состоящим из множества личностей. В таком случае, при наличии одного и того же интереса личностью и государством преследуются различные цели. Это позволяет говорить о конфликте идеальных представлений личности и государства, в связи с которым теряется общность их целей, достигаемой единством их интересов.

Следует сказать, что две вышеописанные точки зрения весьма обоснованы, хотя и имеют ряд своих недостатков. Возможно, для некоторых государств такое положение дел является более свойственным. Мы же считаем более правильным соотношением между интересами личности, общества, государства то, в котором для их интересов взаимопроникновение и максимальная взаимообусловленность являются характеризующими факторами. Указанная точка зрения принадлежит российскому учёному В.В. Субочеву [9, с. 6], который поясняет наиважнейший аспект: интересом государства объединены два взаимоисключающих начала. Он может, а в ряде случаев и должен противоречить интересам личности для защиты интересов общества, противоречить интересам общества, гарантируя тем самым реализацию интересов личности. Более того, приемлема даже та ситуация, когда государство своим интересом вытесняет одновременно два интереса – личности и общества, однако делает это не ради только единичного или общего блага, а в т.ч. для блага своего – общегосударственного. Автор такой точки зрения говорит о «золотой середине» – балансе интересов личности, общества, государства. И в этом смысле слова Е.А. Соловьевой весьма правдивы. Исторические памятники говорят о том, что «С давних пор до нынешних времен // Есть один закон на всей планете: // Равновесие господствует на свете. // Весь наш мир к нему приговорен» [10]. Такие исходные положения наталкивают на справедливый вывод о том, что стратегическая задача государства заключается в направлении интересов каждой отдельной личности и всего общества в целом в нужном направлении с помощью регулятивного воздействия права на общественные отношения. Благодаря этому, защите будут подвергаться более уязвимые из них, а значит и будет соблюдаться конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
2. Затонский, В. А. Гражданское общество и государство : противостояние или партнерство / В. А. Затонский // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 17. – С. 43-45.

3. Кашулин, С. Н. Поддержание баланса между интересами личности, общества и государства в контрактной системе / С. Н. Кашулин // Вопросы российского и международного права. Т. 7. – 2017. – № 7А. – С. 36-48.
4. Шершеневич, Г. Ф. Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 513 с.
5. Интервью с В. Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ / В. Д. Зорькин // Законодательство. – 2008. – № 12. – С. 11-14.
6. Лигалайз – Сволочи [Электронный ресурс] / Музыкальный сервис z1.fm. – 2010. – Режим доступа : <https://z1.fm/song/1623870>. – Дата доступа : 23.05.2019.
7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
8. Бачинин, В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья / В. А. Бачинин // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 15-17.
9. Субочев, В. В. Законные интересы : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Норма, 2008. – 359 с.
10. Соловьева, Е. А. – Равновесие [Электронный ресурс] / Литературное общество Fabulae. – 2011. – Режим доступа : https://fabulae.ru/poems_b.php?id=53205. – Дата доступа : 04.04.2018.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А.В. РОМАНЕНКО****(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)**

Местное самоуправление является одним из главных форм организации и деятельности населения для решения вопросов местного значения. Гражданам важно знать не только общие и основные положения, которые касаются реализации форм местного самоуправления в Республике Беларусь, но и их проблемы и пути решения.

Понятие «местное самоуправление» закреплено в п.1 ч.1 ст.1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»). Там сказано, что под местным самоуправлением понимается «форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлечённых средств» [1].

Конституция Республики Беларусь 1994 года (далее – Конституция Республики Беларусь) не даёт конкретное определение «местного самоуправления». Она закрепляет лишь некоторые, но базовые принципы деятельности данного института. Например, в ст. 120 Конституции Республики Беларусь сказано, что «местные Советы депутатов в пределах компетенции решают вопросы местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории, исполняют решения вышестоящих государственных органов» [2]. Однако данное положение распространяется не только на самоуправление, но и на местное управление.

Исходя из определения можно выделить следующие признаки, присущие местному самоуправлению:

- 1) это форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории;
- 2) деятельность направлена на самостоятельное решение определённых вопросов местного значения;
- 3) данные интересы должны исходить из общегосударственных интересов;
- 4) деятельность осуществляется на основе собственной материально-финансовой базы и привлечённых средств.

Что конкретно понимается под «формами местного самоуправления»? Законодатель не даёт чёткого определения данного понятия, однако его можно найти в различных научных статьях. Если интерпретировать и вывести общее из многих научных определений, то можно сказать, что под формами местного самоуправления понимается способ прямого и опосредованного участия населения в решении вопросов местного значения [3]. Для местного самоуправления в Республике Беларусь, на данный момент, к понятию следует в конце добавить формулировку «исходя из общегосударственных интересов».

Во многих странах формы осуществления местного самоуправления делятся на непосредственные и опосредованные [4]. При этом, непосредственная форма подразумевает участие граждан в осуществлении местного самоуправления с помощью местных собраний, референдумов, слушаний и иного. В то время как опосредованная форма означает участие граждан в местном самоуправлении с помощью выборных должностных лиц [4].

В нашем государстве конкретного деления форм на непосредственную и опосредованную нет.

В ст. 117 Конституции Республики Беларусь перечислены некоторые формы местного самоуправления в Республике Беларусь: местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы и местные собрания [2].

Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» так же не даёт чёткого перечисления форм местного самоуправления. В п. 2 ч. 1 ст. 1 Закона названы следующие способы осуществления местного самоуправления:

- 1) местные Советы депутатов;
- 2) органы территориального общественного самоуправления;

- 3) местные собрания;
- 4) местные референдумы;
- 5) инициативы граждан по принятию решений Советов;
- 6) участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определённые цели;
- 7) иные формы участия [1].

В местном самоуправлении Республики Беларусь наблюдаются некоторые сложности и проблемы. Основной и самой первой из них является то, что из всех форм местного самоуправления, которые представлены законодательством, реально действуют только Советы депутатов и, в некоторых районах, общественное территориальное самоуправление. Получается, что такие формы, как местный референдум, местные собрания и принятие населением решений не реализуются.

В качестве причины можно назвать отсутствие среди населения инициативы. Государство на законодательном уровне даёт людям возможность участвовать в местном самоуправлении, однако, как можно увидеть из практики, данное право не используется. Можно сделать вывод, что население не заинтересованно в этом.

Следующей причиной является отсутствие реальной возможности принятия населением решений исходя сугубо из интересов данной территории. То есть народ не может повлиять на какие-либо действия со стороны государства. Как мы видим из определения понятия «местное самоуправление», в первую очередь ставятся общегосударственные интересы. В связи с этим, если государству выгодно построить, например, завод в каком-то районе, то население не может повлиять на данное решение, даже несмотря на то, что завод будет приносить вред окружающей среде на этой территории.

В качестве примера реализации народом своих интересов можно назвать ситуацию, которая действует в Кировской области России. Там существует проект поддержки инициатив населения, называемый «народный бюджет». В рамках этого бюджета население участвует в выборе конкретных направлений использования денежных средств [5].

Как одну из причин отсутствия инициативы среди населения можно назвать неосведомлённость людей в данной области. Из опроса населения стало известно, что люди знают только о такой форме местного самоуправления, как Советы депутатов. При этом такие формы, как территориальное общественное самоуправление, местные собрания и референдумы народу не известны.

Из всего вышеперечисленного, как итог, можно сделать вывод о том, что следует более тщательно осведомлять население об их правах, вовлекать в политическую жизнь страны хотя бы на таком уровне, как местное самоуправление. По нашему мнению, изменения в данной области следует начинать с правосознания самих людей.

Когда речь идёт об усовершенствовании и изменении в каком-либо институте Республики Беларусь, сразу ставится во внимание и в качестве примера международный опыт в этой области. Идеи для усовершенствования местного самоуправления нашей страны не стали исключением из этого правила. Последующие предложения будут исходить из положительных опытов других стран.

В первую очередь стоит отметить необходимость подписания Европейской хартии о местном самоуправлении, так как данный акт действительно даёт населению больше простора в принятии решений местного значения. Как рассматривалось ранее, местное самоуправление по Хартии ориентируется изначально и конкретно на интересы населения. Также она даёт больше возможности в принятии значимых решений. Несомненным плюсом подписания данного акта будет то, что Республика Беларусь станет на один шаг ближе к присоединению в Совет Европы.

В остальном нормативная база по местному самоуправлению, которая действует сейчас, является достаточно неплохой.

Во-вторых, следует чётко сформулировать формы местного самоуправления. С одной стороны, тот факт, что список форм не является исчерпывающим даёт людям право реализовать местное самоуправление в той форме, в которой они посчитают наиболее целесообразной. С другой стороны, когда будет дан конкретный перечень, и население не будет придумывать что-то новое, а выберут форму исходя из уже предложенных вариантов.

Среди вариантов изменения местного самоуправления можно предложить обязательность образования таких форм, как Совет депутатов и органы территориального общественного самоуправления. По поводу обязательности формирования Совета депутатов останавливаться не стоит, так как данная форма в настоящее время реализуется достаточно неплохо. Акцент стоит сделать на органах территориального общественного самоуправления, так как данная форма, в отличие от других, в некоторых районах реализуется. Исходя из практики той территории, где она действует, можно сделать вывод, что данная форма является достаточно продуктивной в благоустройстве территории и принятии населением решений мест-

ного значения. Однако, в связи с тем, что она действует не везде, следовательно, не везде люди могут реализовывать своё право на участие в местном самоуправлении.

В связи с возникновением обязательности, следует так же предусмотреть отчётность, чтобы было видно, что форма действует на самом деле. Так, предлагается вариант, чтобы органы территориального общественного самоуправления были подотчётны Совету депутатов. Это связано с тем, что Совет депутатов имеет полномочия на более широкой территории, чем органы территориального общественного самоуправления.

Следующая идея усовершенствования местного самоуправления затрагивает избирательное право. Как известно, Совет избирается гражданами соответствующей территории. Однако, председатель Совета избирается на сессии Совета среди депутатов [1]. Предлагается председателя Совета депутатов так же избирать гражданами из числа депутатов уже сформировавшегося Совета.

В соответствии со ст. 27 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» орган территориального общественного самоуправления может являться или не являться юридическим лицом [1]. Следовательно, при формировании органа территориального общественного самоуправления необходимо обращаться к законодательству, регулиющему образование юридического лица. Мы предлагаем убрать данное правило и формировать соответствующий орган сугубо как форму местного самоуправления без образования юридического лица. Можно сделать так, чтобы он действовал как орган Совета депутатов.

Как известно, Советы депутатов состоят из трёх территориальных уровней: первичный, базовый, областной [1]. Предлагается упростить данное деление и сделать двухуровневую территориальную систему: первичную и областную. При этом в первичную систему будут входить Советы городские (городов районного и областного подчинения), поселковые, сельские. А к областным – областные Советы и Минский городской Совет.

Можно сделать вывод о том, что законодательная база по местному самоуправлению в Республике Беларусь является достаточно прочной и грамотной, так как исключает необходимость розыска информации в многочисленном количестве нормативной базы. Однако проблемы есть в формулировке самого понятия «местное самоуправление». Если изменить пару фраз, например, убрать словосочетание «исходя из общегосударственных интересов», то мы будем на один шаг ближе к существенным изменениям в данной сфере.

Местное самоуправление в Республике Беларусь является тем институтом, который не реализуется полноценно. Причины, почему это происходит, были выявлены в процессе написания данной работы.

Особое внимание хотелось бы уделить вариантам решения данных проблем. Нам необходимо применять опыт европейских стран и реформировать действующее местное самоуправление, чтобы данный институт начал действовать и работать по-настоящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 янв. 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. Постовой, Н.В. Муниципальное право России. Вопросы и ответы / Н.В. Постовой. – Москва : АСТ, 2015. – 180 с.
4. Некрасов, С. И. Конституционное право Российской Федерации: конспект лекций [Электронный ресурс] / С. И. Некрасов. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/98170/54/Nekrasov_-_Konstitucionnoe.html. – Дата доступа: 25.04.2019.
5. Заседание Совета по развитию местного самоуправления [Электронный ресурс] // Офиц. сет. ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55301>. – Дата доступа: 25.04.2019.

УДК 342

**ПОНЯТИЕ «МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ»
И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****А.В. РОМАНЕНКО****(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)**

Местное самоуправление является одним из главных форм организации и деятельности населения для решения вопросов местного значения. Гражданам важно знать не только общие и основные положения, которые касаются реализации форм местного самоуправления в Республике Беларусь, но и их проблемы и пути решения. Так же необходимо обратить внимание на зарубежный опыт в данной области для дальнейшего его применения на практике в нашей стране.

Понятие «местное самоуправление» закреплено в п.1 ч.1 ст.1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»). Там сказано, что под местным самоуправлением понимается «форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлечённых средств» [1].

При подробном изучении понятия местного самоуправления следует обратиться к определению данного института в других странах. Например, в России понятие ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), где сказано, что местное самоуправление представляет собой «форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учётом исторических и иных местных традиций» [2]. Здесь, как мы видим, нету формулировки «исходя из общегосударственных интересов». Следовательно, можно сделать вывод о том, что интересы населения ставятся выше общегосударственных.

Можно рассмотреть понятие «местное самоуправление» в Европейской хартии о местном самоуправлении от 15 октября 1985 г. № 122 (далее – Европейская хартия о местном самоуправлении). В данном акте закреплено, что местное самоуправление – это «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [3]. Здесь наблюдается некоторое сходство с определением, которое дано в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Например, также отсутствие формулировки «исходя из общегосударственных интересов». Наблюдается схожесть в том, что решение вопросов находится под ответственностью органов местного самоуправления и интересы населения ставятся в первую очередь.

Наличие схожих признаков не является совпадением, так как Россия входит в число стран, которые подписали данный международный договор. Беларусь пока ещё не подписала Европейскую хартию о местном самоуправлении, так как это означало бы внесение изменений в нормативную базу национального местного самоуправления, и, следовательно, возникла бы реальная возможность населения решать вопросы местного значения и влиять на изменения внутри данной территории.

О решении вопросов местного значения с помощью форм местного самоуправления пойдёт разговор в контексте данной работы.

Следует начать с правовой основы местного самоуправления в Великобритании. Так как в данном государстве нет конституции, следовательно, не стоит говорить, что институт самоуправления имеет какие-либо конституционные основы [4].

Однако существует нормативно правовой акт, который регулирует данную отрасль. Называется он Local Government Act 1988 (Акт местного самоуправления 1988 года). В рассматриваемом акте закреплены многие положения, которые основывают и регулируют систему местного самоуправления. Акт разделён на 4 части: «Конкурс», «Общественная поставка или работа по контрактам», «частное жильё», «общее и особенное» [5].

Не будем также забывать, что Великобритания входит в состав Совета Европы, следовательно, на неё распространяется Европейская хартия о местном самоуправлении.

Местное самоуправление в Великобритании строится исходя из территориального деления. По форме государственного устройства Великобритания является унитарным государством. Административно-территориальное деление страны представляет собой разделение на графства и округа. В некоторых местах действуют общины и приходы [6]. Существует три типа местного самоуправления: Большой Лондон, шесть муниципальных графских округов и немunicipальные графства [7].

Органы местного самоуправления представлены муниципалитетами и советами, которые состоят из советников, выбираемых местными жителями на четыре года [7].

Если говорить о положительных моментах данной системы, то можно выделить упрощённую организацию местного самоуправления. Округи и графства делятся в соответствии с территорией и действующие на ней органы являются самостоятельными, которые подотчётны народу. Это можно отнести несомненно к плюсам, так как нет вышестоящих и нижестоящих, следовательно, народ сам решает вопросы местного значения.

Данное деление можно взять как образец для изменения структуры местного самоуправления в Республике Беларусь. Предложения по поводу упрощения системы внутри нашего государства будут описаны в следующей главе.

Однако отрицательным моментом в институте местного самоуправления является неоднозначность правового регулирования. Из-за отсутствия в Великобритании конституции самоуправление не имеет чёткой правовой основы, на которую могли бы ориентироваться нормативно правовые акты, регулирующие конкретные особенности.

Рассмотрим местное самоуправление в Германии. По форме государственного устройства Германия является федерацией, следовательно, субъекты федерации (составные части) имеют ограниченный государственный суверенитет [8].

Германская Федерация состоит из шестнадцати земель, которые поделены на округа и районы. Обычно местное самоуправление в округах представлено общинами, в то время, как районы наделены более узкими компетенциями. Например, при вопросе строительства дорог или обслуживании больниц. Те вопросы, которые общины не могут решить самостоятельно, предоставляются на решение в районы [9].

Что касается вопроса правового регулирования, то в Германии нет общего нормативно правового акта по вопросам местного самоуправления. Лишь некоторые положения содержатся в Основном законе Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. (далее - Основной закон Германии), что в свою очередь является «конституцией» данной страны. Так, в ст. 28 Основного закона Германии сказано, что «общинам должно быть предоставлено право регулировать в рамках закона под свою ответственность все дела местного сообщества» [10]. Суть самоуправления заключается в возможности решать собственные проблемы «под свою ответственность», таким образом исключая вмешательство государства [11].

Таким образом, из данного положения следует, что самоуправление наделено правом действовать в интересах местного населения.

Вернёмся к Европейской хартии о местном самоуправлении. Как известно, Германия входит в Совет Европы, и она подписала данный международный акт. Следовательно, можно говорить о том, что местное население действует, в первую очередь, в своих интересах.

Несмотря на отличия по форме государственного устройства, нам всё же следует обратиться к опыту данного государства в сфере местного самоуправления, так как Германия имеет положительный опыт в реализации данного института.

Правовое регулирование местного самоуправления в Польше нашло своё отражение, как это часто бывает, в Конституции Республики Польши от 2 апреля 1997 г. (далее – Конституция Республики Польши). Раздел VII «Территориальное самоуправление» отражает базовые положения, касающиеся самоуправления данного государства. Так, в ст. 164 сказано, что «основной единицей территориального самоуправления является община» [12]. Можно считать, что община является основной, так называемой, формой местного самоуправления.

Особенностью законодательного регулирования самоуправления в Польше является то, что в этой стране существует трёхуровневая система и каждому уровню присущ отдельный закон. Первый уровень составляют гмины, второй – уезды, третий – воеводства [13]. Соответственно, приняты Закон Республики Польши от 8 марта 1990 г. «О самоуправлении гмины», Закон Республики Польши от 5 июня 1998 г. «О самоуправлении уезда», Закон Республики Польши от 5 июня 1998 г. «О самоуправлении воеводства».

Мы определили, что основной формой самоуправления является община. Что касается иных форм местного самоуправления, то в ст. 170 Конституции Республики Польша названа такая форма, как местный референдум. Данная статья закрепляет, что «члены самоуправляющегося сообщества могут путём референдума решать о делах, касающихся этого сообщества, в том числе об отзыве органа территориального самоуправления, избранных непосредственными выборами» [12].

Местное самоуправление в Республике Польша строится на независимости органов и принятии решений под свою ответственность, так как данная страна подписала Европейскую хартию о местном самоуправлении. Следовательно, основные положения, на которых строится местное самоуправление, распространяют своё действие на органы самоуправления в Польше.

Как мы видим из всех вышеперечисленных вариантов местного самоуправления, все страны подписали Европейскую хартию о местном самоуправлении, тем самым распространив её положения на законодательство своих стран, а также провели реформы самоуправления, которые положительно сказались на возможности принятия решений населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 янв. 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ : в ред. Федер. закона от 19.06.2004 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
3. Европейская хартия о местном самоуправлении [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбург 15 октября 1985 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
4. Старцев, Я. Ю. Государственное и муниципальное управление в зарубежных странах: курс лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/gu/stat_rab/book/GMU_zar_Startsev/49356.htm. – Дата доступа: 25.04.2019.
5. Local Government Act 1988 [Electronic resource] // HMSO : London, 1995. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/9/pdfs/ukpga_19880009_en.pdf. – Date of access: 25.04.2019.
6. Хазов, Е.Н. Местное самоуправление европейских государств (на примере Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Французской Республики, Итальянской Республики) [Электронный ресурс] // Е.Н. Хазов, М.В. Саудаханов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mestnoe-samoupravlenie-evropeyskih-gosudarstv-na-primere-soedinyonnogo-korolevstva-velikobritanii-i-severnoy-irlandii-frantsuzskoy>. – Дата доступа: 25.04.2019.
7. Политическая система Великобритании / Д. Йохен [и др.]. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 384 с.
8. Червонюк, В. И. Федеративное государство // Г. И. Иванец, И. В. Калинин, В. И. Червонюк Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В. И. Червонюка. — М.: Юридическая литература, 2002. — 432 с.
9. Михалёва, Н.В. Местное самоуправление в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-germanii>. – Дата доступа: 25.04.2019.
10. Основной закон Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс] : принят 23 мая 1949 г. – Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation. – Дата доступа: 25.04.2019.
11. Маркварт, Э. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/28/1270197061/61-73_Markvart.pdf. – Дата доступа: 25.04.2019.
12. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс] : принята 2 апр. 1997 г. – Режим доступа: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-польши>. – Дата доступа: 25.04.2019 г.
13. Местное самоуправление: польский вариант [Электронный ресурс] // Российская муниц. практ : Общерос. журнал, 2013. – Режим доступа: <http://www.russmp.ru/stat17-1-6.php>. – Дата доступа: 25.04.2019.

УДК 342

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СВОБОДЫ СЛОВА****Я.В. САПЕГО****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

В статье рассматриваются электронные общественные инициативы как одна из форм свободы слова. Исследование построено на анализе интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (механизмы подачи, рассмотрения и вынесения решения по поданным инициативам граждан), делается вывод о возможном использовании данного опыта в Республике Беларусь.

Согласно ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется свобода мысли и слова [1]. Одним из действующих механизмов выражения свободы слова является институт «общественной инициативы».

Общественная инициатива появилась в 2013 году, согласно Указа Президента Российской Федерации № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Общественная инициатива – это «предложение гражданина России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления» [2]. Такая инициатива может быть федерального, регионального или муниципального уровня. Такую же формулировку можно найти на самом электронном ресурсе «Российская общественная инициатива», который является Интернет-ресурсом для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним [3].

На данном сайте размещён поэтапный план реализации общественной инициативы, начиная с подачи и заканчивая принятием мотивированного решения дальнейшей судьбы «обращения». План таков:

1. Подача инициативы;
2. Модераторы РОИ проверяют инициативу на соответствие Правилам (утверждены Указом Президента РФ N 183 от 04.03.2013). Срок предварительного рассмотрения – не более 2 месяцев [4].
3. Инициатива размещается на Интернет-ресурсе РОИ (www.roi.ru) с присвоением уникального номера и становится доступна для голосования. Сбор голосов в поддержку инициативы осуществляется в срок не более 1 года со дня размещения.
4. В зависимости от уровня инициативы (федеральный, региональный или муниципальный) установлены следующие значения по необходимому количеству голосов ЗА:
 - федеральный уровень – не менее 100 000 (сто тысяч);
 - региональный уровень – для регионов с населением свыше 2 млн. – 100 000 (сто тысяч), для остальных – 5% от населения региона;
 - муниципальный уровень – 5% от населения муниципалитета.
5. Если инициатива в установленный срок набирает необходимое количество голосов в поддержку, то она направляется на рассмотрение в экспертную рабочую группу федерального, регионального или муниципального уровня. Срок принятия решения по инициативе – не более 2 месяцев со дня направления.
6. Экспертная рабочая группа принимает мотивированное решение о реализации или отклонении инициативы. Решение и его обоснование размещаются на сайте РОИ [3].

На настоящий момент на данном ресурсе зарегистрировано 15.957 инициатив. Популярными являются «Запретить строительство полигона отходов на ж/д станции Шиес», «Запрет на межрегиональное перемещение твердых коммунальных отходов в Российской Федерации», также нельзя пропустить «Принять закон о профилактике домашнего насилия. Для этого не затягивать сроки рассмотрения проекта закона, разработанного СПЧ при Президенте РФ еще в 2014 году». Как видно, инициативы подаются по различным вопросам в различных сферах. Решение принято по 34 инициативам и на рассмотрение находится одна: «За строительство подземного метро в районе Северный (г. Москва) и социальной инфраструктуры» [3].

Обновление информации происходит каждую минуту. Данная площадка создана со всеми удобствами для голосующих (приятный и удобный интерфейс, фильтр для отбора инициатив).

Данный вид активности населения выражает его намерение помогать государственным органам в различных вопросах управления государством. Само понятие содержит формулировку «предложение

граждан по вопросам развития страны, совершенствования управления». Каждое правительство или глава государства не могут оставлять без внимания мнения и желания своего населения, особенно, когда речь идёт о массовом их выражении. Если предложение не актуальное и не годное по своей сути, то его другие граждане не поддержат, но если оно содержит в себе желание тысяч людей (для каждого уровня инициативы свои числа), то его никак нельзя оставить без рассмотрения.

Российская Федерация является демократичным государством [1]. Участвовать в государственном управлении государства могут не все лица, однако предлагать и помогать данной категории могут все, независимо от пола, расы, национальности и т.д.

Для Республики Беларусь «Российская общественная инициатива» является хорошим примером формы общественной активности граждан. Также не мало важным составляющим является наличие законодательного акта, который закрепляет и регулирует деятельность данного ресурса.

В нашем государстве есть электронные общественные площадки для подачи петиций. Одна из популярных – это «Petitions.by. Удобный город». Реализация в подаче и рассмотрении петиций (предложений) схожа с российской, но у нас много недочётов в реализации. Отсутствие регламентирующего нормативного правового акта является большим минусом. Отсутствие указания количества необходимого числа подписей, фиксированного времени их сбора (заявляющее лицо само выбирает данный промежуток времени) тоже является недоработанным пунктом. Но всё же главный минус данной общественной деятельности – это наличие незаинтересованности граждан в этом. На данный момент создано 2266 петиций, госорганами рассмотрено было только 1764[5]. Из анализа рассмотрения находящихся на этапе сборов подписей петиций можно сделать вывод, что население не проявляет особой заинтересованности в выражении своего мнения или реализации мнения других людей. Это является ключевым фактом отсутствия гражданской активности. В Республике Беларусь население составляет более 9,5 млн людей, но под некоторыми предложениями есть только 100-300 голосов.

На современном этапе развития человечества и технологий использование Интернет-ресурсов является важной и динамично развивающейся составляющей. Гражданам необходимо больше участвовать в общественной жизни, высказывать своё мнение и позицию, касаясь тех или иных вопросов, - поэтому государство должно принимать все усилия для того, чтобы их голоса были услышаны. Стимулом развития гражданской активности в данной сфере могла бы стать правовая определённость в данных отношениях, что может быть реализовано путём принятия в Республике Беларусь нормативного правового акта об общественных инициативах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 5 февр. 2014 г. – М. : КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2019.
2. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива" [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 4 марта 2013 г., № 183 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2019.
3. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс] // Российская общественная инициатива. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/>. – Дата доступа: 12.09.2019 г.
4. Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [Электронный ресурс] // утв. Указом През. Рос. Федерации, 4 марта 2013 г., № 183 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2019.
5. Petitions.by. Удобный город [Электронный ресурс] // Petitions.by. – Режим доступа: <https://petitions.by/>. – Дата доступа: 13.09.2019 г.

УДК 342

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА:
ПОНЯТИЕ, НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ****Я.В. САПЕГО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

В данной статье рассматривается Европейская гражданская инициатива, её определение, нормативное закрепление и процедура подачи, рассмотрения инициатив граждан Европейского Союза. Также в статье приведены примеры и небольшая статистика деятельности данного института.

Европейская гражданская инициатива – это одна из программ Лиссабонского договора («Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»), целью которой является развитие прямой демократии в странах Европейского союза [1]. 16 февраля Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли Регламент № 211/2011, в котором были заключены правила и условия Европейской гражданской инициативы [2].

Суть Европейской гражданской инициативы заключается в том, что миллион граждан ЕС имеют право обращаться в Европейскую комиссию, чтобы сделать предложения, которые касаются всех стран Европейского союза. Такое нововведение было установлено 1 апреля 2012 года. Первая регистрация инициативы называлась «Братство 2020» и была подана 9 мая (в День Европы) [1].

Возможность гражданской инициативы законодательно закрепляется в пункте 4 статьи 11 Договора о Европейском союзе («Граждане Союза в количестве не менее одного миллиона человек, принадлежащие к гражданству значительного числа государств-членов, могут выступить с инициативой пригласить Европейскую комиссию в рамках ее полномочий внести соответствующее предложение по вопросам, в отношении которых, по мнению этих граждан, необходимо издание правового акта Союза в целях применения Договоров») и в абзаце 1 статьи 24 Договора о функционировании Европейского союза («Европейский парламент и Совет, постановляя посредством регламентов в соответствии с обычной законодательной процедурой, устанавливают положения относительно процедур и условий, требуемых для представления гражданской инициативы в значении статьи 11 Договора о Европейском Союзе, включая минимальное число государств-членов, откуда должны происходить граждане, которые выступают с такой инициативой») [3,4]. Обе статьи были введены в качестве поправок Лиссабонским договором.

Для реализации подачи предложения в Европейскую комиссию нужно пройти несколько этапов.

1. Необходимо создать специальный гражданский комитет, в который будут входить 7 человек – представителей 7 стран ЕС. Данные представители должны обладать правом голоса избираться на выборах в Европейский парламент.

2. Нужно зарегистрировать предложение на специальном сайте на любом из 23 официальных языков Союза. Европейская комиссия проверяет получившее предложение на правильность, нахождение в нём европейских ценностей. Если претензий у комиссии нет, то предложение публикуется на сайте.

3. После публикации необходимо собрать 1 млн подписей не менее с 7 стран-членов ЕС (можно в письменном виде или электронном). Подписи можно собирать не дольше, чем за 1 год.

4. Собранные подписи проверяются национальными правительствами стран в течение 3 месяцев.

5. Подписи направляются в Европейскую комиссию. Обязательно должны быть указаны данные о поддержке и финансировании продвижения инициативы.

6. Предложение инициативы слушается на комитете Европейской комиссии и на слушаниях Европейского парламента.

7. Европейская комиссия принимает решение о дальнейшем действии или бездействии в связи с инициативой в течение 3 месяцев. Независимо от сделанного решения, свой ответ она должна опубликовать на сайте и дать пояснения на всех официальных языках стран ЕС [5].

21 марта 2013 года «Вода — право человека!» стала первой инициативой, набравшей более миллиона подписей, и достигла необходимой квоты в 7 странах 7 мая. 7 сентября сбор подписей был остановлен, общее их количество составило более 1,8 миллиона. Инициатива была направлена в Комиссию в декабре, а слушания в Европарламенте назначены на 17 февраля 2014 [1].

На июнь 2019 года 16 инициатив имеют право собирать подписи в свою поддержку, одни из них следующие:

- «Гражданская инициатива за национальные регионы»;
- «Покончить с эпохой клеток»;
- «Постоянное гражданство Европейского союза»;
- «Жильё для всех»;
- «Прекратить освобождение авиационного топлива в Европе от налога» [2].

Введение данного института изменило положение граждан ЕС и даже изменило их мысли на европейскую политику. Граждане впервые получили возможность принимать участие в данной деятельности. Сейчас данный институт достаточно развит и урегулирован. Институт «Европейской гражданской инициативы» является хорошим примером реализации свободного выражения мнения – ст. 10 Европейской конвенции по правам человека [6].

Республика Беларусь должна последовать хорошему примеру Европейского Союза для того, чтобы грамотно и в соответствии с последними тенденциями реализовывать права и свободы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейская гражданская инициатива [Электронный ресурс] // HowlingPixel.com. – Режим доступа: <https://howlingpixel.com/i-ru>. – Дата доступа: 17.09.2019 г.
2. Европейская гражданская инициатива [Электронный ресурс] // Wiki2.com. – Режим доступа: <https://wiki2.org/ru>. – Дата доступа: 17.09.2019 г.
3. Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс] : [заключён в г. Маастрихт 07.02.1992 г.] // Право Европейского Союза. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>. – Дата доступа: 17.09.2019 г.
4. Договор о функционировании Европейского Союза [Электронный ресурс] : [заключён в г. Риме 25.03.1957 г.] // Право Европейского Союза. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>. – Дата доступа: 17.09.2019 г.
5. Basic facts [Электронный ресурс] // The European citizens' initiatives. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/basic-facts>. – Дата доступа: 17.09.2019 г.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

УДК 347

**СУЩНОСТЬ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА
О МАТЕРИНСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Д.А. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В настоящей статье анализируется сущность самостоятельности женщины в решении вопроса о материнстве. Рассматриваются особенности применения такого права, акцентируется внимание на наличие социальных показаний для искусственного прерывания беременности. Раскрываются элементы права самостоятельного решения о проведении аборта, а также роль отца в принятии такого решения.

Согласно ч. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» каждой женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве [2]. То есть право принятия решения о деторождении должно оставаться за женщиной, а не за правительством или политиками её страны. В основном женщина сама принимает решение о судьбе своего будущего ребенка. Такой порядок обусловлен тем, что женщина тратит гораздо больше физических и моральных сил на воспитание ребенка, ребенок является частью ее организма в период беременности. Мужчина в реализации данного права не участвует, что, на наш взгляд является ошибкой. В зачатии участвует двое, почему вдруг вся мера ответственности перекладывается на женщину.

Согласно положениям Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», под самостоятельностью решения вопроса о материнстве подразумевается следующее:

1. Право на сохранение беременности;
2. Право на искусственное прерывание беременности.

Право на искусственное прерывание беременности представляет собой довольно жесткие требования, обеспечивающие ее максимально возможную безопасность. В соответствии со ст. 65 данного Закона незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Республики Беларусь, впрочем, как и за иное другое нарушение данного закона. К примеру, в Российской Федерации в ст. 56 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо указано, что незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации, что прямо делает отсылку на УК Российской Федерации. Тем самым делается акцент на разграничении в РФ степень тяжести последствий при незаконном проведении искусственного прерывания беременности. Касаемо Республики Беларусь, следует отметить, что в нашем законодательстве предусмотрена только уголовная ответственность.

Предполагается, что ст. ст. 27, 65 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» корреспондирует ст. 156 УК Республики Беларусь «Незаконное производство аборта» [6]. Однако сразу заметна несогласованность названных норм – уголовное законодательство, в названии статьи, оперирует понятием «производство аборта», в то время как законодательство в сфере охраны здоровья граждан говорит об искусственном прерывании беременности. Согласно законодательству Республики Беларусь, абортom признается искусственное прерывание беременности на сроке беременности не более 12 недель. Если беременность прекращается позже, то речь идет не об аборте, а об искусственном прерывании беременности, из чего следует, что абортom признается только искусственное прерывание беременности на сроке не более 12 недель.

Таким образом, применение термина «аборт» ко всем случаям искусственного прерывания беременности независимо от ее срока является неточным. В связи с этим полагаем, что в уголовном кодексе должна быть установлена уголовная ответственность именно за незаконное проведение искусственного прерывания беременности, а не за незаконное производство аборта, что установит согласованность между регулятивными и охранительными нормами в данной сфере. В связи с этим предлагаем внести изменения в название статьи 156 УК Республики Беларусь «незаконное производство аборта» на «незаконное проведение искусственного прерывания беременности».

Требования к проведению искусственного прерывания беременности сформулированы в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении»; Постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь 10 декабря 2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства

здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь» от 9 ноября 2007 г. № 105; Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 11 января 2013 г. № 23 «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь» от 23 октября 2008 г. № 1580; Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 07.02.2007 №15 "Об утверждении Инструкции о порядке проведения искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 60".

В соответствии с абз. 3 ст. 27 Республики Беларусь «О здравоохранении» искусственное прерывание беременности проводится с согласия женщины при сроке беременности не более 12 недель [2].

При наличии социальных показаний, которые определяются Правительством Республики Беларусь, беременность может быть прервана на более поздних сроках – до 22 недель [3]. С 2013 года их число сократили до двух:

1. Наличие решения суда о лишении родительских прав.
2. Беременность, наступившая в результате изнасилования.

Следует отметить, что в Российской Федерации в настоящее время осталось лишь одно социальное противопоказание к искусственному пребыванию беременности – беременность, наступившая в результате изнасилования. На наш взгляд это является наиболее верной позицией. Наш подход основан на том, что лишение родительских прав предполагает отмену судебного решения в будущем при условии выполнения требований законодательства. А в данном случае законодательство Республики Беларусь констатирует факт, что это уже необратимый статус. На основании этого предлагаем внести изменения в Постановление Совета Министров от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об определении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признанием утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902». Таким образом, предлагаем изложить норму в следующей редакции:

Социальное показание для искусственного прерывания беременности: беременность, наступившая в результате изнасилования.

Современное общество уже прошло огромный путь в своем развитии и продолжает эволюционировать. Забота о жизни и здоровье – одна из основных забот государства. В современном мире политика государств и законодательство в области аборта сильно варьируются – от полного запрета до разрешения (с разного рода ограничениями). Законодательство Республики Беларусь об абортах можно считать одним из наиболее либеральных. Важно отметить мировую тенденцию либерализации законодательства, поскольку опыт большинства стран показывает, что ограничительное законодательство не снижает числа абортов. Легализация аборта важна и потому, что в этом случае государство берет на себя ответственность за обеспечение безопасного аборта и его профилактику. Однако к данной теме остается много вопросов, одним из наиболее важным: «Является аборт преступлением или же это право выбора?» [5, с.22].

Однако на настоящем этапе рассмотрения немаловажной проблемы, мы предлагаем следующие меры по усовершенствованию данного института:

1. Устранить коллизию в Белорусском законодательстве путем изменения в Уголовном Кодексе РБ название статьи 156 «незаконное производство аборта» на «незаконное проведение искусственного прерывания беременности».

2. Исключить из установленного перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности «наличие решение суда о лишение родительских прав».

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 января 2013 г., № 1580 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., 2435-ХП : с изм., внес. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10.07.2012 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Об определении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 октября 2008 г., № 1580: с изм. и доп. от 11 янв. 2013 г. № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 нояб. 2007 г. № 105 [Электронный ресурс]: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Салагай, О. О. Правовые подходы Совета Европы к регулированию вопросов прерывания беременности / О. О. Салагай // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 21–24.
6. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июл. 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

УДК 347

**СОСТАВЫ «МЕДИЦИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Д.А. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

Статья посвящена одной из самых актуальных проблем уголовного права – уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные преступления. Рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности. Раскрываются составы «медицинских преступлений» как основание для привлечения к уголовной ответственности. Используя сравнительные метод опыта зарубежных стран, предлагаются меры по усовершенствованию уголовного законодательства.

Изучив нормы УК Республики Беларусь можно выделить следующие нормы, предусматривающие уголовную ответственность, где субъектом преступления является медицинский работник:

- 1) ст. 156 Незаконное производство аборта;
- 2) ст. 161 Неоказание медицинской помощи больному лицу;
- 3) ст. 162 Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником;
- 4) ст. 178 Разглашение врачебной тайны;
- 5) ст. 335. Незаконное врачевание.

С учетом изучения истории развития уголовной ответственности медицинского работника, а также опыта зарубежных стран, рассмотрим некоторые из них в отдельности:

В наше время особое место из состава насильственных преступлений занимает незаконное производство аборта, которое классифицируется по ст. 156 УК Республики Беларусь. Незаконное производство аборта является очень актуальной темой ввиду того, что оно производится без соблюдения каких-либо правил, которые установлены органами здравоохранения, и чаще всего является причиной значимых неблагоприятных последствий для женского здоровья. В рассмотрении данной проблемы учитывается демографический спад в нашем государстве. Ст. 156 УК стоит на страже защиты здоровья женщины, как отдельного индивидуума, так и элемента всего здоровья нации.

По желанию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя, может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт) при сроке беременности не более 12 недель. При наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения. При наличии социальных показаний и желания женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения. Перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности определяется Советом Министров Республики Беларусь [2].

При отсутствии этих оснований произведенный аборт является незаконным и должен повлечь уголовную ответственность. Производство аборта признается незаконным и в том случае, если оно совершено вне специализированного отделения медицинского учреждения.

Исходя из ст. 156 УК незаконное производство аборта врачом, имеющим высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», наказывается штрафом или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [4].

Производство аборта лицом, не имеющим высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», наказывается арестом или ограничением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть женщины либо причинение тяжкого телесного повреждения, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения [4].

Таким образом, в Республике Беларусь наказания за незаконное производство аборта не являются достаточно жесткими по сравнению с другими странами. К слову отметим, что практика отдельных зарубежных стран пошла по пути ужесточения. Например, в Болгарии за совершение аналогичного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы до пяти лет. Если виновный, не имея выс-

шего медицинского образования, умертвил плод у двух или более женщин, наказание — лишение свободы до восьми лет. Если умерщвление плода совершено без согласия беременной, наказание — лишение свободы от трех до восьми лет. Если в последнем случае последовала смерть беременной, наказание — лишение свободы от пяти до двенадцати лет.

Что касается совершения аборт, мы считаем положительным опыт Испании, где предусмотрена уголовная ответственность за производство аборт с согласия женщины, но полученного путем насилия, угроз или обмана.

Согласие женщины на производство аборт будет добровольным только в том случае, если в процессе принятия решения на нее не оказывалось принуждающего влияния. Формы принуждения, оказываемого при принятии решения, могут быть различными. В соответствии с действующим уголовным законодательством, лицо, принуждающее женщину к производству аборт, может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае, если принуждение сопряжено с угрозой применения насилия к ней или ее близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо с угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц [4].

Учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборт, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборт, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья».

В действующем УК Республики Беларусь данное деяние не криминализовано, хотя на практике, как мы считаем оно имеет место быть, например, в частной клинике, где кроме оказания медицинской помощи, важную роль имеет и материальная выгода, в связи с чем медицинский работник такого учреждения может пойти на обман, угрозы и иные ухищрения в целях получения прибыли. Таким образом, считаем, что под незаконным производством аборт следует считать не только тот аборт, который совершен вне лечебного учреждения или в амбулаторных условиях методом вакуум аспирации, но и в случае, если согласие на его совершение женщина дала под влиянием насилия, угрозы или обмана со стороны медицинского работника.

В Республике Беларусь просматривается ежегодное увеличение производства аборт, что негативно сказывается на уровне рождаемости. Каким-либо образом повлиять на данную динамику при помощи правового воздействия мы считаем невозможно, так как в случае введения ограничений на совершение аборт это может негативно сказаться на росте совершения преступления, предусмотренного ст. 140 УК Республики Беларусь (убийство матерью новорожденного ребенка). Этот вопрос необходимо рассматривать исключительно как социальную проблему общества, а не правовую.

Примером еще одного состава медицинского преступления является ст. 178 Разглашение врачебной тайны.

Какие-либо сведения, составляющие врачебную тайну, могут стать известны не только медицинскому работнику при выполнении им своих обязанностей, но и обычному гражданину. Например, при посещении врача, пациент может увидеть на столе у врача медицинскую карту другого гражданина, и иные документы, в которых может быть указан диагноз его заболевания и иные сведения, составляющие врачебную тайну, считаем, что данное лицо, в случае разглашения, ставших ему известных сведений, тоже должно подлежать уголовной ответственности.

Так как УК Республики Беларусь выделяет врачебную тайну как отдельный объект преступного посягательства, считаем, что ответственности должны подлежать лица, не только работающие в данной сфере, но и иные лица на общих основаниях, например, как в ст. 511-10, 511-23 УК Франции, ст. 272 УК Голландии. Что касается медицинских работников, то они должны нести повышенную ответственность за разглашение врачебной тайны по сравнению с обычными гражданами.

Таким образом, предлагаем внести в ст. 178 УК Республики Беларусь изменения, изложить её в следующей редакции:

«Умышленное разглашение сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования лицом, не являющимся медицинским, фармацевтическим или иным работником здравоохранения (разглашение врачебной тайны), - наказывается штрафом».

Стоит отметить, что в ст. 178 УК Республики Беларусь предусматривается уголовная ответственность за разглашение врачебной тайны. По данной статье ответственности подлежат медицинские, фармацевтические или иные работники без профессиональной или служебной необходимости сведений о наличии заболевания. После увольнения, данным должностным лицам могут быть известны сведения, составляющие врачебную тайну. Каких-либо гарантий, дающих основание полагать, что они будут хра-

нить данные сведения в тайне нет, и в случае разглашения ими сведений, составляющих врачебную тайну, они к ответственности по ст. 178 УК привлечены не будут, так как уже не являются должностными лицами, и не могут быть субъектами данного преступления. На основании изложенного, мы считаем положительным опыт Швейцарии, где уголовный кодекс предусматривает специальную ответственность, за разглашение врачебной тайны после прекращения профессиональной деятельности или обучения.

Последний из рассматриваемых составов - ст. 335 «Незаконное врачевание».

Согласно ст. 335 УК Республики Беларусь, ответственности подлежат лица, занимающиеся врачеванием или фармацевтической деятельностью как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования или без надлежащего разрешения, повлекшего по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения. Таким образом, для того, что бы привлечь к ответственности лицо, занимающееся незаконным врачеванием необходимо наступление последствий. В случае выявления данного факта, но без наступления последствий, уголовной ответственности данное лицо подвергнуто не будет. Считаем, что необходимо внести изменения в редакцию в ст. 335 УК Республики Беларусь, которая будет выглядеть следующим образом:

Занятие врачеванием или фармацевтической деятельностью как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования или без надлежащего разрешения (незаконное врачевание).

Данная статья будет иметь превентивную направленность и позволит избежать причинения вреда здоровью в результате незаконного врачевания. Введение данной статьи позволит защитить здоровье населения, как наиболее важный объект общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Наступление каких-либо последствий считаем относить к квалифицированным признакам данного преступления.

Таки образом, предлагаем следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства

1. Введение ответственности за принуждение к свершению аборта, как медицинского работника, так и иного физического лица. Так как считаем относить репродуктивное здоровье женщины, в качестве отдельного (особого) объекта посягательства;

2. Повысить ответственность за незаконное производство аборта;

3. Введение ответственности за разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, физическим лицом, в целях полного пресечения возможности её распространения, под угрозой уголовной ответственности;

4. Установление дополнительной ответственности, за разглашение сведений, составляющую врачебную тайну, после прекращения профессиональной деятельности или обучения;

5. Дополнить УК Республики Беларусь нормой, предусматривающей ответственность за незаконное врачевание, до наступления последствий, повлекших причинение вреда здоровью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., 2435-ХП : с изм., внес. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10.07.2012 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Об определении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 октября 2008 г., № 1580: с изм. и доп. от 11 янв. 2013 г. № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 нояб. 2007 г. № 105 [Электронный ресурс]: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июл. 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

УДК 347

ПОНЯТИЕ «МЕДИЦИНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»**Д.А. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В настоящей статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности. Раскрываются понятие и проблемные вопросы понятия «медицинского преступления». Обращается внимание на характерные особенности данного термина. А так же выявляются проблемные аспекты белорусского законодательства.

Граждане обладают правом на частную собственность, на труд, на отдых, на образование, а также неотъемлемым правом на медицинскую помощь. Защищая права граждан, государство налагает на членов общества правовую ответственность в отношении их профессиональной деятельности. Одной из наиболее действующих гарантий конституционного права на охрану здоровья являются меры уголовно-правового воздействия. Это подтверждает ст. 3 Закона «О здравоохранении» где одним из основных принципов охраны жизни и здоровья человека является принцип ответственности, в том числе и уголовной [1].

В ст. 10 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, под основание уголовной ответственности подразумевается совершение виновно запрещенного Уголовным Кодексом деяния в виде [2]:

- 1) оконченного преступления;
- 2) приготовления к совершению преступления;
- 3) покушения на совершение преступления;
- 4) соучастия в совершении преступления.

Согласно ч.1 ст.11 Уголовного Кодекса «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания» [2]. Для конкретизации необходимо определить особенности медицинского преступления:

1. Основной целью деятельности медицинских работников является спасение жизни человека и(или) улучшении его здоровья, то вполне очевидно, что преступность деяния сопряженно с исполнением профессиональных обязанностей, то есть оказанием ими медицинской помощи. Одна из основных особенностей данных преступлений заключается в субъектном составе. Для применения норм Уголовного законодательства важно определить субъект, то есть лицо, несущее ответственность за совершения деяния. В составах «медицинских преступлений» субъектом выступает медицинский работник. Согласно п.16 ст.1 Закона «О здравоохранении», медицинский работник – это физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное медицинское образование, подтвержденное документом об образовании, и в установленном законодательством Республики Беларусь порядке занимающееся деятельностью, связанной с организацией и оказанием медицинской помощи, обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения, проведением медицинских экспертиз [1]. Из данного понятия мы понимаем, что субъектный статус определяется социальной сущностью профессиональной и служебной деятельности медицинских работников. Это выражается в непосредственном оказании медицинской помощи либо в организации медицинской помощи.

Обратим ваше внимание, что в Уголовном законодательстве Республики Беларусь употребляются два термина по определению потерпевшего, пострадавшего от преступлений со стороны медицинского работника, такие как «пациент» и «больное лицо». В п. 18 ст. 3 Закона «О здравоохранении» под пациентом полагается понимать физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь [1]. Определение термина «больное лицо» в белорусском законодательстве отсутствует, не смотря на то, что данный термин употребляется в ст. 161 УК Республики Беларусь. На наш взгляд термины «пациент» и «больное лицо» имеют разное содержание, и применение аналогии закона, то есть установление равенства между данными понятиями недопустимо. На наш взгляд, применительно к ст. 161 УК Республики Беларусь «больным лицом» является лицо, которому необходима медицинская помощь, но при этом в силу каких-либо объективных обстоятельств, оно не сообщило или не может сообщить о необходимости оказания ему медицинской помощи, и при этом медицинскому работнику известно о том, что лицу необходима медицинская помощь, но при отсутствии к этому уважительных причин медицинский работник её не оказывает.

2. Особенностью в сфере взаимоотношений между врачами и пациентами является, то что они не всегда основываются на высокой нравственности. Порой здравоохранение воспринимается как отрасль обслуживания. Нередки случаи злоупотребления доступностью медицинской помощи - это ложные вызовы скорой помощи, необоснованные вызовы участковых врачей на дом и т.п. Особая связь медицины с правом и особая значимость и ценность содержится во взаимоотношениях пациентов и врачей, их правах, обязанностях, взаимных претензиях, проявляются в специфической медицинской проблеме, обозначаемой такими терминами, врачебная ошибка, несчастный случай, неблагоприятный исход.

3. Общественная опасность медицинских преступлений заключается в том, что в случае их совершения причиняется существенный ущерб общественным отношениям между человеком и государством. Нарушается конституционное право человека на оказание медицинской помощи, вследствие чего затрагивается наиболее охраняемый уголовным законом объект, такой как жизнь и здоровье человека. Вследствие совершения данных преступлений возникает недоверие между обществом и государственными органами в лице учреждений здравоохранения, что приносит существенный вред, охраняемым правам и законным интересам граждан [3].

4. Объективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется в том, что они могут совершаться путём действия, либо бездействием. Бездействие медицинского работника может выражаться, например, в неявке к больному по вызову, либо в отказе принять его в лечебное учреждение. Так же медицинские преступления могут выражаться в форме действия, например при ненадлежащем исполнении своих обязанностей.

На основании рассмотренных выше признаков под медицинским преступлением необходимо понимать профессиональное или профессионально-должностное деяние (действие или бездействие) медицинского работника, содержащее признаки какого-либо преступления, предусмотренного уголовным кодексом, представляющее общественную опасность и влекущее за собой уголовную ответственность. Данные преступления имеют не только особый субъектный состав, но и особенности определения потерпевшего лица, как указывалось выше это не толь «пациент», но и «больное лицо». Данные преступления всегда посягают на важнейший объект уголовно-правовой охраны, такой как жизнь и здоровье человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. О здравоохранении : Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 // Консультант-Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 (ред. от 13.12.2011 г. № 325-3) // Консультант-Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018;
3. Уголовное право. Общая часть: Учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. профиля : в 2-х ч. / В.А. Кuryakov. – Новополоцк : ПГУ, 2004. – Ч.1 – 416 с.

УДК 342

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО»,
«ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭТИКА» И «ДЕПУТАТСКАЯ ЭТИКА»****В.А. ХВАЩЕВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается соотношение понятий «этика государственного служащего», «парламентская этика», «этика депутатской деятельности»; обосновывается необходимость соблюдения этических норм государственными служащими по причине занятия ими государственной должности и обладания особым правовым статусом

Вопрос о рамках допустимого поведения государственных служащих при осуществлении ими своих полномочий и об ответственности за несоблюдение этих рамок является актуальной проблемой. Поскольку государственные служащие обладают неприкосновенностью, это создаёт определённые трудности в привлечении их к ответственности в целом и, особенно, ответственности за нарушение этических норм. Соответственно, не исключается возможность нарушения этических правил поведения.

Именно соответствие нормам этики является фундаментальной основой эффективного функционирования государственных органов.

Рассмотрим понятие «этика государственного служащего», под которым понимается система норм поведения, порядок действий и правил, взаимоотношений и принципов в государственно-служебных отношениях, которые представляют собой совокупность наиболее пригодных, глубоко осознанных и конкретизированных, принадлежащих данному обществу и являются нормами общечеловеческой морали [1, с. 127]. Исходя из этого, можно выделить признаки этики государственных служащих, к числу которых относятся:

1. Этика – это система правил поведения, правовых норм;
2. Нормы права регулируют особую сферу правовых отношений – государственно-служебную. Государственно-служебные правоотношения – это особые правовые отношения, определяющие статус государственных служащих, они являются государственно-правовыми, то есть в большей степени регулируются нормами административного права [2].

3. Важно отметить, что этика государственной службы тесно связана с социальной структурой конкретного общества и определяется ею. Не только этика государственных служащих, но и этика в классическом своём понимании, не является универсальным понятием в пространстве и времени. Нельзя говорить о том, что те правила поведения, которые характерны для одной конкретной страны, будут уместны для соблюдения во всех государствах. Также нельзя говорить и о том, что нормы, которые приняты в конкретном государстве в данный момент будут характерны для того же государства спустя большой промежуток времени. Поэтому стоит указать и тот факт, что установление правил поведения, которым должны следовать государственные служащие, является очень индивидуальным процессом для каждой страны в данный конкретный период времени.

Говоря о государственных служащих, необходимо выделить такую категорию, как парламентарии – члены представительного и законодательного органа государственной власти. Также следует дать определение этике парламентариев. Парламентская этика – вид профессиональной этики, регулирующий отношения, возникающие в ходе законотворческой и иной парламентской деятельности, а также внепарламентской деятельности, связанной с исполнением функций народного представительства [3, с. 78].

Исходя из определения, можно сделать вывод о том, что оно относится лишь к депутатам Палаты представителей и членам Совета Республики. Соответственно это такой вид этики, который должен соблюдаться парламентариями непосредственно при осуществлении своих полномочий в Парламенте Республики Беларусь. Именно к данной категории государственных служащих предъявляются наиболее строгие требования в области соблюдения этических норм, что связано с публичным характером их деятельности и высокой степенью ответственности перед избирателями. Имеет большое значение и тот факт, что парламентская этика не ограничивается одними правилами морального поведения непосредственно, хотя и их важностью нельзя пренебрегать. Этические нормы должны соблюдаться депутатами и при осуществлении ими своих полномочий посредством принятия и одобрения законопроектов. Так как важно, чтобы данные законопроекты не только соответствовали Конституции и иным нормативным правовым актам, но и моральным нормам, приемлемым для общества.

Как показывает опыт развитых демократических стран (Великобритании, США и Канады), именно проблемы коррупции и неэтичного поведения понижают уровень доверия общества к парламенту [4, с. 67].

Схожим, но не равнозначным, является определение «этики депутатской деятельности». Этика депутатской деятельности – это вид профессиональной этики, подразумевающий наличие конкретных норм и требований, которые предъявляются в отношении депутатов. Данный вид этики регулирует отношения не только между парламентариями, но и между депутатами местных Советов. Профессор МГУ Сурен Адибекович Авакьян, в своей работе: «Депутат: статус и деятельность» впервые сформулировал постулат, в котором выразил, что: «Депутатская этика, как и к любому гражданину, предъявляет требование следования закону, морали, совести к каждому депутату. Вместе с тем эти требования можно считать повышенными по отношению к депутату, так как он должен стремиться к идеалу гражданина и патриота страны» [5, с. 73].

Правила этики депутатской деятельности можно классифицировать на:

1) правила поведения внутри представительного органа, внутриорганизационные, междепутатские отношения;

2) правила поведения в сфере взаимоотношений депутата и избирателей.

Исходя из вышеперечисленных определений, можно сделать вывод об их соотношении. Наиболее широким понятием является «этика государственного служащего». Оно охватывает все государственные должности. Более узкое понятие – «этика депутатской деятельности». Данные нормы обязательны для соблюдения, как депутатами Парламента, так и депутатами местных Советов. Самым специализированным понятием является «парламентская этика». Оно распространяется лишь на отношения, вытекающие из законотворческой и иной деятельности высшего представительного органа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оболенский, В.Ю. Государственная служба : учеб. пособие / В.Ю. Оболенский. – М : Финансы и статистика, 2003 г. – 344 с.
2. Государственно-служебные отношения в системе государственной службы // Экономическая переводная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econbooks.ru/books/part/17418>. – Дата доступа: 10.09.2019.
3. Принципы и нормы современной парламентской этики // МегаОбучалка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megaobuchalka.ru/4/37456.html>. – Дата доступа: 06.09.2019.
4. Назарова, Ю.В. Этическая культура современного парламентаризма / Ю.В. Назарова // Научные ведомости. Сер. Философия, Социология, Право. – 2013. – №26. – С. 238–244.
5. Авакьян, С.А. Депутат: статус и деятельность / С.А. Авакьян. – Москва: Политиздат, 1991. – 288 с.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЭТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****В.А. ХВАЩЕВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье описывается способ закрепления правил парламентской этики в Республике Беларусь. Анализируются некоторые существующие положения, и делается вывод об эффективности действующего правового регулирования.

Поскольку во всём мире актуальным является вопрос о рамках допустимого поведения депутатов – членов выборного представительного и законодательного органа, соответственно он нуждается в регулировании и в Республике Беларусь.

В настоящий момент парламентская этика в Республике Беларусь регулируется регламентами обеих палат Национального собрания, а именно Палаты представителей и Совета Республики.

Оба регламента содержат целую главу, посвящённую правилам депутатской этики.

В Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 38 глава имеет название «Правила депутатской этики в Палате представителей». Она состоит из 14 статей (257 – 270), которые содержат в себе как общие, так и некоторые конкретизированные требования, предъявляемые в отношении депутатов.

К общим правилам поведения депутатов, при осуществлении ими своих полномочий, можно отнести 257-ую статью, в которой указывается: «Депутат Палаты представителей является полномочным представителем народа в представительном и законодательном органе государственной власти Республики Беларусь. Он обязан строго соблюдать законодательство Республики Беларусь, поступать соответственно своему сознанию и совести» [1]. Понятия «сознания» и «совести» не являются чёткими и конкретными, каждый депутат может вкладывать в них свой смысл, что влечёт не единообразное соблюдение данного правила.

Равным образом к общим правилам поведения можно отнести и статью 258, в которой сказано: «Добросовестное выполнение депутатом Палаты представителей поручений Палаты представителей, ее органов, Председателя Палаты представителей и его заместителя является его обязанностью» [1]. Формулировка «добросовестное выполнение» также не даёт точных указаний действия.

Примером конкретных требований в отношении депутатов Палаты представителей является статья 259, устанавливающая следующее: «Обращаясь к председательствующему на заседании, докладчику или оппоненту, депутат Палаты представителей должен представиться. Депутаты Палаты представителей на заседаниях придерживаются официального обращения как друг к другу, так и ко всем лицам, участвующим в работе Палаты представителей и ее органов или приглашенным в качестве гостей. При обращении друг к другу, а также к иным лицам, участвующим в работе Палаты представителей и ее органов или приглашенным в качестве гостей, депутатам Палаты представителей рекомендуется начинать обращение со слов, подчеркивающих уважительное отношение» [1]. В данной статье регламента детализируются правила общения и обращения депутатов с коллегами, а также иными лицами, участвующими в качестве гостей на заседании.

В качестве ещё одного примера можно привести статью 262, в которой излагается: «Депутат Палаты представителей, выступая в средствах массовой информации, на пресс-конференциях, митингах, собраниях, комментируя деятельность государственных и общественных органов и организаций, должностных лиц и граждан, обязан использовать только достоверные и проверенные факты. При этом депутат Палаты представителей должен, как правило, ссылаться на источник сообщаемой им информации» [1]. В настоящей статье указано конкретное правило, которому должны следовать депутаты при выступлении в СМИ.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных в настоящем регламенте обязанностей влечёт применение к депутату соответствующих мер воздействия, которые указаны в завершающей статье 38 главы, а именно в статье 270. В ней также указано, что вопросы депутатской этики относятся к ведению постоянной комиссии, которая рассматривает обращения депутатов Палаты представителей, граждан и юридических лиц о фактах нарушения депутатами правил этики. Комиссия рассматривает обращения и передаёт их Председателю Палаты представителей для применения соответствующих мер воздействия.

К мерам воздействия за несоблюдение правил этики относится:

1. Обязанность принести извинения;
2. Объявление общественного порицания;
3. Информирование избирателей о нарушении депутатом Палаты представителей правил депутатской этики.

Регламент Совета Республики Национального собрания имеет 9-ый раздел, который называется «Парламентская этика». Он также включает в себя 14 статей (232 – 245). Регламент Совета Республики имеет схожие с Регламентом Палаты представителей положения. Примером конкретного правила поведения является статья 335, которая содержит следующее: «Член Совета Республики обязан присутствовать на заседаниях и участвовать в работе Совета Республики и его органов, в состав которых он избран или входит по должности» [2]. В статье указано, что сведения об отсутствии члена Совета Республики на заседаниях Совета Республики без уважительных причин передаются секретариатом сессии Совета Республики в постоянную комиссию Совета Республики, в состав которой входит данный член Совета Республики, а далее передаются Председателю Совета Республики для принятия соответствующего решения.

Меры воздействия содержатся в 344-ой статье, к ним относится:

1. Обязанность принести извинения;
2. Объявление общественного порицания;
3. Информирование орган, избравший или должностное лицо, назначившее члена Совета Республики, о нарушении им парламентской этики.

Подводя итоги, можно сказать о том, что в Республики Беларусь существует действующее регулирование парламентской этики. Регламенты Палаты представителей и Совета Республики содержат в себе основные этические требования, предъявляемые в отношении депутатов. Однако можно выделить то, что они являются недостаточно конкретизированными и точными, некоторые формулировки влекут не единообразное соблюдение положений. Поэтому справедливым является утверждение, что существующее регулирование не должно останавливаться на достигнутом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, 18 дек. 2015 г., № 707-П5/VIII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=N21500707>. — Дата доступа: 26.08.2019.
2. О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, 19 дек. 2008 г., № 57-СР4/I // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=L20800057>. — Дата доступа: 26.08.2019.

УДК 342

**СПОСОБЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОРМ ЭТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****В.А. ХВАЩЕВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается вопрос регламентации этики государственных служащих в разных странах и способы её закрепления. Раскрываются некоторые положения об этике государственных служащих, содержащиеся в кодексах.

Вопрос о регламентации этики государственных служащих в разных странах решается достаточно многообразными способами, так как наличие определённых предписаний не свидетельствует о том, что они будут соблюдаться. Необходимо чёткое регулирование.

Для регулирования данных вопросов в ряде стран создаются специальные этические кодексы, в некоторых принимаются законы, ограничивающие полномочия государственных служащих в морально-этических аспектах.

В редких случаях правила этического поведения парламентариев закреплены в Конституции. Например, во второй главе Конституции Аргентины, которая называется «Новые права и гарантии», закреплено, что Конгресс примет закон о профессиональной этике государственных служащих [1]. Хотя в Конституции нет конкретных перечисленных норм и требований, предъявляемых в отношении государственных служащих, однако в ней сказано о необходимости принятия соответствующего закона.

В США для борьбы с коррупцией и укрепления нравственных устоев государственных служащих был разработан и принят 27 марта 1985 года «Этический кодекс Американского общества государственного управления». Он состоит из 12 пунктов, которые всесторонне регулируют деятельность государственных служащих и предписывают соблюдение ряда норм и обладание рядом качеств. К таким качествам можно отнести: честность, неподкупность, скромность, правдивость. Это необходимо для того, чтобы вызывать доверие у граждан к государственным институтам.

Кодекс обязывает государственных служащих не прикрывать свои личные цели под видом официальных обязанностей (единственная личная цель — получение заработной платы) и избегать интересов, которые будут противоречить обязанностям. В кодексе указано, что государственная собственность никогда не должна быть направлена на удовлетворение личных целей. Также он призывает уважать и защищать предоставленную специальную информацию. Так как большинство информации в государственных учреждениях является закрытой, то государственный служащий должен убедиться в том, что распространяя эту информацию, это является необходимым жестом. При общении с гражданами, кодекс предписывает относиться к ним с уважением, проявляя вежливость и внимание. Государственным служащим необходимо удостовериться, что их ответы на вопросы, связанные с государственной политикой, правдивы и полны. На вопросы абсолютно каждого гражданина должен даваться достоверный ответ. Задачей государственного служащего также можно считать вовлечение общественности в сотрудничество с властью. Кодекс призывает повышать уровень своего профессионализма, никогда не стоять на месте и своими действиями стимулировать совершенствование коллег. Далекое не маловажным является пункт в кодексе, который указывает, что находиться в курсе текущих событий и проблем — долг государственного служащего. Так как, только зная все детали и предпосылки надвигающихся проблем, можно быть ответственным и точным при осуществлении своей деятельности. В последнем 12 пункте указано, что необходимостью является соблюдать и отстаивать Конституцию страны и конституции штатов [2].

Однако данный кодекс не предусматривает ответственности, а соответственно и не исключаются факты нарушения установленных кодексом норм. Так как для чёткого функционирования кодекса необходимо остановить санкции за его несоблюдение.

В некоторых городских округах Российской Федерации утверждены кодексы этики депутата.

Рассмотрим на примере Кодекса этики Волгоградского городского Совета народных депутатов.

В кодексе более детально раскрываются правила поведения при работе с коллегами депутатами, с избирателями, с должностными лицами и средствами массовой информации.

Устанавливается, что депутат может использовать информацию, которая составляет государственную тайну, только в целях, связанных с осуществлением своих профессиональных полномочий. Также государственный служащий не может злоупотреблять своим статусом для личных целей. Депутат

не может уклоняться от дачи показаний по уголовным и гражданским делам. При выступлении для средств массовой информации и на публичных мероприятиях, комментируя деятельность государственных и общественных органов, депутаты должны руководствоваться только достоверной информацией. При выступлении они должны быть корректны и уважительны по отношению к гражданам и иным лицам [3].

Кодекс предписывает определённые финансовые требования, согласно которым, официально выделенные средства должны использоваться только по назначению. Депутат не вправе получать от государственных и общественных органов материальное вознаграждение за содействие принятию положительного решения по вопросам их интересов в городском Совете.

Рассмотрение вопросов, связанных с нарушением установленных этических норм, относится к компетенции Комитета по этике и регламенту. К полномочиям данного комитета относится рассмотрение фактов нарушения установленных норм, дача рекомендаций Совету по применению мер воздействия и самостоятельное применение таких мер, а также дача заключений в случаях неэтичного поведения депутатов.

В кодексе существует оговорка, что Комитет по этике не рассматривает вопросы, которые относятся к компетенции суда и прокуратуры. В сферу его полномочий входят лишь вопросы, которые касаются его поведения в трудовом коллективе и обществе в целом, которые расцениваются как нарушение этических норм.

Комитетом по этике могут быть применены следующие меры воздействия:

1. Необходимость принести публичные извинения.
2. Объявление депутату публичного порицания.
3. Оглашение на заседании городского Совета фактов, связанных с нарушением депутатом норм этики [3].

За несоблюдение норм устанавливаются не только моральные меры воздействия, но и дисциплинарные. Дисциплинарная ответственность наступает в случае систематических нарушений и представляет собой штрафные санкции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежная практика регулирования этики государственных служащих и депутатов в частности не стоит на месте. Очень важно поддерживать моральный статус государственных служащих среди граждан на высоком уровне и для регулирования данной проблемы этические нормы, предъявляемые к государственным служащим, закрепляются в разных формах.

Наиболее известные способы закрепления этических правил:

1. Наиболее частой практикой является закрепление моральных принципов, которым должны следовать государственные служащие, путём принятия специализированного этического кодекса. Не менее важной является необходимость устанавливать меры морального и дисциплинарного воздействия за несоблюдение существующих норм для их эффективного действия.
2. Путём закрепления правил этики в отдельной главе регламентов.
3. Путём разработки и принятия специального закона об этике.
4. Самый редкий способ, закрепление правил этики на уровне Конституции – Основного Закона государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=358>. — Дата доступа: 27.08.2019.
2. Этический кодекс Американского общества государственного управления // Pandia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pandia.ru/text/81/>. — Дата доступа: 27.08.2019.
3. Кодекс этики Волгоградского народного Совета депутатов [Электронный ресурс]: постановление Волгоградского народного Совета депутатов, 30 окт. 2002 г., №45/836 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/446500106>. — Дата доступа: 27.05.2019.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 340 (027)

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ**А.А. АВДЕЙЧИК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

В данной статье рассмотрено понятие, сущность, классификация, источники правового регулирования электронных образовательных ресурсов, их место и роль в современном обществе.

Современное общество не стоит на месте и постоянно в жизнь людей внедряются новые средства, облегчающие коммуникацию и доступ к знаниям, что упрощает жизнь человека. Все сферы деятельности человека претерпели огромные изменения.

Сравнительно недавно и в учебном процессе стали применяться новые технологии, которые на мой взгляд, помогают значительно облегчить путь к источникам знаний, обладающие такими характеристиками, как доступность, и быстрота получения информации. Цифровые образовательные ресурсы представляют собой совокупность данных в цифровом варианте, которые применяются для использования в учебном процессе. Цифровыми образовательными ресурсами называют так же учебные материалы, использование которых невозможно без участия электронных устройств. Наиболее популярными электронными устройствами для просмотра данного рода материалов являются компьютеры и смартфоны. Использование электронных ресурсов в сфере образования дает новые возможности для повышения эффективности учебного процесса. Цифровые образовательные ресурсы – быстрый и наглядный способ получения информации, упрощающие проверку знаний учащихся на практике с использованием различных форм контроля, таких как онлайн тестирование с участием различных программ (такая популярная программа для тестирования знаний как Айрен), а также контроля и оценки заданий, в работе со схемами, таблицами, графиками, условными обозначениями и т. д. Особенностью такого учебного процесса является самостоятельная деятельность учащихся, которая способствует активизации учебного процесса, а также наличию оперативной обратной связи, на основе которой возможна индивидуализация и дифференциация обучения. Внедрение новых форм обучения с использованием электронных образовательных ресурсов (далее – ЭОР) позволяют сделать образовательный процесс новым и на довольно качественном уровне.

ЭОР – совокупность средств программного, технического и организационного обеспечения, электронных изданий, размещаемая на машиночитаемых носителях и/или в сеть. Более простым языком, ЭОР это учебные материалы, для воспроизведения которых используются электронные устройства.

ЭОР можно разделить на три уровня:

Самые простые ЭОР – текстографические. Они отличаются от книг в основном формой предъявления текстов и иллюстраций: материал представляется на экране компьютера, а не на бумаге. Но его очень легко распечатать, т.е. перенести на бумагу.

ЭОР следующего уровня тоже текстографические, но имеют существенные отличия в навигации по тексту. Страницы книги мы читаем последовательно, осуществляя, таким образом, так называемую линейную навигацию. При этом довольно часто в учебном тексте встречаются термины или ссылки на другой раздел того же текста. В таких случаях книга не очень удобна: нужно разыскивать пояснения где-то в другом месте, листая множество страниц. В ЭОР же это можно сделать гораздо комфортнее: указать незнакомый термин и тут же получить его определение в небольшом дополнительном окне или мгновенно сменить содержимое экрана при указании так называемого ключевого слова (либо словосочетания). По существу, ключевое словосочетание - аналог строки знакомого всем книжного оглавления, но строка эта не вынесена на отдельную страницу (оглавления), а внедрена в основной текст. В данном случае навигация по тексту является нелинейной (вы просматриваете фрагменты текста в произвольном порядке, определяемом логической связностью и собственным желанием) [1].

Третий уровень ЭОР — это ресурсы, целиком состоящие из визуального или звукового фрагмента. Отличия от книги здесь очевидны: ни кино, ни анимация (мультфильм), ни звук в полиграфическом издании невозможны. Но, с другой стороны, стоит заметить, что такие ЭОР по существу не отличаются от аудио- и видео-продуктов, воспроизводимых на бытовом CD-плеере.

Различают такие виды цифровых образовательных ресурсов как:

- Электронная библиотека - распределенная информационно-образовательная система, позволяющая сохранить и эффективно использовать различные собрания электронных документов (электронные издания, содержащие произведения литературы, справочники и т.д.)
- Библиотека электронных наглядных пособий - пособие, в котором содержание передается при помощи набора мультимедиа компонентов, отображающих объекты, процессы, явления в данной предметной области.
- Электронная энциклопедия - пособие, содержащее сравнительно большое количество информации по различным направлениям, охватывающим конкретные области знаний. Такие пособия содержат различные иллюстрации, видео- и аудио- фрагменты и анимации.
- Репетиторы, тренажеры, практикумы - это такие учебно-методические комплексы, которые помогают учащимся самостоятельно подготовиться к занятиям, экзаменам, поставить объективную оценку своим знаниям, проверить свои знания на практике, что позволит здраво оценить свои возможности и силы по какой-либо теме.
- Мультимедийные учебники - это программно-методический комплекс, который дает возможность усвоить тему или ее часть с помощью компьютера, самостоятельно с помощью электронных носителей.
- Виртуальные лаборатории - это обучающий комплекс, который позволяет осуществлять предметные эксперименты.

К основным преимуществам ЭОР можно отнести:

- отсутствие содержательных и технических ограничений: полноценное использование новых педагогических инструментов (интерактива, мультимедиа, моделинга) сочетается с возможностью распространения в глобальных компьютерных сетях, в том числе узкополосных;
- модифицируемость контента: возможность расширять имеющую структуру, т.е. дополнять содержимое ОМС новой информацией;
- возможности построения авторского учебного курса преподавателем и создания индивидуальной образовательной траектории учащегося: благодаря наличию вариантов исполнения электронных учебных модулей в ОМС возможно выбрать их оптимальную с персональной точки зрения комбинацию для курса по предмету;
- неограниченный жизненный цикл системы: поскольку каждый учебный модуль автономен, а система открыта, ОМС является динамически расширяемым образовательным ресурсом, не требующим сколь-нибудь существенной переработки в целом при изменении содержательных или технических внешних условий [1].

Республикой Беларусь было подписано Соглашение о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе, которое утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 «Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе» [2]. Согласно части 1 статьи 4 данного соглашения, Стороны в рамках своей компетенции приняли на себя обязательство способствовать налаживанию контактов и связей в области изучения, публикации, в том числе в электронном формате, популяризации музейных предметов и коллекций, библиотечных и архивных фондов, объектов историко-культурного наследия, а также произведений современного искусства. Использование электронных образовательных ресурсов регулируется и другими нормативными правовыми актами, в частности, Законом Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. № 427-3 [3]. Важные положения содержатся в Постановлении Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О Положении о Координационном совете парламентских библиотек государств – участников СНГ» от 8 декабря 2000 г. № 65.

Электронные ресурсы, электронные библиотеки, в целом цифровое образовательное пространство позволяют закрепить, распространить и сохранить различные знания, а электронные средства в свою очередь, позволяют распространить эти знания среди студентов, обучающихся в университетах различных стран. В соответствии с проведенным исследованием можно сделать вывод о том, что электронные образовательные ресурсы используются достаточно часто и эффективно, являются популярным способом получения необходимой информации, что во многом обеспечивается интеграционными проектами в сфере образования и науки, а также действующим законодательством стран. Однако пробелы в правовом регулировании все же существуют, так как образовательные ресурсы очень актуальны и популярны среди различных категорий людей и не существует такого единого закона, который бы в полной мере охватывал все вопросы, касающиеся ЭОР. И, по моему мнению, появление такого закона обеспечит комплексное правовое регулирование ЭОР. И в заключение хочу сказать, что ЭОР являются новинкой среди

учащихся и просты в использовании и, по моему мнению, еще достаточно продолжительный период времени ЭОР по своим характеристикам будут опережать библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровые образовательные ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/2262486/informatika/tsifrovye_obrazovatelnye_resursy_seti_internet. – Дата доступа: 20.04.2019.
2. Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21300270&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 20.04.2019.
3. О средствах массовой информации правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. – Дата доступа: 20.04.2019.

УДК 340 (027)

**ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ)**

А.А. АВДЕЙЧИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

Рассматриваются вопросы, связанные с созданием электронных образовательных ресурсов, а также источники правового регулирования. Современное общество постоянно развивается и претерпевает огромные изменения на пути своего развития и в ситуации быстрого развития информационных технологий возникают дополнительные задачи, связанные с созданием электронных образовательных ресурсов, которые с каждым днем пользуются все большей популярностью среди студентов, благодаря простоте их использования. Анализируется действующее законодательство Республики Беларусь, которое регулирует отношения, возникающие в сфере создания электронных образовательных ресурсов. Осуществлен общий анализ развития общества и вместе с тем электронных образовательных ресурсов с целью выявления недостатков в действующем белорусском законодательстве.

Достаточно распространенной и весьма интересной является тема электронных образовательных ресурсов в контексте интеграционного взаимодействия в сфере образования и науки с участием Российской Федерации и Республики Беларусь, прежде всего, в рамках Союзного государства. Союзное государство представляет собой интеграционное объединение, сложившееся на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Важность этого союза изначально определялась необходимостью сохранения производственных цепочек и отлаженных связей между бывшими советскими республиками с целью дальнейшего укрепления и развития союзных отношений внутри независимых государств.

Сплочение России и Беларуси осуществляется по двум основным направлениям:

1. Разработка совместных проектов и программ с участием Беларуси и России;
2. Создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей равные права гражданам Союзного государства.

Граждане двух государств имеют равные права на получение образования в Союзном государстве, а документы об образовании государственного образца одной стороны признаются на территории другой стороны и дают право на осуществление профессиональной деятельности, что значительно облегчает жизнь гражданам стран-участниц Союзного государства в сфере образования и дальнейшего устройства на работу.

В рамках Союзного государства были воплощены такие образовательные проекты как олимпиада среди школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность», конкурс научно-технического творчества учащихся Союзного государства «Таланты XXI века», Туристский слет учащихся Союзного государства и другие.

Благоприятное осуществление интеграционного взаимодействия во многом обеспечивает цифровое образовательное пространство, с помощью которого становится возможным быстро и в полном объеме распространить информацию о проектах Союзного государства, обеспечить реализацию образовательных программ по различным направлениям. Но важен и тот факт, что с помощью ЭОР учащиеся могут получить все необходимые знания о России и Беларуси[1].

В некоторых учреждениях образования, как в Беларуси, так и в России, разработан порядок разработки и размещения электронных образовательных ресурсов. Электронные образовательные ресурсы в Беларуси должны соответствовать по содержанию регламентируемым Министерством образования Республики Беларусь нормативным требованиям, соответствовать требованиям к методическому и программному обеспечению, указанному в утвержденной образовательной программе, соответствовать основным дидактическим принципам (научность, доступность, наглядность и т. д.), обладать логичностью и последовательностью в изложении учебного материала для учащихся и организации учебной деятельности, содержать эффективные и различные формы и методы самооценки учащегося и контроля учебных знаний, чтобы выявить уровень знаний каждого (промежуточного, итогового контроля знаний, например в форме онлайн- тестирования по пройденным темам).

Кроме того, в университетах России и Беларуси широкое распространение получили такие цифровые образовательные ресурсы как Moodle, Classroom, Kahoot и прочие. Весьма популярным сервисом среди преподавателей для создания тестов, викторин, опросов является Kahoot, который уже использует-

ся во многих учреждениях образования для проверки знаний учащихся. Так, например, Classroom позволяет преподавателям создавать так называемые «классы» для студентов по различным предметам, где преподаватели могут размещать задания различных видов, а также устанавливать сроки их выполнения, размещать лекции для самостоятельной подготовки студентов к практическому занятию. В частности, белорусские студенты, обучающиеся по специальности «Правоведение», имеют прекрасную возможность изучить правовой опыт Российской Федерации, в том числе на предмет правового заимствования. Кроме того, научные библиотеки Беларуси предоставляют студентам возможность бесплатного тестового доступа к электронным образовательным ресурсам, относящимся к российскому сегменту сети Интернет в рамках сотрудничества с российскими научными издательствами.

Основным принципом функционирования ЭОР является разделение образовательного контента на модули по тематическим элементам и компонентам учебного процесса. Под образовательным контентом мы понимаем структурированное предметное содержание обучения, информационно значимое наполнение ЭОР. Иностранный язык является уникальным учебным предметом, ЭОР по которому может включать в себя:

- текстовую информацию (учебные, адаптированные или аутентичные тексты, лекции и т.д.);
- аудиофайлы для научения произношению и интонации, развития умения аудирования, ознакомления с культурой стран изучаемого языка;
- мультимедийные материалы, в которых информация может быть представлена автором ресурса или заимствована из других источников (например, фильмы);
- графическую информацию (произведения живописи, фотографии, рисунки, карты, схемы, графики и т.п.).

Каждому тематическому элементу предмета соответствуют три типа модулей – модуль получения информации, модуль выполнения практических заданий и модуль контроля усвоения материала[2].

Информационный модуль может быть представлен в ЭОР по иностранному языку по-разному. Это может быть лекция по теме или краткое изложение теоретического материала, текст по изучаемой теме, презентация и т.д. Модуль включает также список доступной для обучающихся литературы с точным указанием страниц. Важным условием при разработке ЭОР является указание на внешние ссылки открытых ресурсов как отечественных, так и зарубежных авторов. Обязательным элементом информационного обеспечения учебного процесса в вузе являются, например, электронно-библиотечные системы, представляющие базу данных, содержащую учебные, учебно-методические, научные, справочные и иные издания.

Кроме того, существует огромное количество сайтов, предназначенных для изучения иностранных языков, а также онлайн-словарей, электронных переводчиков, тренажеров, энциклопедий и т.д.

Модуль выполнения практических заданий обычно представляет собой файлы, содержащие задания для индивидуального выполнения, упражнения, лабораторные работы, темы эссе, рефератов или курсовых работ, которые должны сопровождаться методическими рекомендациями. К заданиям могут быть предусмотрены ключи для самоконтроля. Выполнение каждого задания должно помочь обучаемому научиться общаться на изучаемом языке – говорить и задавать вопросы, слушать и понимать, читать и писать, преодолевать культурные барьеры[3].

Модуль контроля усвоения материала условно можно разделить на два блока: самоконтроль и контроль со стороны преподавателя. Самой распространённой и довольно эффективной формой контроля является тестирование. Для самоконтроля могут использоваться лексические и грамматические тесты, тесты по чтению и аудированию, вопросники и пр. Контроль со стороны преподавателя осуществляется посредством форумов, чатов и т.д., работа которых и является основным показателем наличия обратной связи составителя ЭОР и обучающегося.

Основными показателями качества ЭОР являются следующие:

- достаточность и методическая проработанность представленного учебного материала;
- интерактивность как свойство, определяющее характер и степень взаимодействия пользователя с элементами ЭОР;
- мультимедийность как свойство, определяющее количество и качество форм представления информации, используемых в ЭОР;
- модифицируемость как свойство, определяющее возможность и сложность внесения изменений в содержание и программные решения ЭОР.

Изучив сайты общеобразовательных школ Республики Беларусь на предмет использования в образовательном процессе ЭОР, мы пришли к следующим выводам:

1) информационная образовательная среда охватывает все категории лиц, имеющих непосредственное отношение к школьному обучению (педагогов, учащихся, студентов – будущих учителей, представителей органов образования);

2) единое цифровое образовательное пространство объединяет всех участников образовательного процесса, обеспечивая каждому из них доступ в информационную систему. В Республике Беларусь функционирует национальный образовательный интернет-портал (<http://adu.by>), представляющий собой современный информационно-образовательный ресурс, который:

– создан для обеспечения комплексной (информационной, научно- и учебно-методической) поддержки всех участников образовательного процесса на всех уровнях образования;

– имеет своей целью предоставление учащимся, их законным представителям, педагогам, специалистам органов управления образованием, другим заинтересованным субъектам образовательного процесса равный доступ к точной и достоверной образовательной информации, и образовательным услугам;

– направлен на создание условий для многовекторной коммуникации всех участников образовательного процесса [4];

3) некоторые школы, все университеты имеют официальные сайты, на которых представлены основные ЭОР, которыми могут свободно пользоваться как учащиеся школ, так и все желающие;

4) каждый учащийся и родитель имеет индивидуальный доступ к официальной странице в рамках «Электронного образования в РТ», где имеет возможность не только отслеживать результаты обучения в электронных дневниках, но и использовать ЭОР школ.

Таким образом, мы видим, что школы и университеты не остались в стороне от глобальной информатизации современного общества. Наиболее наглядно этот процесс отражен в паспортах программ информатизации муниципальных общеобразовательных учреждений. В качестве целей данных программ отмечены повышение эффективности учебно-воспитательного процесса и управленческой деятельности посредством активного внедрения информационных технологий в систему жизнедеятельности школ, а также формирование личности, обладающей качественно новым уровнем информационно-коммуникационной компетентности, отвечающей требованиям современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный образовательный интернет- портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://www.adu.by/ru/o-portale.html>– Дата доступа: 20.04.2019 г.
2. Федеральный центр информационно-образовательных ресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fcior.edu.ru/o-proekte>. – Дата доступа: 20.04.2019 г.
3. Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21300270&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 20.04.2019 г.
4. О средствах массовой информации правах [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427> – Дата доступа: 20.04.2019 г.

УДК 340

**СПОРТИВНОЕ ПРАВО И LEX SPORTIVA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОГО
И КОРПОРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****П.Ю. АМБРОС****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

Статья посвящена вопросу правовой регламентации отношений, складывающихся в сфере спорта. Исследована природа и содержание lex sportiva. Рассмотрена взаимосвязь и наложение спортивного права и lex sportiva. Определено соотношение норм права и корпоративных норм в области спорта. Проанализирована возможность дальнейшего взаимодействия правового и корпоративного регулирования.

В последние десятилетия спорт стал крупным социально-экономическим феноменом, важнейшим элементом созданной человечеством системы ценностей современной культуры. Развитие спорта без четкой правовой организации его составляющих: профессионального и любительского спорта, детско-юношеского спорта, трудовой деятельности участников спортивных отношений, деятельность спортивных организаций и клубов, а также иных понятий, неотделимых от спорта и физической культуры, не возможно. Основная задача в упорядочении спортивных отношений возлагается на право, как общественный регулятор. При этом среди множества отраслей права на защиту общественных отношений в сфере спорта и физической культуры поставлена одна из самых молодых и развивающихся его отраслей – спортивное право.

На данный момент в области спорта сложилась практика возникновения и формирования как норм права (например, учебно-тренировочный процесс), так и неправовых норм (нормы спортивной этики). Первоначально неправовые нормы в сфере спорта появились в результате многократной реализации общих нравственных правил спортивных состязаний. Это, в свою очередь, привело к появлению целой системы таких норм, которые достаточно ясно описываются понятием lex sportiva.

Lex sportiva – это совокупность правил поведения, выработанных национальными и международными неправительственными организациями Олимпийского движения, которые получают широкое признание в спортивной деятельности. Государства с некоторым опозданием всё же признают за такими правилами поведения юридическую силу.

Корпоративное нормотворчество в области спорта имеет свои преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести предельно конкретную детализацию отношений в сфере спорта корпоративными нормами спортивных объединений с учетом всей специфики того или иного вида спорта, соревнования. Корпоративные нормы могут «доурегулировать» уже существующие общественные отношения путем той же конкретизации и (или) преодоления или устранения пробелов в действующих нормах права. Также стоит отметить возможность спортивных организаций в сжатые сроки беспрепятственно проследить за результатом внедрения того или иного правила (нормы), не прибегнув длительному процессу правотворчества.

Здесь будет целесообразно упомянуть о наглядной взаимосвязи и наложении спортивного права и lex sportiva: если мы игнорируем приоритетное значение lex sportiva по определенному кругу отношений, то, к примеру, дисквалификация спортсмена (как мера дисциплинарной ответственности, допустим, за проявление насилия в отношении соперника) должна квалифицироваться как грубейшее посягательство на его конституционные права (на занятие спортом, на труд и т.д.), и напротив – возникает вопрос, на каком основании спортсмен выведен в данной ситуации из-под действия санкций уголовного или административного законодательства [1].

Следует отметить, что вопросы гражданско-правового и трудового характера связанные со спортом (например, трансфер игрока) не подлежат регулированию корпоративными нормами. На практике это приводит к тому, что соответствующие корпоративные нормы противоречат нормам гражданского и трудового права. Основным же недостатком является отсутствие юридической силы у неправовой нормы.

К пониманию смысла спортивного права можно подойти с двух сторон. В узком смысле спортивное право – это все нормы права, регламентирующие правоотношения, возникающие при подготовке спортсменов, участии их и иных лиц в организации и проведении спортивных соревнований. В широком смысле спортивное право будет охватывать все правовые нормы, регулирующие сходные правоотношения из различных отраслей права и законодательства.

Правовые нормы в спортивном праве – это форма выражения государственной воли, регулирующей общественные отношения, складывающиеся в сфере физической культуры и спорта. У норм спортивного права “двойная прописка”. Они могут быть распределены по таким базовым отраслям права как конституционное, гражданское, трудовое, административное, уголовное право и т.д. Это доказательство того, что с позиции принципов построения белорусской правовой системы о спортивном праве можно говорить, как о комплексной отрасли.

Правовое регулирование физической культуры и спорта в Республике Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь и включает в себя положения Конституции Республики Беларусь, актов Президента Республики Беларусь, редакцию закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», других, принимаемых в соответствии с ними, актов законодательства, а также нормативных актов федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта.

Эффективность спортивного права как отрасли права заключается в формировании юридической основы соответствующей отрасли, которая складывается в результате правотворческой деятельности государства. К недостаткам стоит отнести:

- 1) неоднозначность в регулировании некоторых вопросов в сфере спорта, например, заключать ли с ним трудовой или гражданско-правовой договор;
- 2) отсутствие единого правового регулирования отношения в сфере спорта – это связано с недостаточной разработанностью норм спортивного законодательства;
- 3) длительный процесс правотворчества, не позволяющий законодателю стремительно (оперативно) реагировать на развитие отношений в этой сфере.

Подводя итоги, можно сказать о необходимости разрешения следующих вопросов:

- необходимо признать за частью корпоративных норм юридическую силу;
- целесообразно отдать часть складывающихся отношений в сфере спорта на саморегуляцию в связи с невозможностью их оперативного урегулирования государством;
- принятие Спортивного кодекса Республики Беларусь будет являться наиболее эффективным способом систематизации и упорядочения спортивного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Понкин, И. В. О корреляции *lex sportiva* и спортивного права / И. В. Понкин, А. И. Понкина // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 109–118.
2. Захарова, Л. И. Место норм, регулирующих спортивные отношения, в системе права / Л. И. Захарова // Альманах кафедры международного права *Ceteris Paribus*: сб. ст. / Московский государственный юридический университет; ред.: К.А. Бекяшев. – Минск, 2019. – С. 68–83.
3. Каменков В. С. Основные правила общественного управления и регулирования в сфере физической культуры, спорта / В. С. Каменков // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных правоотношений: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 26 апреля 2018 г. / Уральский государственный университет физической культуры; редкол.: С.А. Захарова, Т.В. Журавлёва. – Челябинск, 2018. – С. 81-89.

УДК 340

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ СПОРТИВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****П.Ю. АМБРОС****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

В данной статье рассматривается вопрос необходимости принятия Спортивного кодекса. Проанализировано национальное законодательство в области спорта. Рассмотрен зарубежный опыт и его положительное влияние на развитие спорта. Затронуты положительные и отрицательные аспекты, последующие за принятием Спортивного кодекса.

Спортивное право – это комплексная отрасль, охватывающая все правовые нормы, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере физической культуры и спорта, а также иные сходные правоотношения из различных отраслей права и законодательства.

Регулирование правоотношений в области спорта осуществляется на ряде источников спортивного права Республики Беларусь, включающих в себя:

- Конституцию Республики Беларусь
- Гражданский кодекс, Трудовой кодекс, Налоговый кодекс и т.д.
- Закон «О физической культуре и спорте»
- иные законы Республики Беларусь, которые опосредованно регулируют вопросы физической культуры и спорта: «Об основах государственной молодежной политики», «О государственных наградах Республики Беларусь», «О профессиональных союзах» и т.д.
- указы Президента Республики Беларусь, непосредственно регулирующие спортивные отношения: «О мерах по стимулированию достижения высоких спортивных результатов», «Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта», «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» и т.д.
- постановления Совета Министров Республики Беларусь, непосредственно регулирующие спортивные отношения: «О делегировании Министерству спорта и туризма полномочий на принятие нормативных правовых актов в сфере физической культуры и спорта», «Об утверждении Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы», «Об утверждении Единой спортивной классификации Республики Беларусь» и т.д.
- постановления республиканских органов государственного управления, регулирующие вопросы физической культуры и спорта: «Об утверждении Инструкции об особенностях регулирования труда работников организаций физической культуры и спорта», «Об особенностях заключения гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта» и т.д.
- региональное правовое регулирование вопросов физической культуры и спорта: «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»
- правовые акты международных и национальных спортивных организаций: регламенты и уставы FIFA и UEFA, уставы белорусских спортивных федераций и т.д.

Для нормального функционирования спорта необходим нормативный правовой акт, в комплексе способный регулировать деятельность спортивных ассоциаций, федераций, клубов, других спортивных структур одновременно. Чтобы сформировать целостный правовой институт, необходимо кодифицировать правовые нормы, регулирующие всю сферу. Поэтому должна быть обеспечена систематизация спортивного законодательства.

На данный момент, сформировавшееся правовое регулирование в сфере спорта значительно устарело и подлежит детальной переработке с учётом требований современности и специфики зарубежного опыта. С момента принятия первой редакции закона «О физической культуре и спорте» прошло уже более 20 лет, несмотря на существенные изменения, внесённые за данный период времени, ряд таких категорий как: детско-юношеский, студенческий, адаптивный спорт, страхование и социальная защита спортсменов, а также институты спортивного паспорта, спортивного агентирования, трансфера игроков, профессиональных спортивных лиг и многое другое, так и не было урегулировано [1, с. 1]. Отсутствие правовой регламентации отношений в данных сферах свидетельствует о необходимости принятия Спортивного кодекса, который, несомненно, усовершенствует правовое регулирование спорта в Республике Беларусь, а также даст существенный импульс к его дальнейшему развитию.

Положительный зарубежный опыт законодательного регулирования в области спорта подтверждает обоснованность развития спортивного права по пути кодификации законодательства о спорте, посред-

ством разработки и принятия Спортивного кодекса. В частности, можно выделить целый ряд кодексов (сводов законов) различных штатов США, Бразильский кодекс спортивной юстиции, Бразильский кодекс профессиональной этики в сфере физического воспитания, а также Спортивный кодекс Франции («Code du sport»), обеспечивший условия для развития французского спорта и эффективной борьбы с коррупцией и иными видами преступлений в спорте[2].

Спортивный кодекс и его основные положения станут фундаментом для дальнейшего развития белорусского законодательства в сфере физической культуры и спорта, будут способствовать активному развитию национального спортивного законодательства (принятию актов законодательства о профессиональном спорте, о трансферах в спорте, о спортивных спорах, о допинге, судействе и т.д.).

Однако законодатель и иные субъекты правоотношений в сфере спорта могут столкнуться с рядом неблагоприятных последствий, которые последуют за принятием кодекса. Анализ динамики государственного регулирования в сфере физической культуры и спорта указывает, на стремление законодателя распространять императивный метод правового регулирования на рассматриваемые и смежные правоотношения, что в свою очередь порождает принятие новых норм. Как результат, не оформившаяся до сих пор в четких границах система спортивного законодательства может в еще большей степени деформироваться. Спортивные отношения представляют собой совершенно особый вид социальных отношений и связей, в чистом виде не свойственный гражданским, административным, уголовным или каким бы то ни было иным правоотношениям, являющимся предметами регулирования отраслей права в традиционной классификации. В этом смысле их специфика сравнима разве что с отношениями в сфере образования. Здесь не может быть императивного метода (как в уголовном праве), также невозможно сводить спортивные отношения к понятию услуги в силу их своеобразия и самобытности.

Ещё одним минусом представляется невозможность распространения норм общего положения на все существующие виды спорта в силу их специфики и своеобразия. Даже само определение, данное понятию спорт, в проекте Спортивного кодекса[3]: «Спорт – сфера деятельности, представляющая собой соревнование в сфере физической культуры, а также систему подготовки, организации и проведения таких соревнований, обеспечиваемую учебно-тренировочным и воспитательным процессом, комплексом экономических, социальных, информационно-образовательных, научно-методических, медицинских, материально-технических и других условий», не отражает всю его сущность. Законодателем в данном случае не взята во внимание интеллектуальная деятельность, присущая множеству видов спорта (шахматы, шашки, спортивный бридж и т.д.).

Принятие Спортивного кодекса не сможет полноценно и одновременно устранить пробелы в спортивном законодательстве страны. Тем не менее, в настоящее время объективных препятствий к систематизации спортивного законодательства Республики Беларусь не существует, а наиболее предпочтительным видом систематизации представляется кодификация. Основой кодификации может выступить закон «О физической культуре и спорте», а пробелы в правовом регулировании могут быть устранены путем внесения в текст Кодекса последующих изменений и дополнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменков, В. О проекте Спортивного кодекса Республики Беларусь / В. Каменков // Доклад на правовом форуме для руководителей в сфере спорта [Электронный ресурс]. – 2013. Режим доступа: http://court.gov.by/upload/Press_VHS/blog/Doklad_Sport_kod_03.04.13.pdf. – Дата доступа: 15.08.2019.
2. Круглов, В.В. Проблемы и перспективы кодификации спортивного законодательства России / В.В. Круглов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. № 4. – С. 165–176.
3. Проект Спортивного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fdocplayer.ru%2F38520103-Sportivnyy-kodeks-respubliki-belarus.html> – Дата доступа 11.06.19.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 4 января 2014 г., № 125-З: с изм. и доп. от 9 января 2018 г. № 92-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11400125>. – Дата доступа: 02.03.2019.

УДК 349.6

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПО МОНИТОРИНГУ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ, ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ****Н.О. АРАБЕЙ****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

В публикации рассматривается организация деятельности системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций. Так же раскрываются способы обнаружения лесных пожаров в Республике Беларусь.

Согласно статье 46 Конституции Республики Беларусь государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды. [1]

Мониторинг окружающей среды – система наблюдений за состоянием окружающей среды, оценки и прогноза изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов. [5]

В Республике Беларусь система мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций (далее – СМПЧС) природного и техногенного характера была создана 19 ноября 2004 года Постановлением Совета Министров Республики Беларусь №1466. [2]

Организацию проведения мониторинга чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Республике Беларусь осуществляют 11 органов государственного управления по 15 направлениям.

Наблюдение за источниками чрезвычайных ситуаций осуществляется с использованием наземного, авиационного и космического мониторинга. Наземный мониторинг проводится субъектами СМПЧС посредством разветвленной сети постов, лабораторий, станций и т.д. с использованием технических и программных средств наблюдения за источниками чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС).

Министерство чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь в своей деятельности использует данные космического мониторинга для оперативного выявления очагов природных пожаров и их последствий, а также характера развития подтоплений в периоды паводков и половодья. Существующая в Республике Беларусь «Белорусская космическая система дистанционного зондирования Земли» (далее – БКСДЗ) принимает информацию, как с Белорусского космического аппарата, так и с зарубежных спутников. Использование космической информации БКСДЗ позволяет оценить характеристики водных объектов, обнаружить природные пожары, разливы рек, выявить места подтоплений паводковыми водами, а также в результате выпадения ливневых дождей в городах и сельской местности. С помощью информации БКСДЗ существует возможность проследить за характером возникновения и динамикой развития обстановки в зонах чрезвычайных ситуаций и принятия управленческих решений на проведение защитных мероприятий.

Космические снимки принимаются Национальным космическим оператором (научно-исследовательское республиканское унитарное предприятие «Геоинформационные системы» Национальной академии наук Беларуси), где проходят обработку. Затем информация передается в Республиканский центр управления и реагирования на ЧС.

В зависимости от решаемой задачи – это космические снимки земной поверхности либо выявленные тепловые аномалии.

Сведения о тепловых аномалиях доступны Республиканскому центру управления и реагирования на ЧС и территориальным подразделениям по чрезвычайным ситуациям в режиме реального времени после обработки снимков Национальным космическим оператором. С помощью этих данных были выявлены природные пожары на ранней стадии развития как на территории Республики Беларусь, так и на территориях России и Украины вблизи границы с Республикой Беларусь.

Согласно статье 34 Лесного кодекса Республики Беларусь для своевременного обнаружения лесных пожаров и их тушения организуется авиационная охрана лесов. [3]

Авиационный мониторинг проводится государственным авиационным аварийно-спасательным учреждением «АВИАЦИЯ» с целью обнаружения очагов пожаров в природных экосистемах, контроля ледовой и гидрологической обстановки, оценки последствий чрезвычайных ситуаций на потенциально-опасных объектах.

Кроме этого авиация задействуется для оценки последствий прохождения опасных погодных явлений (циклонов, сильных снегопадов).

Наиболее традиционный метод обнаружения пожаров – это визуальное обнаружение людьми со специализированных конструкций – вышек. Настоящий метод используется более ста лет с небольшими усовершенствованиями, связанными с использованием средств связи (рации, сотовая связь и др.) и оптическими устройствами визуального контроля (бинокли, подзорные трубы и др.).

В идеальном варианте обнаружение пожара происходит следующим образом: на специализированной вышке (предназначенной для продолжительного нахождения на ней человека) на специальной площадке находится человек.

Дополнительно на площадку наносят азимутальный круг для определения направления. При визуальном обнаружении пожара наблюдатель с помощью азимутального круга определяет направление на пожар, и сообщает это направление в центр контроля с помощью средств связи. Из центра контроля определяют, с какой ещё вышки может быть обнаружен этот пожар и связываются с другим наблюдателем, который так же обнаруживает пожар и определяет направление на него. После чего в центре контроля, используя известные направления с вышек на пожар, определяют местонахождение предполагаемого пожара и предпринимают меры для его ликвидации.

К преимуществам данного метода можно отнести сохранившуюся до сегодняшних дней инфраструктуру вышек, которая может быть использована, простоту самого метода и достаточно высокую оперативность (при наличии благоприятных погодных условий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2005. – 64 с.
2. Об утверждении положения о системе мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 нояб. 2004 г., № 1466 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21400137&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 22.08.2019
3. Лесной Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 декабря 2015 г., № 332-3 : принят Палатой представителей 3 декабря 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 декабря 2105 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019
4. О материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 окт. 1993 г., № 750 (с изм. и доп. от 25 нояб. 2002 г., № 1638; 22 сент. 2004 г., № 1179) // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1993. – № 31. – Ст. 604; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 133. – 5/11532; 2004. – № 154. – 5/14885.
5. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь от 26 ноя. 1992 г. № 1982-XII : в ред. от 8 июля 2008 г. № 366-3 : с изм. и доп. от 2 мая 2012 г. № 353-3. – Минск : Амалфея, 2013. – 59 с.

УДК 349.6

**ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ЛЕСНЫХ МАССИВОВ
ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ****Н.О. АРАБЕЙ***(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)*

В публикации рассматривается география крупных лесных пожаров, причина их возникновения, ущерб, наносимый лесными пожарами, а также статистика отображающая современные реалии в сфере лесного хозяйства.

Лесные пожары уничтожают деревья и кустарники, заготовленную в лесу древесину. В результате пожаров снижаются защитные, водоохранные и другие полезные свойства леса, уничтожается фауна, сооружения, а в отдельных случаях и населенные пункты. Кроме того, лесной пожар представляет серьезную опасность для людей и сельскохозяйственных животных.

Лесные пожары являются мощным природным и антропогенным фактором, существенно изменяющим функционирование и состояние лесов. Лесные пожары наносят урон экологии, экономике, а часто и человеческие жизни оказываются под угрозой. Для стран, где леса занимают большую территорию, лесные пожары являются национальной проблемой.

Лесные пожары наносят огромный урон экологии, для восстановления леса требуется несколько десятков лет и несколько поколений лесничих. В случае, когда промышленные объекты находятся в непосредственной близости от леса, ущерб от пожара может быть колоссальным. Причиной пожара может быть природное явление: грозовые разряды и молнии, но чаще причиной является сам человек, начиная от простого туристического отдыха и заканчивая сельскохозяйственными палами.

По данным ИСДМ-Рослесхоз, с начала 2018 года огнем пройдено уже 14,9 млн га. К концу 2018 года площадь, пройденная огнем, составила 15,4 млн га, а рекорд в 18,1 млн га приходится на 2012 год. Зона тушения леса составляет 283,2 тыс. га (9 % от действующих пожаров). Ущерб от лесных пожаров за январь – июль 2019 г. составляет 2,4 млрд руб.. За это время в стране произошло более 7600 пожаров, посчитали аудиторы. По данным Счетной палаты, расходы государства на охрану лесов от пожаров оказались почти в три раза больше ущерба, который составил 6,6 млрд руб. Однако ведомство назвало одной из главных причин масштабных пожаров нехватку финансирования мероприятий по защите лесов [3].

Счетная палата указала и на то, что в регионах нет необходимой техники для борьбы с пожарами, а подразделения наземной и авиационной охраны не укомплектованы. Более половины пожаров – 52% – произошли по вине человека. Почти четверть — из-за распространения огня на соседние территории, около 20% — за-за гроз.

В оперативной сводке «Авиалесохраны» на 2 августа говорится, что в России пожарные тушили 160 лесных пожаров, которые охватили огнем более 120 000 га. Еще 315 лесных пожаров общей площадью более 3 млн га находилось в труднодоступных районах, их тушение не велось. По сравнению с 1 августа их число и общая площадь увеличились. Они находятся под наблюдением пожарных [6].

Помимо уничтожения деревьев и кустарников лесные пожары также уничтожают и животный мир. Пожары в Сибири, которые затронули не только жителей соседних поселений и городов, но и животных, которые обитают в тайге. По подсчетам экспертов Greenpeace, на пройденных огнем территориях жили более 5500 соболей и 300 медведей, а также около 2700 диких северных оленей и 1500 лосей [1].

Также можно вспомнить недавний пожар на севере штата Калифорния (США) который начался 8 ноября 2018 года. Он стал самым разрушительным в истории штата, а также самым смертоносным природным пожаром за всю историю Соединенных Штатов. Огонь охватил почти 45 тысяч гектаров и разрушил 6,47 тысячи строений. Число погибших от пожара достигло 42 человек [4].

Проблема лесных пожаров по праву считается одной из наиболее серьезных и нерешенных в настоящий момент человеком. Лесные пожары возникают и приносят огромный ущерб во многих странах мира, начиная от США и Бразилии и заканчивая Россией. Для обнаружения и тушения лесных пожаров в настоящее время используются различные технологии.

В глобальном масштабе мы наблюдаем две разные тенденции изменения режимов пожаров. В некоторых частях Африки, Азии и Латинской Америки прежние природные экосистемы заменяются интенсивно управляемыми агроэкосистемами: сельскохозяйственными угодьями, пастбищами и плантациями зерновых культур. Исторически многие природные саванны, лесистые местности и леса на этой террито-

рии периодически загорались, что приводило к крупным природным пожарам. Сегодня на этих интенсивно обрабатываемых землях пожары случаются реже.

Совсем другая тенденция наблюдается по всей Европе, включая восточноевропейский регион и территории между Уралом и Центральной Азией. Здесь исход населения из сельской местности – рост населения городов за счет бывших сельских жителей – привел к сокращению или даже полному прекращению землепользования, что в свою очередь привело к ослаблению управления лесами. Место ранее управляемых ландшафтов занимают территории, заросшие дикой растительностью и лесом. Сельская рабочая сила, которая в прошлом играла активную роль в контроле и предотвращении лесных пожаров, сокращается. Во многих деревнях европейско-средиземноморского региона и прилегающих к этому региону Западных Балкан живут только пожилые люди. Бывшие фермерские дома превращаются в летние дачи. Отказ от традиционного использования древесины и натуральных не древесных горючих материалов для приготовления пищи и получения энергии приводит к тому, что эти материалы остаются в ландшафтах и таким образом делают эти ландшафты более уязвимыми для природных пожаров. Пожары, случившиеся летом 2017 года в Южной Европе, затронули ландшафты, которые вряд ли бы горели 30–50 лет назад [2].

Что касается изменения климата, то влияние изменения климата на риски природных пожаров были отмечены в разных регионах мира. Одна из проблем – более экстремальные и продолжительные засухи, какие мы наблюдаем в эти дни в Европе. Засухи создают условия для более интенсивных и продолжительных природных пожаров. Но участвовавшие сильные ливни также вызывают проблемы, особенно после серьезных пожаров, например, разрушение растительного покрова и обнажение почвы. Ливни после пожаров приводят к таким вторичным бедствиям как эрозия почв, образование грязевых потоков, внезапные наводнения или заиливание рек и водохранилищ.

Увеличение продолжительности «пожарных сезонов», когда пожары, начавшиеся в начале года, продолжаются до конца года – феномен, наблюдаемый в Европе и Северной Америке. Следует отметить, что во многих регионах в настоящее время наблюдаются более интенсивные горения в ночное время. Это явление можно объяснить тем, что владельцы земель и государственные службы, отвечающие за пожарную безопасность, проявляют халатность в связи с длительными периодами пожароопасности и необходимостью вести более продолжительную борьбу с пожарами, это «экономически не выгодно».

ЛИТЕРАТУРА

1. Отделение международной некоммерческой организации в России Greenpeace [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://greenpeace.ru>. – Дата доступа: 24.08.2019
2. Центра глобального мониторинга пожаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gfmc.online/>. – Дата доступа: 21.08.2019
3. Федеральное агентство лесного хозяйства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aviales.ru/>. – Дата доступа: 11.07.2019
4. The European Forest Fire Information System [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://effis.jrc.ec.europa.eu/>– Дата доступа: 24.08.2019
5. Лесной Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 декабря 2015 г., № 332-3 : принят Палатой представителей 3 декабря 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 декабря 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. О лесопожарной обстановке в России на 00:00 мск 02.08.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aviales.ru/popup.aspx?news=5499>. – Дата доступа: 21.08.2019

УДК 349.6

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЖИВОТНОГО МИРА****А.С. БОБКОВА***(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)*

Статья посвящена возможности рассмотрения животного мира как субъекта права. Исследуются понятие биологического разнообразия и происхождение понятия животного мира. Автором проанализированы и систематизированы теоретические положения по теме исследования, выделены и рассмотрены следующие проблемы в сфере защиты животного мира: акцентирование внимания на животном мире как объекте; несформированная защита интеллектуальной собственности в сфере биологического разнообразия; неусовершенствованное белорусское законодательство; незаинтересованность властей в данной проблематике. Проведен анализ понятий «биологическое разнообразие» и «экосистема», по результатам которого делается вывод о целесообразности включения в данные понятия животного мира как ключевого звена.

В статье рассмотрены доктринальные подходы, особенности правового регулирования животного мира в праве Республики Беларусь и иных стран.

На основании полученных результатов исследования разработаны практические рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в сфере защиты животного мира.

Большой и актуальной проблемой в настоящее время стало сохранение биологического разнообразия, поскольку современная цивилизация широким фронтом наступает на дикую природу, в результате чего происходят необратимые изменения природной среды. При этом численность большинства диких позвоночных животных, а также других видов животных, стала резко уменьшаться, а некоторые виды совсем исчезают. Такая же проблема стоит и в отношении многих растений. Этот процесс обеднения фауны и флоры под влиянием негативных воздействий антропогенных факторов с каждым годом усиливается и приобретает глобальный характер.

Вследствие этого в настоящее время в рамках общей проблемы охраны животного и растительного мира выдвигается вполне самостоятельное направление – охрана биологического разнообразия, в частности животного мира и разных видов растений.

Для того, чтобы понять, как животный мир соотносится с биологическим разнообразием, нужно обратиться к определению понятия, содержащегося в Конвенции о биологическом разнообразии (в дальнейшем – КоБР). В соответствии со статьёй 2 КоБР, биологическое разнообразие означает «вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы, и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем».

Экосистема, в свою очередь, означает «динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое» [1].

Из приведенных определений следует, что к биологическому разнообразию непосредственно может относиться животный мир. Помимо этого, можно пойти другим путём, и выяснить, что выделение животного мира из биологического разнообразия будет целесообразным ввиду того, что, осуществляя правовую, биологическую и любую другую защиту экосистем, мы непосредственно охраняем и такой «институт» биоразнообразия как животный мир. Например, предотвращая обильное потребление пластика, мы не только уходим от глобального потепления, парникового эффекта, разрушения озонового слоя, но и колоссального вымирания сухопутных, морских и иных видов животных.

Кроме того, считаем неправильным не принять во внимание точку зрения Воронцовой Е.В., которая утверждает, что на сегодняшний день различные концепции или же стратегии развития в сфере экологической безопасности стран СНГ направлены на защиту экологических прав граждан [2]. Как нам известно, в Конституции Республики Беларусь это право закреплено в ст. 46. В дополнении, в соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь "Об охране окружающей среды" право на благоприятную окружающую среду принадлежит гражданину от рождения и подлежит защите как личное неимущественное право. Право на благоприятную окружающую среду подразумевает обязанность всех физических и юридических лиц, а также госорганов, принимать все возможные меры для сохранения окружающей среды. [3] На наш взгляд, проблемным моментом является тот факт, что нет никакого закрепления

прав животных на безопасную экологическую среду. При этом считаем, что они больше подвержены масштабным экологическим изменениям и влияниям в современном мире.

Проблемой является то, что это право трактуется как возможность жить в благоприятных условиях, не наносящих вреда жизни и здоровью, и требовать от соответствующих должностных лиц специально уполномоченных органов поддержания благоприятной окружающей среды в надлежащем состоянии. В данном случае возникает вопрос, как организмы животного мира смогут что-либо истребовать? Как привлечь внимание вышестоящих органов к столь серьезной теме? Каким образом наделить животных правами?

В настоящий момент в белорусском законодательстве есть лишь единичные нормы, содержащие правовую защиту животных. Сюда можно отнести нормы гражданского права относительно животных как объекта гражданского оборота, нормы о предотвращении жестокого обращения с животными в уголовном законодательстве, ветеринарное и сельскохозяйственное право, порядок использования животных в медицинских исследованиях, разнообразные положения, регулирующие порядок содержания животных в домашних условиях и политику в отношении безнадзорных животных, условия содержания в зоопарках, многие иные правовые нормы других отраслей права, так или иначе, затрагивают вопросы, связанные с защитой животных. Таким образом, на теоретическом уровне мы можем определить защиту животных как комплексную область правоотношений, регулируемую различными отраслями права.

Обращаясь к международному регулированию проект декларации призывает Организацию Объединенных Наций признать животных живыми существами, способными испытывать боль и страдания, и признать, что благополучие животных является важным вопросом в рамках социального развития стран мира. Существует декларация о правах животных, принятая на уровне ЮНЕСКО 15 октября 1978 года: она устанавливает, что животные не должны подвергаться плохому обращению или жестоким действиям [4]. Принятая в 1973 году Конвенция по международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения, подписана 112 странами (в том числе и Республикой Беларусь) и запрещает вывоз определенных видов диких животных и растений из регионов их обитания.

При этом огромное внимание стоит уделить подписанной и ратифицированной нашей страной Конвенции о сохранении животного мира и природной среды обитания в Европе [5]. Эта конвенция вступила в силу для Республики Беларусь 1 июня 2013 года. Особое внимание в ней уделяется защите видов фауны и флоры, включая мигрирующие, которым угрожает исчезновение или же они серьезно истощаются. Страны, подписавшие документ, обязуются принимать все необходимые меры для сохранения сред обитания видов дикой флоры и фауны, в том числе осуществлять контроль загрязнения окружающей среды.

Однако, возвращаясь к отечественному законодательству, в частности, к Уголовному Кодексу Республики Беларусь, можно отметить, что преступления против экологической безопасности выделены в отдельную главу «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Но, к сожалению, как показывает опыт, защита животного мира остается в тени данной главы.

Кроме этого, существуют проблемы в сфере защиты правом интеллектуальной собственности. Традиционные знания могут относиться, например, к сельскохозяйственным, экологическим или медицинским навыкам, или знаниям, связанным с генетическими ресурсами и биологическим разнообразием. Примеры могут включать в себя следующее:

- 1) традиционные виды охоты или же определенные способы рыбалки (ловли рыбы);
- 2) знания о характере миграции животных или управлении водными ресурсами [6].

На данном этапе работы можно проследить закономерность, которая указывает на то, что редкие породы животных, их миграция, знания о животных, в целом, о животном мире также в какой-то степени могут подпадать под защиту интеллектуальной собственности.

Как отмечается выше, генетические ресурсы с огромным сомнением, но можно отнести к интеллектуальной собственности. Генетические ресурсы - это либо селекционные достижения, то есть именно объект интеллектуальной собственности; либо это природные объекты, которые никем из людей не были созданы и которые существуют на планете объективно независимо от человека. Ввиду того, что генетические ресурсы предлагается охранять в интересах коренных народов и общин, по нашему мнению, признак традиционности также применим и к генетическим ресурсам. Таким образом, на существующие независимо от человека сорта растений и животных, которые традиционно применяются в хозяйстве той или иной общины, принципиально не может устанавливаться правовая охрана в качестве интеллектуальной собственности [7].

В таком случае о генетических ресурсах как интеллектуальной собственности может идти речь исключительно как о знаниях, о растениях и животных, которые могут иметь какое-либо практическое применение. Например, определенной территории, общине или локальным и местным народностям при-

сути какие-либо виды животных, которых они выращивали на протяжении долгого времени, пусть и не затрагивая генную инженерию. Но тут вмешивается «потребитель» и без какого-либо разрешения или без процентных выплат «покушается» на объект собственности данного народа.

Тут непосредственно применяется гражданский кодекс Республики Беларусь, а также действие интеллектуальной собственности, которая по своей сути обеспечивает перераспределение потоков прибыли от интеллектуальной собственности, чтобы беднейшие и малочисленные общности человеческого сообщества тоже могли получать от нее выгоду, ставит серьезные задачи перед устоявшейся системой права интеллектуальной собственности.

Но на данный момент не существует в Беларуси уполномоченного органа, который смог бы напрямую пресекать действия данных потребителей. И должным образом перераспределять выгоды.

Кроме этого, не можем не отметить влияние человеческого фактора, например, моральных и нравственных ценностей граждан. Ведь не только власти виноваты в том, что происходит в мире в целом. Нужно менять правосознание граждан в корне. Только человек совершает безжалостные поступки по отношению к животным.

Также Булгакова И. Г. считает, что необходимо осознание того, что правоотношения в области охраны животного мира носят нравственный характер, и должна быть разработана система информационного обеспечения формирования в гражданах определенных моральных качеств, которые в совокупности с мерами правового воздействия помогут сохранить и приумножить животный мир страны, как ее природные ресурсы. [8]

Предлагаем решение проблемы обращения внимания на насущные волнующие народ темы как экология, сохранность животного мира путём доведения экологической информации до широких слоев общественности и заинтересованных организаций с использованием возможностей средств массовой информации, экологического образования и воспитания. Одной из важных задач является дальнейшее развитие конструктивного взаимодействия государственных органов и общественных экологических объединений в решении насущных природоохранных проблем. Только объединив усилия всех граждан, можно рассчитывать на реальные успехи в создании благоприятных условий для жизни животных и человека и предупредить негативные изменения в природной среде.

Проанализировав проблемы правовой охраны животного мира, можно сделать определённые выводы: белорусское законодательство в целом сосредоточено на животных как на объекте правоотношения; существует эколого-правовая безграмотность граждан по причине отсутствия предоставления должной информации; применение укоренившихся норм законодательства, которые трактуются не в пользу животных. Так в статье 1 Закона Республики Беларусь «О животном мире» Для правовой характеристики животного мира как объекта охраны и использования свойственны определенные признаки. Например:

- нахождение их в состоянии естественной свободы в среде своего обитания.
- объектом правовой охраны и использования по законодательству о животном мире являются дикие животные.
- нахождение таких животных постоянно или временно в пределах территории страны.

В свою очередь, сельскохозяйственные и другие домашние животные, а также дикие животные, содержащиеся в неволе или для хозяйственных, культурных, научных и других целей являются имуществом, принадлежащим на праве собственности государству, юридическим и физическим лицам. То есть фактически являются предметом. Столкнувшись с данной проблемой, считается целесообразным имплементация международных актов в национальное. Так как во многих странах Европы животные наделены субъективными правами. Помимо этого, требуется незамедлительное изменение морального сознания белорусского народа путём информирования граждан, введение просветительской деятельности во все сферы. Вдобавок ко всему, хотелось бы в будущем наблюдать представителей власти по вопросам защиты животного мира, ведь людской интеллект – неограниченный источник. Нельзя извлекать из этого только выгоду, нужно искать возможности защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. О биологическом разнообразии : Конвенция [Электронный ресурс] : [Заключён в Рио-де-Жанейро 29 дек. 1993 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Воронцова Е.В. Проблема определения приоритетов эколого-правовой охраны: природа и здоровье человека как объекты правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Т.21. №1 (70). С. 177-178.

3. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992г., № 1982// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О правах животных : Декларация [Электронный ресурс] : [Заключён в Лондоне 1990 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О сохранении животного мира и природной среды обитания в Европе : Конвенция №104 [Электронный ресурс] : [Заключён в г. Бёрн 1 июня 1982 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Вопросы интеллектуальной собственности и генетических ресурсов, традиционных знаний и фольклора // Документ ВОИС : 2015 г.
7. Интеллектуальная собственность и генетические ресурсы: Информационная справка N 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4011&plang=RU>. – Дата доступа: 23.09.2019.
8. Булгакова И. Г. Актуальные проблемы правовой охраны животного мира [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2012. — № 2. — С. 197-198. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/37/4233/>. – Дата доступа: 28.09.2019.

УДК 347.77

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ФОЛЬКЛОРА**А.С. БОБКОВА***(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)*

В статье анализируются способы защиты фольклора в современном мире. Влияние международных актов и организаций на признание народного творчества объектом авторского права. А также изучается белорусский опыт в данной проблематике.

Коренные народы в течение многих поколений разрабатывали богатые знания о природе, здоровье, технологиях, обрядах, ритуалах, творчестве и других аспектах проявления культуры. Культура неразрывно связана с идентичностью коренных народов, их традиционными знаниями, опытом взаимодействия с окружающей средой и, следовательно, их территориальными и культурными правами [1].

В данной статье мы рассмотрим непосредственно одно из ответвлений традиционных знаний – фольклор. Из вышеперечисленных компонентов к фольклору можно отнести лишь творчество. Что же из себя представляет народное творчество мы рассмотрим чуть позже.

Перед тем, как прояснить сущность фольклора, его значение на современном этапе и правовую защиту разных его проявлений. Можно обозначить проблемную точку в период развития предпринимательства, да и в целом рыночной экономики множества стран – потеря аутентичности носителей традиционных духовных ценностей.

Кроме того, немаловажно отметить, что ценность культурных прав каждого человека растёт с каждым годом. Поэтому международное право увеличивает спектр защитных механизмов путём разработки новых международных актов, а в последующем их имплементации в национальное законодательство. Так, в статье 54 Конституции Республики Беларусь говорится о том, что каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. К тому же Законом Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» определено, что к историко-культурным ценностям можно отнести вещи материального и нематериального проявления. Естественным является тот факт, что к нематериальным проявлениям историко-культурного наследия можно отнести фольклор. Поскольку данный вид ценностей включен в Список всемирного культурного и природного наследия Юнеско [2].

Внимание к фольклору в современном мире очевидно. Фольклор можно рассмотреть, как многолетний интерес, поддерживаемый естественным путём. Естественный интерес выражается посредством любопытства и преемственности социумом.

Однако, сложившаяся ситуация в обществе принимает такую ценность как фольклор, но при этом видит совсем нецелесообразным использовать и внедрять его в современную культуру, науку или же искусство.

Мы же считаем совсем иначе, ведь всё то, что сейчас представлено в обществе, экономической инфраструктуре, масс-медиа – это воплощение прошлого в новых, модернизированных тенденциях. И это естественный процесс. Ведь, если не было бы чего-то созданного в прошлом коллективным умом, то сейчас вряд ли было бы что-то наподобие того, что мы имеем.

А вот и ещё одна проблема – неимение норм, которые отвечали бы за авторство или же патентование фольклора. Так в соответствии со статьёй 6 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» к объектам авторского права можно отнести литературные произведения, драматические и музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и другие сценические произведения, музыкальные произведения с текстом и без текста, произведения изобразительного искусства, произведения прикладного искусства и дизайна, компьютерные программы; произведения науки и т.д. Где фольклор не является объектом авторства [3].

Вместе с тем, мы считаем, что фольклор обладает рядом специфичных критериев, по которым его можно отнести к категории объектов авторского права. Мы не ведём к тому, что данный вид традиционных знаний должен стать автономным или же ограниченно использоваться социумом, ведь его предназначение – непосредственное потребление народом. Но в условиях стремительного гражданского оборота фольклору просто необходима правовая защита.

Однако проанализировав международные акты и национальное законодательство, можно с уверенностью утверждать, что нет прямых мер по защите нематериальных ценностей, в том числе фольклора. К слову, правовая охрана направлена на обеспечение его доступности, не более того [4].

Возвращаясь к объектам авторского права, отметим, что многие учёные считают, что народное творчество нельзя защитить авторским правом, так как в фольклоре не установлено количество, а также идентификация автора. На наш взгляд, мнение является заблуждением, ведь множественность авторства или же его неизвестность не является универсальным критерием. Но, как упоминалось выше, мы выделили ряд специфических критериев, которые схожи с теми, которые определяет ряд объектов авторского права. Например:

1. Создаются в результате творческого труда;
2. Подвластны плагиату;
3. Охраняются правом интеллектуальной собственности [5].

Просим обратить внимание на то, что современные переработки подлежат охране авторским правом, тогда как исполнения традиционных песен и музыкальных произведений подпадают под действие Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам. В некоторых странах также действует специальное законодательство по охране выражений фольклора. В Панаме, в частности, создана система регистрации традиционных выражений культуры, а в соответствии с Тихоокеанской региональной системой по охране традиционных знаний и выражений культуры «традиционные владельцы» имеют право разрешать или не допускать использование охраняемых выражений фольклора, при этом, если произведение используется в коммерческих целях, правообладатель должен делиться выгодами с традиционными владельцами [6].

Однако, в современном обществе проявления фольклора подвержены коммерциализации, а должной правовой охраны, к сожалению, традиционные выражения культуры не имеют. И зачастую от потребления данных продуктов коренные народы и местные общины не имеют никакой прибыли. Поэтому мы подчеркиваем важность урегулирования вопроса защиты прав владельцев традиционных знаний.

Система интеллектуальной собственности, как раз-таки, обеспечивает сохранность традиционных знаний и предотвращает их незаконное использование.

Заметим, что фольклор, равно как и охрана проявлений фольклора, оказались вне основополагающего кодифицированного правового регулирования в рамках ЗАП и ГК, что отрицательно сказалось на недостаточной разработке этой проблемы в трудах ученых-юристов [3].

Исходя из существа проблемы, мы нашли оптимальное, на наш взгляд, её решение. Нами предлагается создать компетентный орган в структуре местных органов исполнительной власти с подчинением министерству культуры. В полномочия такого органа должны входить прием заявок на получение разрешения, а также вынесение решений по ним, сбор платежей. Компетентный орган должен реально защищать культурное наследие национально-этнической группы, требовать защиту, восстановление нарушенных прав на произведения фольклора. Полезно и логично участие в таком органе представителей культурных и этнографических учреждений, музеев.

Правовая защита фольклора является актуальной в Беларуси. Белорусы создавали свой фольклор на протяжении множества веков. Он, в свою очередь, выражает его национальную специфику и национальный дух. Необходимо, чтобы представители этнических групп имели юридически обоснованную возможность сохранять и развивать свой фольклор.

Обобщая предыдущую информацию, можно сделать вывод, что фольклор является не только вдохновением и отправной базой в творчестве многих писателей, музыкантов и т.д., но и выступает особым объектом государственной собственности. Хотя, практически все исследователи сходятся в едином мнении - произведения фольклора охране авторским правом не подлежат, нельзя отрицать, что фольклор как объект интеллектуальной собственности народа обладает спецификой и основными свойствами объектов авторского права: они создаются путем творчества и подвергаются тем же недобросовестным действиям (плагиат, искажение).

Общество заинтересовано в сохранности фольклора, поэтому фольклорные произведения нуждаются в специальной правовой охране.

Изучение законодательства, имеющего отношение к культуре и фольклору, показывает, что современное его состояние далеко не в полной мере отвечает предъявляемым к нему требованиям и нуждается в существенном улучшении. Таким образом, действующий закон об авторском и смежных правах устанавливает, что произведения народного творчества не являются объектом авторского права. Так, фольклор, равно как и охрана проявлений фольклора, оказались вне основополагающего кодифицированного правового регулирования, что отрицательно сказалось на недостаточной разработке этой проблемы в трудах ученых-юристов.

Подытоживая, мы отметили, что существует возможность авторизации и индивидуализации произведений аутентичного фольклора и их правовой охраны при помощи институтов авторского или смежного права путём наделения объекта интеллектуальной собственности определённой спецификой, а также

при помощи регистрации в уполномоченных органах, которые осуществляли бы прием заявок на получение разрешения, а также вынесение решений по ним и сбор платежей. Кроме этого, хочется отметить, что в настоящее время Международные Организации, в частности, ЮНЕСКО играют огромную роль в популяризации, внедрении, охране и защите фольклора в современном мире, что является огромным толчком, скажем, для Беларуси и других стран СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Департамент по экономическим и социальным вопросам // United Nations [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/indigenous-peoples-ru/what-we-do.html>. – Дата доступа: 22.09.2019.
2. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006г., № 98-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011г., № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Бундин, Ю.И.: Интеллектуальная собственность Микулы Селяниновича: Проблемы правовой защиты и пути их решения : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.03 / Ю.И. Бундин. – СПб., 2017. – 160 л.
5. Шебзухова, М.Х. Правовая охрана проявлений фольклора: дис. ...канд. юрид. Наук: 12.00.03 / М.Х. Шебзухова - Ставрополь, 2002г. 169 л.
6. Вопросы интеллектуальной собственности и генетических ресурсов, традиционных знаний и фольклора [Электронный ресурс] // Документ ВОИС : 2015 г. – Режим доступа: https://www.wipo.int/pressroom/ru/briefs/tk_ip.html. – Дата доступа: 25.09.2019.

УДК 347.1

БЛОКЧЕЙН КРИПТОВАЛЮТЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**Я.В. ВИЗНЕР***(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)*

В данной статье рассматривается специфика нового для Республики Беларусь вида деятельности – Blockchain криптовалюты с правовой точки зрения. В рамках исследуемой тематики, рассматриваются особенности Blockchain и специфика получения криптовалюты при его осуществлении. Приводятся виды Blockchain-технологий при помощи, которых возможно получение информации по транзакциям и сделкам, их особенности. Сделан вывод о взаимосвязи смарт-контракта и технологии «Blockchain».

По определенным мнениям в будущей перспективе Blockchain (блокчейн) может стать полноценным способом защитой объектов гражданских прав. В связи с этим следует разобраться в следующих вопросах:

1. Возможно, ли считать Blockchain (блокчейн) способом защиты объектом гражданских прав?
2. Какие виды Blockchain (блокчейн) существуют?
3. Каков порядок применения Blockchain (блокчейн)? Совпадает ли он со способами защиты объектов гражданских прав?

В соответствии со статьёй 111 Гражданского кодекса Республики Беларусь защита гражданских прав осуществляется путем:

- 1) признания права;
- 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права;
- 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 4) признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установления факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности;
- 5) признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 6) самозащиты права;
- 7) присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- 8) возмещения убытков;
- 9) взыскания неустойки;
- 10) компенсации морального вреда;
- 11) прекращения или изменения правоотношения;
- 12) неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления;
- 13) иными способами, предусмотренными законодательством[1].

При анализе данной статьи выявляется, что Blockchain (блокчейн) не соотносится ни с одним из приведенных пунктов, однако возможно выделить её самостоятельно, например, в такую категорию как, иными способами.

По источникам Сети Интернет, Blockchain (блокчейн) используется как средство защиты в Сети транзакции, но не имеет никакого отношения к способам защиты прав пользователей.

В рамках правовых юрисдикций разных стран, определение термина «финансовые инструменты» существенно различается. На сегодняшний день финансовые инструменты имеют свои особенности:

1. Абсолютная трансграничность;
2. Кроссплатформенность;
3. Простота использования;
4. Мгновенность операций;
5. Низкие и нулевые транзакционные сборы;
6. Высокая степень защищённости благодаря криптографии;
7. Децентрализованность;
8. Полная прозрачность происхождения и движения средств между счетами [2].

Blockchain (блокчейн) является составной частью криптовалюты, поэтому упоминание о криптовалюте невозможно без Blockchain (блокчейн). Иначе говоря, блок представляет собой набор данных, выстраиваемых в цепочку, следующих в определённой последовательности. Однако: при осуществлении

транзакции сведения записываются в ближайшие блоки (запись информации), данные доступны всем пользователям системы, которые находятся на платформе или бирже криптовалют [3].

В Республике Беларусь понятия «Blockchain» (Блокчейн) закреплено на нормативном уровне в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 21.12. 2017 г. «О развитии цифровой экономики».

Согласно Декрету Президента Республики Беларусь №8, реестр блоков транзакций (блокчейн) – выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях [4].

Иначе говоря, «Block» – это блоки, «chain» – это «цепочка» (в переводе с английского). Получается, что Blockchain – это цепочка блоков. Благодаря цепочке блоков возможна покупка, обмен и продажа криптовалюты на платформе и бирже криптовалют. Блоки представляют собой операции по транзакциям, сделкам, связанные с криптовалютой. Невозможно приобрести криптовалюту на платформе или бирже без заключения сделки, транзакции по счетам без основной его составляющей – Blockchain.

Исходя из определения понятия, блокчейн можно отнести к способам защиты гражданских прав. В широком смысле блокчейн можно сравнить с работой антивируса, который защищает программное обеспечение на компьютере, ноутбуке, планшете или смартфоне.

Для того чтобы Blockchain криптовалюты был эффективным способом для транзакции, необходимо взаимодействие всех участников, которые желают приобрести криптовалюту данным способом. Ведь, для получения одного блока необходим доступ к такому же блоку другого участника, но при использовании цепочки, получение блоков происходит в разной последовательности, так и происходит покупка, обмен и продажа криптовалюты с помощью технологии Blockchain [3].

Blockchain-технологии принято разделять на два вида, которые используются в современном мире:

1. Публичные – доступные широкому числу лиц. Суть такого Blockchain заключается в том, что любое лицо может осуществлять запись и считку данных. В данных отношениях имеется схожесть с майнингом при помощи видеокарт.

2. Частные – доступные ограниченному числу лиц. Здесь запись и чтение данных могут осуществлять определённые лица, которые могут устанавливать приоритетные узлы для транзакции. Похоже на биржу криптовалют, где есть организатор торгов и члены торгов.

Следует отметить, что в частном Blockchain все транзакции осуществляются быстрее, чем в публичном Blockchain [6]. Операционная среда децентрализована, а операции проводятся самими пользователями без привлечения посредников. Доверие к сети не зависит от доверия к администратору. Все транзакции в сети безотзывные, а за правильностью реализации транзакций следят сами же пользователи.

В то же время присутствуют риски, от которых не застрахован ни один пользователь. Возможен взлом биржи криптовалют и тогда теряются (списываются) накопления; информация (записи) о покупках, обмене и продаже криптовалюты, из-за чего в дальнейшем восстановить сам Blockchain затруднительно (в связи со значительными перепадами курса криптовалюты) [2].

При рассмотрении Blockchain с правовых, в том числе, гражданско-правовых позиций, выявляются определенные основания для отнесения данной деятельности к электронным сделкам. Ведь по сути это электронный код, при помощи которого осуществляются те или иные сделки, возникают соответствующие правоотношения. Такие сделки существуют на биржах и торгах, проводимые в сети Интернет, они не требуют много времени на их удостоверение или же составление. Электронные сделки также закрепляют определенные права и обязанности сторон, а также могут повлечь связанные с их осуществлением риски.

В специальной и юридической литературе электронные сделки (либо их часть) иногда идентифицируют как смарт-контракт. Их удобство определяется следующими факторами:

1. Такие сделки заключаются лишь в электронной форме, и их осуществление может происходить через определенный код (блок) – Blockchain.

2. Названный код (блок) вычисляется через определённую программу или систему – это может быть, например, Майнинг. Для его осуществления необходимы специальные системы и программы.

3. В таких сделках отсутствует третья сторона, всё исполнение обязательств лежит на сторонах сделки (например: покупатель и продавец) [7].

4. Сами смарт-контракты неотделимы от технологии Blockchain, поскольку для исполнения такой сделки необходим код (блок) операции.

Вместе с тем, прежде чем смарт-контракт станет широко использоваться, необходимо получить его признание со стороны законодателя. В настоящее же время такая форма электронных сделок используется лишь на биржах и площадках.

Однако в зарубежных странах (напр., США) учёные считают, что смарт-контракт является разновидностью гражданского правового договора. Договор считается электронным по форме, а обязательства исполнения все равно зависят от сторон договора. Такие договора применяются не только на биржах и площадках, но и для оказания услуг (например, клининговые услуги, заказ еды с доставкой и так далее) [8].

На основании изложенного возможно сделать вывод о том, что смарт-контракт – это компьютерный алгоритм, предназначенный для формирования, контроля и предоставления информации о владении чем-либо. В более узком смысле под смарт-контрактом понимается набор функций и данных, находящихся по определённому адресу в Blockchain. Следовательно, присутствует определенная взаимосвязь между категориями «смарт-контракт» и «Blockchain», а значит разрабатывать и принимать правовые нормы, регулирующие отношения в данной области, необходимо в комплексе и взаимосвязи с приведенными понятиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Генкин А. Блокчейн. Как это работает и что нас ждёт завтра / А. Генкин, А. Михеев. – Минск: Альпина, 2019. – 586 с.
3. Всё о криптовалюте от «А» до «Я»: криптовалюта, майнинг, блокчейн, форккриптовалюты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://promdevelop.ru/vse-o-kriptovalyute-ot-ya-rassmatrivaemye-popyatiya-kriptovalyuta-majning-blokchejn-fork-kriptovalyuty/>. – Дата доступа: 29.07.2019.
4. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь 21 декабря 2017г. № 8 // Parvo.by [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. ProstoCoin. Что такое блокчейн простыми словами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prostocoin.com/blog/blockchain-guide>. – Дата доступа: 29.07.2019.
6. Международный стандарт ISO/IEC/IEEE24765 : 2017-Systemsandsoftwareengineering – Vocabulary [Электронный ресурс] // ИСО – Международная организация по стандартизации. – Режим доступа: <https://www.iso.org/standart/71952.html>. – Дата доступа: 08.08.2019.
7. Лукоянов Н. В. Legaltech: смарт-контракты сквозь призму современного частного права [Электронный ресурс] // Юридические исследования. – 2018. – № 7. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26782. – Дата доступа: 09.08.2019.
8. Werbach, K. Contracts Ex Machina [Electronic resource]/ K. Werbach, N. Cornell // Duke Law Journal, 2017. – № 313. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=2936294>. – Date of access: 11.08.2019.

УДК 347.1

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**Я.В. ВИЗНЕР***(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)*

Такие объекты экономических отношений, как токены и криптовалюта уже давно используются для совершения торговых операций и различных юридически значимых действий в электронном виде. Законодательство многих стран придает большое значение различным инновациям. К таким новшествам (инновациям) следует отнести цифровые права. В статье рассматриваются цифровые права как новый объект гражданских прав в Республике Беларусь.

В настоящее время развитие современных телекоммуникационных систем повлекло за собой создание новых объектов гражданского оборота: криптовалюта, майнингкриптовалюта, блокчейнкриптовалюта, а теперь и цифровые права. Трансформация ценностей, в отношении которых участников гражданского оборота возникает интерес, следствие факторов, которые поспособствовали к переходу цифровой экономике.

Будучи урегулированными нормами законодательства, общественные отношения в сфере цифровых прав – становятся правоотношениями. Определение характера этих правоотношений и их места в системе гражданского права и цифровой экономики неразрывно связано с самим пониманием цифровизации.

В Гражданском кодексе Российской Федерации, имеется нормативное закрепление определения понятия «цифровые права» в статье 141.1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву [1].

Нормативно-правовой аспект в области цифровых прав Республике Беларусь не закреплён и не урегулирован, однако в Гражданском кодексе в статье 128 определён перечень видов объектов гражданских прав в пункте первом указано, что к таким объектам относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права [2].

Цифровые права нельзя отнести к иному имуществу, в том числе имущественные права, поскольку они возникают в конкретных ситуациях:

1. Возникают в сети Интернет.
2. Возникают и реализуются при обращении электронных денежных средств, а так же при заключении сделки или смарт-контракта.
3. Имеются у субъектов гражданского оборота осуществляющих свою деятельность в сети Интернет.

При применении информационных технологий осуществляется не только удостоверение объектов гражданских прав, но и государственная регистрация прав, закрепляющих принадлежность объекта гражданских прав определенному лицу, ограничение таких прав и обременения имущества.

В Республике Беларусь цифровые права не имеют нормативного правового закрепления. Декрет Президента Республики № 8 «О развитии цифровой экономики» закрепляет лишь цифровые денежные средства, заработок цифровых денежных средств, но цифровых прав нет.

Как отмечает С. Сеницын, моделирование нового типа субъективных прав должно отвечать критериям индивидуальности, требует фиксации определяющих характеристик (свойств) права, чего законодателем сделано не было [3].

Безусловно, такой способ фиксации ставит вопрос о защите интересов пользователей системы, в том числе защита цифровых прав – оформленных в виде технологии блокчейн. Но иногда и технология

блокчейн не справляется с утечкой информации из-за атак хакеров, поэтому необходимо предусмотреть защиту цифровых прав, как это реализуется с гражданскими правами [4].

Важной особенностью таких цифровых прав является то, что они не существуют в материальном мире, а преобладают и находят своё отражение лишь в электронном виде в сети Интернет. Необходимо учитывать и тот факт, что потеря личного кабинета, лицевого счёта, электронного кошелька цифровой актив утрачивается вовсе, когда цифровые права не прекращаются, а лишь приостанавливают своё действие и реализацию в данной ситуации[5].

Так можно выделить ещё одну особенность цифровых прав, они не имеют определенно установленного обладателя, так как они обычно принадлежат конкретному гражданину или юридическому лицу.

Можно сделать вывод, что цифровое право удостоверяет право на все объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, т.е. не только на иное имущество, а и на результаты работы или оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации[6].

Очевидно, что со временем сеть Интернет будет контролироваться государством, в области заключения сделок, смарт-контрактов, цифровых прав. В свою очередь будет обеспечиваться охрана и защита законных интересов участником таких видов правоотношений использующих технологией блокчейн [7].

Законодательно оформление отношений, связанных с цифровыми правами, позволит упорядочить и облегчить совершение сделок в сети Интернет с помощью цифровых прав. Это, в свою очередь, позволит расширить сферу применения таких прав в цифровой экономики.

Таким образом, введение цифровых прав в перечень объектов гражданских прав свидетельствует о новой тенденции в развитии гражданского оборота – его цифровизации.

Вместе с тем, правовая база имеет определенные недоработки, препятствующие эффективной реализации этого потенциала и нуждается в детальной проработки и уточнении некоторых. В настоящее время в Республике Беларусь предпринимаются активные усилия, направленные на совершенствование законодательства в области гражданского права.

Одним из возможных путей движения в данном направлении видится положительное заимствование опыта правового регулирования российского законодателя: осуществить закрепление цифровых прав как объектов гражданско-правового регулирования в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32 : с изм. и доп. от 10.07.2019 // КонсультантПлюс / Офиц. Интернет-портал прав. помощи. – 2019.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З :Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 янв. 1998 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 18.12.2018 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Синицын А.С. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М. : ИЗиСП., 2017. – 43 с.
4. Макарчук Н.В. Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. – 2018. – № 1. – С. 21-24.
5. Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. – 2018 – № 4. – С. 31-38.
6. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 5 – 18.
7. Электронное правосудие. Электронный документооборот. Научно-практическое пособие / под общ. ред. С. Ю. Чуча. – М. : Проспект. – 2017. – 160 с.

УДК 347.7

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**О.И. ДУНЧЕНКО****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

В публикации рассматриваются возможность применения облачных технологий в современном образовательном процессе. Будет рассмотрено определение «Cloud Computing», возможность его применения в сфере облачных технологий. Выявляются недостатки и преимущества применения облачных технологий в образовательном процессе, а также варианты правового регулирования.

Совершенствование информационных технологий на сегодняшний день занимает важные позиции ввиду своей актуальности и применения практически каждым человеком. В образовательном процессе делаются небольшие шаги по внедрению новых информационных технологий, усовершенствованию школьной и университетской инфраструктуры.

Передовая позиция новых информационных технологий в образовании состоит в том, что они не только выполняют функции так называемого инструмента, используемого педагогами, но и предоставляют новые качественные возможности, а также стимулируют развитие новых методик в образовании, способствуют созданию новых форм обучения и получения образования. Облачные технологии являются одним из самых перспективных направлений развития компьютерных технологий. Под облачными технологиями (англ. cloud computing) понимают технологии распределения и обработки компьютерных данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю от провайдера как интернет-сервис [1; 2]. Проанализируем сущность понятия и основные характеристики облачных технологий для обоснования целесообразности и возможности их внедрения в образовательный процесс.

Национальный институт стандартов и технологий США (National Institute of Standards and Technology — далее NIST) в документе «NIST Definition of Cloud Computing v15» [3, с. 106], определил облачные вычисления как модель предоставления удобного, повседневного, доступного для каждого человека, сетевого доступа (по мере необходимости). В этот доступ входит пользование серверами, приложениями облачного хранения и сервисами, которые максимально быстро предоставляются пользователю без необходимости обязательной уплаты за пользование провайдеру. При процессах облачных вычислений данные постоянно хранятся на виртуальных серверах, расположенных непосредственно в облаке, а также временно кэшируются со стороны клиента на компьютерах, ноутбуках, нетбуках, мобильных устройствах и т. п. [2].

Для построения облачного сервиса используют одну из трех базовых моделей:

1. программное обеспечение как сервис;
2. платформу как сервис;
3. инфраструктуру как сервис.

Проанализируем более подробно модели облаков с целью выявления возможности их применения в образовательном процессе.

Программное обеспечение как сервис (SaaS, software as a service) — модель развёртывания приложения, которая подразумевает предоставление приложения пользователю как услуги по требованию и необходимости. При этом в облаке хранятся не только данные пользователя, но и связанные с ними приложения, а пользователю для работы требуется только веб-браузер. Именно программное обеспечение как сервис пользуется популярностью и вызывает наибольший интерес в образовательном процессе. В качестве примера программного обеспечения, использующегося как сервис, можно привести системы «Google Apps for Education» и «Microsoft Live@edu», предоставляющие не только средства коммуникации, но и офисные приложения, такие как электронная почта, электронные таблицы, приложения для обработки текстов и т. п. [3 с. 107]. На сегодняшний момент в мире применяется четыре модели развёртывания:

1. Приватное облако — применяется для предоставления сервиса внутри одной компании, которая является одновременно заказчиком и поставщиком услуг. Приватное облако является вариантом реализации облачной технологии, когда компания создаёт её для себя самой, в рамках организации, и для её сотрудников.

2. Публичное облако — предоставление облачных технологий и хранилищ за пределами созданной облачной инфраструктуры.

3. Гибридное облако — создание облачного сервиса, состоящего из двух и более облаков различного типа.

4. Общественное облако — вид инфраструктуры, предназначенный для использования конкретным кругом лиц, например, потребителей из организаций, имеющих общие задачи. Примерами общественных облаков являются платформы «Windows Azure», вебсервисы «Amazon», «Google App Engine» и «Force.com» [1].

Платформа как сервис (PaaS, platform as a service) — это предоставление определённой платформы для разработки, тестирования, развертывания и поддержки веб-приложений как услуги. При использовании облачных технологий на платформе сервиса, пользователи имеют возможность устанавливать собственные приложения на платформе, предоставляемой провайдером. В качестве примера можно привести сервис «Google Apps Engine», позволяющий его разработчикам создавать и устанавливать приложения на языке «Python». Однако данный тип облачных вычислений в настоящее время не актуален для образовательных учреждений, поэтому возможность его внедрения в образовательный процесс не рассматривается.

Инфраструктура как сервис (IaaS, infrastructure as a service) — предоставление компьютерной инфраструктуры как услуги на основе облачных вычислений. На этом уровне пользователи получают базовые вычислительные системы и ресурсы. Например, устройства для хранения информации и пользовательских данных, используют эти ресурсы для создания своих собственных операционных систем и приложений. Одним из примеров такого подхода является «Amazon Elastic Compute Cloud» (Amazon EC2) — компании могут использовать эту инфраструктуру, устанавливая на виртуальных машинах Linux-серверы, и при необходимости наращивать вычислительные мощности [3, с. 107]. Такая модель использования облачных технологий подразумевает бесплатное предоставление ресурсов хранения данных, функций электронной почты и систем совместной работы, что может быть интересным для образовательных учреждений.

Для образовательных учреждений наиболее подходящими будут публичные и общественные облачные системы, являющиеся моделями развёртывания облаков программного обеспечения как сервиса. К использованию вышеуказанных технологий переходят некоторые зарубежные образовательные учреждения. Например, в Литве Каунасский технологический университет (Kaunas University of Technology) в течение трех последних лет использует облачные сервисы, предоставляемые Microsoft Live@edu. В США целые штаты переходят на использование облачных технологий. Так, в университете Хофстра (Hofstra University) используют облачные сервисы, предоставляемые «Google Apps». Также университету была предоставлена возможность поддержки электронной почты внутри ВУЗа для своих студентов и преподавателей.

Еще одним методом использования облачных сервисов, который начинает распространяться в сфере образования, является перемещение в облако систем управления обучением (Learning Management Systems, LMS). Передача поддержки таких LMS, как «Blackboard, Moodle» и т. д., внешним провайдерам имеет смысл для образовательных учреждений, которые не могут позволить себе покупку и поддержку дорогостоящего оборудования и программного обеспечения.

Проанализировав модели облаков и опыт применения их в образовательных учреждениях зарубежных стран, мы пришли к выводу о том, что чаще всего образовательные учреждения используют модель облака «программное обеспечение как сервис». Использование данной модели не требует от образовательного учреждения создания собственного сервера и быть провайдером, обслуживая его, что позволяет избежать экономических затрат и дает возможность устанавливать собственные приложения на платформе, предоставляемой провайдером услуги.

Проведённый анализ позволил выделить преимущества внедрения облачных технологий в образовательный процесс:

1. Экономичность. Внедрение облачных технологий позволит многим учреждениям образования снизить уровень экономических затрат, ведь облачные сервисы внешними провайдерами будут предоставляться бесплатно.

2. Будут снижены требования к компьютерному обеспечению (технике), так как для работы облачных сервисов необходимо лишь наличие доступа в сеть Интернет.

3. Технологичность использования, то есть облачные сервисы, даже самого высокого уровня, достаточно просты в использовании и практически не требуют никакой поддержки.

4. Услуги и инструменты, предоставляемые пользователям облачных технологий, организуют максимально безопасное соединение, что обеспечивает возможность сотрудничества учащихся с преподавателями учреждений.

Можно выделить и некоторые недостатки использования облачных технологий в образовательном процессе, которые носят в основном технический и технологический характер. К таким недостаткам можно отнести ограничение функциональности программного обеспечения по сравнению с локальными аналогами, отсутствие отечественных провайдеров облачных сервисов («Amazon», «Goggle», «Salesforce» и др. сосредоточены в США), отсутствие отечественных и международных стандартов, а также отсутствие законодательной базы применения облачных технологий, что является наиболее значимым недостатком. В настоящее время наиболее распространенными системами сервисов на основе технологии облачных вычислений, применяемыми в образовательном процессе, являются «Microsoft Live@edu» и «Google Apps Education Edition». Они представляют собой web-приложения на основе облачных технологий, предоставляющие учащимся и преподавателям учебных заведений инструменты, использование которых призвано повысить эффективность общения и совместной работы [3, с. 108].

В образовательный процесс использование облачных сервисов приходит с задержкой и ещё не нашло своего широкого применения в образовательных учреждениях Республики Беларусь. Несмотря на достоинства применения облачных ресурсов в образовательном процессе, их развитию препятствует ряд объективных причин. Большинство отечественных образовательных учреждений скептически и с недоверием относятся к аренде и использованию облачных вычислительных систем, предпочитая работать традиционно с собственным техническим оборудованием и программным обеспечением, которые хранятся локально и учащиеся с преподавателями имеют к ним свободный доступ. Облачные технологии позволяют дать возможность школьникам и учащимся ВУЗов взаимодействовать со сверстниками в процессе обучения независимо от их местоположения.

Законодательство в сфере облачных ресурсов в Республике Беларусь малоразвито, о чём говорит тот факт, что нормативно-правовые акты в данной области скорее имеют рекомендательный характер, нежели чем правовой, с указанием на их соблюдение. В странах ЕС в дополнение к общеевропейским директивам и указаниям были приняты национальные законодательные акты о защите данных и облачных вычислений, которые в том числе применяются и в образовании. Например, в Чехии в 2013 г. был принят Закон о защите персональных данных в облачных сервисах, который, включает: определения терминов «облачные вычисления», «IaaS», «SaaS», «PaaS», «публичное облако», «частное облако» и «гибридное облако»; определения понятий контроллера данных и обработчика данных; порядок оценки адекватности уровня защиты; правила, касающиеся передачи персональных данных за пределы Чешской Республики [4]. В странах ЕС вопросы конфиденциальности и защиты данных имеют первостепенное значение при использовании облачных вычислений, как в сфере предоставления облачных технологий как услуг, так и в образовательном процессе. Для конкретизации и усиления границ правового регулирования облачных систем на разных уровнях в Республике Беларусь, необходимо создание отдельных нормативно-правовых и законодательных актов для обеспечения безопасности использования облаков в образовании, и в повседневной жизни.

Облачные технологии позволяют образованию преодолеть географические, социальные и технологические барьеры. Они предлагают классическому образовательному процессу альтернативу, заключающуюся в персональном обучении, проведении интерактивных занятий и т.п. Внедрение облачных технологий не только снизит затраты образовательных учреждений на приобретение необходимого технического оборудования, повысит качество и эффективность образовательного процесса, но и подготовит учащегося школы и ВУЗа к жизни в современном информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
2. Единый портал электронных услуг (ОАИС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://portal.gov.by>. — Дата доступа: 04.08.2019.
3. Сейдаметова З. С., Сейтвелиева С. Н. Облачные сервисы в образовании // Информационные технологии в образовании. — 2011. — № 9. — с. 105—111.
4. Google App Engine [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. — Дата доступа: 17.09.2019.

УДК 347.7

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ****О.И. ДУНЧЕНКО****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

В публикации рассматриваются правовые особенности использования облачных технологий, в том числе, связанных с обработкой персональных данных провайдерами облачных сервисов, а также возникающие при этом правовые проблемы, и зарубежный опыт формирования национальных облачных стратегий и правового регулирования в этой сфере.

Актуальность использования в сегодняшнее время облачных ресурсов очевидна, рост их возможностей в самых различных сферах становится всё более популярным направлением, а сами облачные технологии уже выделяются в отдельную область рынка информационных технологий. При этом совершенно очевидно, что наряду со стремительным ростом использования облачных систем и их ярко выраженными преимуществами, растёт также количество новых рисков и угроз, технологического и правового характера, которые обязательно должны быть исследованы.

Вместе с тем особую остроту приобретает проблематика по обеспечению безопасности, включая защиту информации при использовании облачных технологий. В связи с этим следует отметить сделанное в конце 2012 года заявление компании «Trend Micro», одного из лидеров среди поставщиков комплексных средств защиты «облаков», о том, что имеющиеся в настоящее время средства безопасности пока не способны в полной мере обеспечить защиту данных в облачных инфраструктурах [1].

Данная проблема является актуальной, одной из ключевых компаний на международном рынке программного обеспечения в области информационной безопасности и антивирусов корпорацией «Symantec», сделан вывод о том, что 77% компаний испытывают сложности из-за самовольного использования персоналом облачных ресурсов в обход правил компании, что приводит к нарушениям целостности либо утрате конфиденциальной информации. Именно по этой причине особого внимания заслуживают аспекты правового регулирования использования облачных технологий и вытекающих из этого рисков [2].

Отношения между провайдерами и потребителями облачных услуг не позволяют цивилизованно разрешать конфликты, которые неизбежно возникают при развитии облачных технологий, и их использовании, в процессе которых появляются огромные массивы информации, содержащей персональные данные граждан и иные виды информации ограниченного доступа, включая коммерческую тайну. На сегодняшний момент отсутствует единый вход в облачные сервисы, с связи с чем в случае передачи в «облако» каких-либо процессов либо информации, организация вынуждена передавать информацию сразу и во внешние компании, в результате чего повышаются риски нарушения целостности и конфиденциальности информации. Крупные компании в определенной степени уже решают данную проблему путём создания собственных облачных сервисов, однако малые и средние организации не могут позволить себе собственные облачные технологии, пользуясь публичными облачными сервисами, что не даёт им соответствующих инструментов для защиты своих прав.

Проблема усугубляется ещё и тем, что, размещая информацию в публичном облачном сервисе, организация не имеет возможности контролировать уровень обеспечения её безопасности, ввиду того, что провайдеры облачных сервисов не предоставляют клиентам возможность проведения статистического контроля защищённости своих сервисов.

Одним из заслуживающих внимания примеров использования облачных вычислений в государственных учреждениях является облачная платформа «NASA Nebula», позволившая учёным организовать космические исследования в течение рекордно короткого времени, перевод Федерального Казначейства США на облачную платформу «Amazon EC2», создание Министерством внутренней безопасности США [4] облака, содержащего 100 000 электронных адресов сотрудников различных подразделений Министерства, а также перевод на в облачную инфраструктуру 120 000 электронных адресов Министерства сельского хозяйства США [3].

Следует также отметить, что в 2012 году корпорацией «Google» был разработан набор облачных сервисов, предназначенных специально для применения в Федеральном Правительстве США, ведомствах и агентствах. Впервые в истории Правительство США сертифицировало набор программ для использования в государственных учреждениях, доступ к которым осуществляется через Интернет, при

этом сервис «Google» стал первым облачным сервисом, прошедшим сертификацию на соответствие требованиям Федеральной программы по информационной безопасности [4].

Значительное внимание к правовому регулированию процессов, связанных с облачными вычислениями, отмечается и в Евросоюзе, о чём свидетельствует разработка и принятие целого ряда документов. Так, в 2009 году Европейским агентством сетей и информационной безопасности [3] был опубликован отчёт о рисках и преимуществах облачных вычислений в сфере информационной безопасности. В 2011 году также был опубликован доклад «Безопасность и отказоустойчивость в государственных облаках».

Анализ международного и зарубежного опыта свидетельствует о том, что, на основе теоретических и фундаментальных научных исследований в этой области в Республике Беларусь также необходимо создание стратегического документа, направленного на систематизацию и упорядочение тех видов деятельности, в основе которых лежат «облачные» технологии, поскольку использование и развитие облачных вычислений происходит очень свободно и разнонаправленно ввиду отсутствия стандартов в этой области.

В силу отсутствия конкретизации правового регулирования и законодательного закрепления облачных технологий, возникают правовые проблемы, а именно, с определением категорий «облаков». Они могут быть публичными, приватными, а также гибридными, и ввиду отсутствия разграничения данных категорий, безопасность использования облачных технологий находится под угрозой, так как достаточно легко могут быть украдены персональные данные пользователей провайдером услуг либо же злоумышленниками. Для устранения данной проблемы необходимо начать формировать новый уровень взаимодействия с правоохранительными и контролирующими органами, и работать над конструкцией нового законодательства путём создания конкретной нормативно-правовой базы, и законодательных актов, так как существует неопределенность в части юридической квалификации отношений в связи с использованием в Республике Беларусь «облачных» сервисов, поскольку в действующем законодательстве Республики Беларусь не учтены их особенности и регулируются преимущественно традиционные технологии.

Таким образом, следует сказать, что необходимость правового регулирования облачных вычислений уже не вызывает сомнений и многими государствами уже предприняты меры по дальнейшему системному развитию облачных вычислений в соответствии с современным развитием технологий и общества, а также устранению существующих рисков и угроз.

Однако в условиях глобализации выросла необходимость разработки международных правовых норм, отсутствие которых отрицательно влияет на развитие облачного направления в целом, хотя в большей степени, по мнению отраслевых специалистов, это отражается в сфере использования публичных облачных технологий. Принятие на международном уровне соответствующих правовых актов необходимо для обеспечения информационной безопасности и системного развития облачных технологий как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портал об электронном правительстве в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-gov.by> — Дата доступа: 04.07.2019.
2. Единый портал электронных услуг (ОАИС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://portal.gov.by>. — Дата доступа: 04.07.2019.
3. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года [Электронный ресурс] / постановление Совета Министров Респ. Беларусь. — Минск, 2010, № 1174 // Национальный правовой портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.by>. — Дата доступа: 17.09.2019.
4. Amazon S3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. — Дата доступа: 17.09.2019.

УДК 34.096

**КОНТЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ:
АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, НОРМ ЭТИКИ И МОРАЛИ****Н.И. КОЗЛОВА***(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)*

Исследован вопрос о регламентации поведения преподавателей высших учебных заведений в социальных сетях, в частности положения Кодекса корпоративной этики ПГУ о деятельности в информационном пространстве. А также рассмотрена специфика и необходимость данного регулирования.

В современном мире, жизнь граждан не заканчивается только реальным пространством, поведением и поступками, которые можно выразить вовне. Помимо этого, существует и информационное, виртуальное пространство в сети интернет. На просторах сети каждый также выбирает себе определенную модель поведения, позиционирует себя с определенной стороны. И профессиональная деятельность может накладывать след не только на поведение в реальной жизни, но и ограничивать определенным образом свободу в интернете.

В Республике Беларусь сложно найти общественные отношения, которые не были бы урегулированы правовыми нормами, в подавляющем большинстве законодательством охватываются все наиболее важные сферы жизни граждан. Однако, как известно, некоторые взаимоотношения между гражданами, а также поведение в определенной обстановке, чаще всего базируются на воспитании и нравственном восприятии этими людьми себя и общества в целом. К таковым в определенном роде можно отнести правила профессиональной этики работников высшего учебного заведения.

На данный момент наиболее остро стоит проблема регламентации поведения преподавателей высших учебных заведений, а также в принципе вопрос необходимости регламентации данной сферы.

Что же на самом деле представляют из себя правила профессиональной этики преподавателя, чем они определяются и как понять, какое поведение будет соответствовать статусу преподавателя, а какое нет. Ведь у каждого человека есть свои границы и пределы допустимого. Данный вопрос является дискуссионным и по сей день.

Одним из нормативных правовых актов, содержащими в себе нормы, которые регламентируют данную сферу является Кодекс об образовании Республики Беларусь.

Нормами данного НПА, в частности, подп. 1.2. п.1 ст. 53, установлено, что педагогические работники обязаны соблюдать правовые, нравственные и этические нормы [1]. И если касательно соблюдения правовых норм никаких вопросов не возникает, то дела с нравственными и этическими нормами обстоят по-другому. По моему мнению, данная регламентация слишком абстрактна, так нравственность и этика являются оценочными понятиями

Итак, для данного исследования обратимся к Кодексу корпоративной этики ПГУ в котором говорится, что Кодекс этики отражает принятые в Университете стандарты поведения, гарантирующие честные и справедливые отношения к членам команды, партнерам, а также соблюдение законов и внутренних документов. Кодекс этики предназначен, как и для работников университета, так и для студентов [2].

По своей юридической силе данный документ, является нормативным, однако не правовым актом, так как принимался органами профессионального сообщества, а не государственным законодательным органом. Положения данного кодекса основываются на нормах законодательства, но следует учесть и то, что действующее законодательство, регламентирующее права и обязанности преподавателей, не может охватить своим регулированием все нюансы их профессиональной деятельности. Поэтому и возникает необходимость в дополнительном регулировании профессионального поведения. Ведь корпоративные правила разрабатывают представители конкретных специальностей, которые лучше разбираются в данной сфере [3].

Безусловным достоинством кодекса корпоративной этики является тот факт, что в нем содержатся ответы на наиболее часто встречающиеся в профессиональной деятельности сложные с нравственно-этической точки зрения вопросы.

Тема регламентации поведения преподавателей набирает все большую актуальность, связано это также и со стремительным развитием социальных сетей, где каждый может поделиться какими-либо фрагментами из своей личной жизни, что в общем стало привычно для всех людей. Но может ли преподаватель позволить себе, скажем, выложить фотографию в купальнике, либо в нижнем белье и как на это отреагируют его коллеги или студенты, которых он обучает. Тем более в действующих нормативных

правовых актов, таких как Кодекс об образовании РБ, Правила внутреннего трудового распорядка ПГУ, не содержится норм, которые бы регулировали данный вопрос, либо предусматривали бы ответственность за публикуемый контент.

И лишь Кодекс корпоративной этики содержит в себе некоторые положения о деятельности в информационном пространстве и общении в социальных сетях, более того содержится перечень правил, которым рекомендуется придерживаться при взаимодействии в социальных сетях. А также размещены ответы на наиболее важные вопросы, касательно того как образ и фотографии могут отразиться на репутации университета.

Если на личной страничке в социальной сети указано, что Вы студент / преподаватель / сотрудник Полоцкого государственного университета, то это уже страница представителя университета. И каждое высказывание в таком аккаунте воспринимается другими людьми как продукт университета. Публикации на таких страницах прямо влияют на имидж университета в целом и имидж социальной группы, которую Вы представляете. Поэтому форма и стиль общения в социальных сетях должны быть связаны с ценностями Университета и положениями Кодекса.

Анализируя данное положение, впечатления остаются противоречивые, касательно того как по поведению отдельных людей можно оценивать весь университет в целом. А также сомнительно и то, что указание на странице в социальных сетях о принадлежности к ПГУ уже свидетельствует о том, что лицо является представителем университета. Ведь ПГУ имеет свой собственный сайт, страницы в социальных сетях, а также странички, которые представляют непосредственно отдельные факультеты. Гораздо целесообразнее было бы давать оценку об уровне ВУЗа как раз-таки исходя из этих источников.

Мы опросили преподавателей касательно того испытывают ли они ответственность за контент, который размещают у себя на страницах в социальных сетях, а также считают ли они необходимым наличие Кодекса корпоративной этики. И если относительно первого вопроса все ответили положительно, то насчет Кодекса, некоторые из опрашиваемых выделили, что его наличие скорее необязательно, чем нужно. То есть преподаватели, которым этика привита в силу воспитания, будут чувствовать ответственность за свои действия, вне зависимости от того, существует Кодекс или нет. Из этого можно сделать вывод, что в некоторых ситуациях данный документ будет являться неэффективным.

Также важным для нашего научного исследования было понять, как со своей точки зрения студенты видят своих преподавателей и насколько сам образ, и поведение преподавателя в социальных сетях отражается на восприятии их студентами.

Для решения поставленной задачи была разработана анкета из 6 вопросов, включающая три полу-закрытых вопроса и три вопроса по типу свободного ответа. Анкетирование было представлено студентам в виде Google формы и являлось анонимным. В ходе данного анкетирования мы получили мнение 134 респондентов из различных ВУЗов РБ, в том числе и ПГУ.

По результатам проведенного опроса было выявлено, что у большинства студентов нет конкретных требований к внешнему виду преподавателей, а в большинстве своих ответов респонденты подчёркивали, что главное – это опрятность, ухоженность и соблюдение гигиены. То есть свобода в выборе одежды допускается, с точки зрения студентов, однако «неопрятность имеет значение».

На вопрос «имеет ли для вас значение внешний вид преподавателя?», лишь 27,6% респондентов ответили, что это имеет значение, 50% подчеркнули, что важно лишь то, что преподаватель говорит, а не то как он выглядит или во что одет, и только 15,7% выбрали вариант, что им все равно.

Анкета содержала также и вопросы, касающиеся социальных сетей. Выяснилось, что только 38,8% респондентов подписаны на своих преподавателей в социальных сетях, возможно связано это с тем, что нередко случаи того, что преподаватели не разглашают своих имен в социальных сетях, и по мнению студентов делается это для того, чтобы избежать смешивания личной жизни и работы.

На вопрос «обсуждаете ли вы с однокурсниками или друзьями фото, которые ваши преподаватели выкладывают в социальные сети?» 50% опрашиваемых ответили, что это бывает, но редко, 6,7% отметили, что это бывает довольно часто и 37,3% указали на то, что они этого вообще не делают.

Возвращаясь к теме об ответственности за контент, который размещают у себя на странице преподаватели, в анкете так же содержался вопрос о том известны ли студентам случаи издёвок или насмешек над преподавателями, которые обусловлены публикациями на их страничках в социальных сетях. Ответы, полученные на него, не могут не радовать, так как большинству студентов не доводилось наблюдать таких случаев, более того ими было подмечено, что «издёвки и насмешки - не те слова, и, если что-то и обсуждалось, это просто по-доброму, без желания обидеть». Но, несмотря на общую лояльность «чересчур откровенные фотографии вызывают волну обсуждений среди студентов, которые считают это ненормальным», по словам респондентов.

Подводя итог данного исследования можно сделать вывод, что поведение преподавателей в социальных сетях в должной мере не урегулировано нормативными правовыми актами, более того, это является необязательным, так как все-таки в данном случае моральный регулятор носит более весомый характер по сравнению с законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 404-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Кодекс корпоративной этики Полоцкого Государственного Университета [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.psu.by/images/stories/psu/social/kodeks-etiki-pgu.pdf>. – Дата доступа: 29.05.2019.
3. Малиновский Алексей Александрович Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. №4 (136) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-professionalnoy-etiki-ponyatie-i-yuridicheskoe-znachenie>. – Дата доступа: 29.05.2019.

УДК 342.723

**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ
О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН****Н.И. КОЗЛОВА****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

Исследовано понятие частной жизни граждан, нормативное закрепление права на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. Информация о частной жизни граждан была рассмотрена в качестве объекта гражданско-правовой защиты, а также проведен сравнительно-правовой анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Республики Беларусь, которые закрепляют меры по охране нематериальных благ.

Статьей 28 Конституции Республики Беларусь гарантируется, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь [1]. Именно это право относится к личным правам человека и гражданина и представляет гарантированную государством возможность человека не разглашать информацию о себе, а также не допускать ее разглашение со стороны третьих лиц [2]. Помимо Конституции защита прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни гарантируется Гражданским кодексом, Кодексом об административных правонарушениях, а также Уголовным кодексом. В целом ряде актов законодательства закреплены различные правовые аспекты сферы частной жизни.

Помимо вышесказанного, Всеобщая декларация прав человека (ст.12), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст.8), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст.17) предусматривают в своих положениях право на защиту частной, семейной жизни [3]. Однако несмотря на повсеместное закрепление такого рода положений, ни в одном из этих документов, а также в национальном законодательстве не содержится определения понятия частной жизни человека и гражданина. Что, по нашему мнению, является неким пробелом в законодательстве, так как право на защиту частной жизни гарантируется законом, но что в данном контексте необходимо защищать – не определено.

Данная неопределённость также создает затруднения и в разграничении какие именно сферы жизни гражданина будут относиться к частной жизни, а какие к общественной. Также следует учитывать и тот факт, что в настоящее время активно развивается использование различных социальных сетей. А также и то, что большой процент людей имеет профили в них, где размещают определенную информацию о себе, которая с одной стороны и является частной, но находится в общем доступе. К таковой, допустим, можно отнести контактные данные, место жительства, указание на определенную сферу интересов. То есть, по факту индивид сам определяет какая информация о нем может быть доступна другим, а какая нет.

Стоит также упомянуть, что в соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь, такое явление как неприкосновенность частной жизни, относится к личным нематериальным благам [4]. Аберхаев Э.Р. выделяет следующие специфические признаки, которые присущи праву на неприкосновенность частной жизни. Во-первых, оно принадлежит конкретному гражданину в силу закона, является неотчуждаемым и непередаваемым другим лицам иным способом, кроме случаев, предусмотренных законом. Во-вторых, оно является абсолютным, то есть управомоченному лицу противопоставит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от нарушения права. И в-третьих, управомоченное лицо обладает лишь двумя видами правомочий: возможность требовать от неопределенного круга обязанных лиц воздерживаться от нарушения права и возможность прибегнуть в случае нарушения права к установленным законом мерам защиты [5].

Следует учесть, что необходимо различать понятие частной жизни и интимной жизни. Интимная жизнь представляет собой сугубо личные отношения между людьми, которые в основном не регулируются нормами права, здесь будут преобладать моральные нормы, нравственность, традиции, которые сложились в том или ином обществе. Однако несмотря на то, что государство и общество не должно вмешиваться в личную и интимную жизнь граждан, данные составляющие жизни человека охраняются законодательством. Примером могут служить случаи разглашения сведений об интимной жизни лица, которые могут вызвать чувство стыда, оскорблять честь и достоинство личности. В таком случае имеет место быть гражданско-правовая охрана нарушенного права.

Как уже было упомянуто выше, нормы, гарантирующие соблюдение права граждан на неприкосновенность и невмешательство в частную жизнь, содержатся не только в национальном законодательстве, но и в ряде международных правовых актов. Статьей 12 Всеобщей декларации прав человека, провозглашено, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств [6].

Обеспечение охраны частной жизни граждан является важной составляющей демократического государства, каким в соответствии со ст.1 Конституции является Республика Беларусь [1]. Обусловлено это и тем, что право на неприкосновенность частной жизни занимает одно из ведущих мест в числе личных конституционных прав и вместе с другими правами составляет основу конституционного статуса личности [7]. Однако, одного провозглашения права мало для его соблюдения всеми субъектами. Действующим законодательством государства должен быть предусмотрен механизм гарантий, обеспечивающий полную реализацию прописанных прав, а также нормы, которые бы предусматривали ответственность за их несоблюдение. Но как показывает практика, и этого бывает недостаточно, так как население в большинстве своем обладает низкой правовой грамотностью, то есть частичным либо вовсе полным незнанием законов того государства, гражданином которого они являются. И чаще всего граждане не в состоянии самостоятельно определить где заканчиваются его права и начинаются права другого.

Итак, в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса объектом гражданских прав являются как нематериальные блага, так и нераскрытая информация. Анализируя положения данной статьи, а также положение ст. 151 ГК, мы можем прийти к выводу, что частная жизнь гражданина является объектом гражданских прав и подлежит гражданско-правовой охране.

Это значит, что частная жизнь как объект гражданских правоотношений включает в себя не только реальные явления и отношения, но и информацию о них. В связи с этим нормами гражданского права должно обеспечиваться не только свобода граждан в сфере их частной жизни, но и недопущение распространения информации о личной жизни гражданина и сохранения ее тайны.

В настоящий момент многие правозащитники утверждают, что нарушение неприкосновенности частной жизни является наиболее актуальной проблемой, поскольку органы, в компетенцию которых входит издание и принятие новых законов не в силах справиться с прогрессом и своевременно заполнить пробелы законодательства в данной области.

Охрана частной жизни гражданина включает охрану разных сторон жизни человека и в, частности, интимные сведения, привычки, здоровье, особенности физиологии, а также данные о финансовых делах и юридически значимых действиях. В связи с развитием средств информационной коммуникации, тема охраны конституционного права человека на неприкосновенность приобретает все большую актуальность.

Существуют следующие виды гарантий, обеспечивающих реализацию права на неприкосновенность частной жизни:

- запрет на работу с информацией о жизни отдельного лица без его согласия;
- запрет на распространение сведений о чести и добром имени;
- защита персональных сведений о человеке (тайны личных данных, тайна изображения);
- защита жилища;
- право на профессиональные тайны: врачебную, усыновления и т.д.

В частности, рассмотрим запрет на работу с информацией о жизни отдельного лица без его согласия. В ст.18 Закона РБ «Об информации, информатизации и защите информации», четко прописано о том, что сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица [8]. На наш взгляд, такие ограничения объективно необходимы, чтобы сбалансировать интересы отдельной личности с интересами других лиц, а также публичный интерес.

Ограничение на распространения сведений о чести и добром имени лица, можно рассмотреть на примере осуществления предварительно следствия. В частности, абзац 4 ч. 2 ст. 14 Закона РБ «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их должностным лицам разглашать и (или) использовать во вред гражданам или организациям сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну граждан и (или) иные их права, свободы и законные интересы, которые стали известны при проведении оперативно-розыскных мероприятий, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами [9].

То есть по факту, законодательством предусмотрены все необходимые меры по защите частной жизни граждан и обеспечены все гарантии реализации данного права, но несмотря на это, субъектами права все равно являются люди, которые склонны к нарушению запретов, именно поэтому данная составляющая нуждается в гражданско-правовой защите.

Определить содержание права на неприкосновенность частной жизни возможно не только через правомочия, которыми располагает субъект данного права, но и через нарушения, от которых данное право его защищает [5]. Например, вмешательство в его личные дела, предание гласности сведений личного характера, таких как тайна об усыновлении, врачебная тайна, неблагоприятно влияющие на его имидж в обществе или причиняющие ему нравственные и моральные страдания.

Для изучения средств, которые используются для защиты вышеуказанного права обратимся к Гражданскому кодексу РФ, а также к ГК РБ. Проведем сравнительный анализ норм, которые закрепляют меры по охране нематериальных благ. Стоит сразу отметить, что нормы, предусматривающие охрану нематериальных благ в ГК РФ гораздо обширнее и содержательнее, нежели, нормы, содержащиеся в ГК РБ. Статьи 153 ГК РБ и 152 ГК РФ посвящены защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако несмотря на общий объект защиты, данные статьи различны по своему содержанию. В частности, в ст. 152 ГК РФ проводится разграничение между распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина в средствах массовой информации, а также распространением ее в сети «Интернет». Данное разграничение обосновано, так как все-таки, в настоящее время, распространение какой-либо информации происходит гораздо быстрее в компьютерном информационном пространстве, нежели в каких-либо печатных изданиях СМИ, конечно же, за исключением случаев, когда СМИ является интернет-изданием.

На наш взгляд основным отличием норм ГК РБ и ГК РФ в данном вопросе, является наличие ст. 152.2 в ГК РФ, которая непосредственно посвящена защите частной жизни граждан. И содержит некоторые средства для обеспечения ее охраны. Например, ч. 4 ст. 152.2 предусматривает, что в случаях, когда информация о частной жизни гражданина, полученная с нарушением закона, содержится в документах, видеозаписях или на иных материальных носителях, гражданин вправе обратиться в суд с требованием об удалении соответствующей информации, а также о пресечении или запрещении дальнейшего ее распространения путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих соответствующую информацию, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно [14]. В частности, таких средств охраны в ГК РБ пока не предусмотрено.

Таким образом, надлежащая гражданско-правовая охрана частной жизни граждан является важной составляющей современного государства. Так как обеспечение прав и свобод человека – это высшая ценность государства. На современном этапе в действующем законодательстве закреплено достаточное количество норм, обеспечивающих реализацию права на неприкосновенность частной жизни, но несмотря на это некоторые пробелы в законодательстве имеют место быть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Понятие и сущность личной жизни человека на современном этапе развития общества и Законодательства [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.eurasialegal.info>. – Дата доступа: 18.05.2019
3. Иванский В. П. Неприкосновенность частной жизни как индикатор правовой жизни общества // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. №4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 18.05.2019.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Аберхаев Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. №1. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-neprikosnovennost-chastnoy-zhizni-yuridicheskaya-harakteristika-i-problemy-realizatsii>. – Дата доступа: 18.05.2019.

6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 18.05.2019.
7. Ульяновченко Александр Михайлович Правовая категория частной жизни как объект исследования социальной философии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. №2 (180). [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 18.05.2019.
8. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
9. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1>. – Дата доступа 19.05.2019
10. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 19.05.2019.

УДК 347.61/.64

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Ю.А. КОЛЕСАН****(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)**

В статье изучены особенности правового регулирования в Республике Беларусь одной из разновидностей современных медицинских технологий – вспомогательных репродуктивных технологий с учетом их значения в связи с состоянием демографической ситуации в стране. Рассмотрены права пациента при применении вспомогательных репродуктивных технологий, порядок установления происхождения детей в результате применения современных репродуктивных технологий. Изучены и проанализированы основные изменения, внесенные в последнее время в Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Высказано мнение о том, что законодательство Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Еще полвека назад диагноз бесплодие являлся приговором для многих супружеских пар, которые длительное время пытались зачать детей естественным путем. Единственным выходом в сложившейся ситуации являлось усыновление ребенка. Но благодаря современным достижениям в медицине для многих женщин с диагнозом «бесплодие» появилась возможность забеременеть при помощи применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ).

Впервые данный метод был использован в Англии в 1978 году. На свет появился первый ребенок из пробирки – Луиза Браун [1]. После чего вспомогательные репродуктивные технологии стали находить все более широкое применение в медицинской практике, и как следствие – отражение в законодательстве отдельных стран.

В Беларуси впервые в результате применения таких технологий 6 ноября 1995 года родились дети (девочки) – близнецы, зачатые «в пробирке». Этот день можно считать началом истории белорусской репродуктологии [3, с. 6].

Всемирная медицинская ассоциация положительно отнеслась к применению методов ВРТ, так как они служат благородной цели – лечению бесплодия и предоставлению возможности иметь детей супругам, лишенным этого. В 1987 году было принято Заявление об искусственном оплодотворении и трансплантации эмбрионов (Мадридская декларация), в котором закрепили следующие рекомендации: медицинская помощь оправдана при бесплодии, не поддающемся медикаментозному и хирургическому лечению, особенно в случаях иммунологической несовместимости, непреодолимых препятствий для слияния мужской и женской гамет, бесплодия по неизвестным причинам [3, с. 6].

По данным Всемирной организации здравоохранения, на планете каждая четвертая-пятая пара страдает бесплодием, при этом 59 % приходится на мужское бесплодие и 41 % – на женское. Удельный вес бесплодных супружеских пар в Республике Беларусь составляет 14,5–15 %. Все это зачастую приводит к распаду семьи, а также к ухудшению демографической ситуации [3, с. 6].

В настоящее время в Республике Беларусь проблема репродуктивного здоровья и репродуктивных прав граждан оказалась в центре общественного внимания. В частности, это обусловлено ухудшением репродуктивного здоровья населения, что оказывает влияние на демографическую ситуацию в Республике Беларусь.

Применение современных репродуктивных технологий вызывают многочисленные споры о правовой, религиозной и морально-этической стороне их использования.

Во многих странах применение репродуктивных технологий урегулировано на законодательном уровне. В некоторых государствах применение ВРТ имеет более жесткое законодательное регулирование, в других имеет место разрешительный подход и минимальное количество ограничений, а в иных государствах и вовсе запрещен данный метод технологий.

В Республике Беларусь применение современных репродуктивных технологий, направленных на обеспечение репродукции человека, основывается, в первую очередь, на Конституции Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь о браке и семье, Законах «О здравоохранении» [4], «О демографической безопасности Республики Беларусь», «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ), постановлении Министерства здравоохранения «О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий», международных договорах Республики Беларусь, а также других законодательных и подзаконных нормативных правовых актах.

Согласно статьи 1 Закона о ВРТ, вспомогательные репродуктивные технологии – это метод оказания медицинской помощи, при котором отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях [5].

Указанный Закон выделяет три вида ВРТ: экстракорпоральное оплодотворение (далее ЭКО), суррогатное материнство и искусственная инсеминация.

Использование ВРТ в нашей стране имеет ряд условий, закрепленных на законодательном уровне.

Применение современных репродуктивных технологий в Республике Беларусь осуществляется организациями здравоохранения, имеющими специальное разрешение (лицензию), выдаваемое в порядке, предусмотренном законодательством о лицензировании [5]. В нашей стране осуществляют данный вид деятельности только 8 медицинских центров, из которых 5 центров – коммерческих и три центра – государственных. Применение ВРТ осуществляется медицинскими работниками организаций здравоохранения в соответствии с законодательством о здравоохранении Республики Беларусь.

Установлены возрастные и иные ограничения по законодательству для использования ВРТ: оно допускается только в отношении лиц, достигших 18 лет, обладающих полной дееспособностью, а также прошедших медицинский осмотр и имеющих медицинские показания и не имеющих медицинских противопоказаний к применению ВРТ. Максимальный возрастной порог для применения таких видов ВРТ, как ЭКО и искусственная инсеминация не применяются в отношении пациентки, достигшей 50 лет [5].

При применении репродуктивных технологий в матку пациентки по законодательству может быть перенесено не более двух эмбрионов. Исключения составляют пациентки, достигшие 35 лет, а также пациентки независимо от возраста, в отношении которых применялись ВРТ три и более раз и не привели к наступлению беременности, в данном случае переносится не более трех эмбрионов [5]. Однако с учетом медицинских показаний и противопоказаний количество эмбрионов для переноса в матку может быть уменьшено до одного, в целях избежания многоплодной беременности.

В случае, если все же наступила многоплодная беременность при наличии медицинских показаний может быть проведена редукция. Редукция эмбриона – это довольно сложная хирургическая операция, направленная на уменьшение количества и удаление прижившихся эмбрионов из полости матки [2]. Перечень медицинских показаний для проведения редукции определяется постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» [8].

Для обеспечения безопасности пациента при применении ВРТ является законодательное урегулирование его прав. В частности, согласно Закона о ВРТ, при применении репродуктивных технологий пациент имеет право на:

- получение полной и достоверной информации о состоянии своего репродуктивного здоровья;
- получение информации о применяемых видах ВРТ, эффективности, оптимальных сроках их применения, возможном риске, побочных эффектах и осложнениях, медицинских и правовых последствиях, а также об альтернативных методах оказания медицинской помощи;
- использование донорских половых клеток;
- выбор суррогатной матери;
- **сохранение врачебной тайны при применении ВРТ, за исключением случаев, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» [4];**
- **право на хранение и использование половых клеток, эмбрионов;**
- **право на выбор донора;**
- **реализацию иных прав в соответствии с действующим законодательством [5].**

Установление происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ, регулируется статьей 52 Кодекса о Браке и семье Республики Беларусь [7].

Не редко пациентами при применении ВРТ появляется необходимость в использовании донорских половых клеток.

Согласно Закону Республики Беларусь от 18 июня 2019 № 200-3 «Об изменении Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологий», внесены существенные изменения о донорстве половых клеток.

Изменения затронули правила донорства генетического материала: теперь донорами спермы могут становиться мужчины в возрасте от 18 до 50 лет включительно, не имеющие медицинских противопоказаний к донорству сперматозоидов и прошедшие медицинский осмотр [6]. Ранее верхней границей возраста доноров спермы было 40 лет. Увеличение возрастного порога связано по мнению ученых с тем, что мужчины до 50 лет являются вполне фертильными.

Также внесены изменения относительно возрастного порога для анонимных и неанонимных доноров яйцеклеток. Предельный возрастной порог для доноров яйцеклеток составляет 49 лет, однако, не во всех случаях. В возрасте до 49 лет будет разрешено стать донором яйцеклетки только родственницам той пациентки, которой она необходима. Если же донором яйцеклетки становится не родственница, ограничение по возрасту останется прежним – от 18 до 35 лет [6].

Перечень медицинских противопоказаний к донорству половых клеток, а также порядок проведения медицинского осмотра донора определяются Постановлением Министерства здравоохранения Рес-

публики Беларусь от 1 июля 2012 № 54 «О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий». Забор донорских половых клеток осуществляется в организациях здравоохранения по письменному заявлению донора [8].

Донор по Закону о ВРТ имеет право на предоставление своих половых клеток на возмездной или безвозмездной основе. Денежное вознаграждение донору за предоставление своих половых клеток выплачивается организацией здравоохранения, осуществившей забор донорских половых клеток, в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь [5].

В соответствии со статьей 52 Кодекса о браке и семье лицо, явившееся донором половых клеток, которые использовались при применении ВРТ, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения данного метода.

Анонимный донор не имеет права на получение информации о дальнейшем использовании своих половых клеток, а также на выяснение личности ребенка, зачатого с использованием его половых клеток, и родителей этого ребенка [7].

Изменения рассматриваемого Закона затронули и хранения донорских половых клеток. Хранение донорских половых клеток осуществляется в организациях здравоохранения после их криоконсервации. Ранее донорские половые клетки хранились до 10 лет. Сейчас это ограничение отменено, так как, по мнению ученых, сроки хранения половых клеток не влияют на их качество [6].

Также в связи с изменениями в Законе получили право на хранение половых клеток лица, не имеющие медицинских показаний к применению ВРТ. Но при этом использовать указанные половые клетки в будущем можно только при применении ВРТ и только в отношении этих лиц. Ранее данное право имели только лица, в отношении которых применялись современные репродуктивные технологии [6].

В связи с изложенным возможно сделать вывод о том, что законодательство Республики Беларусь о ВРТ нуждается в дальнейшем усовершенствовании и доработки. При применении новых методов лечения бесплодия возникает еще множество не урегулированных на законодательном уровне вопросов. В частности, не решена одна из существенных проблем: при применении ЭКО в случае образования большого количества эмбрионов многие пациенты пользуются услугой криоконсервации (замораживание) эмбрионов. В настоящее время в мировой практике известны прецеденты, когда бывшие супруги решают в судебном порядке дальнейшую судьбу и раздел эмбрионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первый человек, появившийся в результате ЭКО [Электронный ресурс] // ЭКО. – 2017. – Режим доступа: <https://per.ru>. – Дата доступа: 02.09.2019.
2. Словарь терминов вспомогательных репродуктивных технологий, пересмотрен ВОЗ в ноябре 2009 г. [Электронный ресурс] // ВОЗ. – 2017. – Режим доступа: http://https://www.who.int/reproductivehealth/publications/infertility/art_terminology2/ru/. – Дата доступа: 05.09.2019.
3. Основы вспомогательных репродуктивных технологий: учебно-методическое пособие / С.Д. Шилова [и др.]. – Минск: БГМУ, 2017. – 44 с.
4. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона от 21.10.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. **Об изменении Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: Закон Респ. Беларусь от 18.06.2019 г.** // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 02.09.2019.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 1 июня 2012 г., № 54 : в ред. Постановления Минздрава от 08.02.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 347.61/.64

**ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ
ДЛЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Ю.А. КОЛЕСАН

(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)

В статье изучены особенности правового регулирования применения в Республике Беларусь одной из разновидностей вспомогательных репродуктивных технологий – суррогатного материнства с учетом его значения в связи с состоянием демографической ситуации в стране. Рассмотрены правовые, медицинские и морально-этические критерии в отношении суррогатной матери по законодательству, в том числе, в связи с отношением православной церкви к применению современных репродуктивных технологий.

Демографический кризис является одной из основных проблем большинства современных государств, преодоление которого является первоочередной задачей. Неблагополучная демографическая ситуация складывается и в Республике Беларусь, ухудшение которой обусловлено рядом факторов.

Первый из них связан с тем, что в настоящее время вступление в брак, семья, рождение и воспитание детей занимает отнюдь не первое место в жизненных приоритетах молодого поколения. Второй фактор обусловлен весьма непростой экономической ситуацией, сложившейся в стране и отрицательно влияющей на принятие решения в пользу если не создания семьи, то зачатия ребенка, безусловно. Третья причина неблагополучия с демографией в нашей стране вытекает из низкого уровня рождаемости, особенно в 90-х годах XX века, вследствие чего с каждым годом уменьшается количество лиц женского пола репродуктивного возраста. Четвертым обстоятельством можно назвать бесплодие супружеских пар: так, согласно медицинским статистическим данным, примерно 12–15 % пар, находящихся в браке, страдают бесплодием [1, с. 189].

Одним из решений демографического коллапса являются меры, направленные на улучшение ситуации, связанной с бесплодием пар, живущих в браке, как официально зарегистрированном, так и гражданском. В век развития современной медицинской науки решение проблем зачатия стало реальным благодаря разнообразным вспомогательным репродуктивным технологиям (далее – ВРТ) [2, с. 96].

Среди них самое широкое распространение и применение в постсоветских странах, включая Республику Беларусь, получило суррогатное материнство. Несмотря на сравнительную «молодость» данного явления для нашего общества, в законодательстве суррогатное материнство получило свое закрепление и регулирование.

Так, в Республике Беларусь данный вид вспомогательных репродуктивных технологий был закреплен в 2006 году после внесения изменений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [3]. В дальнейшем суррогатное материнство получило подробную регламентацию в Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 года (далее – Закон о ВРТ) [4]. Закон Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» от 29 декабря 2012 года усилил государственные гарантии по социальной защите суррогатного материнства [5].

Согласно статье 52 КоБС, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства [3]. Предусмотрена возможность оказания услуг по данному договору как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Суррогатное материнство определено как вид ВРТ, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка [4]. Суррогатная мать – это женщина, которая по одноименному договору вынашивает и рождает ребенка, не являющегося носителем ее генотипа.

С точки зрения отечественной правовой доктрины и законодательства допустимость вмешательства в репродуктивные процессы человека признана априорной. Прогрессивным шагом считается законодательное закрепление свободы человека распоряжаться своим телом и его физиологическими способностями. Юридическое сообщество в большинстве своем убеждено в прогрессивности и уникальности такой новации законодательства, как суррогатное материнство [6, с. 5]. Статьи о нем, публикуемые в отечественных правовых изданиях, как правило, предваряются правозащитной риторикой. Не подвергается сомнению то, что этот метод оказания медицинской помощи служит решению задачи повышения рождаемости, а значит – благо общества и государства.

Как показал опыт разработки и принятия законодательства о суррогатном материнстве в Республике Беларусь, во главу угла были поставлены в основном медицинские и юридические критерии его допустимости, тогда как этические критерии оставлены без рассмотрения. В этой связи возникает принципиальный вопрос: что происходит с материнством и здоровьем как ценностями, когда они служат средством для обеспечения репродуктивных прав?

Ярым противником суррогатного материнства является Церковь. Церковные деятели (в том числе, православной церкви) утверждают, что применение рассматриваемой технологии влечет угрозу для духовной целостности супругов, так как неестественные способы репродукции, в результате применения которых в брачный союз людей вторгаются третьи лица, противоречат самой природе, замыслу Творца и признаются Церковью безнравственными. При этом считается аморальным даже безвозмездное суррогатное материнство.

Так, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил: «...нравственное сознание не может примириться с разрешением на уровне закона так называемого суррогатного материнства, превращающего детей и женщин в предмет коммерческой и некоммерческой сделки» [7]. Патриарх считает, что проблему бездетности можно решить путем усыновления детей-сирот. Протоиерей Димитрий Смирнов и вовсе проводит параллель между суррогатным материнством и проституцией. Он утверждает, что, прибегая к данному методу репродукции, женщина использует свое тело для удовольствия будущих родителей, а согласно религии человек не является орудием для удовольствия других людей. По его мнению, женщина в подобных случаях используется в качестве «фермы» для выращивания себе подобных. Он полагает, что суррогатное материнство, как и проституция, – это эксплуатация бедных богатыми [8].

Помимо сказанного, можно выделить иные проблемы морально-этического характера, которые закономерно или подспудно вытекают из содержания действующего законодательства, регулирующего суррогатное материнство.

Во-первых, законодательное закрепление суррогатного материнства привело к легализации новой услуги по вынашиванию и рождению детей и «профессионализации» материнства, что в корне противоречит семейным канонам. Происходит материализация и обесценивание отношений, в силу чего будущий ребенок становится товаром, который вынашивается прежде всего за материальное вознаграждение.

Во-вторых, суррогатная мать осознанно отказывается от рожденного ею ребенка, а также от родительских прав и обязанностей, что не может являться нравственно правильным.

В-третьих, в складывающихся отношениях между будущими родителями и суррогатной матерью косвенно участвует супруг последней, так как для реализации данной программы требуется его согласие на ее проведение. Супруг, давая такое согласие, автоматически допускает возможность рождения ребенка женою не от него, что в свою очередь является аморальным и противоречащим здоровым брачным отношениям.

В-четвертых, следует обратить внимание на то, что законодателем не установлен возрастной ценз для супругов-заказчиков, поэтому ими могут стать и пожилые лица, что в конечном счете увеличивает вероятность сиротства.

В-пятых, суррогатное материнство как метод реализации репродуктивных прав негативно сказывается как на психике самого ребенка, так и на психике суррогатной матери и генетических родителей. Мотивируется это тем, что осознание ребенком сложившейся нездоровой ситуации – при условии, если она станет известна ему, – может наложить неизгладимый отпечаток на его сознание и отрицательно сказаться на становлении его как личности, а также ухудшить внутрисемейные взаимоотношения. В свою очередь суррогатная мать принимает для себя весьма сложное морально-нравственное решение и всю оставшуюся жизнь живет под гнетом этого решения. Подобные ситуации могут привести к очерствению материнских чувств.

К не менее сложной проблеме относят также и отторжение «суррогатного» ребенка генетическими матерью и отцом, рожденного не ими и не от них. Зачастую этот факт объясняется отсутствием физической и психологической связи между ними и рожденным другой женщиной ребенком.

В защиту суррогатного материнства выступает Европейское общество репродукции человека. Данная организация учитывает моральные возражения, касающиеся природы суррогатного материнства, но при этом не считает их достаточными для полного запрета использования рассматриваемого метода репродукции. Указанное общество выработало общие и особые этические принципы, которыми необходимо руководствоваться при использовании данного метода [9].

Для целей настоящей статьи обоснованно остановиться на некоторых из них, являющихся, по нашему мнению, наиболее важными с точки зрения регулирования взаимоотношений генетических родителей и суррогатной матери и ее супруга, с одной стороны, генетических родителей и «суррогатного» ребенка – с другой, а также отношений суррогатной матери и/или ее супруга и рожденного ребенка – с третьей.

Так, согласно указанным этическим принципам, оплата суррогатного материнства должна осуществляться на альтруистических началах, необходимо лишь производить компенсацию расходов, связанных с беременностью. Принцип обоюдного согласия заключается в том, что стороны добровольно составляют соглашение, обременяющее обоюдными моральными обязательствами всех участников. В соответствии с принципом информированного согласия суррогатная мать заранее уведомляется о передаче ребенка заказчиком после его рождения. Генетические же родители информируются о том, что они будут являться официальными родителями рожденного ребенка. Помимо этого, в целях защиты прав генетических родителей и защиты отношений ребенка и его родителей обязательно должно быть получено согласие супруга суррогатной матери.

Важным пунктом рассматриваемого документа является то, что при использовании данного метода репродукции суррогатная мама не должна иметь ни медицинских, ни психологических противопоказаний. Именно в этом выражен общий этический принцип безопасности суррогатного материнства.

К особым этическим принципам относятся следующие положения: намеренность и наличие воли у женщины на суррогатное материнство и разумное ее поведение во время беременности; прерывание беременности только по медицинским показаниям; достижение обоюдного соглашения сторон по всем предвидимым рискам; открытость по отношению к ребенку со стороны генетических родителей о способе его происхождения; дополнительное консультирование и эмоциональная поддержка суррогатной матери со стороны специалистов и некоторые другие [10, с. 118].

Сторонники суррогатного материнства отмечают следующие положительные моменты в применении данного метода репродукции человека.

Во-первых, при применении рассматриваемой процедуры почти не происходит искусственного вмешательства в природу рождения ребенка. Все протекает традиционно, а именно с проникновением в яйцеклетку сперматозоида. Во всяком случае, вмешательство минимально: в лоно суррогатной матери лишь «подсаживаются» оплодотворенные яйцеклетки биологической матери. Иначе говоря, ребенок вынашивается и рождается естественным путем. А медицинские работники всего лишь организуют условия, способствующие рождению здорового малыша.

Во-вторых, данная вспомогательная репродуктивная технология дарит возможность бездетной паре своим, родным, ребенком. Безусловным плюсом является также то, что она способствует решению проблемы демографии.

В-третьих, суррогатное материнство выступает альтернативой дорогостоящему лечению от бесплодия, которое, как показывает медицинская практика, не всегда является эффективным. В-четвертых, суррогатное материнство преследует высокую цель – стремление к продолжению своего рода. Оно носит высоконравственный характер, выраженный в помощи бездетной семье со стороны женщины, имеющей возможность по собственной воле выносить и родить для них ребенка, при этом получая моральное удовлетворение и материальное вознаграждение.

Таким образом, потребность в правовом регулировании суррогатного материнства обусловлена демографической ситуацией, складывающейся в Республике Беларусь на современном этапе. Однако, вместе с тем, внедрение суррогатного материнства редуцирует ценность самого материнства, которое отождествляется с услугой, которую можно оказать наряду с прочими услугами. Удобно думать, что данный вид вспомогательных репродуктивных технологий обусловлен потребностями обеспечения репродуктивных прав, и тем самым мы решаем демографические проблемы. Но правовое регулирование данного вида ВРТ, оцениваемое как прогрессивное, уникальное и удачное, создает беспрепятственный доступ к услугам белорусских суррогатных матерей для иностранных граждан. В свою очередь в результате применения этого легального способа стать родителями для бездетных супружеских пар могут возникнуть новые демографические угрозы.

Подводя итог всего изложенного, необходимо отметить следующее: суррогатное материнство – это комплекс медицинских, социальных, правовых и морально-этических проблем, появление которого в нашем обществе обусловлено потребностью в нем. На наш взгляд, прийти к единому мнению относительно его нравственной составляющей вряд ли возможно, вследствие чего необходимо, прибегая к применению данной технологии репродукции человека, взвесить все «за» и «против» для того, чтобы избежать отрицательных последствий, связанных с морально-этическими, психологическими, социально-политическими и иными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ноздрин, Н. А. Отношение молодежи к вопросу суррогатного материнства / Н. А. Ноздрин, Е. А. Ларичева, К. С. Никитина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2014. – № 4. – С. 189–191.

2. Перепелица, Е. В. Этико-правовое регулирование суррогатного материнства / Е. В. Перепелица // Вести Национальной академии наук Беларуси. – 2015. – № 1. – С. 95-100.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
4. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь, 7 янв., 2012 г., № 341-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июня 2019 г. № 200-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
5. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей: Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 2012 г., № 7-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2017 г. № 3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
6. Самойло, В. Г. Юридическая природа и условия заключения договора суррогатного материнства / В. Г. Самойло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 67 с.
7. REGNUM. Информационное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1887114.html>. – Дата доступа: 05.09.2019.
8. Почему Церковь против суррогатного материнства? // Православие и мир. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/pochemu-cerkov-protivsurrogatnogo-materinstva/>. – Дата доступа: 05.09.2019.
9. Положения Европейского общества репродукции человека о суррогатном материнстве [Электронный ресурс] / пер. О. Г. Ченьшевой. – Режим доступа: <http://www.avapeter.ru/reference/dokumenty-eshre/eshre-o-surrogatnom-materinstve/>. – Дата доступа: 05.09.2019.
10. Чекман, Ю. В. Суррогатное материнство как морально-этическая проблема / Ю. В. Чекман // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 19. – С. 116-119.

УДК 347.96

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**Е.П. КУЛАБУХОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Рассматривается содержание права на доступ к правосудию несовершеннолетних. Исследуются международные документы, закрепляющие право на доступ к правосудию несовершеннолетних и гарантии его реализации.

Право на доступ к правосудию является необходимым атрибутом современного общества, так как обеспечение доступа к правосудию - фундаментальная составляющая принципа верховенства закона и необходимый элемент защиты прав человека. Ведь все мы знаем, куда следует обращаться, сталкиваясь с нарушением закона и желая восстановить справедливость, и все мы имеем на это право.

Уязвимой группой населения, чьи права не всегда воспринимают всерьез, являются дети. Хотя важность доступа к правосудию одинакова для детей и взрослых, права детей в этой области долгое время игнорировались и игнорируются до сих пор. Существуют определенные сложности, касающиеся того, как детям защитить себя от насилия или других видов нарушений прав человека. Часто они просто не знают, какие правила и инструменты им можно использовать.

Несовершеннолетние являются особым субъектом защиты и охраны ввиду их физической и умственной незрелости, а, следовательно, вытекающей из этого потребностью в охране и заботе, обеспечении условий для нормального развития и образования. Они нередко вступают в контакт с системой правосудия как в качестве потерпевших, свидетелей преступления, так и как правонарушители. Судебные системы государств должны предусматривать различные процедуры, адаптированные к возрасту и уровню зрелости детей, а специалисты должны быть обучены навыкам взаимодействия с ребенком. Таким образом, доступность правосудия несовершеннолетних предполагает обеспечение благополучия ребенка и гарантию того, что при проведении судебного разбирательства будут учтены особенности его личности.

Международное сообщество делает многое для включения несовершеннолетних в общество на необходимых условиях, а также для реализации их прав, в том числе права на доступ к правосудию. Создаются различные правозащитные организации, издаются международно-правовые документы.

Основным международным документом, устанавливающим права несовершеннолетних во всем мире, является Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году [1]. Конвенцию называют «Великой хартией вольностей для детей». Эта Конвенция является первым и основным международно-правовым документом обязательного характера, посвященным широкому спектру прав ребёнка.

Современную систему международных актов по охране прав и законных интересов несовершеннолетних при отправлении правосудия составляют множество правовых документов, в том числе и Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила). Пекинские правила, гласят: «Правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя, таким образом, защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе» (п. 1.4). В рамках каждой национальной юрисдикции должны предприниматься усилия для принятия комплекса законов, правил и положений, относящихся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям, учреждениям и органам, в функции которых входит отправление правосудия в отношении несовершеннолетних (п. 2.3) [2].

Наибольший вклад в расширении прав детей внес Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ) – крупнейшая в мире организация, которая более 70 лет защищает права детей в более чем 190 странах и территориях. ЮНИСЕФ играет важнейшую роль в решении проблем несовершеннолетних на международном уровне. При поддержке ЮНИСЕФ была создана судебная модель, включающая специальные комнаты для детей для обеспечения подходящей атмосферы – за пределами камер и отдельно от взрослых; специальных судей для рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних и особые предписания для защиты детей, находящихся в конфликте с законом. Кроме этого, права детей могут быть представлены специально обученными адвокатами, гарантируется бесплатная правовая помощь несовершеннолетним, участвующим в судебном процессе [3].

Комитет ООН по правам ребенка рекомендует государствам-участникам учредить суды по делам несовершеннолетних либо в виде отдельных структур, либо в рамках существующих региональных/окружных судов. В случаях, когда незамедлительное решение этой задачи оказывается невозможным, следует обеспечить назначение специальных судей для рассмотрения дел в отношении указанной категории лиц [4].

В международных документах закреплено право ребенка свободно выражать свои взгляды и быть выслушанным. Таким образом, дети обладают особым правом быть выслушанными в ходе любого судебного/административного разбирательства непосредственно либо через представителя или надлежащий орган в соответствии с процессуальными положениями национального законодательства. Также это подразумевает, например, то, что ребенок должен получать адекватную информацию о процессе, возможных вариантах и вероятных последствиях этих вариантов. Методология, применяемая для допроса детей, и среда (т.е. где, кем и как допрашиваются дети) должны быть дружелюбны к детям и адаптированы к каждому конкретному ребенку. С каждым ребенком необходимо обращаться как с уникальным и ценным человеческим существом таким образом, чтобы к его личному достоинству, особым потребностям, интересам и частной жизни были проявлены уважение и защита [5].

Судопроизводство по делам несовершеннолетних должно соответствовать основным процессуальным гарантиям справедливого правосудия, предусмотренным ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах [6]. Наряду с ними, в отношении несовершеннолетних следует предусматривать особые правила судебной процедуры, которые включают:

- режим двойного представительства интересов несовершеннолетнего – защитником и законным представителем (п. 15 Пекинских правил);
- обеспечение конфиденциальности, чтобы избежать причинения несовершеннолетнему вреда из-за ненужной гласности или ущерба репутации (п. 8.1 Пекинских правил);
- выяснение широкого круга вопросов об условиях жизни несовершеннолетнего с помощью докладов о результатах его социального обследования (п. 16.1 Пекинских правил);
- использование досудебных альтернативных мер реагирования в отношении несовершеннолетнего, связанных с отказом от его уголовного преследования и прекращением дела (п. п. 16.1 и 11 Пекинских правил);
- осуществление судопроизводства без неоправданных задержек (п. 20 Пекинских правил) и др. [2].

Для обеспечения качества отправления правосудия по делам несовершеннолетних необходимо, чтобы все специалисты, участвующие в работе правоохранительных и судебных органов получали надлежащую профессиональную подготовку. Она должна быть организована на постоянной основе и включать информацию о международных стандартах защиты прав ребенка, национальном законодательстве в данной сфере, особенностях судопроизводства в отношении несовершеннолетних, психологических и иных аспектах их развития, причинах преступности и современных течениях в молодежной среде [7, с.87]

Поддержка несовершеннолетних мировым сообществом выражается и в том, что дети могут обратиться в международные суды за защитой своих прав и законных интересов. Так, мировые судьи рассматривают дела, возникающие из семейных правоотношений за исключением дел об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка, других дел по спорам о детях. Европейский суд по правам человека рассматривает жалобы на нарушения прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [8].

Таким образом, за последние десятилетия были разработаны международные стандарты, в том числе касающиеся доступа к правосудию несовершеннолетних, однако ещё многое предстоит сделать для обеспечения правосудия для всех детей, чьи права были нарушены. В первую очередь необходимо, чтобы национальные системы правосудия соответствовали этим международным стандартам. То, как обращаются с детьми в рамках национальных систем правосудия, социального обеспечения и институтов безопасности, является неотъемлемым элементом достижения верховенства закона и связанных с этим целей. Будущее каждой нации и человечества в целом потенциально зависит от подрастающего поколения, поэтому обеспечение прав детей и их правовая защита, безусловно, являются основной задачей современности, в решении которой должно быть заинтересовано все мировое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] / Принята резолюцией 44/25 Ген. Ассамблеи от 20 ноября 1989 года / Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 12.03.2019.

2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) / Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 05.04.2019.
3. Unicef. For every child / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.unicef.org/>. – Дата доступа: 27.02.2019.
4. Права человека / Комитет по правам ребенка / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/CRC/Pages/CRCIndex.aspx>. – Дата доступа: 29.02.2019.
5. Руководящие указания Генерального Секретаря ООН / Подход ООН к правосудию в отношении детей / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/52f88d984.pdf>. – Дата доступа: 29.02.2019.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : [Принят резолюцией 2200 А (XXI) Ген Ассамблеи 16.12.1966 г.] //ООН. Конвенции и соглашения. – 2014. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 14.03.2019.
7. Правосудие по делам о преступлениях несовершеннолетних: Республика Беларусь и международный опыт / А. В. Барков [и др.]. – Учебно-мет. пособие: Минск, 2018. – 120 с.
8. European Court of Human Rights / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home>. – Дата доступа: 29.04.2019.

УДК 347.96

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**Е.П. КУЛАБУХОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Рассматривается содержание права на доступ к правосудию несовершеннолетних. Исследуются нормативные правовые акты, закрепляющие право на доступ к правосудию несовершеннолетних и гарантии его реализации в Республике Беларусь.

Все мы знаем, куда следует обращаться, сталкиваясь с нарушением закона и желая восстановить справедливость, и все мы имеем на это право. Право на доступ к правосудию сегодня необходимо рассматривать в качестве одного из принципов судебной власти, то есть одного из ее основных, исходных положений. Доступ к правосудию может проявляться в разных аспектах. В рамках данного исследования понятие «доступ к правосудию» следует понимать как способность людей добиваться средств правовой защиты и получать их через официальные или неофициальные органы отправления правосудия в соответствии с принципами верховенства права и нормами в области прав человека [1]. Данный термин предполагает возможность отстаивать свои права, добиваться привлечения нарушителей к ответственности и опираться на положения закона в целях получения действенной защиты и полноценной компенсации. Однако исторически сложилось так, что какие-то группы населения в силу различных обстоятельств имеют меньше прав и возможностей их реализации. Такой группой можно назвать несовершеннолетних.

Существует Международная сеть по правам ребенка (CRIN) – правозащитная организация, которая была учреждена в 1995 году. Данная сеть составила и опубликовала рейтинг эффективного использования детьми судов для защиты своих прав. Государства в рейтинге ранжировались в соответствии с мировыми стандартами доступа детей к правосудию. Создатели рейтинга подчеркивают, что он оценивает не то, насколько хорошо соблюдаются права детей в каждой стране, а то, какие возможности в области защиты своих прав и доступа к правосудию страны предоставляют детям. Рейтинг составлен из 197 государств. Первые три места – у Бельгии, Португалии и Испании. Республика Беларусь на 137 позиции, это уровень ниже среднего и самый низкий результат в Европе [2].

Что касается закрепления прав несовершеннолетних на доступ к правосудию и вообще прав детей в Республике Беларусь, основные направления и организационные основы обеспечения прав ребенка определены в Законе РБ от 19 ноября 1993 г. N 2570-ХІІ «О правах ребенка». Он предоставляет детям в возрасте четырнадцати лет и старше право на получение юридической помощи для осуществления и защиты своих прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей. Юридическая помощь детям оказывается адвокатами за счет средств коллегии адвокатов [3]. Кроме этого Кодекс Республики Беларусь о браке и семье предусматривает гарантии осуществления детьми права на доступ к правосудию. Одной из таких гарантий является закрепление в статье 66/1 КоБС РБ права ребенка на защиту своих прав и законных интересов. Согласно ст. 189 КоБС РБ ребенок вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а с четырнадцати лет – и в суд, а также осуществлять защиту прав и законных интересов через своих законных представителей. Защиту прав и законных интересов детей обеспечивают в пределах своей компетенции государственные органы согласно статье 183 КоБС РБ [4]. Также Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах ребенка 28 июля 1990 г. и с 30 октября 1990 г. она вступила в силу. Ч. 3 ст. 13 Закона РБ «О правах ребенка» закрепляет, что в случае нарушения прав ребенка, которые определены Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 года и иными актами законодательства Республики Беларусь, ребенок имеет право обращаться в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет - в суд для защиты своих прав и законных интересов [3].

Если взять уголовное судопроизводство, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь имеется ряд норм, которые предусматривают особые правила расследования и рассмотрения в суде дел в отношении несовершеннолетних. Так, в УПК РБ закреплено, что уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку, дела о преступлениях несовершеннолетних рассматриваются коллегиально в составе судьи и двух народных заседателей. Также закреплен институт двойного представительства: право на защиту, предусматривает возможность участия в качестве защитника в уголовном процессе наряду с адвокатом близких родственников либо законных представителей несовер-

шеннолетнего обвиняемого. Статьей 57 УПК закреплены права законного представителя подозреваемого, обвиняемого, которые фактически соответствуют правам самого подозреваемого, обвиняемого и его защитника, что способствует усилению защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, оказанию ему необходимой помощи, созданию атмосферы взаимопонимания и доверия между участниками процесса [5].

Однако реальное положение дел свидетельствует о том, что в Беларуси еще не сформирован механизм реализации государственной политики в области защиты прав и законных интересов детей. Ведь сам по себе факт наличия правовых актов, регламентирующих права детей и защиту их интересов, еще не является гарантией их юридической и социальной защищенности. Так, только дети в возрасте 14 лет и старше могут подать жалобу в суд, действуя через законного представителя, и имеют право участвовать в судебном разбирательстве. Несмотря на то, что в УПК РБ закреплено требование о том, что уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних, до настоящего времени их не создали. В постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь указывали на целесообразность рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних под председательством наиболее квалифицированных судей при участии народных заседателей из числа педагогов и иных лиц, имеющих опыт воспитания молодежи, либо под председательством специально выделенных судей, обладающих наибольшим опытом работы [6]. Но, к сожалению, это требование не всегда соблюдается, особенно в районных (городских) судах. Кроме этого, даже если рассмотрение и разрешение дел о преступлениях несовершеннолетних возложено на наиболее опытных судей, они не освобождены от рассмотрения иных категорий дел и к тому же большинство из них не проходили специальной подготовки, которая предусматривает необходимость повышения квалификации не только по вопросам права, но и педагогики, социологии, психологии. Также законодательство Республики Беларусь не содержит положения о необходимости особой профессиональной компетентности народных заседателей, входящих в состав коллегии по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних. Таким образом, требования закона, предъявляемые к составу суда по делам о преступлениях несовершеннолетних, на практике выполняются далеко не в полном объеме.

Также в УПК предусмотрено обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетних. Показания несовершеннолетнего обвиняемого, данные в отсутствие педагога или психолога, получены с нарушением закона, поэтому не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения в соответствии с ч. 5 ст. 105 УПК [5]. Участие данных специалистов при допросе преследует те же цели, что и участие законных представителей. Положение о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2001 г. № 1533. В нем указывается, что педагог (психолог) – это лица, обладающие специальными знаниями в области педагогики (психологии) и имеющие соответствующее образование и квалификацию. Персональный состав педагогов (психологов), привлекаемых для участия в уголовном процессе (с их согласия), определяется руководителями местных органов управления образованием совместно с администрацией учебных заведений [7]. Участвующий при допросе педагог (психолог), как правило, не знаком с несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, встречается с ним впервые, что вряд ли способствует установлению психологического контакта и атмосферы доверия.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, возможность проведения закрытого судебного разбирательства. Это позволяет защитить несовершеннолетнего от огласки сведений, которые могут отрицательно повлиять на его будущую жизнь. К тому же открытые судебные заседания могут отрицательно влиять на психику лица, вызывать дискомфорт и стресс. В то же время открытые судебные разбирательства оказывают воспитательное воздействие, как на самого несовершеннолетнего обвиняемого, так и на присутствующих в зале суда лиц. Таким образом, и в открытом и в закрытом судебном заседании с участием несовершеннолетнего обвиняемого есть свои плюсы, поэтому суду при назначении уголовного дела к слушанию важно изучить материалы в отношении несовершеннолетнего, в том числе его психологическую характеристику, в которой специалисты должны рекомендовать суду с учетом личности несовершеннолетнего проведение открытого либо закрытого судебного заседания. Следует иметь в виду, что молодежь особенно болезненно реагирует на нанесение ущерба репутации. Результаты криминологических исследований по вопросу о нанесении ущерба репутации свидетельствуют об отрицательных последствиях, связанных с постоянным применением по отношению к молодым лицам таких определений, как «правонарушитель» или «преступник» [8].

Таким образом, несмотря на нормативное закрепление в законодательстве Республики Беларусь ряда норм, касающихся доступа к правосудию несовершеннолетних уровень обеспечения этого доступа

не достаточно высокий. Прежде всего, дети должны иметь возможность доверять правовой системе и использовать все существующие механизмы защиты. Уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних должны рассматриваться специальными судами по делам несовершеннолетних и специалисты, работающие в интересах детей и с детьми должны проходить специальную подготовку в Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. Решение о том, закрыто или открыто проводить заседание должно быть взвешенным, в результате тщательного исследования личности несовершеннолетнего и условий его жизни и воспитания. Осуществление правосудия должно проходить с социальным и психологическим сопровождением. То есть возможность двойного представительства несовершеннолетнего и обязательное участие педагога (психолога). Следует иметь в виду, что дети тоже часто сталкиваются с несправедливостью и они должны иметь средства для получения быстрого, эффективного и справедливого ответа для защиты их прав, что должно быть доступно через прозрачный, эффективный и доступный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филипчик, Р.И. Конституционное право граждан на судебную защиту в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.И. Филипчик. – Минск, 2008. – 290 с.
2. Child rights international network / Access to justice for children: global ranking / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archive.crin.org/en/access-justice-children-global-ranking>. – Дата доступа: 27.02.2019.
3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 19.11.1993 г. № 2570-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-З : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г. № 295-З : Принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
6. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
7. Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе: Пост. Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2001 №1533 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
8. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) / Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 05.04.2019.

УДК 347.96

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ДЛЯ ЖЕНЩИН**Е.П. КУЛАБУХОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Рассматривается необходимость обращения должного внимания на проблему доступа к правосудию для женщин. Исследуются мероприятия, проводимые международным сообществом для реализации доступа к правосудию для женщин в зарубежных странах.

Все мы знаем, куда следует обращаться, сталкиваясь с нарушением закона и желая восстановить справедливость, и все мы имеем на это право. Идея беспрепятственного доступа к суду была признана международным сообществом в качестве одной из фундаментальных. Право каждого на свободный доступ к правосудию закреплено в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах и других международно-правовых документах. В этой связи ограничение способности определенных групп быть услышанными недопустимо. Судебная власть существует для обеспечения справедливости, а если суд недоступен, то смысла в его существовании нет.

Доступ к правосудию может проявляться в разных аспектах. Объектом моего исследования станет доступ к правосудию для женщин. Повышение осведомленности международных органов по правам человека в отношении доступа к правосудию и препятствий, с которыми сталкиваются женщины, является хорошей движущей силой для размышлений. В рамках данного исследования понятие «доступ к правосудию» следует понимать как способность людей добиваться средств правовой защиты и получать их через официальные или неофициальные органы отправления правосудия в соответствии с принципами верховенства права и нормами в области прав человека [1]. Для обеспечения реального доступа к правосудию эти органы должны эффективно функционировать для обеспечения справедливых результатов процедур правосудия. Благодаря дополнительным гарантиям, обеспечивающим доступ женщин к правосудию, которые закреплены в Конвенции №210 Совета Европы о предупреждении насилия в отношении женщин и бытовом насилии, и борьбе с ним, именуемой «Стамбульская конвенция» права женщин в этой сфере расширились. Однако сегодня женщины во всем мире продолжают сталкиваться с препятствиями при заявлении и осуществлении своих прав. Женщины в некоторых государствах, как правило, имеют меньше возможностей, меньше ресурсов, более низкий статус, меньшую власть и влияние, чем мужчины. Тем не менее, каждый человек должен обладать правами и основными свободами, провозглашенными в международном праве, на равных основаниях, без какого бы то ни было различия или дискриминации, в том числе в отношении пола. Беспрепятственный доступ к правосудию необходим как женщинам, ставшим жертвами преступлений, так и женщинам, содержащимся в заключении, а также женщинам, совершившим преступление.

Разумеется, особенно актуальна проблема доступа к правосудию для женщин, которые стали жертвами преступлений. Несмотря на растущее внимание на глобальном уровне к проблеме насилия в отношении женщин, право на жизнь без насилия по-прежнему систематически нарушается в любом обществе. Как показывают наиболее актуальные глобальные оценки распространенности насилия со стороны интимного партнера и сексуального насилия со стороны другого лица, в мире каждая третья женщина в течение жизни испытывает на себе либо физическое насилие со стороны своего партнера или сексуальное насилие со стороны другого лица. Женщины, пережившие насилие, сталкиваются с множеством препятствий, пытаясь обратиться в суд и получить помощь. Ограниченное знание своих прав, а также социальные и институциональные барьеры нередко мешают им осуществить свои права, добиться правосудия и получить психологическую, медицинскую и правовую помощь. Ослабленные социальные и экономические связи, невозможность обеспечить выполнение судебных постановлений и разрушение механизмов реагирования в подобных условиях нередко приводят к хронической безнаказанности гендерного насилия.

Четко прослеживается нарушение всеобщих прав человека в постконфликтных и переходных странах, где уголовные преступления и безнаказанность являются делом обыденным. Однако стоит сказать, что в указанных государствах применяется ряд мер, направленных на улучшения доступа к правосудию для женщин, а также на расширение их прав в целом. Учрежденный в 1996 году в соответствии с резолюцией 50/166 Генеральной Ассамблеи Целевой фонд Организации Объединенных Наций поддерживает мероприятия по искоренению насилия в отношении женщин и представляет собой многосторон-

ний механизм выделения субсидий. Так, например, неправительственная организация «Доктора в поддержку прав человека» (“Physicians for Human Rights”) использует помощь Фонда для устранения препятствий в процессе сбора и систематизации сведений о сексуальном насилии в условиях конфликта, а также для облегчения доступа пострадавших к услугам. Юристы, полицейские и медики нередко не располагают необходимыми навыками и опытом, медицинское освидетельствование проводится редко, в медицинских картах не отражаются результаты осмотра, при этом нет полного понимания функций и обязанностей представителей государственной власти. Для того чтобы устранить эти препятствия, организация «Доктора в поддержку прав человека» создает сети медико-правовой помощи в пяти африканских странах: Демократической Республике Конго, Кении, Судане, Уганде и Центральноафриканской Республике. Эта программа предполагает совершенствование сбора информации и документирование результатов судебно-медицинской экспертизы, которые требуются для уголовного преследования, в связи с чем организация проводит обучение специалистов сферы судебной медицины и способствует активизации каналов связи и координации между медиками, правоохранительными органами и представителями судебной сферы. Специалисты, оказывающие медицинские и правовые услуги, удовлетворяют конкретные потребности пострадавших и снижают риск усугубления пережитой травмы, обеспечивая условия, в которых жертвы могут без опаски рассказать о том, что с ними произошло.

Организация «Инициативы женщин по обеспечению гендерной справедливости» (“Women’s Initiatives for Gender Justice”) представляет собой еще одну структуру, работа которой направлена на то, чтобы расширить возможности гражданского общества по документированию случаев сексуального насилия; она также предполагает содействие обеспечению ответственности за эти преступления в рамках национального и международного права. Эта программа, реализуемая в Демократической Республике Конго, Ливии, Судане и Уганде, направлена на то, чтобы расширить участие женщин в работе механизмов правосудия переходного периода и гарантировать то, что потребности и мнения женщин будут учтены в ходе мирного процесса. В восточных провинциях Демократической Республики Конго организация помогает правозащитникам документально фиксировать случаи сексуального насилия. Собранная информация используется для преследования за преступления сексуального и гендерного насилия, при этом организация также выступает за то, чтобы эти сведения использовались Международным уголовным судом в проводимых им расследованиях.

Создание сетевой структуры, обеспечивающей предоставление всеобъемлющего спектра услуг, также является целью программы, реализуемой Международным медицинским корпусом (“International Medical Corps”) в Ираке. Эта организация помогла сформировать систему, в рамках которой пострадавших от гендерного насилия направляют к соответствующим специалистам, в частности тем, кто может проконсультировать, оказать психологическую, правовую и медицинскую помощь [2].

Говоря об обеспечении доступа к правосудию для женщин, особенно для женщин, ставших жертвами насилия, центральное место занимает устранение ограничений и препятствий, мешающих такому доступу и устранение разрыва между правами женщин и их эффективной реализацией. Государства обязаны уважать права женщин связанные с доступом к правосудию, такие как право на равенство перед законом, право на справедливое судебное разбирательство или запрещение дискриминации и обеспечить практическую реализацию этих прав.

Доступ к правосудию начинается с доступа к адвокату, однако они либо дороги, либо неопытны. Государства гарантируют бесплатную юридическую помощь уязвимым группам общества, но они не гарантируют высокого качества этой помощи. Кроме того ассоциации адвокатов не предлагают для адвокатов специализированную подготовку по вопросам женщин. Поэтому единственная надежда на неправительственные организации, которые через свои программы правовой защиты могут гарантировать бесплатную юридическую помощь. Также доступ к правосудию, понимаемый как обоснованное суждение с соответствующими и достаточными причинами, касающимися предполагаемых нарушений, подразумевает подготовку судей. Поэтому необходима подготовка судей по вопросам прав женщин, чем опять же занимаются неправительственные организации [3].

Также имеет место массовая культура пренебрежения и отрицания фактов насилия в отношении женщин. Эта культура пренебрежения и отрицания существует повсеместно и мы должны быть готовы противостоять ей. Это значит, что нужно работать над изменением нашего отношения и активно поощрять равенство женщин и мужчин, девочек и мальчиков, а также уважение к правам женщин и девочек. Даже в тех юрисдикциях, которые, по общему мнению, следуют передовой международной практике, постоянно проводится работа по обеспечению доступа женщин к правосудию [4]. Необходимо неустанно прикладывать серьезные усилия и осуществлять критическое изучение достигнутого, чтобы введение в действие необходимого законодательства и эффективное функционирование системы правосудия обеспечивало наличие у женщин, особенно у наиболее уязвимых из них, возможности отстаивать свои

права и пользоваться средствами правовой защиты на практике. Для того, чтобы обеспечить должную защиту женщин всем государствам важно понять и признать те особые проблемы, с которыми они сталкиваются. Поняв эти проблемы, можно более эффективно работать над обеспечением для них необходимой защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство для дискуссий на четырнадцатом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию / E/CN.15/2018/CRP.1 / [Electronic resource]. – Access Mode: file:///C:/Users/123/Downloads/V1800662.pdf – Access Date: 10.02.2019.
2. Доклад Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин о деятельности Целевого фонда ООН в поддержку мероприятий по искоренению насилия в отношении женщин [Electronic resource] / A/HRC/19/30–E/CN.6/2012/13. – Access Mode: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A-HRC-19-30_E-CN-6-2012-13_ru.pdf – Access Date: 09.02.2019.
3. Руководство для организаций гражданского общества по обеспечению доступа к правосудию для женщин/ Sofia, November, 2017/ [Electronic resource] / Access Mode: file:///C:/Users/123/Desktop/58_file_russianversion_book.pdf – Access Date: 09.02.2019.
4. Руководство УВКБ ООН по защите женщин и девочек [Electronic resource] / Geneva, January, 2008. – Access Mode: http://unhcr.ru/fileadmin/files/docs/rukovodstvo_po_zashite_zhenshin_i_devushek.pdf – Access Date: 09.02.2019.

УДК 347

**ВЗЫСКАНИЕ ПОВЫШЕННОГО РАЗМЕРА НЕУСТОЙКИ – ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ПРАВОМ ИЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА?****Е.В. ЛАВРОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

В статье содержится анализ правовых норм, регулирующих гражданско-правовые отношения, возникающие между кредитором и должником в сфере исполнения договорных обязательств. Автор ставит вопрос: является ли требование о взыскании повышенного размера неустойки формой злоупотребления правом или процессуальной формой защиты прав кредитора? Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет автору сделать вывод о том, что требование о взыскании повышенного размера неустойки можно рассматривать как форму злоупотребления правом, при наличии доказательств, подтверждающих намерение кредитора причинить имущественный вред должнику.

Статья 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь «Пределы осуществления гражданских прав» содержит ряд норм, определяющих наличие в гражданском законодательстве такой категории как злоупотребление правом. В соответствии с данной статьей не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах [1].

Однако, определяя наличие категории злоупотребление правом, законодатель не указывает на то, в каких формах проявляется злоупотребление, не раскрывает как таковое и само понятие «злоупотребление правом».

Осуществляя экономическую деятельность, юридические лица вступают в договорные правоотношения, определяя условия экономически-правового регулирования исполнения гражданско-правовых договоров.

Для обеспечения исполнения обязательств в договорных правоотношениях, гражданским законодательством предусмотрены следующие способы: неустойка, залог, удержание имущества должника, поручительство, гарантия, банковская гарантия, задаток и другие способы, предусмотренные законодательством или договором [1].

Таким образом, юридическое лицо вправе установить любой из способов исполнения обязательств должником. Как правило, гражданско-правовые договора, независимо от вида, в качестве способа обеспечения обязательств содержат условия об уплате неустойки в размере, устанавливаемом по соглашению сторон, так как минимальный и (или) максимальный размер неустойки законодательством не определен.

Экономически-правовой целью неустойки является понуждение обязанного лица к своевременному исполнению взятых на себя обязательств и предоставление гарантий управомоченному лицу на компенсацию последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств контрагентов.

Как правило, контрагент, со стороны которого исходит оферта, включает условие обеспечения обязательств в виде неустойки, размер которой превышает установленный размер ставки рефинансирования Национального Банка Республики Беларусь в несколько раз, что впоследствии, при взыскании долга в судебном порядке, влияет на размер суммы пени, который может превысить размер суммы основного долга в два и более раза.

В соответствии со статьей 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь подлежащую уплате неустойку, явно несоразмерную последствиям нарушения обязательств, суд вправе уменьшить. Уменьшение размера неустойки является правом суда, а не его обязанностью, независимо от того, заявлено ли ходатайство на уменьшение размера неустойки ответчиком или является инициативой суда [1].

В соответствии с Постановлением Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 8 августа 2002 года № 24 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами статьи 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь» критериями для установления несоразмерности могут быть следующие: непродолжительный срок исполнения обязательств, значительное превышение суммы неустойки над суммой основного долга или (и) над суммой возможных убытков, чрезвычайно высокий процент. В каждом конкретном случае суд, основываясь на фактические обстоятельства дела, самостоятельно определяет критерий, определяющий несоразмерность требований о взыскании повышенных процентов неустойки последствиям нарушения обязательств [2].

Ответственность в виде неустойки, в том числе договорной, предусмотрена законодателем как стимул к своевременному исполнению обязательств стороны по договору, а не как средство обогащения кредитора. Данная формулировка взята из конкретного решения по делу о взыскании неустойки в порядке искового производства (Решение Экономического суда Витебской области от 03 мая 2019 г. дело № 36-13/2019).

Таким образом, из-за отсутствия судебной практики по рассматриваемому в настоящей статье вопросу, требование о взыскании повышенного размера неустойки, в некоторых случаях, суды рассматривают, как намерение кредитора обогатиться за счет должника. Но является ли указанное намерение формой злоупотребления правом?

С правовой точки зрения, намерение кредитора обогатиться за счет должника невозможно рассматривать как форму злоупотребления правом, о чем свидетельствуют применяемые к кредитору санкции. В соответствии со статьей 9 Гражданского кодекса в случае, если суд общей юрисдикции или третейский суд установят наличие признаков злоупотребления правом, они могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Применимо к требованиям о взыскании повышенного размера пени – отказать в удовлетворении требований. Однако, в силу статьи 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь суд не вправе полностью освободить должника от уплаты неустойки. То есть применение статьи 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь к требованиям о взыскании повышенного размера пени невозможно, так как противоречило бы статье 310 Гражданского кодекса [3]. Различие в санкциях не единственный признак, которым руководствуются суды, при рассмотрении дел о взыскании повышенного размера неустойки:

- при злоупотреблении правом существенным признаком определения является намерение. Толковый словарь Ожегова определяет намерение как предположение сделать что-нибудь, желание, замысел. Таким образом, законодатель в качестве признака злоупотребления правом называет внутренние психологические процессы человека, реализующиеся в действиях. Как известно, уличить субъекта в дурных намерениях достаточно трудно.

Кредитор, заявляющий требования о взыскании повышенного размера неустойки, вряд ли явно скажет о своем намерении увеличить неполученную прибыль в два и более раза, или поставить должника в тяжелое материальное положение.

- при уменьшении размера неустойки существенным признаком является явная несоразмерность. На первый взгляд определение «явная несоразмерность» имеет характер оценочного понятия, но при рассмотрении конкретных дел в судебном порядке наличие несоразмерности определить гораздо проще, чем наличие намерения злоупотребить субъективным правом. Явная несоразмерность в рассматриваемом случае является количественным показателем разницы между суммой основного долга и размером взыскиваемой неустойки. При таком подходе намерения кредитора не имеют правового значения, даже если имеются доказательства наличия признаков злоупотребления правом.

Например, российская судебная практика арбитражных судов до недавнего времени складывалась таким образом, что установление высокой процентной ставки неустойки в договоре расценивалось как злоупотребление правом кредитора, несмотря на закрепленный принцип свободы договора [4].

Белорусская судебная практика судов общей юрисдикции лишь косвенно определяет требование о взыскании высоких процентов неустойки как намерение кредитора обогатиться за счет должника – как злоупотребление правом, не применяя при этом, при вынесении решения, статью 9 Гражданского кодекса.

Таким образом, требование о взыскании повышенных процентов неустойки содержит в себе признаки злоупотребления субъективным правом кредитором – фактически. Но в соответствии с действующим гражданским законодательством Республики Беларусь как злоупотребление правом не расценивается в силу того, что применение статьи 9 Гражданского кодекса к рассматриваемой ситуации привело бы к нарушению норм статьи 310 Гражданского кодекса Республики Беларусь, учитывая, что белорусский законодатель не ограничивает кредитора в установлении размера процентов неустойки. Также необходимо учитывать и то, что уменьшение высоких процентов неустойки судом возможно лишь в порядке искового производства. Требование о взыскании повышенных процентов неустойки в порядке приказного производства удовлетворяется судом без изменения размера заявленных требований. То есть одно и то же требование кредитора имеет различное толкование в правоприменительной практике Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одоб. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Зако-

- на Респ. Беларусь от 18 декабря 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2019.
2. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами статьи 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 8 августа 2002 г. № 24. – Режим доступа: <http://court.gov.by>. – Дата доступа: 04.06.2019.
 3. Белявский, С.Ч. Особенности заявления ответчиком ходатайства об уменьшении размера пени на основании ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://etalonline.by>. – Дата доступа: 07.06.2019.
 4. Бармина, О.Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> – Дата доступа: 09.06.2019.

УДК 347

**КРЕДИТОРСКАЯ И ДЕБИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА****Е.В. ЛАВРОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

В статье исследуются правовой статус исполнительного органа коммерческой организации, как единственного органа, представляющего вовне интересы коммерческой организации, влияние конфликта интересов, возникающих между исполнительным органом и коммерческой организацией в сфере договорных правоотношений, на экономическое развитие организации. В статье так же рассматриваются причины возникновения кредиторской и дебиторской задолженности коммерческой организации как критерий оценки результатов практической деятельности исполнительного органа, как основание для привлечения исполнительного органа к материальной ответственности в соответствии с трудовым законодательством или как основание требования собственника имущества (учредителя, участника) о возмещения убытков в соответствии с гражданским законодательством.

В правовой науке существует две противоположные точки зрения на правовой статус исполнительного органа коммерческой организации: исполнительный орган коммерческой организации является ее представителем или исполнительный орган коммерческой организации признается неотъемлемой частью коммерческой организации.

Однако при различных взглядах на правовой статус исполнительного органа коммерческой организации, исследователи данного вопроса сходятся в том, что исполнительный орган имеет собственную правосубъектность, а также способен иметь интересы отличные от интересов коммерческой организации, что является одной из причин злоупотребления, предоставленным исполнительному органу правом действовать от имени коммерческой организации.

Правовое положение исполнительного органа коммерческой организации имеет свои особенности, заключающиеся в том, что, как правило, с одной стороны, исполнительный орган обладает, в силу наделенных правомочий, самостоятельностью и в то же время исполняет волю других, вышестоящих над ним, органов. С другой стороны, только исполнительный орган представляет вовне коммерческую организацию, только он заключает сделки и через его действия организация приобретает права и обязанности в системе договорных правоотношений [6].

Посредством договорных правоотношений коммерческая организация реализует или приобретает товар, оказывает или заказывает услуги – осуществляет экономическую деятельность, направленную на извлечение прибыли, на укрепление и развитие материального благосостояния организации. От того как налажена договорная работа в коммерческой организации зависит наличие или отсутствие неоправданной кредиторской и дебиторской задолженности. Указанная задолженность является конечным результатом (показателем) эффективного взаимодействия коммерческой организации с контрагентами, а так же показателем эффективного достижения основной цели, то есть извлечение прибыли.

В статье Ю.Б. Фогельсона «Конструкции «интерес» и «риск» в гражданском кодексе» раскрывается следующее содержание интереса: «лицо имеет интерес, если у него есть фактическая возможность своим поведением извлекать для себя пользу. Это интерес является имущественным, если при нарушении интереса вред, который может быть причинен данному лицу, является имущественным. В противном случае интерес является неимущественным». В качестве примера Ю. Фогельсон приводит пример с инвалидом, использующим для передвижения коляску, и извлекающим из нее неимущественную пользу, так как «только с помощью коляски он может реализовать свое право на свободное передвижение, относящееся к нематериальным благам. Однако утрата или повреждение этой коляски причиняет ему убытки, то есть вполне имущественный вред» [5].

Применимо к рассматриваемой ситуации конфликт интересов, возникающий между исполнительным органом и коммерческой организацией в сфере договорных правоотношений, не обязательно основан на желании исполнительного органа обогатиться за счет организации – это в большей степени вопрос уголовно-правовой ответственности. Влиять на принятие решений исполнительного органа может стремление к повышению в должности – неимущественный интерес, осуществляющийся через решения и действия исполнительного органа, причиняющие имущественный вред коммерческой организации.

Как правило, отношения между коммерческой организацией и исполнительным органом возникают на основании трудового договора (контракта). Таким образом, исполнительный орган является наемным работником, подчиняющимся нормам трудового законодательства [6].

Статья 257 Трудового кодекса Республики Беларусь регулирует расторжения трудового договора (контракта) с исполнительным органом. Основаниями для расторжения трудового договора (контракта) являются основания, предусмотренные Трудовым кодексом. В статье 42 Трудового кодекса среди прочих оснований расторжения трудового договора (контракта) по инициативе нанимателя пункт 3 содержит следующее основание: «несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению данной работе» [2].

Подгруша В.В., заслуженный юрист Республики Беларусь, анализируя понятие недостаточной квалификации работника в статье «Недостаточная квалификация работника как основание для расторжения трудового договора по инициативе нанимателя» пишет: «Согласно законодательному определению, приведенному в статье 1 Трудового кодекса под термином «квалификация» понимается уровень общей и специальной подготовки работника, подтверждаемый установленными законодательством видами документов (аттестат, диплом, свидетельство и др.). В литературе квалификация определяется как уровень теоретических знаний и практических навыков по соответствующей профессии (специальности, должности), степень освоения которых выражается в установленном государством тарифном разряде, классе, категории (должности) и позволяет выполнять работу определенной сложности». Вместе с тем Подгруша В.В. отмечает: «... наличие у работника соответствующего специального образования не всегда является бесспорным доказательством соответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе. В то же время, отсутствие у работника специального образования не может служить основанием его увольнения, если по деловым качествам и опыту он пригоден к выполнению работы, за исключением тех случаев, когда такое образование является необходимым (учитель, медик, водитель и т.п.)» [4].

Вышеназванное утверждение особенно верно по отношению к руководителям организации. Белорусским законодательством не установлены критерии отбора для лиц, претендующих на должность руководителя организации. Например, в сельскохозяйственных организациях исполнительным органом может быть лицо, имеющее агрономическое образование и некоторый стаж агронома в этой или в другой организации. Потому расторгнуть трудовой договор (контракт) по п. 3 ст. 42 Трудового кодекса – отсутствие специального образования – невозможно, так как основным условием увольнения является отсутствие в действиях работника, свидетельствующих о невыполнении или ненадлежащем выполнении им своих трудовых обязанностей по причине недостаточной квалификации, вины.

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2010 года № 784 «Об утверждении Типового положения об аттестации руководителей и специалистов организаций» определяет порядок проведения аттестации работников, в том числе руководителей организаций независимо от форм собственности. Основной целью проведения аттестации является объективная оценка уровня их профессиональной подготовки, деловых и личностных качеств, результатов практической деятельности. Одной из основных задач аттестации является установление соответствия их занимаемой должности. Постановление не устанавливает критериев и методов оценки профессионально-деловых и личностных качеств работников с учетом специфики и профиля трудовой деятельности, предоставляя организациям право самостоятельно определять критерии и методы оценки [3].

Для исполнительного органа критерием оценки результатов его практической деятельности и, как следствие, оценки соответствия занимаемой должности может служить анализ возникновения кредиторской и дебиторской задолженности организации. Кредиторская и дебиторская задолженности возникают из договорных правоотношений коммерческой организации с контрагентами. Как было сказано выше, исполнительный орган является единственным органом организации, имеющим право заключать сделки, то есть от имени организации вступать в договорные правоотношения. Решения, принимаемые исполнительным органом, реализующиеся в договорных правоотношениях влияют на возникновение кредиторской и дебиторской задолженности и, соответственно, на финансовое положение самой организации.

Экономическая реальность такова, что любой субъект хозяйствования не обходится без наличия кредиторской и дебиторской задолженности, так как для организации-должника – это возможность использовать дополнительные оборотные средства (дебиторская задолженность), для организации-кредитора – расширить рынок сбыта товаров (услуг, работ). Однако объективный анализ причин возникновения кредиторской и дебиторской задолженности позволяет установить зависимость возникновения кредиторской и дебиторской задолженностей от принятых решений исполнительного органа при заключении им сделок [7].

Если рассматривать причины возникновения кредиторской и дебиторской задолженностей как признак злоупотребления правом исполнительного органа или как критерий оценки добросовестности и

разумности действий исполнительного органа, то среди причин обнаруживаются: заключение договоров на заведомо невыгодных условиях для организации, от имени которой заключает договор исполнительный орган; перечисление предоплаты на счет контрагента без заключения с ним договора и проверки самого контрагента на благонадежность, передача товара или оказание услуг без надлежаще оформленных документов, что усложняет в дальнейшем возврат суммы, предоставленного товара или оказанных услуг, в судебном порядке, и т.п. Подобные действия со стороны руководителя организации, как исполнительного органа, цель которого, например, подняться по карьерной лестнице, создают фон оперативного решения, поставленных перед исполнительным органом задач: обеспечение организации теми или иными товарами (работами, услугами) или реализация товаров (работ, услуг). Но в реальности приводят к увеличению долгов коммерческой организации перед кредиторами, к появлению значительного размера дебиторской задолженности, на погашение которой может уйти достаточно много времени и дополнительные финансовые вложения (судебные расходы, оплата услуг юриста, если в организации нет собственного специалиста, обладающего юридическими знаниями).

Гражданский кодекс Республики Беларусь, в частности статья 49 пункт 3, предусматривает ответственность лица, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, по требованию собственника имущества должно возместить убытки, причиненные им юридическому лицу [1]. Так же Трудовой кодекс Республики Беларусь содержит нормы, регулирующие материальную ответственность руководителя, за реально причиненный ущерб организации [2].

По моему мнению, объективный анализ причин возникновения кредиторской и дебиторской задолженности в коммерческой организации, может являться критерием для определения соответствия исполнительного органа занимаемой им должности, а также основанием для привлечения исполнительного органа к материальной ответственности в соответствии с трудовым законодательством, или основанием требования собственником имущества (учредителем, участником) возмещения убытков, причиненных исполнительным органом при реализации правосубъектности коммерческой организации в сфере договорных правоотношений, действиями, противоречащими принципу добросовестности и разумности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одоб. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 декабря 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2019.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одоб. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 19.06.2019.
3. Об утверждении Типового положения об аттестации руководителей и специалистов организаций [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 25 мая 2010 г. № 784. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2019.
4. Подгруша, В.В. Недостаточная квалификация работника как основание для расторжения трудового договора по инициативе нанимателя [Электронный ресурс] : // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://etalonline.by> – Дата доступа: 24.06.2019.
5. Фогельсон, Ю.Б. Конструкции «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <https://publications.hse.ru>. – Дата доступа: 21.06.2019.
6. Алтухова, С.М. Правовой статус единоличного исполнительного органа юридического лица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 21.06.2019.
7. Дебиторская задолженность. Понятие, виды и общие правила списания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.audit-it.ru>. – Дата доступа: 21.06.2019.

УДК 34.096

**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****В.И. МОСКВИНА****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

В публикации рассматривается реализация электронного правительства в Республике Беларусь на основе постановления Совета Министров «Стратегии развития информатизации Республики Беларусь на 2016–2022 гг.». Основные цели создания электронного правительства, пути ее реализации, характеристика электронного правительства и приоритетные задачи, которые ставит перед собой Республика Беларусь в Стратеги развития информатизации Республики Беларусь на 2016–2022 гг., касающиеся развития электронного правительства.

Использование современных технологий сбора, обработки и передачи информации стало одним из главных факторов в повышении эффективности процесса управления. Результатом этих тенденций стало появление новой концепции государственного управления – концепции электронного правительства, которая призвана повысить эффективность работы государственного аппарата. Термин «электронное правительство» является русскоязычным эквивалентом английского термина «Electronic Government», или «e-Government» [1, с. 5].

Электронное правительство (e-government) – это новая концепция государственного управления, сущность которой заключается в использовании государственными структурами современных информационно-коммуникационные технологий (далее – ИКТ) для непосредственного предоставления актуальной информации и оказания уже сформировавшегося набора электронных услуг (далее – ЭУ) гражданам, государственным должностным лицам и юридическим лицам, при котором личное взаимодействие между правительством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные и коммуникационные технологии [2].

Основными целями создания электронного правительства являются:

- оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу;
- поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан.

Данные цели могут быть реализованы по мере взаимодействия государства, граждан и организаций следующими путями:

- 1) между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen);
- 2) между государством и бизнесом (G2B, Government-to-Business);
- 3) между различными ветвями государственной власти (G2G, Government-to-Government);
- 4) между государством и государственными служащими (G2E, Government-to-Employees);
- 5) между гражданами и государством (C2G, Citizens-to-Government) [1, с. 7].

Следует рассматривать развитие правительственных веб-сайтов, а также создание объединенных баз данных по стране. Важным аспектом в вопросе формирования электронного правительства является мировая тенденция рассмотрения электронного правительства, нашедшая свое отражение в термине «электронная демократия». 9 августа 2010 г. постановлением Совета Министров № 1174 была принята «Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года», предусматривающая создание системы «Электронное правительство» [3]. Документ свидетельствует о том, что информатизация остается основой стратегического планирования электронного правительства. Правительство Республики Беларусь утвердило план поэтапного перехода к предоставлению электронных услуг посредством Единого портала электронных услуг [3].

Основными качественными характеристиками электронного правительства становятся:

- доступность и индивидуализированность услуг, оказываемых государством гражданам, организациям, предприятиям;
- подотчетность и прозрачность деятельности правительственных органов;
- информирование и результативное участие граждан в политическом процессе;
- расширение возможностей представительных учреждений;
- свободный обмен информацией.

Внедрение технологий электронного взаимодействия является важным шагом на пути к полной реализации функций электронного правительства. В 2008 г. в нашей стране было положено начало проекта по созданию системы электронного документооборота между органами государственного управле-

ния. К 2013 г. этот проект получил распространение среди 117 территориально распределенных государственных органов и организаций, в дальнейшей перспективе предусматривается увеличение числа абонентов до 7000, а также распространение систем электронного документооборота в отдельных ведомствах, создание компьютерных систем, способных поддерживать взаимодействие органов управления и населения.

На настоящем этапе развития электронного правительства в Республике Беларусь в каждом министерстве функционирует четыре средства межведомственного взаимодействия: электронная почта государственных органов, ведомственная электронная почта, система межведомственного документооборота, единая информационная система контроля выполнения поручений Президента Республики Беларусь [2; 4]. Оператором межведомственных информационных систем является Республиканское унитарное предприятие «Национальный центр электронных услуг», на портале которого предоставляются услуги государственным органам и организациям. В связи с актуальностью внедрения государственных электронных услуг, гражданских проектов в сфере электронного правительства в Беларуси создан портал об электронном правительстве и государственных онлайн услугах, предназначенный для сбора и обсуждения идей e-government.

Согласно Стратегии развития информатизации Республики Беларусь на 2016–2022 годы приоритетными задачами развития технологий электронного правительства в нашей стране являются:

1) расширение сферы применения республиканской платформы на основе технологий облачных вычислений с использованием средств защиты данных для функционирования ведомственных автоматизированной информационной системы (далее – АИС), ресурсов и оказания ЭУ как на территории страны, так и за ее пределами;

2) развитие Государственной системы управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь (далее – ГосСУОК), создание Белорусской интегрированной сервисно-расчетной системы, включающей единую систему идентификации субъектов информационных отношений;

3) переход государственных АИС, на использование сертификатов открытых ключей проверки электронной цифровой подписи, изданных республиканским удостоверяющим центром ГосСУОК;

4) развитие систем межведомственного электронного документооборота государственных органов, в том числе защищенных; динамичное развитие Общегосударственной автоматизированной информационной системы (далее – ОАИС) и широкомасштабное использование электронных документов в коммерческой деятельности;

5) развитие и популяризация системы оказания ЭУ физическим и юридическим лицам, оказываемых по принципу «одного окна», включая преимущественный перевод государственных административных процедур в электронный вид;

6) дальнейшее развитие государственной системы правовой информации для совершенствования электронной правовой коммуникации между гражданами, бизнесом и государством; создание национального портала открытых данных как основного инструмента их распространения и стимулирования создания на их основе электронных услуг;

7) развитие государственно-частного партнерства в сфере разработки и эксплуатации подсистем ЭП, а также создание условий для формирования института частных операторов ЭУ;

8) содействие в использовании бизнес-сообществом получаемой от государственных органов в электронном виде информации в производственной деятельности; внедрение технологий электронной демократии, электронного участия, обеспечивающих эффективный диалог государства с гражданами и бизнесом [5].

В результате решения этих задач в перспективе предполагается достичь следующих результатов:

– доля интегрированных через ОАИС государственных информационных ресурсов в общем объеме государственных информационных ресурсов, используемых для оказания электронных услуг, составит не менее 20 %;

– доля административных процедур и государственных услуг, оказываемых в электронном виде – не менее 75 %;

– доля электронного документооборота между государственными органами в общем объеме документооборота – 95% [5].

Автор делает вывод, что в Республике Беларусь успешно идет процесс внедрения технологий информационного общества в сферу функционирования властных структур. Электронное правительство будет способствовать развитию национальной экономики. Позволит государственному сектору осуществлять последовательный и индивидуальный подход к предоставлению широкого спектра электронных услуг и распространению информации о состоянии социально-экономического развития, стать во

главе преобразований общества, изменить структуру государственных организаций и перестройку их функционирования с гражданами, создать необходимые условия для роста эффективности государственного и местного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reddick, C. Comparative E-Government // Integrated Series in Information Systems / C. Reddick. – Springer, 2010. – P. 3–23.
2. Портал об электронном правительстве в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by> – Дата доступа: 04.07.2019.
3. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Единый портал электронных услуг (ОАИС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal.gov.by>. – Дата доступа: 04.07.2019.
5. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]: одобр. постановлением коллегии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, 30.09.2015, №35; утвержд. на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 03.11.2015 // Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси, 2013–2015. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/strategia2022.php>. – Дата доступа: 04.07.2019.

УДК 34.096

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**В.И. МОСКВИНА***(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)*

В статье рассмотрена концепция электронной демократии. Автор рассматривает электронную демократию на примере реализации ее в Российской Федерации и вносит предложения для создания электронной демократии в Республику Беларусь.

Электронная демократия — это форма общественно-политической активности граждан с применением новейших информационно-коммуникационных технологий (например, сети Интернет) для достижения максимальной продуктивности при взаимодействии граждан с другими гражданами, органами государственной и муниципальной власти, общественными и коммерческими организациями, а также инструменты такого взаимодействия [1].

В Республике Беларусь и Российской Федерации есть возможность связаться с представителями органов власти путём электронного обращения. Его форма доступна на официальных сайтах ведомств. По сути, это почти то же, что и бумажное обращение со всеми формальностями.

Развитие информационных технологий и всё большее проникновение социальных сетей в жизнь людей дают прекрасную возможность деюрокраатизировать общение чиновников и политиков с гражданами, сделать его более неформальным. К примеру, не так давно Анна Канопацкая — депутат Палаты представителей Беларуси от оппозиционной партии «Объединённая гражданская партия» — проводила на своей странице опрос, что граждан не устраивает в современной белорусской оппозиции. Ответы просила оставлять в комментариях.

Данный пример демонстрирует, что пользователи сети идут на контакт с политиками и депутатами, высказывают свои мнения. По комментариям можно было составить примерную картину, что не устраивает граждан на предложение Канопацкой в современной белорусской оппозиции [2].

Одним из примеров российской электронной демократии можно считать интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан — «Российская общественная инициатива». Он был создан ещё в 2013 году по указу президента и представляет собой официальную площадку для размещения петиций граждан по различным вопросам [2].

За 5 лет работы властями было одобрено 6 инициатив. В частности, благодаря петиции правительство РФ отказалось от намерений ввести дополнительные налоги на покупки в иностранных интернет-магазинах.

Отличным примером действия электронной демократии можно считать проект «Активный гражданин», созданный в 2014 году по инициативе мэра Москвы для решения проблем столицы. Проект является площадкой для онлайн-опросов жителей столицы. Причём за активное участие в городских опросах лицам начисляются баллы, которые можно обменять на вознаграждение. Только в течение первого года работы было проведено 500 опросов, в которых пользователи оставили 25 миллионов мнений. На их основании руководством города было принято более 250 решений [2].

В первую годовщину проекта московские власти объявили о создании волонтерского объединения, призванного отслеживать выполнение городом обязательств, принятых по результатам обсуждений в «Активном гражданине». В 2017 году число зарегистрированных пользователей превысило 1,5 миллиона [2].

В Республике Беларусь в данном вопросе пока не так всё продвинуто. В частности, в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, не существует государственных платформ для петиций, которые при определённом пороге подписей обязательны для рассмотрения властями. В белорусском Интернете есть разве что два портала для петиций — Zvarot.by и Petitions.by, которые созданы неравнодушными гражданами. Однако петиции с данных платформ всё же рассматриваются государственной структурой, в адрес которой направлено обращение.

Многие петиции, касающиеся Республики Беларусь, размещены на популярной международной площадке Change.org, однако они не рассматриваются органами власти, потому что там нет необходимости указывать место регистрации подписавшегося под обращением — только имя и фамилию. Согласно же законодательству, подписывая обращение к органам власти, гражданин должен указать имя и свой адрес.

На данный момент в Республике Беларусь нет системы онлайн-голосования на выборах президента и депутатов представительных органов, довольно редко используются механизмы онлайн-голосований граждан по поводу того или иного решения [2].

Подводя итог, автор считает целесообразным предложить путь для реализации электронной демократии в Республике Беларусь:

1. Создать площадку для интернет-голосования, проведения опросов, электронного сбора подписей или сделать это возможным на уже имеющейся площадке.
2. Ввести регистрацию нового пользователя с помощью ID-карты (это поможет избавиться от риска фальсификации голосов, подписей и т.д).

Данная интернет-площадка будет предоставлять возможность гражданам определенных категорий (инвалидам, гражданам проживающих за границей и т.д) воспользоваться избирательным правом не покидая дома. Кроме того, интернет-голосование позволит сэкономить бюджетные средства на организацию выборов и предоставить результаты голосования в кратчайшие сроки. Исключается и человеческий фактор возможных фальсификаций результатов: голоса считает машина, а не люди. Однако от этого возникают и свои риски: нельзя исключить, что программное обеспечение не будет подвержено манипуляциям, позволяющим хранить или распечатывать формы, отличные от тех, что отображаются на экране.

Так или иначе, развитие информационного общества изменит не только экономическую систему, рынок труда и отношения между людьми, но и систему государственного управления. Думать, как наиболее успешно и безопасно внедрять элементы электронной демократии в политическую сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронная демократия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megabook.ru/article/Электронная%20демократия>. – Дата доступа: 18.07.2019.
2. Цифровая демократия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imhoclub.by/ru/material/cifrovaja_demokratija. – Дата доступа: 04.07.2019.

УДК 340

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Д.М. НОВИКОВ*(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Данная статья посвящена понятию персональных данных и их видов в Республике Беларусь. Рассмотрены способы защиты персональных данных в современном информационном обществе.

На данный момент очень часто затрагивается тема защиты персональных данных, ведь многие преступления нередко направлены на завладение информацией, а позже использование ее в преступных целях.

Персональные данные – это информация о конкретном лице, которая способна его идентифицировать. Цель законов, которые регулируют защиту персональных данных – защита прав и свобод человека при обработке его персональных данных, в том числе прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Отсутствие регулирования данного правового института будет иметь для общества ряд негативных последствий, а именно низкая защита прав, свобод и интересов граждан; суды при рассмотрении дел, связанных с защитой персональных данных, не смогут опереться на какие-либо акты законодательства, которые могут регулировать данный институт и тому подобное.

Правовое регулирование персональных осуществляется на международном и национальном уровне.

Международный Пакт о гражданских и политических правах Организации Объединённых Наций в семнадцатой статье устанавливает, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища, или тайну его корреспонденции, или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». Из этого базового, неотчуждаемого права на неприкосновенность личной жизни вытекает право индивида на защиту персональных данных.

В первой статье Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» дано определение персональных данных, которое является основным в стране на данный момент: персональные данные - основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо, т.е. персональными данными являются любые данные, которые способны определить конкретную личность: сведения из таких личных документов как паспорт, свидетельство о рождении, а также такие данные, которые находятся во всем известной сети Интернет: данные местоположения, данные страницы пользователя сайта и так далее.

Закон Республики Беларусь от 21.07.2008 N 418-З (ред. от 04.01.2015) «О регистре населения» определяет следующие «основные» персональные данные:

1. Идентификационный номер.
2. Фамилия, собственное имя, отчество лица.
3. Пол, число, месяц, год, место рождения.
4. Цифровой фотопортрет.
5. Данные о гражданстве (подданстве).

6. Данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным.

Этот же Закон определяет следующие «дополнительные» персональные данные:

1. Данные о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке или детях физического лица.

2. О высшем образовании, ученой степени, ученом звании, о роде занятий.
3. О налоговых обязательствах и некоторые иные данные.

Что касается «иных» персональных данных – эта формулировка того, что все виды персональных данных не представляется возможным написать в законодательстве, однако она показывает, что персональными данными могут являться любые данные, которые могут идентифицировать определенное физическое лицо.

Анализируя законодательство Республики Беларусь, по сравнению с другими иностранными государствами, персональные данные в нашей стране защищаются на ненадлежащем уровне. Проблема в этой сфере – это наличие минимальных знаний о данном явлении, установление сравнительно небольшого, по сравнению с иностранными государствами, наказания для людей, которые допускают правонарушения в сфере оборота персональных данных.

На данный момент в Республике Беларусь существуют две проблемы в законодательстве, связанной с защитой персональных данных, которые стоит вскоре решить:

1. Первой проблемой является отсутствие базового нормативного правового акта в сфере персональных данных. Данный закон должен установить правила регулирования правоотношений, связанных с персональными данными, а также установить размер санкций за нарушение этих правил.

2. Отсутствие уполномоченного органа по защите персональных данных. Практика создания таких институтов по всему миру доказала, что они играют важную роль по контролю соблюдения законодательства в сфере защиты персональных данных.

В Беларуси вскоре появится закон «О персональных данных». Скорее всего, он сможет регулировать все правоотношения в институте защиты персональных данных. Также, согласно двадцать первой статье проекта закона «О персональных данных», Президент Республики Беларусь указом должен будет создать орган, уполномоченный в данной сфере правоотношений.

С учетом опыта иностранных государств, в законопроекте Республики Беларусь «О персональных данных» имеется оптимальное качество правового регулирования защиты персональных данных в современном обществе. Вместе с развитием общественных отношений будет развиваться и система правового регулирования этих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Защита персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashhita-personalnyh-dannyh-v-Belarusi-1.pdf>. – Дата доступа: 08.06.2019г.
2. Регулирование персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kv.by/post/1050760-regulirovanie-personalnyh-dannyh-v-belarusi-chto-nuzhno-znat>. – Дата доступа: 08.06.2019г.
3. Закон Республики Беларусь «О информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. – Дата доступа: 09.06.2019г.
4. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499 – Дата доступа: 12.06.2019г.
5. Закон Российской Федерации «О персональных данных» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801. – Дата доступа: 14.06.2019г.
6. Обзор законодательства Республики Беларусь в сфере информационной безопасности – Часть 2: Персональные данные [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digital.report/obzor-zakonodatelstva-respubliki-belarus-personalnye-dannye> – Дата доступа: 12.06.2019г.
7. Нормативные определения [Электронный ресурс] – Режим доступа: pravo.by/ru/Term/Index?name=langName=ru&size=25&page=631&type=0 – Дата доступа: 14.06.2019г.

УДК 340

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОРГАН ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД СУБЪЕКТОВ
В СФЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ****Д.М. НОВИКОВ****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

Данная статья посвящена изучению института уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных, рассмотрению его функций, разъясняется его роль в системе правовой охраны персональных данных в современном обществе.

Защита персональных данных является неотъемлемой обязанностью любого социального и правового государства. Во «всемирной паутине» действия с персональными данными стали гораздо легче, быстрее, доступнее. Во многих странах активно принимаются меры по защите персональных данных. Страны принимают как международные акты, например, Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Иногда государства принимают национальные законы о защите персональных данных, тем самым определяют свои методы охраны данных.

Государства, защищая интересы граждан, в сфере персональных данных должны определить то, как они будут их охранять, но не менее важно определить, кто это будет делать? Государству необходимо создать уполномоченный орган, который должен будет охранять права и свободы субъектов в сфере персональных данных. Этот орган должен будет принимать жалобы граждан на оператора, который собирает, обрабатывает или совершает иные действия с персональными данными. Оператор – это государственный орган, физическое или юридическое лицо, которое осуществляет обработку персональных данных. Оператор должен определять цели обработки персональных данных, определять только те персональные данные, с которыми необходимо взаимодействовать.

Чтобы подробно изучить компетенции уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных стоит рассмотреть его на конкретном примере. В Российской Федерации в 2006 году вступил в силу закон «О персональных данных». Этот закон регулирует все общественные отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой государственными и муниципальными органами, физическими и юридическими лицами с использованием средств автоматизации или без их использования. В статье 23 этого закона указан орган, который выполняет функцию защиты персональных данных на территории Российской Федерации. Этим органом является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации. Данный орган наделён следующими полномочиями:

Уполномоченный орган по защите прав субъектов в сфере персональных данных:

1. Обеспечивает, организует и осуществляет контроль и надзор за соблюдением норм закона «О персональных данных» юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, которые являются операторами. Правительство страны решает порядок проведения проверок операторов за соответствием обработки персональных данных требованиям закона.

2. Рассматривает обращения субъекта персональных данных о безопасном содержании и способах обработки его персональных данных. Если было обнаружено нарушение, принимает решение по устранению проблем.

3. Может потребовать у оператора уточнения, блокирования или уничтожения недостоверных или полученных незаконным путём персональных данных.

4. Может ограничивать доступ к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных, при этом оператор, который нарушил закон, попадает в «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных», тем самым получает ограничение в доступе к информации в сети «Интернет».

5. Обращается в суд с исковым заявлением в защиту прав субъекта или субъектов персональных данных.

Как мы видим, орган имеет широкое влияние на операторов, способен фиксировать нарушения, а также запретить пользование персональными данными субъектов, которыми они были вверены.

Нужен ли такой орган в Республике Беларусь? Вскоре должен быть принят закон «О персональных данных». В проекте закона прописано, что Президент Республики Беларусь определит орган, уполномоченный в сфере персональных данных. Будет ли это новый институционально независимый орган

или же уже существующий орган – неопределённо. Но стоит сказать, что данный орган необходим в Республике Беларусь, ведь правоотношения развиваются в сфере персональных данных, а защита этих правоотношений не создана. Если будет принят закон о персональных данных, то потребуется и контроль, за соблюдением норм этого закона в обществе.

Беларусь становится ближе к цифровому обществу. Если будет принят законопроект «О персональных данных» то государство обеспечит охрану правоотношений, которые так важны для современного общества. При этом уполномоченный орган, созданный для регулирования и охраны общественных отношений в сфере персональных данных, поможет обеспечить продвижение этого закона в правовой системе государства. И возможно, общество увидит эффективную систему защиты персональных данных, которая будет учитывать права и интересы граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499 – Дата доступа: 14.09.2019г.
2. Защита персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashhita-personalnyh-dannyh-v-Belarusi-1.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2019г.
3. Закон Российской Федерации «О персональных данных» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801. – Дата доступа: 14.09.2019г.
4. Проект закона «О персональных данных» Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2019023001>. – Дата доступа: 18.09.2019г.
5. Регулирование персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kv.by/post/1050760-regulirovanie-personalnyh-dannyh-v-belarusi-chto-nuzhno-znat>. – Дата доступа: 18.09.2019г.
6. Оценка эффективности деятельности уполномоченного органа по защите по защите прав субъектов персональных данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-upolnomochennogo-organa-po-zaschite-prav-subektov-personalnyh-dannyh>. – Дата доступа: 21.09.2019г.

УДК 347.4

СТАНОВЛЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**Д.В. ПИЛЬНИЦКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

В данной статье рассмотрено понятие, причина возникновения гармонизация поэтапного развития Болонского процесса, целевое направление задач процесса и стремление к их достижению.

Современное образование - фундаментальная основа человеческой жизнедеятельности, выступающая как интегральная, обобщающая ценность духовной культуры. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с жизнью общества. Целью функционирования социального института образования в обществе является формирование интеллектуально-нравственного потенциала нации. Эффективность функционирования социального института образования необходимо изучать с позиций комплексного подхода, который предполагает учет многообразия разнокачественных субъектов образования и системы их взаимосвязей и управления [2].

Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования, сближения стран-участниц и образовательных процессов, который направлен на повышение эффективности национальных образовательных систем, усиление их взаимосвязи с непосредственными нуждами общества и увеличение вклада высшего образования в развитие и повышение квалификации [3]. Это достигается путем принятия правил и соглашений, в соответствии с которыми должны быть урегулированы системы высших образований стран участниц [5]. Данный процесс является выраженным проявлением интеграционных тенденций, свойственных странам Европы в последние годы. Европа все более ощущает себя единым целым: создано общее экономическое пространство, открылись границы, формируется общеевропейский рынок труда. В этих условиях пестрота систем высшего образования, несопоставимость присваиваемых квалификаций тормозят мобильность квалифицированной рабочей силы.

Предмет Болонского процесса – это система знаний о реформировании европейского высшего образования и науки. Прежде всего, Болонский процесс строится на началах добровольности и ничего от своих участников, строго говоря, не требует [1].

Создание Болонского процесса берет свое начало в 1999г., и на начальной стадии подразумевает под собой создание единого образовательного пространства. Подписание декларации было инициировано представителями 29 европейских стран. Беларусь начала процедуру присоединения к Болонскому процессу, подписав Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (Лиссабонскую конвенцию). Этот вопрос обсуждался на совещании у Президента Республики Беларусь в январе 2005 г., по результатам которого было принято решение о введении двухступенчатой системы с учетом белорусской специфики, а именно: сохранена подготовка специалистов в качестве первой ступени высшего образования, магистратура сориентирована на подготовку к аспирантуре, 5 марта 2009 г. делегация Министерства образования Республики Беларусь приняла участие в 8-м заседании Комитета управления высшего образования и исследований (г. Страсбург), где впервые была озвучена позиция Беларуси о присоединении к Болонскому процессу. 21–24 мая 2009 г. делегация Республики Беларусь выступила с предварительным отчетом о деятельности по присоединению нашей страны к Европейскому пространству высшего образования на Форуме ЮНЕСКО по высшему образованию в Европейском регионе: доступность, ценности, качество и конкурентоспособность (г. Бухарест). 10 июня 2009 г. вопросы присоединения Республики Беларусь к Болонскому процессу были рассмотрены и поддержаны вузовским сообществом на выездном заседании Республиканского совета ректоров высших учебных заведений «Болонский процесс: возможные последствия от присоединения к нему Республики Беларусь» (г. Брест) [3].

Болонский процесс создает новую по своим характеристикам и возможностям среду общеевропейского общения, обеспечивая новые перспективы для диалога и сотрудничества в самом широком спектре. История дает нам примеры того, как страны, нации коренным образом преобразались за счет «ударного» образования. Без консолидации общества, выхода на иной интеллектуальный, культурный уровень экономические и социальные прорывы вряд ли возможны. Именно поэтому педагогическая общественность, Министерство образования Республики Беларусь, представители Республиканского совета ректоров высших учебных заведений поддерживают решение присоединиться к Болонскому процессу.

Суть Болонского процесса подразумевала то, что прежде всего в должно произойти достижение конвергенции образовательных систем европейских стран с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Важнейшим результатом должно стать создание единого общеобразовательного, европейского рынка труда, с обеспечением единых прав, возможностей и требований к выпускникам вузов стран-участниц при устройстве на работу в Евросоюзе.[4] При наличии заинтересованности у стран-участниц и образовательных учреждений в данном процессе возрастет спрос и качество образования, с условием прозрачности и широкой распространенности однотипных образовательных циклов, утвержденных квалификаций с высоким качеством подготовки.

Несомненно Болонский процесс без всяких сомнений войдет в историю как один из самых грандиозных, широкомасштабных проектов по формированию Европейского образовательного пространства в условиях новых, кардинальных вызовов современного глобализованного общества. Преследуя европейские цели по установлению более прочных связей и укреплению интеллектуального потенциала, мобильности и конкурентоспособности кадров во всей развивающейся «Европе знаний», Болонский процесс в предстоящем сотрудничестве государств все более приобретает глобальные целенаправленные изменения. Принимая во внимание европейские цели, Болонский процесс определял и реализовывал задачи по реформированию национальных систем высшего образования Беларуси, настройке их на собственно интегральный «камертон» по созданию европейских «рамков», принципов и вполне гибких стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Царенок, Т.С. Проблемы и перспективы вступления Республики Беларусь в Болонский процесс [Электронный ресурс] / Т.С. Царенок. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103799/1/165-169.pdf>. – Дата доступа 05.05.2019.
2. Мокша, И.Н. Болонский процесс и Беларусь [Электронный ресурс] / И.Н.Мокша.-Режим доступа:<https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10637/Мокша%2C%20И.%20Н.%20Болонский%20процесс...pdf?sequence=1&isAllowed=y> Дата доступа 06.04.2019.
3. Герасимович, С.Ф. Гармонизация высшего образования Беларуси через призму Болонской декларации [Электронный ресурс] / С.Ф. Герасимович. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/6973/1/Герасимович.pdf> Дата доступа 09.04.2019.
4. Макаров, А.В. Болонский процесс и модернизация [Электронный ресурс] / А.В. Макаров. – Режим доступа: <https://www.gstu.by/sites/default/files/atoms/files/6d/d5/a.v.makarov.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2019.
5. Горылев, А.И. Нормативно-правовое регулирование участия вузов в Болонском процессе [Электронный ресурс] / А.И. Горылев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-uchastiya-rossiyskih-vuzov-v-bolonskom-protsesse>. – Дата доступа: 07.04.2019.

УДК 347.4

**РЕАЛИЗАЦИЯ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Д.В. ПИЛЬНИЦКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

В данной статье рассмотрена целевая направленность развития Болонского процесса, влияние на образовательный процесс, а также проблематика развития процесса в национальной системе образования.

Высшее образование становится более универсальным и практико-ориентированным. Студенты могут воспользоваться им и в других странах. Приобретение знаний основывается не на том, чтобы прочитать студентам лекции, а на том, чтобы студенты без помощи других лиц изучали материал, а потом сдавали его своим преподавателям, но с периодичностью не раз в семестр, а раз в неделю.

Болонский процесс строится на началах добровольности. Его главная цель – прозрачность, сопоставимость, «понятность» существующих образовательных систем, возможность легкого «пересчета» одной системы на другую [1].

Цель декларации – установить европейскую зону высшего образования, сопоставимость и гармонизацию национальных образовательных систем высшего образования в странах Европы, активизировать европейскую систему высшего образования в мировом масштабе.

Для реализации целей были определены десять основных направлений Болонского процесса (10 Bologna Action Lines):

1. Принятие системы общепонятных, сравнимых квалификаций (степеней).
2. Внедрение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавриат – магистратура).
3. Применение системы зачетных единиц (академических кредитов), количество которых зависит от объема часов по дисциплине и отражения учебной программы в приложении к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО.
4. Развитие академической мобильности студентов, преподавателей и административно-управленческого персонала.
5. Взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования, обеспечение автономности вузов.
6. Развитие европейского сотрудничества в области обеспечения качества высшего образования.
7. Обучение в течение всей жизни.
8. Активизация участия вузов и студентов в развитии Болонского процесса.
9. Усиление европейской составляющей в системе высшего образования Европы.
10. Введение докторантуры в общую систему высшего образования (в качестве третьего уровня) [2].

Главная задача проекта – развитие академической мобильности, построение выгодного сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования, повышение качества и перспективности высшего образования на пространстве СНГ [6].

На данном этапе перед Беларусью стоит важнейшая задача, преобразование экономики, для обеспечения конкурентоспособности и своевременного обеспечения высокого экономического роста, который гарантирует достойное существование гражданам. Без улучшений качества образования и динамичного развития образовательных структур, академической мобильности поставленная задача не будет достигнута. Это означает, что все реформы происходящие на данном этапе исходят не от быстро сменяемости приоритетов в самом образовании, а в связи с появляющимися потребностями общества в грамотных и высококвалифицированных специалистах.

Болонский процесс оказывает существенное влияние на национальную образовательную систему европейских стран. Происходит некое их сближение и заимствование. Интернационализация высшего образования – это реальность настоящего времени. Общие положения декларации кардинально меняют общеобразовательные уклады и фактически Болонский процесс становится одним из важнейших факторов движущий процесс реформирования белорусской системы высшего образования [3].

Тем не менее успешная реализация положений декларации не может быть осуществлена без надлежащего реформирования оснащенной нормативно-правовой базы, регулирующей высшее нацио-

нальное образование. В правовом аспекте понятие «законодательство» включает в себя всю совокупность нормативных правовых актов, непосредственно законы, подзаконные акты, нормативные договоры и соглашения (в том числе и международные), правовые акты органов местного самоуправления. Законодательство Республики Беларусь еще до конца не сформировано в данном вопросе, так это довольно трудоемкий процесс. Развитие данного вопроса пока что остановилось на локальных актах между университетами [5].

Безусловно, участие страны в Болонском процессе требует немалых экономических затрат, а также эффективности действий по осуществлению программы данной реформы, доведение системы высшего образования до европейских стандартов, и принятие нововведений в устоявшиеся традиции сферы национального образования.

Положительными сторонами присоединения к Болонскому процессу называют следующие:

1. Введение кредитно-модульной системы;
2. Накопление баллов даёт возможность получить вознаграждение, так называемый «автомат»;
3. Использование европейских методик в национальном образовании;
4. Интеграция европейского национального пространства;
5. Мобильность;
6. Достойный заработок.

Но также, на мой взгляд, существуют следующие некоторые проблемные направления, которые пожелат решению и впоследствии искоренению:

1. Проблема формирования эффективной системы аккредитации;(разная система оценивания);
2. Неготовность значительного числа вузов в Беларуси к переходу на двухуровневую систему подготовки специалистов;
3. Недостаточность научно-методического, кадрового, материально-технического обеспечения для реализации положений Болонской декларации;
4. Излишняя регламентация, недостаточная гибкость, адаптивность учебных программ.

(Количество предметов и их разнообразие может отличаться в вузах Беларуси от предметного ориентирования на специальностях Евразийских вузов) [4].

Как только Беларусь станет полноправной участницей Болонского процесса, выполнив все указания, перед нашими студентами откроется множество перспектив. Основной из них является облегчение устройства на работу за пределами страны благодаря приложению к диплому европейского образца. Это позволит работодателям не путаться в разных системах оценок, что, в свою очередь, повысит лояльность к выпускникам белорусских учреждений высшего образования за рубежом. Весомым плюсом является свободный выбор студентами дисциплин для изучения. Гибкий подход к процессу обучения, его индивидуализация позволят студентам практически самостоятельно регулировать процесс обучения. Студенты смогут накапливать определенное количество кредитов, приостанавливать свою учебу и возобновлять ее по желанию, т.е. учиться на протяжении всей жизни, как это делают жители Европы или Америки. Тем не менее, процессы интеграции с европейской системой образования в Беларуси идут уже давно и довольно успешно, поэтому белорусской высшей школе после вхождения в Болонский процесс останется взять только лучшее от Европы, при этом сохранив свою индивидуальность [4].

Присоединение Республики Беларусь к Европейскому пространству высшего образования будет означать, что страна берет на себя обязательства в целом следовать принципам построения данного образовательного пространства и сделать национальную систему высшего образования понятной и прозрачной для других стран европейского континента. Каких-либо санкций за нарушение сроков реализации принципов формирования Европейского пространства высшего образования или очередности мероприятий нет, так как ключевую роль играет заинтересованность самой страны в достижении поставленных целей [3].

Таким образом, участие Беларуси в Болонском процессе приводит к повышению уровня национального образования, существует некоторая проблематика, но достижение поставленных целей в системе образования в конечном итоге отразит свой результат. На сегодняшнем этапе все сферы жизнедеятельности очень динамично развиваются, из чего следует вывод о том, что активное преобразование систем высшего образования наших государств приведет только к положительным перспективам на рынке труда, происходит постепенный переход к активизации участия вузов и студентов в Болонском процессе, так же свободного выбора уровня своего образования (бакалавриат и магистратура), возможность получение образования в любой стране ,участвующей в процессе, что немало важно. Академическая мобильность создает еще более прочный союз среди общества, играя большую роль на политической, экономической и образовательных аренах. Выполнение всех поставленных целей декларации, безусловно является трудоемким процессом, но Беларусь нацелена на положительный результат в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочкова, Т.Н. Влияние Болонского процесса на национальную культуру [Электронный ресурс] / Т.Н. Толочкова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bolonskogo-protssessa-na-natsionalnuyu-pravovuyu-kulturu-rossii>. – Дата доступа 20.04.2019.
2. Сулова, Д.В. Болонский процесс [Электронный ресурс] / Д.В. Сулова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-bolonskom-protssesse>. – Дата доступа: 08.04.2019.
3. Мокша, И.Н. Болонский процесс и Беларусь [Электронный ресурс] / И.Н.Мокша. – Режим доступа: <https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10637/Мокша%2С%20И.%20Н.%20Болонский%20процесс....pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 06.04.2019.
4. Герасимович, С.Ф. Гармонизация высшего образования Беларуси через призму Болонской декларации [Электронный ресурс] / С.Ф.Герасимович. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/6973/1/Герасимович.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2019.
5. Куприянов, Р.В. Болонский процесс специфика и сложности реализации [Электронный ресурс] / Р.В.Куприянов. - Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-v-rossii-spetsifika-i-slozhnosti-realizatsii>. – Дата доступа: 08.04.2019

УДК 347.63

**К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА,
РОЖДЕННОГО СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ****С. О. РУБЦОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н. А. БЕСЕЦКАЯ)*

Анализируются особенности установления происхождения детей, рожденных при помощи суррогатного материнства как одного из методов вспомогательных репродуктивных технологий. Исследуется зарубежный опыт и существующие мнения учёных-правоведов по данному вопросу. Выделяются концептуальные различия правового закрепления установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в отечественном и зарубежном законодательстве.

Стремительное развитие общества и науки в последние десятилетия породило изменение традиционного представления людей о таком понятии, как «родители». Изучение института суррогатного материнства поставили под сомнение ранее существовавший факт, что матерью ребенка признается женщина, родившая его. Правовое регулирование суррогатного материнства является одной из актуальных задач, так как суррогатное материнство выступает одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), направленных на преодоление бесплодия.

Происхождение детей является основой родительских правоотношений, но в отношении суррогатного материнства данное положение порождает правовые неопределенности: кто и в каком порядке признается родителями ребенка, что является основой возникновения правоотношений между ними.

Регулирование данного вопроса в странах, где суррогатное материнство разрешено, происходит по-разному. Различия существующих подходов основываются на таких критериях, как порядок приобретения лицами, давшими согласие на применении суррогатного материнства, родительских прав и обязанностей, а также момент волеизъявления суррогатной матери на передачу ребенка заказчиком. Приобретение родительских прав и обязанностей лицами, заключившими договор с суррогатной матерью, может осуществляться в судебном либо административно порядке.

При этом в юридической литературе обосновывается существование четырех моделей правового регулирования возникающих при применении ВРТ отношений: австралийская, американская, европейская и постсоветская. При этом, по мнению К. А. Кириченко, выделение таких моделей строится на общности принятых государствами внутри каждой модели подходов, тем не менее каждая из них обладает своей спецификой [1, с. 69]. Интересным представляется рассмотрение этих моделей с точки зрения особенностей установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью.

В соответствии с австралийской моделью определяющая роль в наделении родительскими права конкретными лицами в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью, отводится судам. Заключение договора суррогатного материнства в Австралии одобряется междисциплинарной комиссией. При этом она делает это только в том случае, если в момент его подписания суррогатная мать не является беременной, имеет успешный опыт беременности, а также, если все стороны договора прошли соответствующее консультирование. Следовательно, данное одобрение осуществляется до момента медицинского вмешательства. После рождения ребенка родители, подписавшие договор с суррогатной матерью, становятся его юридическими родителями на основании судебного приказа [1, с. 70].

В рамках австралийской модели признается вариативность форм семьи, что позволяет закрепить в законодательстве так называемую теорию «мультиродительства». Данная теория предполагает, что у ребенка может быть более двух родителей. Так, согласно законодательству Западной Австралии между юридическими родителями и суррогатной матерью и её мужем возможно заключение соглашения об участии последних в воспитании ребенка, рожденного суррогатной матерью [1, с. 70-71]. В Новой Зеландии родители могут заключить соглашение с донором об его участии в воспитании ребенка и его контактах с ним [2].

Американская модель позволяет признать потенциальными родителями только супругов, состоящих в официально зарегистрированном браке. При этом установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, по отношению к таким лицам возможно двумя способами. В первом случае, путем предварительного утверждения судом договора суррогатного материнства. Он обязан проверить соответствие лиц, его заключивших, установленным требованиям. После чего выдает специальный приказ об утверждении договора суррогатного материнства, являющийся правовым основанием проведения процедуры ВРТ. После рождения ребенка в течение семи дней предполагаемые родители должны обра-

тяться в суд с требованием о выдаче приказа о записи их родителями ребенка. Задача суда установить наличие генетической связи между ребенком хотя бы одним из предполагаемых родителей, а также срок его рождения, который не может превышать с момента проведения последней процедуры ВРТ 300 дней с [1, с. 71-72]. Во втором случае, путем наделения предполагаемых родителей формальным родительским статусом без предварительного утверждения договора суррогатного материнства судом. При этом данный способ является более сложным, поскольку ряд факторов (в частности, содержание договора, генетическая связь между ребенком и каждым из предполагаемых родителей, наличие согласия суррогатной матери на запись предполагаемых родителей юридическими родителями ребенка и др.) может сильно повлиять на исход дела [1, с. 72].

В странах, поддерживающих европейскую модель, суррогатное материнство либо не может осуществляться на коммерческой основе, либо прямо запрещается (например, в Австрии, Германии, Дании, Италии, Франции, Швейцарии, и др.) [3]. Тем не менее в некоторых европейских странах существует иной подход к регулированию данного института. Так, в Великобритании реализована скорее американская, чем европейская модель, а в Греции возможно заключение договоров суррогатного материнства на коммерческой основе (Греция и Великобритания) [1, с. 73-74].

Что касается установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, то по законодательству Великобритании необходимо получить специальный судебный приказ о родителях [2]. Данный документ выдается только при наличии следующих условий:

- 1) мужчина и женщина должны состоять в зарегистрированном партнерстве, половые клетки которых (или одного из них) должны быть использованы для зачатия эмбриона;
- 2) в течение 6 месяцев со дня рождения ребенка в суд должно быть подано заявление, что именно данные лица являются родителями ребенка;
- 3) согласие суррогатной матери и, при наличии, её супруга на выдачу такого приказа.

Интересным положением действующего в Великобритании законодательства является тот факт, что приказ о родителях не может быть выдан потенциальным родителям до достижения ребенком 6-недельного возраста [2].

Европейскую модель в целом отличает отсутствие подробно детализированных правил установления происхождения детей, зачатых с помощью ВРТ [1, с. 75].

В странах, относящихся к постсоветской модели, не существует единообразного подхода к установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью. Так, в некоторых из них (например, в Азербайджане, России, Узбекистане) заложена гестационная теория, когда определяющее значение придается факту беременности и вынашивания ребенка, то позволяет автоматически не признавать лиц, заключивших договор с суррогатной матерью, родителями рожденного ею ребенка. И признание их таковыми зависит от волеизъявления суррогатной матери. В других странах (в частности, в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Украине) приоритет отдается правам генетических родителей. Неопределенную позицию по данному вопросу демонстрирует законодательство Армении, где наряду с признанием родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, генетических родителей, допускается отказ суррогатной матери от исполнения договора суррогатного материнства до рождения ребенка, если она является донором яйцеклетки.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь волеизъявление суррогатной матери передать женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, ребенка (детей) после его (их) рождения в срок, предусмотренный договором суррогатного материнства, выражается в момент его заключения. В соответствии с ч. 5 ст. 52 КоБС, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с ней договор суррогатного материнства [4]. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, при условии, что он дал согласие на его заключение. Данное положение белорусского законодательства исключает возможность оспаривания материнства и отцовства ребенка, рожденного суррогатной матерью. Оспаривание отцовства, в соответствии с ч. 1 ст. 52 КоБС, допускается только в том случае, если имеются доказательства, что супруга забеременела не в результате применения ВРТ. Аналогичный запрет действует и в отношении доноров. На основании ч. 2 ст. 52 КоБС такие лица не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка (запись о родителях), родившегося в результате применения методов ВРТ [4].

Как отмечает О.Ю. Худякова: «Легализация суррогатного материнства привела к тому, что биологическое родство и факт рождения ребенка женщиной не является универсальным критерием при установлении родительских прав, приоритетным становится намерение другой женщины стать матерью ребенка, закрепленное в соглашении о суррогатном материнстве» [5, с. 102].

Нормы российского законодательства, регулирующие суррогатное материнство, в целом отличаются малочисленностью и наличием пробелов. При этом закрепление презумпции согласия суррогатной матери на внесение записи о генетических родителях в качестве родителей ребенка вызывает критику многих авторов, специализирующихся на данной проблеме [6, с. 28]. Так, по мнению А.В. Кристафоровой: «Отказ суррогатной матери дать согласие на регистрацию биологических родителей в качестве отца и матери ребенка следует рассматривать как злоупотребление правом» [7]. Эту позицию разделяет и А.В. Майфрат, подчеркивающий, что презумпция материнства суррогатной матери не отвечает интересам всех заинтересованных участников правоотношений суррогатного материнства [8, с. 22].

На наш взгляд, реализованный в отечественном законодательстве подход является более прогрессивным. Презумпция материнства суррогатной матери делает слабой стороной договора суррогатного материнства потенциальных родителей ребенка, так как не может гарантировать им передачу рожденного ребенка. Этот прогрессивный подход обеспечивает стабильность правоотношений субъектов договора суррогатного материнства и, по мнению Т. М. Селедевской, является значительным шагом вперед, по сравнению с другими странами [9, с. 105].

Таким образом, общей тенденцией можно признать всеобщее признание необходимости законодательного регулирования ВРТ. При этом в современном мире сформировались разные модели правового регулирования отношений, возникающих при применении ВРТ. В рамках каждой из них по-своему решается вопрос об установлении происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, поскольку в основе решения данного вопроса заложены разные теории возникновения родительских прав (гестационная, генетическая и теория намерения). Тем не менее, на наш взгляд, наиболее рациональным является обращение к генетической теории, что реализовано в законодательстве Республики Беларусь и ряде государств. Это в большей мере способствует защите прав генетических родителей и предупреждает случаи злоупотребления правом суррогатной матерью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириченко, К.А. Модели правового регулирования отношений, складывающихся при применении методов вспомогательной репродукции: сравнительно-правовой анализ / К.А. Кириченко // Российский юридический журнал. - 2011. - № 4. - С. 69-80.
2. Care of Children Act 2004 № 90 [Electronic resource] : date of assent 21 November 2004 // New Zealand legislation. — Mode of access : www.legislation.govt.nz/act/public/2004/0090/latest/DLM317233.html. —
3. Date of access: 18.09.2019.
4. Лозовская, С. В. Субъектный состав договора суррогатного материнства [Электронный ресурс] / С.В. Лозовская, М.Э. Шодонова // Отрасли права. —Режим доступа : <http://отрасли-права.рф/article/20890>. — Дата доступа : 18.09.2019.
5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.
6. Худякова, О.Ю. Установление происхождения детей в однополых союзах / О.Ю. Худякова // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 97-102.
7. Дронова, Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве / Ю. А. Дронова. — М : Городец, 2007. — 112 с.
8. Кристафорова, А. В. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] // А. В. Кристафорова // Предпринимательство и право. — Режим доступа : <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4043>. — Дата доступа : 17.09.2019.
9. Майфрат, А.В. Суррогатное материнство и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ / А.В. Майфрат // Юрид. мир. — 2000. — № 2. — С. 18-22.
10. Селедевская, Т.М. Некоторые аспекты проблемы, связанной с суррогатным материнством / Т.М. Селедевская // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 2005. — № 3. — С. 103-107.

УДК 347.63

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ,
РОЖДЕННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ
РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ****С.О. РУБЦОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматриваются некоторые проблемы соотношения репродуктивных прав и вспомогательных репродуктивных технологий. Анализируются толкование и признаки репродуктивных прав в доктрине. Акцентируется внимание на необходимости выработки единого подхода к их определению. Изучаются существующие противоречия между применением вспомогательной репродукции и концепцией родства, которая положена в основу установления происхождения детей. Обосновывается необходимость внесения в законодательство Республики Беларусь изменений, связанных с предоставлением ребенку информации об его биологическом происхождении.

В XX веке сформировалась концепция репродуктивных прав человека, что было связано с развитием новых медицинских технологий, позволяющих лечить бесплодие. Рост бесплодия, как у женщин, так и у мужчин стал объективной причиной обращения к соответствующим методам с целью преодоления данной демографической проблемы. Так, по статистическим данным в Республике Беларусь более 20% супружеских пар не обладают естественной способностью к деторождению [1]. Вспомогательные репродуктивные технологии (далее - ВРТ), по сути, стали прорывом в области лечения бесплодия. Однако развитие медицины и генетики вызвало необходимость разработать адекватное законодательство, а с фундаментальной точки зрения – раскрыть сущность и сформулировать дефиницию новых правовых категорий.

Концепция репродуктивных прав личности в настоящее время является предметом научной дискуссии. Ученые расходятся не только в отношении определения понятия «репродуктивных прав», но и в квалификации тех или иных прав в качестве репродуктивных. Тем не менее поднятая проблема исследуется в основном в российской доктрине. Отечественные авторы не проявляют к ней должный интерес. Среди российских ученых можно выделить работы Т. Е. Борисовой [1], Е.В. Перевозчиковой [5], О.А. Хазовой [6] и др.

Впервые официально понятие «репродуктивные права» было закреплено в Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию, принятой в Каире в 1994 году (далее – Программа) [2]. В ней под ними понимаются права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и временем их рождения, располагать для этого необходимой информацией и средствами. Аналогичную дефиницию репродуктивных прав содержит ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. «О демографической безопасности Республики Беларусь» [3]. Однако легальное определение рассматриваемой категории подверглось в доктрине критике. В частности, П. В. Рагойша отмечает, что дефиниции понятия «репродуктивные права» в действующих национальных и международных актах являются неполными, так как в них не учитывается фактор репродуктивного здоровья [4]. Понятие, закрепленное в указанной Программе, как полагает Е. В. Перевозчикова, будет являться точным только в случае добавления фразы «с применением высоких репродуктивных технологий, если беременность не может наступить естественным путем» [5]. С данной позицией можно согласиться отчасти, поскольку реализация репродуктивных прав может быть и не связана с применением ВРТ, но с другой стороны, их применение для бесплодных пар или одиноких лиц является средством преодоления препятствий к реализации таких прав.

Отсутствует единообразный подход к определению понятия «репродуктивные права» и в доктрине. Так, по мнению О. А. Хазовой, более точным является понимание под «репродуктивным правом» право граждан самостоятельно и свободно решать вопросы, связанные с рождением детей, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи [6, с. 21]. В качестве комплекса общечеловеческих прав и свобод рассматривает репродуктивные права К. Н. Свитнев [7].

Из содержания определения репродуктивных прав, сформулированного в Программе, как отмечает Г.Б. Романовский, не понятно все ли перечисленные в нем возможности являются собственно репродуктивными либо только их основой [8, с. 33]. На наш взгляд, отнесение к таким правам в Программе права на определение пола является преждевременным, так как его реализация при использовании вспомогательных репродуктивных технологий допускается только с целью предотвращения наследования

ребенком заболеваний, связанных с полом. С точки зрения О. А. Хазовой, к таким правам следует отнести правомочия: свободно принимать ответственные решения относительно количества детей, интервалов между их рождениями и времени их рождения; доступа к соответствующей информации и средствам; достигать высших стандартов сексуального и репродуктивного здоровья [5, с. 16]. В комплекс репродуктивных прав К. Н. Свитнев включает право человека на использование вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатных программ, право на самостоятельное планирование семьи, а также определение количества и пола будущего ребенка [6].

Отсюда следует, что в юридической литературе не существует четкое понимание того, какие именно права следует рассматривать в качестве репродуктивных. Анализ представленных выше позиций позволяет к таким правам отнести права:

- 1) на самостоятельное планирование семьи;
- 2) на предоставление медико-информационной, социальной и иной необходимой помощи;
- 3) на свободное принятие решений в отношении рождения или отказа от рождения ребенка;
- 4) на использование вспомогательных репродуктивных технологий;
- 5) на защиту репродуктивных прав.

Таким образом, на основе обобщения легального и доктринальных определений, полагаем, можно дать следующую дефиницию категории «репродуктивные права» - это комплекс общечеловеческих прав и свобод, к которым следует относить право свободно принимать решения, связанные с рождением детей, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи, а также право человека на использовании вспомогательных репродуктивных технологий и защиту данных прав. Представляется, что сформулированная дефиниция учитывает доктринальные разработки и более точно отражает сущность данного понятия.

Между репродуктивными правами и применением ВРТ существует прямая связь, так как такие технологии неизбежно затрагивают основные права человека. Это влечет необходимость более ответственного подхода к правовому регулированию ВРТ [8, с. 45].

Рождение ребенка требует последующего установления его происхождения по отношению к его родителям. Применение же методов ВРТ в значительной мере осложняет решение данного вопроса, поскольку биологическая или кровная связь ребенка и родителей может быть неочевидной. Так, необходимо различать следующие ситуации:

- 1) искусственное оплодотворение производится спермой мужа матери ребенка или при имплантации используется эмбрион, который генетически произошел от этой супружеской пары (в данном случае будет наблюдаться очевидная генетическая связь ребенка с обоими родителями);
- 2) искусственное оплодотворение производится донорской спермой или имплантация эмбриона, генетически связанного только с одним из родителей или вообще не имеющего генетической связи ни с одним из них (т.е. донорского эмбриона) [9, с. 61].

Налицо прямое противоречие между применением методов ВРТ и концепцией родства, положенной в основу установления происхождения ребенка. Здесь возникает необходимость различать понятия «генетические» или «биологические» родители и «юридические» родители ребенка.

Следует отметить, что в ст. 52 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоБС) прямо установление происхождения ребенка по отношению к матери при применении ВРТ, за исключением суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения, не регулируется [7]. Отсюда можно предположить, что в таком случае закон исходит из действия общей презумпции материнства, закрепленной в ч. 1 ст. 51 КоБС, согласно которой матерью ребенка признается родившая его женщина.

Что касается установления происхождения ребенка по отношению к отцу, то при применении ВРТ общая презумпция, основанная на факте состояния матери с отцом ребенка в официальном браке, не действует. Другими словами, супруг женщины, родившей ребенка с применением ВРТ, не может автоматически признаваться его отцом. Юридическим фактом, обуславливающим установление происхождения по отношению к нему, является его согласие, выраженное в установленной форме, на применение ВРТ его супругой. Лицо, давшее согласие, зная, что ребенок не будет иметь с ним биологической связи, выражает желание на установление родительских правоотношений с этим ребенком. Таким образом, возникновение родительских прав здесь связано больше с волей лица стать родителем ребенка, а не с его биологическим происхождением.

В отличие от отечественного законодательства, в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) отсутствует отдельная норма, регулирующая установление происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ. Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ установление происхождения по отношению не только к отцу, но и к матери ребенка, рожденного при применении методов ВРТ, основывается на одном и том же юридическом факте – согласии на применение таких технологий [10].

Полагаем, что подход, закрепленный в зарубежном законодательстве является более прогрессивным, так как основывается исключительно на желании лиц, давших согласие на применение вспомогательной репродукции, стать потенциальными родителями данного ребенка, исключая возможность действия общей презумпции материнства (кроме использования суррогатного материнства, когда требуется данная презумпция действует в отношении суррогатной матери). На наш взгляд, целесообразно дополнить ст. 52 КоБС нормой об установлении происхождения ребенка при применении ВРТ, кроме суррогатного материнства, по отношению к матери на основе теории намерения (т.е. по признаку выражения согласия на применение ВРТ), поскольку действие общей презумпции материнства в данном случае, основанной на гестационной теории, не отражает специфику установления происхождения ребенка по отношению к такой матери, которая может не иметь с ним генетической связи, если для зачатия используется донорский материал.

Что касается установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, то в отечественном законодательстве заложена генетическая теория, так как именно генетическая, а не суррогатная мать признается матерью ребенка. При этом суррогатная мать не отнесена к кругу лиц, обладающих правом оспаривания записи о родителях. Такой подход существенно отличается от зарубежного, где чаще в основу происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, положена гестационная теория. Так, по российскому законодательству только от воли суррогатной матери зависит возникновение родительских отношений между рожденным ею ребенком и генетическими родителями. Она должна выразить согласие на передачу его генетическим родителям и регистрацию их в качестве его родителей [10]. Полагаем, что отечественный подход является более прогрессивным, поскольку более гарантирует права генетических родителей и позволяет исключить возможные споры между суррогатной матерью и генетическими родителями.

Вследствие того, что между родителями и ребенком при применении ВРТ может отсутствовать биологическая и (или) генетическая связь возникает необходимость создать дополнительные гарантии прав доноров и супруга, давшего согласие на применение ВРТ. В частности, в соответствии с ч. 1, 2 ст. 52 КоБС такие лица не вправе при оспаривании отцовства и материнства ссылаться на факт применения данных технологий, а с другой стороны, согласно ч. 3 данной статьи к донорам невозможно предъявлять иск об установлении отцовства [11].

Еще одной проблемой, возникающей в связи с использованием ВРТ, является вопрос о праве ребенка на получение информации о своем происхождении. В Конвенции ООН о правах ребенка закреплено право ребенка знать, насколько это возможно, своих родителей. Европейский суд по правам человека придерживается мнения, что право знать своих предков является важнейшим аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия «частная жизнь». В действующем белорусском семейном законодательстве указанная проблема не решена. С точки зрения медицинского права информация о генетическом происхождении ребенка рассматривается в качестве врачебной тайны, разглашение которой предусматривает наказание в соответствии с законом. В иностранном законодательстве данный вопрос решается иначе. Так, например, в Нидерландах законодательством предусмотрено, что каждый ребенок, достигший совершеннолетнего возраста, вправе требовать раскрытия такой информации в судебном порядке [12, с. 52]. На наш взгляд, решение поднятой проблемы не может быть однозначным, поскольку вызывает не ряд связанных с ней вопросов. Во-первых, с какого возраста ребенок имеет право требовать предоставления соответствующей информации? Во-вторых, вправе ли он требовать данные сведения против воли лиц, записанных в качестве его родителей? С одной стороны, знание ребенка о существовании биологических родителей в раннем возрасте может негативно повлиять на его отношения с родителями, которые не имеют генетической связи с ним. Лица, записанные в качестве родителей ребенка, могут стремиться к тому, чтобы ни сам ребенок, ни кто-либо другой не узнал их тайну. Необходимо также учитывать желание донора сохранить анонимность. С другой стороны, в определенных случаях знание своих биологических родителей будет являться необходимым (например, если у ребенка обнаружено наследственное заболевание, когда для его диагностики следует знать действительное происхождение ребенка).

Таким образом, в доктрине нет единого подхода к пониманию категории «репродуктивные права». В международных актах она определяется через усеченные дефиниции, основывающиеся на простом перечислении включаемых в них отдельных прав. Между применением методов ВРТ и концепцией родства, положенной в основу установления происхождения ребенка существует прямое противоречие, требующее обращения к иным теориям возникновения родительских прав. Правовое регулирование института установления происхождения детей при применении ВРТ требует дальнейшего совершенствования. На наш взгляд, ни белорусское законодательство, ни законодательство других стран не содержит абсолютно справедливых решений в отношении права ребенка знать свое биологическое происхождение,

Ведь данные сведения могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы в теории и практике : монография / Т. Е. Борисова. – Москва : Проспект, 2014. – 144 с.
2. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию [Электронный ресурс] : [принята в г. Каире 05-13.09.1994 г.] // Организация объединенных наций. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ICPD_programme_of_action_ru.pdf. – Дата доступа : 20.09.2019.
3. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Закон Республики Беларусь, 4 января 2002 г., № 80-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 31.12.2009 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ Респ. Беларусь. - Минск, 2013.
4. Рагойша, П.В. Родительские права и обязанности в контексте реализации прав на материнство и отцовство: проблема дефиниции момента возникновения [Электронный ресурс] / П.В. Рагойша // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://center.gov.by/publikatsii-rabotnikov-tsentra/kommentarii-zakonodatelstva/roditel-skie-prava-i-obyazannosti-v-ko/>. – Дата доступа : 18.09.2019.
5. Перевозчикова, Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 [Электронный ресурс] / Е.В. Перевозчикова // Электронная библиотека диссертаций. — Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnoe-pravo-na-zhizn-i-reproduktivnye-prava-cheloveka>. — Дата доступа : 20.09.2019.
6. Хазова, О.А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / О.А. Хазова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2000. - № 4. - С. 15-24.
7. Свитнев, К.Н. Нужен ли закон о ВРТ? Вспомогательные репродуктивные технологии и их правовое регулирование [Электронный ресурс] / К.Н. Свитнев // Киберленинка. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii-v-reproduktivnom-povedenii-gorodskoy-molodezhi-opyt-pilotazhnogo-issledovaniya>. — Дата доступа : 18.09.2019.
8. Романовский, Г.Б. Понятие репродуктивных прав в современном мире / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. – 2015. - № 7. – С. 31-45.
9. Корбут, Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. – №1(1). – С. 59-63.
10. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.
12. Шевчук, С.С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С.С. Шевчук // Юрист (РФ). – 2002. - № 9. - С. 49-55.

УДК 347.155

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА**С.С. СЕБА***(Представлено: канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ)*

В настоящей статье рассматриваются теоретические аспекты и основы правового регулирования института ограничения дееспособности граждан. Рассматриваются и анализируются нормы гражданского законодательства Республики Беларусь, регламентирующие основания для признания гражданина ограниченно дееспособным.

В Конституции Республики Беларусь [1] белорусское государство декларируется как социальное государство, а наиболее полная реализация прав и законных интересов ее граждан является приоритетной целью, поэтому изучение правовых статусов отдельных категорий граждан и анализ их особенностей никогда не утратит научной актуальности и практической значимости.

Ограниченно дееспособные граждане занимают особенное место в системе субъектов правовых отношений. Осуществление, защита их прав и свобод имеют определенную специфику. При наличии оснований, указанных в законе, человек в судебном порядке ограничивается в дееспособности и соответственно в реализации прав на определенный период времени. Следует отметить, что дееспособность является важнейшей категорией гражданского права и неотъемлемым элементом (наряду с правоспособностью) гражданской правосубъектности.

Как отмечает Д.А. Матанцев, правовую природу ограничения гражданской дееспособности физических лиц можно рассматривать с двух сторон – как меру защиты (реализация механизма защиты интересов членов семьи гражданина, злоупотребляющего алкоголем, наркотиками, участием в азартных играх) или к мерам ответственности (реализация механизма поражения в правах для гражданина, не учитывающего в своем поведении интересы членов своей семьи, которых он должен содержать, например, несовершеннолетних детей) [2, с. 12].

Конституционно-правовую основу правовой регламентации института правоспособности и дееспособности составляет Конституция Республики Беларусь. Согласно ст. 21 Основного Закона обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1]. Права и свободы ограниченно дееспособных граждан охраняются системой норм многих отраслей права, предусматривающих различного рода меры правовой охраны и защиты, а в некоторых случаях и их ограничения. Ведущая роль в этом направлении принадлежит гражданскому праву.

Согласно п. 1 ст. 30 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) «гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен в дееспособности судом в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство» [3]. Такой гражданин вправе самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки. Совершать другие сделки, а также получать заработок, пенсию и иные доходы и распоряжаться ими он может лишь с согласия попечителя. Однако он самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред.

А.М. Варганияном был проведен анализ п. 1 ст. 30 ГК Республики Беларусь оснований ограничения гражданина в дееспособности. Так, по мнению А.М. Варганияна основаниями для ограничения гражданина в дееспособности в совокупности являются следующие обстоятельства:

- злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами. Данный перечень является исчерпывающим, и не подлежит расширенному толкованию. Термин «злоупотребление» в контексте данной нормы носит оценочный характер, и может характеризоваться некой системностью, т.е. совершение подобных действий на протяжении достаточно длительного времени;
- тяжелое материальное положение членов семьи, явившееся прямым следствием злоупотребления гражданином спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами. Т.е. средства, которые гражданин обязан был направить на содержание членов своей семьи, он тратит на приобретение спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ и их аналогов [4, с. 1].

Можно сделать вывод, что основания, для ограничения гражданина в дееспособности носят оценочный характер. Суть злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами и их аналогами состоит в том, что гражданин систематически их употребляет в большом количестве, что продолжается длительное время. Факт злоупотребления должен быть объективным и подтверждаться допустимыми доказательствами, такими как нахождение гражданина на диспансерном либо консультативном учете психоневрологического диспансера с зафиксированным в медицинской документации диагнозом. В качестве доказательств могут служить систематически издаваемые приказы о применении дисциплинарных взысканий за появление на работе в нетрезвом состоянии, акты органов внутренних дел о появлении в общественных местах в нетрезвом состоянии. В частности, как доказательства могут быть предоставлены характеристики с места жительства или работы. Так же свидетельские показания лиц, способных подтвердить систематическое злоупотребление гражданином спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами и их аналогами. Не требуется, чтобы лицо, злоупотребляющее спиртными напитками, было хроническим алкоголиком.

Злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами по международной классификации относится к психическим и поведенческим расстройствам, вызванным употреблением психоактивных веществ (МКБ-10). Под психоактивным веществом понимается «любое химическое вещество, способное при однократном приёме изменять настроение, физическое состояние, самоощущение, восприятие окружающего, поведение либо давать другие, нежелательные с точки зрения потребителя, психофизические эффекты, а при систематическом приёме вызывать психическую и физическую зависимость. Среди психоактивных веществ выделяют наркотики и токсические средства. Сюда же относятся лекарственные средства с психотропным эффектом (так называемые психотропные вещества) разрешённые к медицинскому применению.

Вместе с тем, сам факт злоупотребления гражданином спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами и их аналогами не является достаточным, для ограничения гражданина в дееспособности. Данный факт обязан иметь прямую и непосредственную связь, последствия - тяжелое материальное положение членов семьи гражданина. Соответственно, к обязательным основаниям так же стоит отнести наличие членов семьи, совместное проживание и ведение общего хозяйства с членами семьи, т.е. обязанность нести расходы на содержание членов семьи. В частности наличие семейных отношений, родства, брачных отношений подлежат подтверждению путем предоставления свидетельства о заключении брака, свидетельства о рождении детей и иными документами, подтверждающими родство и наличие обязанности у гражданина нести расходы по содержанию семьи. Немало важным является фактическое совместное проживание с членами семьи. Совместное проживание подтверждается справкой о месте жительства и составе семьи, а так же справкой с единого государственного реестра недвижимого имущества РБ, договором найма жилого помещения.

Тяжелое материальное положение членов семьи гражданина, должно быть исключительно прямым следствием злоупотребления гражданином спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами. Материальное положение членов семьи гражданина подтверждается справкой о доходах. В доказательство тяжелого материального положения предоставляются сведения о наличии обязательств по кредитным договорам, наличие обязательств по уплате коммунальных услуг, задолженности по обязательным платежам и иным платежам, необходимым для содержания и обеспечения интересов семьи. Тяжелое материальное положение семьи может вызываться как уклонением лица от исполнения своих материальных обязанностей перед нею, так и затратами семьи на содержание злоупотребляющего спиртными напитками и наркотическими средствами.

Следовательно, при оценке судом оснований и фактов, являющихся основополагающими при вынесении решения об ограничении гражданина в дееспособности, необходимо учитывать, что предусмотренные законодательством возможности ограничения дееспособности гражданина влекут за собой весьма существенное умаление возможностей при реализации им его прав и свобод, использование названных процедур должно быть в каждом конкретном случае обоснованным и исключать злоупотребления со стороны заинтересованных лиц [6, с. 3].

Таким образом, исходя из п. 1 ст. 30 ГК Республики Беларусь для ограничения дееспособности гражданина необходимо наличие двух условий, находящихся в причинной связи: 1) злоупотребление им спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами; 2) поставление своей семьи в тяжелое материальное положение. Наличие заработка и иных доходов у других членов семьи само по себе не может являться основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 13 «О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.;
2. Матанцев, Д. А. Ограничение дееспособности как личная санкция в гражданском праве / Д. А. Матанцев // *Naukarastudent.ru*. – 2015. – №11 (23). – С. 10–12.;
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. ; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019;
4. Вартамян, А.М. О некоторых особенностях института ограничения дееспособности граждан / А.М.Вартамян // *Сб. науч. тр. / Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития*. – Гродно, 2018. – Вып. 2, ч. 1: С. 147–149;
5. О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 13: в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 30 марта 2017 г. № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019;
6. Остапенко, А. В. Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12 00 03 / А. В. Остапенко. – Волгоград, 2011. – 187 с.

УДК 347.7

СМАРТ-КОНТРАКТЫ. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ «УМНЫХ» ПРОЕКТОВ**А.В. СИНЬКЕВИЧ****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

Статья знакомит с исследованием в области технологии смарт-контракта. Данная работа направлена на исследование такого явления как смарт-контракт с правовой точки зрения, с точки зрения программирования, а также с элементами экономической составляющей, на историю его развития выявление его особенностей, а также обнаружение основных достоинств и недостатков.

Смарт-контракты – это самоисполняемые контракты, условия которых, согласованные продавцом и покупателем, вписываются в виде строки кода в децентрализованный распределенный журнал транзакций, получивший название блокчейн. Их применение позволяет проводить надежные сделки и заключать соглашения между неизвестными друг другу сторонами без посредничества центрального органа власти, законодательного регулирования или внешнего контролирующего механизма. Подобные сделки совершенно прозрачны и не имеют обратной силы.

Важно понимать, что термин «смарт-контракт» может ввести в заблуждение практикующего юриста. Поскольку, зачастую то, что многие разработчики и программисты называют смарт-контрактом, не имеет ни малейшего отношения к обычному правовому договору и является обозначением компьютерной программы. Таким образом, в настоящее время, юристы и программисты, обсуждающие тему смарт-контрактов, могут подразумевать под данным термином совершенно разные явления.

В связи с этим, зарубежные исследователи справедливо выделяют два основных подхода к пониманию смарт-контракта:

Смарт-контракт как правовой договор: данный подход наиболее распространен в юридической среде. Здесь термин «смарт-контракт» используется для обозначения правовых договоров или элементов правовых договоров, заключенных в электронной форме, а исполнение обязательства автоматизировано и обеспечивается компьютерной программой.

Говоря об «умных договорах», как о совершенно новом явлении для нашей правовой действительности, необходимо понимать, что его имплементация в существующую правовую систему будет происходить постепенно, учитывая консервативность законодательных и судебных органов.

В любом случае, юридическое сообщество должно выработать определенные подходы, направленные на интеграцию смарт-контрактов в реалии белорусского договорного права.

Можно выделить две основные модели, направленные на интеграцию «умных» договоров в белорусскую правовую систему:

- Обособленная модель интеграции «умных» договоров;
- Гибридная модель интеграции «умных» договоров.

Обособленная модель предполагает, что привычные для нас правовые договоры в форме документов, написанных на русском или ином языке человеческого общения, продолжат существовать в неизменном виде, но дополнительно к данному договору часть его условий будут занесены в «умный» договор.

При гибридной модели большая часть правового договора, вероятно, останется в ее нынешнем виде, то есть будет составлена на русском языке или ином языке человеческого общения, но определенная его часть, поддающаяся автоматизации, будет записана на одном из языков программирования (например, solidity – язык программирования, с помощью которого создаются «умные» договоры на платформе Ethereum). При этом часть договора, записанная на языке программирования, будет автоматически исполняться.

Смарт-контракт, как компьютерная программа: данный подход менее понятен для юристов, но с другой стороны, очевиден для программистов. С этой точки зрения смарт-контракт – это фрагмент кода, запрограммированный для осуществления определенных задач в случае выполнения некоего преопределенного условия. Также, смарт контракт можно рассматривать как автономную компьютерную программу, размещенную на определенном адресе в блокчейне, которая может быть перезапущена бесконечное количество раз и может быть запрограммирована под самые разнообразные нужды бизнес-сообщества.

Особенность смарт-контрактов заключается в том, что в их коде прописаны не только обязательства сторон, но и специальный алгоритм, позволяющий оценить выполнены ли условия сделки, возмож-

ные нарушения, а также принять решение о том, какому из участников соглашения должен быть передан базовый актив.

На наш взгляд наиболее перспективным направлением развития сектора может быть финансовый рынок, в частности, банковские и страховые услуги, а также торговля производными инструментами. Кроме того, хорошие возможности для использования подобных контрактов есть в сфере бухучета, логистики, голосований и так далее.

Создание смарт-контрактов было идеей программиста из США Ника Сабо, придумавшего виртуальную валюту BitGold в 1998 году – за десять лет до выхода на рынок первой криптовалюты. Существует мнение, что Ник Сабо и есть реальный Сатоши Накамото – автор биткоина, однако программист это отрицает.

Эксперт определил смарт-контракты как компьютеризированные протоколы транзакций, выполняющие условия контрактов, и предложил использовать их в торговле такими активами, как, например, акции и деривативы, считая, что сложные структуры платежей могут быть заменены стандартизированными контрактами с более низкими затратами на проведение транзакций за счет использования компьютерного анализа.

Идеи Ника Сабо нашли применение только после появления технологии блокчейн и основанной на ее базе криптовалюты биткоин. Однако со временем специалистам стало ясно, что ограниченные возможности экосистемы биткоин, которая справляется лишь с простыми задачами, такими как мультиподпись или сделки с отложенным исполнением, не дают возможности полностью раскрыть потенциал блокчейна и связанных с ним технологий. В связи с этим разработчики двинулись по пути создания других криптовалют.

Появление новой платформы Ethereum способствовало широкому распространению смарт-контрактов. Ее основатели посчитали, что протокол биткоина не подходит для развития этого сектора и начали разработку специального блокчейна и протокола для новой цифровой монеты.

Сегодня Ethereum представляет собой платформу для создателей «умных» контрактов, которая дает возможность специалистам разрабатывать собственные приложения на базе уже существующего блокчейна.

Главными атрибутами «умных» контрактов являются:

- Деятельность смарт-контрактов как счета, требующего мультиподписи (multisig, escrow). Средства с этого счета будут списываться лишь при подтверждении соответствующего распоряжения определенным процентом участников.
- Возможность управления договоренностями между пользователями. Например, при покупке одним из них страховой защиты у другого.
- Являются базой для других смарт-контрактов (аналогично работе библиотеки ПО).
- Хранят информацию о приложении, в том числе данные о регистрации домена или об участниках.

Важным направлением внедрения смарт-контрактов стало Initial Coin Offering (первичное предложение токенов). Здесь они применяются, чтобы гарантировать потенциальным клиентам надежность готовящегося размещения. В этом случае может быть прописан алгоритм, гарантирующий возврат средств покупателям токенов при провале проекта, или перевод средств авторам Initial Coin Offering (ICO) в случае его успеха.

Как правило вся информация, предусмотренная соглашением между сторонами, записывается в определенный блок блокчейна. Сюда же поступают данные, касающиеся определенного договора, они станут основой входов и выходов кода программного обеспечения, иницируя определенные действия, не имеющие отношения к блокчейну.

Ключевыми характеристиками смарт-контракта являются:

- Присутствие некоего соглашения и требуемых для его реализации инструментов.
- Описание параметров соглашения.

Кроме того, подписание смарт-контракта подтверждается электронной подписью с помощью публичных и приватных ключей, которые есть в наличии у каждого из участников соглашения. Для их реализации требуется децентрализованная среда, в которой производилась бы запись данных и поддержка входов и выходов для «оракулов», с помощью которых осуществляется взаимодействие реального мира и цифрового сегмента.

В зависимости от уровня смарт-контракты могут быть:

- целиком автоматизированные;
- с дубликатом в виде бумажного носителя;
- частично автоматизированные.

В настоящий период в значительной части смарт-контрактов автоматизирована лишь часть функций, например, платежные варианты или другие стороны. Однако стоит помнить, что этот сегмент развивается быстрыми темпами, и технологии совершенствуются.

Несмотря на то, что эта сфера пока еще достаточно новая, она уже обрела множество сторонников. Количество новых криптовалютных проектов, использующих «умные» контракты, постоянно растет, учитывая преимущества, которые они дают.

Среди достоинств данной сферы, можно выделить:

- автономность;
- безопасность;
- скорость;
- экономия ресурсов.

Данные достоинства можно увидеть в следующих случаях, для заключения подобного договора не требуется третья сторона, что обеспечивает его автономность. Безопасность транзакции достигается за счет записи информации о каждой сделке в журнале, причем в зашифрованном виде, скорость – за счет, как отсутствия посредников, так и автоматизации процессов. Также стоит отметить, что в результате автоматизации процессов сводится на нет «человеческий фактор» в составлении и согласовании контрактов, что существенно увеличивает точность исполнения соглашений.

Возможность хакерских атак на блокчейн-системы очень мала, учитывая использование ими криптографических алгоритмов, а также тот факт, что журнал транзакций является распределенным, что также является достоинством данной системы.

Основным недостатком сферы смарт-контрактов, как и криптовалютных проектов в целом, можно считать регулятивную неопределенность и неоднозначное отношение к сектору в деловых кругах.

Кроме того, поскольку эти технологии находятся на ранней стадии развития, они не застрахованы от различных ошибок, в том числе от недоработок структуры кода. Также нельзя не упомянуть недостаточное развитие блокчейн-инфраструктуры и программ-оракулов, обеспечивающих взаимосвязь криптовалютной экосистемы с реальным миром, по-прежнему есть над чем работать в сфере масштабируемости и скорости обработки транзакций. Эти факторы сдерживают проникновение смарт-контрактов в повседневную жизнь.

Еще одним моментом, на который нужно обратить внимание, является то, что запись данных в блокчейн необратима, то есть действие заключенного контракта нельзя отменить. В некоторых случаях эта особенность может стать реальной проблемой.

Прозрачность сделок, являющаяся несомненным плюсом блокчейн-проектов, может рассматриваться в качестве недостатка для финансовых компаний, для которых важным является соблюдение конфиденциальности клиентских данных.

Сегодня, огромное число разработчиков занимаются исправлением существующих недостатков, и, учитывая, что сектор движется вперед семимильными шагами, можно рассчитывать на то, что в скором времени возможности смарт-контрактов существенно увеличатся, а их использование расширится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что такое смарт-контракты («умные» контракты) на базе блокчейна? [Электронный ресурс] // Майнинг криптовалюты: информ.-аналит. портал. – URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/umnye-smartkontrakty>. – Дата доступа 20.06.2019
2. Вестник гражданского права [Электронный ресурс] // Cointelegraph: справ.-информ. портал – Электрон. дан., 2017. – URL: <https://cointelegraph.com/explained/smart-contractsexplained>. – Дата доступа 20.06.2019
3. СтепановА., Что такое смарт-контракты [Электронный ресурс] // Profitgid: информ. портал. – Электрон. дан. 2017., - URL: <https://profitgid.ru/smartkontrakty.html>. – Дата доступа 20.06.2019
4. Stark J. Making sense of blockchain smart contracts [Электронный ресурс] // Profitgid: информ. портал. – Электрон. дан. 2016., – URL: <https://www.coindesk.com/making-sense-smart-contracts>. – Дата доступа 03.07.2019
5. Kristian Lauslahti, Juri Mattila, Timo Seppälä Smart Contracts – How will Blockchain Technology Affect Contractual Practices? [Электронный ресурс] // Cointelegraph: справ.-информ. портал – Электрон. дан., 2017. – URL.: <https://www.etla.fi/wp-content/uploads/ETLA-Raportit-Reports-68.pdf>. – Дата доступа 03.07.2019

УДК 347.7

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ
И ПРЕКРАЩЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ****А.В. СИНЬКЕВИЧ****(Представлено: Т.В. СЕМЕНОВА)**

Данная работа направлена на изучение некоторых аспектов заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов, то есть форм автоматизированного исполнения договорных обязательств, реализуемой в распределенном реестре, а также на перспективу изменения практики законодательства и более конкретного урегулирования данного вопроса на национальном уровне.

Для возникновения прав и обязанностей по смарт-контракту, как и по любому другому договору, необходимо достичь соглашения, которое выражается в совпадающем волеизъявлении сторон.

При этом необходимо отметить, что, так как смарт-контракт является договором между отсутствующими сторонами, его заключение регулируется особыми нормами права. В странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей выделяют две стадии заключения договоров:

- оферта,
- акцепт.

В смарт-контрактах оферта представляет собой веб-страницу, которая содержит предложение заключить договор со ссылкой на программный код, подписанный закрытым ключом оферента и размещенный в распределенном реестре. Например, смарт-контракт первичного размещения цифровых активов, так называемых токенов, может содержать предложение купить актив за обеспечиваемую государствами фиатную валюту или произвести мену криптовалюты на предлагаемый актив с указанием обменного курса, способов оплаты и исполнения договора. Веб-страница является определенной и полной, в том числе, содержит существенные условия договора, и может считаться офертой.

Оферта на заключение смарт-контракта, оформленная в виде веб-страницы без ограничения доступа, может быть признана «публичной», то есть обращенной к неопределенному кругу лиц. В таком случае, любое лицо, совершившее необходимые действия в целях акцепта смарт-контракта, будет уполномочено требовать от оферента исполнения договорных обязательств.

Срок действия оферты смарт-контракта фиксируется на странице и обычно не представляет сложности для определения. В случае истечения срока действия оферты программный код смарт-контракта выводит ошибку и, как следствие, смарт-контракт не может быть заключен.

Акцепт смарт-контракта должен проводиться в форме, аналогичной оферте, то есть в виде электронного сообщения, подписанного закрытым ключом акцептанта.

Так как смарт-контракт сформирован в виде договора присоединения, акцепт смарт-контракта не может изменять его программный код, а, следовательно, и его условия, таким образом, отсутствует возможность возникновения встречной оферты. Следовательно, действует ультимативный принцип, лаконично сформулированный в английском праве: (либо да, либо нет - take it or leave it).

Момент заключения смарт-контракта важен с точки зрения определения времени приобретения прав и обязанностей его сторонами. Определение момента заключения смарт-контракта отличается от подхода, существующего в континентальной правовой семье, от романо-германской системы и её подхода, так и от подхода англо-саксонского права.

Момент заключения смарт-контракта должен быть точно определен, так как программный код активируется только в момент внесения соответствующей записи об акцепте оферты в очередной блок записей распределенного реестра.

Напротив, решить вопрос об непрерывности правоотношения в смарт-контракте, в особенности, если речь идет о сделке с активами, существующими в цифровом пространстве – мена токенов на криптовалюту, сложно. При отсутствии оговорки о применимом праве существенную сложность представляет задача определения применимого права, так как положение о наиболее характерном исполнении в смысле статьи 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь неприменимо в связи с тем, что сведения о местоположении сторон смарт-контракта, как и то, кем являются данные стороны, зачастую анонимизированы. Отношения по поводу заключения, исполнения и прекращения смарт-контракта в значительной мере теряют свою связь с государством.

В ряде случаев после заключения договора возникает необходимость модифицировать его в связи с новыми обстоятельствами или изменившейся общей волей сторон. Необходимость модифицировать

смарт-контракт также может быть связана и с изменением применимых правовых норм. В связи с этим, при реализации смарт-контрактов должна быть предусмотрена возможность корректировать смарт-контракты, исполнение которых является длящимся.

Существует три способа изменить смарт-контракт:

- прекратить или расторгнуть действующий смарт-контракт и заключить новый с измененными условиями;
- внести изменения в программный код смарт-контракта без его прекращения (в случае, если устройство платформы, на которой реализован смарт-контракт, допускает такие изменения);
- получить обновление применимых норм из специальной библиотеки API (Application programming interface) норм договорного права, созданной государством или частными лицами.

В большинстве существующих смарт-контрактов исполнение с одной стороны происходит в момент акцепта путем предоставления обусловленного в соглашении объема криптовалюты. Например, в случае приобретения токенов вовремя так называемого первичного размещения токенов (ICO) происходит обмен одного цифрового актива (криптовалюты), который списывается со счета приобретателя, на другой цифровой актив (токен), который зачисляется на счет приобретателя. Однако возможны случаи длящихся смарт-контрактов. В связи с этим возникает вопрос контроля исполнения его этапов.

Распределенный реестр является полностью детерминированной системой. События в нем происходят в строгой последовательности. Эта особенность предотвращает любое изменение сохраненных данных, но ограничивает гибкость системы. Как возможность доступа распределенного реестра к внешней информации, так и поступление информации в реестр извне нарушает эту последовательность и лишает применение распределенного реестра основного преимущества.

В отличие от этого, среда за пределами распределенного реестра не является детерминированной. События могут происходить не по порядку, данные могут создаваться и использоваться в любой момент. Растет гибкость, но возникает трудность в обмене информацией с распределенным реестром. Фундаментальное различие делает внутреннюю и внешнюю среды распределенного реестра несовместимыми друг с другом, и только присутствие специальных систем, которые называются оракулами, позволяет наладить обмен информацией между ними.

Юридические факты, важные для исполнения смарт-контрактов, обрабатываются оракулами (специальными системами), фиксируются в распределенном реестре и обрабатываются программным кодом смарт-контракта. Таким образом, при выполнении условий, в зависимости от которых ставится исполнение смарт-контракта, происходит его автоматическое исполнение или, в противном случае, возврат сторон в их изначальное положение.

В отличие от традиционных договоров на бумажном носителе автоматизированный смарт-контракт, развернутый в распределенном реестре, может быть реализован как онлайн-сервис для его сторон (мобильное приложение, веб-страница), который будет отображать исчерпывающую информацию о договоре (стороны, статус исполнения, история событий, иные данные по желанию пользователей).

Например, мы можем представить кредитный смарт-контракт, который отображает на соответствующих страницах следующие сведения:

- преамбула,
- стороны,
- существенные условия (сумма, процентная ставка, срок, график погашения, комиссии, штрафные санкции),
- история платежей,
- дата и сумма ближайшего платежа с разбивкой на основной долг и проценты,
- иная информация (применимое право, договорная подсудность, арбитражная оговорка).

При этом, данные о смарт-контракте формируются автоматически, являются публично достоверными и должны получать доказательственную силу.

Исполнение является самым желательным с точки зрения права способом прекращения договорного обязательства. В смарт-контракте находит свое высшее выражение принцип (договоры должны соблюдаться – *acta sunt servanda*), так как после заключения смарт-контракта его исполнение не зависит от воли сторон.

Исполнение смарт-контракта, как и традиционного договора, может осуществляться как единовременно в полном объеме, так и по частям, что фиксируется в распределенном реестре, где развернут смарт-контракт.

Цель договора достигается лишь надлежащим исполнением, то есть исполнением, сочетающим три параметра:

- определенные срок,

- способ,
- место.

Можно задаться вопросом, применима ли данная конструкция для смарт-контракта.

Так, срок исполнения строго контролируется программным кодом, как просрочка, так и исполнение фиксируются в распределенном реестре.

На данный момент способ исполнения смарт-контракта ограничен средой его существования. Упомянутые программы-оракулы могут значительно расширить способы исполнения путем включения в распределенный реестр информации об исполнении из внешней среды. Помимо того, смарт-контракт может решить проблему недобросовестного кредитора, так как последний, указав информацию о способе исполнения в рамках распределенного реестра при заключении смарт-контракта (например, адрес для пополнения счета), не сможет отказаться принять это исполнение.

О месте исполнения смарт-контракта можно говорить условно, так как смарт-контракты ограничены киберпространством. Однако со временем пространство реализации смарт-контрактов может выйти за пределы цифровой сферы. К настоящему времени заключаются договоры мены криптовалюты на объекты недвижимости; в некоторых странах, например, в Швеции на основе государственно-частного партнерства реализуется проект по заключению сделок с недвижимостью на основе смарт-контрактов. Тем не менее, недостаточное регулирование подобных отношений не позволяет организовать широкое применение технологии распределенного реестра и заключение смарт-контрактов.

Представляется, что в среде реализации смарт-контракта могут быть также выражены практически все известные способы исполнения обязательств, в том числе, залог, обеспечительный интерес, задаток, неустойка, независимая гарантия. В будущем внедрение технологии распределенного реестра для учета прав на недвижимое имущество позволит обременять земельные участки и другие объекты недвижимости в качестве обеспечения обязательств, вытекающих из смарт-контрактов. При этом такое обременение будет общеизвестным и публично достоверным.

Прекращение смарт-контрактов в силу закона и решений государственных судов и других юрисдикционных органов возможно в случае подчинения участников распределенного реестра юрисдикции государства и предоставления этим органам соответствующих полномочий (прав администратора сети).

Однако распределенные реестры, основанные на принципе добровольного объединения сторонников со всего мира, были созданы как ответ на чрезмерное, по их мнению, государственное регулирование с целью ухода от государственной юрисдикции в пространство, где государственная власть не обладает эффективным механизмом принуждения.

Внутри распределенного реестра действует абсолютное саморегулирование, которое поддерживается самими участниками на основе принципов и убеждений, заложенных при построении системы распределенного реестра.

Смарт-контракты, которые противоречат принципам объединения, могут быть заблокированы участниками сети в рамках поддержания порядка и борьбы за право.

Подобная ситуация может приводить к невозможности исполнения решений государственных органов, и порождает проблему неэффективности государственного механизма правоприменения в киберпространстве.

Несмотря на отмеченные достоинства смарт-контракта в части автоматизированного выполнения договорных обязательств, сложно представить, что заключаемые смарт-контракты не станут источником возникновения разногласий и споров между сторонами. Следует оговориться, что вероятность возникновения таких ситуаций будет ниже, чем у традиционных договоров.

Сама возможность возникновения споров требует адекватного механизма их разрешения. Как мы отметили, обращение к государственному механизму правоприменения неэффективно в среде распределенного реестра. Тем не менее, существует практика разрешения споров, возникающих из отношений в сети Интернет. Так, в Китае в августе 2017 года был создан специализированный суд по интернет-спорам. Деятельность этого органа уже продемонстрировала свою эффективность, однако, рассмотренные споры имеют сугубо территориальный характер, в связи с чем опыт и практика разрешения могут быть восприняты участниками сообщества распределенных реестров, но не обладают для них обязательной силой.

Возможным способом разрешения споров из смарт-контрактов могут выступать специальные арбитражные институции в сети Интернет. Такие онлайн-арбитражи имеют достаточный уровень понимания специфики отношений в Интернете, в связи с чем пользователи сети Интернет доверяют решениям таких органов, а сроки и стоимость рассмотрения споров существенно снижаются.

Существующее регулирование смарт-контрактов в зарубежных государствах носит фрагментарный характер. В связи с этим можно сказать, что оно, скорее всего, является только способом наметить возможные будущие границы должного и дозволенного в рассматриваемой сфере правоотношений.

Смарт-контракты были разработаны и созданы в целях отхода от необходимости применения национального права, так как для смарт-контракта будет достаточно правил, закрепленных в нем в виде программного кода. С этой точки зрения, смарт-контракт представляется явлением, которое позволяет избежать или, по крайней мере, существенно минимизировать использование национального права и, тем самым, органично вписывается в концепции так называемого «самодостаточного» договора.

При этом следует признать, что даже при составлении максимально подробного смарт-контракта минимальная связь с национальными правовыми системами продолжает сохраняться, в том числе в силу субъектного состава отношений из смарт-контракта. Поэтому в отсутствие адекватных норм национального права необходимым является поиск решения проблемы восполнения в нем пробелов, которая решается при допущении плюрализма правопорядка.

Допущение существования нормативной системы как автономной обособленной системы регулирования отношений, созданной участниками сети Интернет, совместно с функционированием смарт-контрактов, позволяет предположить, что в будущем это позволит создать систему наднационального регулирования частноправовых отношений.

Из этого можно сделать вывод, что рассмотренные аспекты заключения, исполнения, изменения и прекращения смарт-контрактов позволяют говорить об адаптации договоров к глобальному развитию технологий, что, с одной стороны, является одним из условий развития экономики и трансформации современного права в этих условиях, а, с другой стороны, может вызвать опасения у государства и консервативно настроенной части общества. Последнее может привести к запретам или значительным ограничениям для реализации инициатив в области цифровизации экономики, в том числе разработки и внедрения смарт-контрактов. Однако такой подход является контрпродуктивным, а сама технология смарт-контрактов представляет обоснованную экономическую выгоду для участников правоотношений путем снижения транзакционных издержек. В связи с этим, государство должно проводить исследования и реализовывать инициативы по внедрению перспективных технологий в экономику, при этом, воздерживаясь от избыточного регулирования подобных правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 янв. 1998 г.: с изм. и доп., вступившими в силу с 31.12.2014 г. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Вестник гражданского права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvgrp.org/>. – Дата доступа: 15.07.2019.
3. Степанов, А. Что такое смарт-контракты [Электронный ресурс] / А. Степанов // Profitgid: информ. портал. – Режим доступа: <https://profitgid.ru/smartkontrakty.html>. – Дата доступа 15.07.2019.
4. Лукоянов, Н.В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н.В. Лукоянов // Юридические исследования. — 2018. — № 11. — С. 28–30.

УДК 347

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СЛУЧАЯХ АВТОНОМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОБОТОВ

А.Д. СИНКЕВИЧ

(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)

В настоящее время развитием искусственного интеллекта обусловлено достаточно обширное применение роботов в многочисленных сферах человеческой жизнедеятельности. В связи с этим появляются проблемы взаимодействия между людьми и роботами, роботами и роботами. В исследовании рассматриваются отдельные случаи причинения вреда роботами, а также выдвигаются некоторые предположения о лицах, которые могут нести ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом.

Роботы в своем развитии прошли длительный путь, начало которого было положено простейшими механизмами, а действия выполнялись по элементарным образцам. Однако современные роботы не требуют постоянного контроля и являются более сложными по своей конструкции. Такие роботы являются не чем иным, как автономными роботами. Автономные роботы – это роботы, которые совершают поступки или выполняют поставленные задачи с высокой степенью самостоятельности. То есть автономные роботы – это роботы, запрограммированные на самостоятельные действия без участия человека.

Считается, что полностью автономный робот должен обладать следующими способностями:

- Самостоятельно получать и самостоятельно обрабатывать информацию, поступающую из окружающего мира;
- Работать длительный период времени без какого-либо вмешательства человека в его действия;
- Самостоятельно перемещаться в пространстве без помощи человека;
- Избегать создания опасных ситуаций для человека, имущества или самого робота (кроме случаев, предусмотренных самими характеристиками робота) [1].

В будущем будет полностью роботизирован общественный транспорт, управление которым будет осуществляться без помощи человека-водителя. Однако уже сейчас делаются попытки по использованию искусственного интеллекта в качестве самостоятельно передвигающегося транспорта.

В США беспилотникам разрешили передвигаться по общественным дорогам без присмотра людей. Однако данное мероприятие будет осуществляться не по всей территории страны, а только в штате Флорида, местный губернатор которого подписал закон об устранении на пути технологических компаний. В его планах вывести действительно автономные транспортные средства в реальные дорожные условия, а не на испытательные полигоны. Необходимо отметить, что в данном законе четко прописывается, что система беспилотного управления, даже при ее активации, будет считаться оператором. Здесь наблюдается повышенная ответственность на самого производителя системы в случае аварии [2].

Касательно с примером беспилотного автомобиля Uber, сбившего насмерть велосипедистку, никто не понес ответственности. Позже было сообщено, что тестирование машин Uber временно прекратиться в некоторых крупных городах [3].

В июне 2015 года стартовал проект EasyMile, в соответствии с которым было реализован запуск шести автобусов EZ10. Данный беспилотный транспорт движется по маршруту равному 2,5 километра, перемещая студентов и преподавателей от метро к корпусам университетов.

В 2019 году в Российской Федерации первые самоуправляемые авто были выпущены на дороги. На данный момент, это тестирование, но тем не менее это небольшой шаг к началу использования автономных автомобилей в Российской Федерации.

В случае причинения вреда автономным роботом человеку, его имуществу, логичным является вопрос: кто же будет нести ответственность за роботов? Для ответа на поставленный вопрос, считаем правильным обратиться к трем законам робототехники, сформулированные американским писателем-фантастом в 1942 году, которые в рамках художественной реальности должны были стать не чем иным, как регулятором поведения роботов среди человеческого общества. Данные три закона (правила) робототехники выглядят следующим образом:

- Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред;
- Робот должен выполнять приказы человека, кроме приказов, противоречащих Первому закону;
- Робот должен заботиться о своей безопасности, если это не противоречит Первому и Второму законам [4].

Приведенный выше пример с автомобилем Uber показывают опасность, которую несет в себе развитие робототехники и искусственного интеллекта, а, следовательно, и возможность нарушения данных правил робототехники. Так как робот – это устройство, запрограммированное на совершение определенных действий, то в случае сбоя в программе, реакция искусственного интеллекта не будет такой же, как и у человека: быстрой, точной. Разумное устройство не воспримет последствия, причиной которых стали его действия, продолжая выполнять функции, согласно заложенной программе.

В работах исследователей, занимающихся ответами на вопросы в данной сфере, можно выделить два основных направления. Часть исследователей предлагает возложить всю ответственность за любое причинение действиями роботов на страховые компании. Другая часть исследователей предлагает обратиться к Римскому частному праву и провести всевозможные аналогии между правовым положением рабов и роботов:

- Робот, как и раб, не имеет прав и обязанностей;
- Робот, как и раб, может принимать решения, имеющие правовые последствия, в том числе для собственника;
- Рабы были наделены имуществом (пекулий), следовательно, необходимо наделять роботов имуществом;
- Рабы и роботы способны причинять вред.

Необходимо отметить, что сравнение роботов с рабами считаем не целесообразным, поскольку здесь наблюдается непосредственное сравнение человека и робота, что ставит их на одну ступень, наделяя их равными правами. Такое сравнение не считаем верным в силу современности и отсутствием рабов как таковых.

Среди лиц, которые могут понести ответственность за причиненный роботом ущерб можно выделить:

1. Создателя (изобретателя) робота, как физическое лицо;
2. Программиста (как работника юридического лица).;
3. Завод-изготовитель (как юридическое лицо), но здесь видится существенный минус признания завода-изготовителя в качестве ответственного, поскольку, если он будет отвечать по всем искам, всем пострадавшим от роботов, то у завода не останется средств на совершенствование самих роботов и исправление уже имеющихся в них ошибок;
4. Пользователя робота или собственника робота.
5. Третье лицо – лицо, завладевшее роботом неправомерно и запрограммировавшее его на причинение вреда другим людям в интересах данного третьего лица

На данный момент вопрос об ответственности роботов решается на примере самоуправляемого автомобиля. Так, в Калифорнии пришли к решению, что следует признать водителя тем лицом, которое непосредственно понесет ответственность [5].

Таким образом, следует сделать вывод, что роботизация может приносить не только пользу в различных сферах деятельности общества, но и также нанести значительный вред человечеству, причиной которого может стать незапланированный сбой в программе робота.

Предлагается в качестве ответственных лиц пять категорий, в зависимости от той или иной ситуации: изобретатель, завод-изготовитель, программист, собственник (пользователь) робота и третье лицо, завладевшее роботом неправомерно и настроившим его на причинение вреда окружающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономные мобильные роботы – навигация и управление [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/avtonomnye-mobilnye-roboty-navigatsiya-i-upravlenie>. — Режим доступа: 28.08.2019.
2. Беспилотники в США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/v-sshs-besplotnikam-razreshili-peredvigatsya-po-obshhestvennym-dorogam-bez-prismotra-lyudej.html>. — Дата доступа: 28.08.2019.
3. Беспилотный автомобиль Uber сбил человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://hi-news.ru>. — Дата доступа: 28.08.2019.
4. Три закона робототехники Айзека Азимова — проблемы будущего [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sciencedebate2008.com/three-laws-of-robotics/>. — Дата доступа: 28.08.2019.
5. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. — Дата доступа: 28.08.2019.

УДК 347

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОБОТОВ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**А.Д. СИНКЕВИЧ***(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается потенциальная возможность роботов заменить человека в его профессиональной деятельности. В настоящее время наблюдается активное внедрение искусственного интеллекта в повседневную жизнь человека. Роботы применяются повсеместно, начиная с роботов-парковщиков и заканчивая роботами-бариста. Данный аспект начал привлекать внимание юристов, поскольку важно дать точный ответ на такой вопрос как, могут ли роботы заменить человека полностью и к каким юридическим последствиям может привести такая замена.

В современном мире в различных сферах человеческой деятельности область применения робототехники является широкомасштабной и не прекращает своего интенсивного развития, продолжая расти и совершенствоваться. Такое внимание к роботам обусловлено тем, что их применение дает большие возможности уменьшить участие человека в работе, тяжелой и опасной для его жизни.

Робот — это результат динамического развития человеческого общества в процессе его взаимодействия с природой. Роботы постепенно стали внедряться в жизнь человека в виде умных устройств: роботов-пылесосов, роботов-бариста, роботов-парковщиков и т.д. Такая деятельность имеет своей целью создание комфортных условий для человека, избавляя его от тяжелой или опасной работы.

Безусловно роботы могут прийти на замену человеку. В доказательство можно привести следующие примеры:

Студентом Стэнфордского университета был создан робот DoNotPay, в программу которого заложено оспаривание штрафов автовладельцев США и Великобритании за нарушение правил парковки. Как итог, всего за 21 месяц к автоматизированному юристу обратилось более 250 тысяч человек, 160 тысяч — из которых избежали санкций.

Далее, программа COIN от JPMorgan, направленная на автоматизирование работы юристов, анализирующая кредитные договоры и решающая за секунды задачи, требовавшие ранее сотни тысяч часов трудозатрат в год.

Американские разработчики создали программу, сумевшую предсказать решения Верховного Суда США в 70% случаев. Другая разработка ученых позволила добиться предсказания решения Европейского суда по правам человека до 79%. Алгоритм использовался на основе анализа ранее вынесенных решений.

Касательно Российской Федерации, в 2016 году Сбербанк объявил о запуске робота, способного составлять иски. Использование такого робота позволит высвободить порядка 3 тысяч рабочих мест.

Следует отметить программу Casebook, используемую в банках Российской Федерации и позволяющую оценить риски кредитования потенциальных заемщиков. Программа анализирует любые упоминания о заемщиках в судебных делах, сопоставляет суммы предъявленных к заемщикам исков с оборотами компании.

В Казахстане имеется сервис LawHunter, позволяющий отслеживать активность субъектов в судах. Получаемая информация может быть полезной для оценки надежности контрагента [1].

Обращаясь к опыту Великобритании нельзя не отметить разработку британских ученых в области медицины, получившая название «Versius». Данная программа позволит сократить расходы, ускорить время восстановления пациента и безопасность операций. «Versius» может быть использован для совершения большинства медицинских процедур, а также сокращает период восстановления. Контроль за роботом осуществляется непосредственно хирургом с помощью пульта управления с 3D-экраном, расположенном в операционной [2].

Французская компания Stanley Robotics разработала парковочного робота Stan. Он способен перемещать любые виды легковых автомобилей независимо от длины их колесной базы. Робот представляет собой платформу на небольших колесиках с подвижными зажимами для колес автомобиля. Для перемещения машины робот подъезжает под нее, зажимает колеса и поднимает автомобиль. Такой аппарат способен принять автомобиль, отвезти его на свободное место на парковке и поставить его там. Если автомобиль нужно забрать, робот немедленно привезет его с парковки [3].

Говоря о юриспруденции, роботы могут стать идеальными судьями, поскольку способны быстро анализировать и сопоставлять огромную массу информации. Программа может обрабатывать аналогич-

ные дела, нормы и законы, имеющие отношение к тому или иному делу, кроме того, подобное устройство всегда будет оставаться объективным, беспристрастным, сохраняя нейтралитет.

Некоторые ученые считают, что при условии понимания роботом человеческой речи, он сможет работать с логическими доводами сторон, аргументами и доказательствами. Такая машина, с технической точки зрения, способна объективно функционировать в сфере прецедентного права. К тому же, в некоторых случаях, например в антитрестовских делах, судья-робот способен провести количественный экономический анализ для определения степени виновности. Однако, несмотря на целый ряд преимуществ такого робота, его положительные качества и возможности, механический судья у многих людей вызовет как минимум чувство неуверенности и дискомфорта. Возможно, такая позиция основывается на эффекте «зловещей долины» – гипотезе, согласно которой робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно также, как и человек, вызывает неприязнь и отвращение у людей [4].

Обращаясь к опыту Республики Беларусь, следует отметить достижение белорусской компании Rozum Robotics, разработавшей робота-бариста для работы в роботизированной кофейне, заменяя человека. Устройство не общается с покупателями, но его движения остаются неизменными, делая вкус напитка стабильным и не меняющимся. Робот-бариста готовит кофе в соответствии с заложенным в него алгоритмом после того, как покупатель выберет желаемый вариант кофе на планшете [5].

Исходя из вышеприведенных примеров замены человека роботом, можно прийти к выводу, что развитие робототехники и искусственного интеллекта могут привести к положительной тенденции замены человека роботами во многих профессиях, однако это может привести и к негативным последствиям: исчезновению многих профессий — и это уже происходит.

В Сети Интернет появилась программа, показывающая в процентном соотношении, является ли та или иная профессия актуальной. В соответствии с программой, вероятность того, что роботы заменят юристов, составляет 3,5%, а помощника юриста - 94% [6].

Ученые Оксфордского университета в Великобритании и отделения политических наук Йельского университета в США представили исследование, в котором оценили сроки замены человеческого разума искусственным интеллектом. Согласно такому исследованию в ближайшие тридцать-сорок лет роботы смогут справиться с несколькими профессиями, заменяя даже самых высококвалифицированных специалистов [7].

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что роботы представляют собой изобретение человека, способное разумно мыслить, быстро и точно ориентироваться среди большого количества информации. Они могут заменить человека во многих профессиях, однако не полностью, поскольку роботы не имеют и скорее всего не смогут иметь такие качества человека как способность быстро и точно реагировать, поскольку роботы — запрограммированные устройства и будут оставаться таковыми. Также, заменяя человека на определенной работе, его деятельность должна контролироваться человеком, что обуславливается возможностью неполадок и сбоев в программе робота. Следовательно люди будут необходимы и незаменимы долгое время, пока не создадут искусственный интеллект, близкий к человеческому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ждёт ли исчезновение юридическую профессию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4876425-zhdet-li-vymiranie-yuridicheskuyu.html>. — Дата доступа: 27.08.2019.
2. Британские ученые создали самого маленького в мире робота-хирурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ecotechnica.com.ua>. — Дата доступа: 27.08.2019.
3. Французы разработали робота-парковщика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.robo-hunter.com>. — Дата доступа: 27.08.2019.
4. Дело рассматривает судья-робот [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://robo-hunter.com/news/delo-rassmatrivaet-sudya-robot-protetueete>. — Дата доступа: 27.08.2019.
5. Белорусский робот-бариста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bel.biz>. — Дата доступа: 27.08.2019.
6. Заберет ли робот вашу работу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/robojobs/28272901.html>. — Дата доступа: 27.08.2019.
7. Всё из-за роботов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/world/20170603/1033664778/kogda-roboty-zamenyat-pisateley-perevodchikov-i-hirurgov.html>. — Дата доступа: 27.08.2019.

УДК 347.63(1-87)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТМОРТАЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**Д.А. СМОЛИК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

В статье предпринята попытка выявить ряд актуальных проблем на основе комплексного подхода к изучению и анализу понятия репродуктивных прав и их соотношению с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Автор предметно исследовал отечественный и зарубежный опыт правового регулирования постмортальных репродуктивных прав. Особое внимание в работе было уделено программам вспомогательных репродуктивных технологий в связи с постмортальной репродукцией. В статье рассмотрены доктринальные подходы, особенности правового регулирования в праве Республики Беларусь и зарубежном законодательстве.

На основании полученных результатов исследования предложено законодательное урегулирование ВРТ в национальном праве, а также решения проблем, связанных с появлением новых методов ВРТ.

Появление новых вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) обеспечило возможность зачатия и рождение ребенка не только при жизни генетических родителей. Для обозначения рождения ребенка в такой ситуации используется термин «постмортальная репродукция», т.е. когда перенос эмбрионов, созданных при жизни обоих родителей, или же зачатие ребенка при помощи репродуктивных технологий происходит после смерти одного или даже обоих генетических родителей. Постмортальные программы, как правило, осуществляются *in vitro* («в пробирке») с использованием криоконсервированного генетического материала одного или обоих родителей, зачастую в комбинации с суррогатным материнством и донорством гамет [1].

Существует несколько методов получения необходимых материалов для реализации программ постмортальной репродукции:

- использование криоконсервированной спермы (или яйцеклетки), взятой при жизни человека;
- перенос ранее замороженных эмбрионов;
- посмертное извлечение спермы умершего мужчины.

В случае использования криоконсервированной спермы (яйцеклетки), взятой при жизни человека, происходит глубокая заморозка мужских клеток в жидком азоте с последующим долгосрочным хранением и возможности в будущем использовать биоматериал для воспроизведения потомства. При переносе замороженных эмбрионов последние замораживаются после того, как они созданы. Их имплантация производится позднее. Что касается посмертного получения спермы, то этот метод вызывает огромное количество медицинских вопросов на предмет возможности изъятия спермы (в частности, путем электроэякуляции с использованием технологии TESE (извлечение сперматозоидов из тестикулярной ткани), PESA (перкутанная, т.е. через кожу, забор сперматозоидов из придатка яичка) и TESA (перкутанная аспирация сперматозоидов из ткани яичка.) либо посмертного удаления яичков мужчины). При этом независимо от вида применения методики забор спермы должен быть произведен в течение 24–36 часов после смерти мужчины, сразу после чего сперму криоконсервируют для дальнейшего использования в протоколе ВРТ [2].

Впервые посмертный забор спермы был описан в 1980 году, а первый ребенок, зачатый с использованием спермы, извлеченной из тела отца уже после его смерти, родился спустя 19 лет – в 1999 году. Наиболее широко обсуждаемым стал случай беременности в результате постмортального оплодотворения, произошедший в Британии в 1997 году. Супруга мужчины, умершего от менингита, попросила врачей осуществить забор его спермы, пока муж находился в коме. Однако в дальнейшем суд запретил ей не только использовать генетический материал супруга, поскольку предварительное согласие на такое использование отсутствовало, но и вывезти материал в Бельгию, где такие процедуры не запрещены. Только после обжалования дела в Британский Апелляционный Суд, женщина смогла транспортировать сперму покойного мужа в Бельгию. Через 4 года после его смерти она родила здорового мальчика [3]. В Российской Федерации первая постмортальная программа суррогатного материнства была реализована в 2005 году [4].

Проблема репродуктивных прав в настоящее время оказалась в центре общественного внимания. На наш взгляд, во многом это определяется тем, что в нашей стране сложилась неблагоприятная тенденция ухудшения здоровья населения и превышения смертности, нежели рождаемости [5].

На сегодняшний день постмортальная (посмертная) репродукция не получила широкого правового регулирования. В большинстве стран отсутствует необходимая законодательная база ее применения. Только в некоторых странах приняты законы, предусматривающие возможность реализации постмортальных репродуктивных прав. Так, например, в Испании данные вопросы регулируются Законом от 26 мая 2006 г. № 14/2006 «О технологиях вспомогательной репродукции человека» [6]. В статье 9 этого закона устанавливается, что при жизни супруг посредством письменного информированного согласия, нотариального акта, завещания или завещательного распоряжения может дать согласие на то, чтобы его репродуктивный материал в течение 12 месяцев со дня его смерти был использован для оплодотворения супруги. В этом случае супруг будет признан законным отцом родившегося после его смерти ребенка, однако если муж умер до того, как его репродуктивный материал попал в матку его супруги, то его отцовство в отношении ребенка, рожденного с помощью ВРТ, не может быть признано. Закон отрицает возможность установления между таким мужчиной и ребенком любых юридических отношений, ввиду отсутствия его согласия [6]. В статье 21 Закона Кыргызской Республики «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» закреплено, что использовать половые клетки, находящиеся на хранении, в целях воспроизводства потомства лица в случае его смерти имеют право супруг (супруга), отец, мать, родные братья и сестры [7]. Данная норма не только предусматривает право посмертной репродукции, но и определяет круг лиц, имеющих право на использование половых клеток умершего. В соответствии с параграфом 4 Закона Германии «О защите эмбрионов» лица, сознательно совершающие оплодотворение яйцеклетки сперматозоидом мужчины после его смерти, наказываются лишением свободы сроком до трех лет или денежным штрафом. Указывается также, что сама женщина, в отношении которой применяются ВРТ, ответственности не несет. В данном случае федеральное правительство урегулировало правовые рамки репродуктивной медицины. Таким образом, закон гарантирует добросовестное отношение к возникающей человеческой жизни и позволяет предотвратить неправомерное использование эмбрионов в любой форме [8]. В Российской Федерации прямого регулирования возможность реализации программ постмортальной репродукции не получила. Согласно п. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений [9]. Речь идет о волеизъявлении живых лиц. Тем не менее это не исключает рождения ребенка вследствие посмертной репродукции. Так, если родители-заказчики уже начали свою репродуктивную программу, дав письменное информированное согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, они в любом случае записываются родителями ребенка в книге записей рождений. Значит, к сведению не принимается, в какой момент было осуществлено зачатие или же перенос эмбрионов, и произошло ли рождение до или после смерти родителей. Отсутствие законодательного регулирования вопросов, связанных с посмертной репродукцией человека, создает неопределенность в правовом статусе участников программ ВРТ, свидетельствует об отсутствии защиты интересов и прав детей, рожденных после смерти одного или обоих родителей.

Тем не менее, в тех странах, где посмертная репродукция легализована, параллельно проявились иные связанные с ней проблемы, в частности необходимость установления происхождения ребенка от умершего до его зачатия родителем и наследование им его имущества. Так, установление происхождения ребенка, рожденного при применении программ постмортальной репродукции, основывается на концепции согласия, т.е. условием установления происхождения является согласие лица, у которого осуществлялся забор биологического материала. При этом оно должно быть облечено в письменную форму. В случаях отсутствия письменного согласия, происхождение ребенка может быть установлено судом. Проблема установления происхождения заключается в том, что если супруг не дал своего согласия предварительно и в дальнейшем не в состоянии выразить его и мужчина скончался или находится в состоянии, исключающее возможность выразить личное волеизъявление. В данных случаях, например, в Новой Зеландии или же в Израиле суд может дать разрешение пережившему супругу зачать ребенка после смерти или в момент тяжелой болезни другого супруга. Его желание согласовывается судом на основании поведения или свидетельства членов семьи и друзей. Если же мужчина явно возражал против того, чтобы иметь ребенка или использовать ВРТ, судам рекомендуется отказывать в подобных требованиях [8]. Данные требования, разумеется, рассматриваются судами незамедлительно. Суть применения посмертной репродукции в России ч. 1 ст. 68 Закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья» [9] допускает использование тела, органов и тканей умершего в медицинских, научных и учебных целях при наличии его письменного добровольного согласия об использовании и обязательно нотариально удостоверенного. Однако прижизненного предоставления биологического материала и использования его после

смерти не охватывается, то есть в России согласие лиц, уже предоставивших свой генетический материал, на постмортальную репродукцию как ее необходимое условие прямо не предусмотрено, нет указаний и на судебный порядок его установления и разрешения посмертной репродукции.

Что касается национального законодательства, то в соответствии со статьей 18 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» прямо запрещается использование невосстановленных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий половых клеток пациента, умершего или объявленного в судебном порядке умершим. Кроме того, невосстановленные в результате применения ВРТ эмбрионы также не могут быть использованы в случае смерти или объявления в судебном порядке умершим одного из супругов [10].

Таким образом, реализация в Республике Беларусь на сегодняшний день программ постмортальной репродукции невозможна. Постмортальные ВРТ требуют законодательного урегулирования в национальном законодательстве, а также решения иных, связанных с ними проблем. Положительным аспектом в решении выявленного пробела может стать обобщение опыта зарубежных стран. В качестве обязательного условия, без которого применение программ постмортальной репродукции будет незаконным, полагаем, должно стать выражение мужчиной при жизни письменного согласия на признание его отцом ребенка, рожденного с помощью ВРТ уже после его смерти. Однако необходимо регламентировать форму и порядок выражения такого согласия, а также урегулировать вопросы установления происхождения детей, рожденных в результате применения программ постмортальной репродукции, и их наследственных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улихина, А.С. Правовые особенности посмертной репродукции человека [Электронный ресурс] / А.С. Улихина // Elibrary.ru – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_25707209_47029092.pdf. – Дата доступа : 05.09.2019.
2. Новые репродуктивные технологии: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.the-medical-practice.com/survey/eko1>. – Дата доступа : 05.09.2019.
3. Смагина, Л. Новые репродуктивные технологии: мифы и реальность [Электронный ресурс] / Л. Смагина // Медицинская практика: организационные, правовые и иные аспекты. – Режим доступа: <http://www.the-medical-practice.com/survey/technologies/eko1>. – Дата доступа : 05.09.2019.
4. Тагаева, С.Н. Проблемы применения правопорядка к осложненным «иностранным элементом» отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] / С.Н. Тагаева, Ф.М. Аминова // Киберлинкa. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-primeneniya-pravoporyadka-k-oslozhnennym-inostrannym-elementom-otnosheniyam-voznikayuschim-iz-vspomogatelnyh>. – Дата доступа : 06.09.2019.
5. Правовые и этические аспекты посмертной репродукции [Электронный ресурс] // Countrymeters. – Режим доступа : <https://countrymeters.info/ru/Belarus>. – Дата доступа: 06.09.2019.
6. Хачатурова, Е.В. Посмертная репродукция [Электронный ресурс] / Е.В. Хачатурова // Elibrary.ru. – Режим доступа : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111191>. – Дата доступа : 07.09.2019.
7. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
8. Шелютто, М.Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права [Электронный ресурс] / М.Л. Шелютто // Киберлинкa. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/deti-zachatye-posle-smerti-roditelya-ustanovlenie-proishozhdeniya-i-nasledstvennyye-prava>. – Дата доступа : 08.09.2019.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ : в ред. Федер. закона от 21.11.2011 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
10. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2019 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.

УДК 347.63:342.7

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ**Д.А. СМОЛИК***(Представлено: канд. юрид. наук Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматриваются подходы к определению категории «репродуктивные права» в доктрине, международных актах и национальном законодательстве. Определяется соотношение репродуктивных и постмортальных репродуктивных прав.

Внедрение в медицинскую практику вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ВРТ) потребовало не только их адекватного правового регулирования, но решения более фундаментальных вопросов с точки зрения общей теории права и прав человека. При этом теоретическая разработка концепции и правовой природы репродуктивных прав человека последовала только после их законодательного закрепления. В этой области общественные отношения значительно опережают как правовое регулирование, так и разработку соответствующих категорий в юридической доктрине.

В литературе к правам, связанным с возможностью воспроизводства человека естественным путем, применяется устоявшийся термин «репродуктивные права». Однако единообразного понимания термина, которая им обозначается, не выработано. Так, О.А. Хазова отмечает, что репродуктивные права – это правовая возможность самостоятельно решать вопрос деторождения, в том числе с правом получения соответствующей информации и медицинской помощи. Она полагает, что «в течение последнего времени репродуктивные права, имеющие принципиальное значение для обеспечения репродуктивного здоровья, получили широкую поддержку в международных документах и договорах по правам человека» [1, с. 16]. По мнению Ю.В. Павловой, данные права подразумевают под собой права супругов или одинокого лица на достижение высокого уровня здоровья, включающий в себя доступ к имеющимся методикам преодоления бесплодия [2]. Репродуктивные права, считает Е.В. Перевозчикова, являются разновидностью личных прав человека, закрепленных в Конституции и представляют собой сложную совокупность правомочий, объединенных целью продолжения рода, включающая в себя право на принятие решения о зачатии ребенка, о количестве детей, о применении соответствующей процедуры высоких репродуктивных технологий [3, с. 9-10]. В семейном праве, с точки зрения И.Г. Кирсановой и И.А. Максимовой, репродуктивные права представляют собой «совокупность возможностей человека на обеспечение рождения ребенка, что влечет возникновение семейных, гражданско-правовых отношений ребенка с родителями и другими членами семьи, которые, учитывая возможности вспомогательных репродуктивных технологий, могут и не иметь ни генетической, ни биологической связи с ребенком» [4]. Иной точки зрения придерживается Г.Б. Романовский, указывая, что «репродуктивные права» как некая самостоятельная правовая категория не существует, но законодатель определяет, что это через правомочия на получение специальной медицинской помощи [5].

Можно согласиться с суждением Г.Б. Романовского. По нашему мнению, «репродуктивные права» подразумевают под собой регулятор общественных отношений, т.е. репродуктивные права не признаются, как самостоятельная юридическая возможность субъекта осуществлять определенные действия, так как речь идет именно о методах государственного воздействия на сферу человеческой деятельности, следовательно, государство позволяет либо ограничивает, запрещает данные правоотношения. Можно сказать, что в высказывании мнений многие специалисты, исходя из международного закрепления репродуктивных прав, навязывают некую правовую модель нашему государству.

Обобщая рассмотренные выше позиции можно утверждать, что в большей части авторы определяют понятие «репродуктивные права» через возможность субъекта осуществлять отдельные действия. Другими словами, репродуктивные права понимаются как правовые формы поведения субъекта в осуществлении репродукции.

В международных актах приводится усеченное определение категории «репродуктивные права». Так, в Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию, принятой на Международной конференции по народонаселению и развитию 9-13 сентября 1994 года в Каире, говорится, что репродуктивные права «зигдуются на признании основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья. Это также включает их право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то

ни было дискриминации, принуждения и насилия, о чем говорится в документах по правам человека» [6]. Как видно, понятие «репродуктивные права» раскрывается здесь только через перечисления отдельных прав, составляющих его содержание. Такой подход справедливо подвергся в литературе критике. В частности, Е. В. Перевозчикова считает, что данное определение будет полным, только если в него включить фразу «с применением высоких репродуктивных технологий, если беременность не может наступить естественным путем» [3].

В национальном законодательстве репродуктивные права определены как «возможность для всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением, времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами» [7]. Полагаем, что такое легальное определение является неполным. Здесь можно согласиться с позицией П. В. Рагойши, указывающего, что в нем не учитывается фактор репродуктивного здоровья [8]. Кроме того, содержание рассматриваемого понятия, полагаем, необходимо рассматривать и через призму фактора репродуктивной свободы (свобода репродуктивного выбора), следовательно, можно сделать вывод, что репродуктивные права должны включать и право женщины самостоятельно и свободно распоряжаться своим телом и его репродуктивными функциями.

Несмотря на то, что первые случаи реализации отдельных программ постмортальной репродукции уже имели место в 80-е годы прошлого столетия, интерес к их законодательному закреплению в различных странах, а также к доктринальному осмыслению в юридической науке активизировался в последнее десятилетие. Появление прогрессивных методов в программах ВРТ позволило выделять технологии постмортальной репродукции. Постмортальные репродуктивные права означают возможность физического лица с помощью соответствующих медицинских технологий, разрешенных правом, осуществить после смерти одного либо обоих родителей использование криоконсервированного генетического материала, в том числе при помощи суррогатного материнства, т.е. возможность осуществить оплодотворение даже в случаях смерти одного из родителей. Следовательно, раскрывать сущность категории «репродуктивные права» без учета данных возможностей некорректно.

Важным аспектом в дискуссии о репродуктивных правах является вопрос о том, кому принадлежит право решать репродуктивные вопросы. Государство в большей мере ориентируется на запретительные и ограничительные нормы, нежели методы и формы профилактики, просвещения и т.п. На наш взгляд, репродуктивные права являются частью прав человека, но пределы их реализации должны определяться нормами права с учетом охраны репродуктивного здоровья не только отдельного человека, но и иных участников репродуктивных правоотношений.

Таким образом, из приведенных позиций можно сделать обобщенный вывод, что единого подхода к пониманию «репродуктивные права» в доктрине. Чаще всего его сущность раскрывается не через признаки, а через возможность субъекта осуществлять отдельные действия либо перечисление конкретных правомочий субъекта в репродуктивной сфере. В современных условиях невозможно аутентично передать содержание рассматриваемой категории без учета фактора репродуктивной свободы, а также прав, связанных с реализацией программ постмортальной репродукции. Таким образом, по мнению автора, следует обратить внимание на необходимость более широкого подхода к раскрытию сущности понятия «репродуктивные права».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазова, О.А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования / О.А. Хазова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2001. – № 1(34). – С. 4-16.
2. Павлова, Ю.В. Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ю.В. Павлова ; Московский гуманитар. ун-т. – М., 2007. – Режим доступа : https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Pavlova_JV/. – Дата доступа : 20.09.2019.
3. Перевозчикова, Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.В. Перевозчикова; Казанск. госуд ун-т им. В.И. Ульянова. – Казань, 2006. – 28 с.
4. Кирсанова, И.Г. Особенности реализации наследственных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] / И.Г. Кирсанова, И.А. Максимова // Киберленка. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-nasledstvennyh-prav-pri-primenении-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiiy>. – Дата доступа : 20.09.2019.
5. Романовский, Г.Б. Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ [Электронный ресурс] / Г.Б. Романовский // «Реформы и право». – 2010. – № 4. – С. 3.

6. Программа действия Международной конференции по народонаселению и развитию [Электронный ресурс]: [принята в г. Каир 05-13.09.1994 г.] // Организация объединенных наций. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ICPD_programme_of_action_ru.pdf. – Дата доступа: 20.09.2019.
7. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. // Эталон 6.0 – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Рагойша, П.В. Родительские права и обязанности в контексте реализации прав на материнство и отцовство: проблема дефиниции момента возникновения [Электронный ресурс] / П.В. Рагойша // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://center.gov.by/publikatsii-rabotnikov-tsentra/kommentarii-zakonodatel-stva/roditel-skie-prava-i-obyazannosti-v-ko/>. – Дата доступа : 18.09.2019.

УДК 347

**ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ БЕЗНАДЗОРНЫХ ЖИВОТНЫХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А.С. СТЕПАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А.БОГОНЕНКО)*

Исследуются проблемы регулирования положения безнадзорных животных в белорусском законодательстве. Проводится анализ сегодняшней ситуации с безнадзорными животными и выявляются пути решения найденных проблем.

В современном обществе животные играют большую роль в общественной жизни людей. Как и люди, животные быстро привыкают к хозяину и практически не могут без него существовать. Между человеком и животным может возникнуть некая духовная или же дружеская связь, благодаря которой животное становится для человека – семьей. Но весьма часто домашние животные теряются или убегают. Также домашние животные могут остаться без надзора в результате болезни или смерти владельца, что означает, нежелание человека допустить такой исход событий. Однако чаще всего собаки и кошки остаются на улице, когда они перестают быть нужными своим владельцам и в следствии этого хозяева выбрасывают своих бывших питомцев.

Безнадзорные собаки, родившиеся и живущие на улице сами по себе, называются собаками-париями. Такие бродячие собаки со временем становятся полудикими, сбиваясь в стаи, чем создают большую угрозу для города. Наибольшую опасность для людей, с точки зрения проявления агрессии, обычно представляют бывшие опекаемые собаки. Именно они, приученные охранять и защищать хозяина и его территорию, продолжают это делать даже когда хозяин от них отказался. Но, в любом случае, собаки генетически не рассматривают человека как источник пропитания [1]. Проблема безнадзорных животных многогранна.

С экологической точки зрения – безнадзорные животные загрязняют территории и могут распространять опасные для человека болезни. С социальной точки зрения – возникают определенные трудности соседства с неуправляемыми животными (шум от лая, попрошайничество собак, иногда проявляют агрессию против людей). С нравственно-этической точки зрения - страдания большинства нормальных людей за «братьев меньших», испытывающих голод, холод, убийства и т.п. С экономической точки зрения – необходимость финансовых затрат на разрешение проблемы и эффективность использования выделяемых на это средств.

И, наконец, с юридической стороны – права собственности на животное, ответственность за животных и за их действия.

Сложность и многогранность проблемы безнадзорных животных требует комплексного и системного подхода к её разрешению.

Для этого необходимо составить определенные пункты решения проблемы регулирования положения безнадзорных животных.

На наш взгляд, необходимо ввести лицензирование содержания домашних животных. В Республике Беларусь лицензию выдают лишь на одну сферу, связанную с животными - ветеринарную деятельность:

- диагностику, профилактику заболеваний и лечение сельскохозяйственных животных, животных-компаньонов, животных, используемых в культурных мероприятиях, зоопарках, цирках, зверинцах, служебных и лабораторных животных;
- производство ветеринарных препаратов;
- оптовую и розничную реализацию ветеринарных препаратов [2].

Однако, на содержание домашних животных выдача лицензии не предусмотрено, что не является, по нашему мнению, положительным моментом.

Выдача лицензии должна соответствовать указанным в законодательстве условиям: дееспособность владельца, его психическое здоровье (подтверждаемое документами об отсутствии психического заболевания, алкогольной или наркотической зависимости), обеспеченность жилым помещением, а также достойные условия содержания животного (полноценное питание, содержание в комнате, а не в коридоре или местах общего пользования многоквартирного дома и т.п.). Наличие таких условий необходимо, поскольку будущий владелец должен быть психически устойчивым человеком, способным нести юриди-

ческую ответственность за свои деяния. С нашей точки зрения выдача лицензии будет способствовать более внимательному содержанию животных, которое минимизирует риск его потери.

Филимонова И. В. указывает, что помимо этого, владелец должен ориентироваться в законодательстве в сфере содержания домашних животных, поскольку прежде всего он должен обеспечить безопасность других людей. Знание правил содержания данного конкретного животного необходимо, чтобы обеспечить ему надлежащие условия содержания. Поэтому было бы целесообразно обязать будущих владельцев домашних животных проходить соответствующие курсы, которые должны организовываться уполномоченными органами местного самоуправления и общественными организациями (к примеру, клубами собаководов) и с привлечением компетентных специалистов (кинологов, ветеринаров и т.д.) [3].

Также необходимо ввести в законодательную базу, которая будет содержать обязательную регистрацию рождённых и ввезённых в страну животных, единый учёт всех домашних животных, регулирование племенной работы и ответственность граждан за содержание принадлежащих им животных.

Каждое животное должно регистрироваться и идентифицироваться, что возможно различными способами (жетон на ошейнике, клеймо, чип), как в зарубежных странах, что обеспечит быстрый поиск потерявшегося животного и недопущения становления его безнадзорным.

Также необходимо законодательно ограничить численность животных, которых может содержать один владелец. Это необходимо в целях соблюдения санитарно-гигиенических норм, прав, свобод и законных интересов соседей таких владельцев, а также в минимализации риска оказания животного на улице. Если владелец имеет достаточно большую площадь проживания, способную обеспечить необходимые условия содержания животных, то в данном случае количество животных зависит от материального положения собственника.

Филимонова И.В. пишет, что для организаторов питомников по примеру США нужно установить необходимость получения специальной лицензии с необходимостью продления раз в пять лет и квотами на разведение. Такие меры необходимы, чтобы уравновесить спрос на животных и предложение, чтобы домашние животные не становились не нужными и не выбрасывались на улицу.

Также необходимо создание инфраструктуры в городах для домашних животных, то есть специализированную службу, занимающуюся вопросами содержания, учета домашних животных, организации системы регулирования популяции безнадзорных животных, создание и материальное обеспечение приютов.

Важно отметить, что в стране отсутствует должный контроль со стороны правоохранительных органов за выполнением существующих норм и правил. По решению местных исполнительных и распорядительных органов в исключительных случаях допускается отстрел безнадзорных животных, что не только подрывает принцип гуманного отношения к животным, но также задаёт вопрос, что законодатель понимает под исключительными случаями?

Зоозащитники отмечают, что в законах содержатся много недостатков. Например, правило о том, что после отлова животное должны содержать пять суток. Но возникает вопрос, что делать если в городе отсутствует пункт временного содержания животных? В следствии чего нет и обещанных законодателем пяти суток. «Собак и кошек часто убивают сразу же. Единственный способ остаться в живых – попасть в руки волонтеров», - говорят зоозащитники. То есть по сути отстрел животных происходит даже не по правилам, приведенных законодательством или же это входит в категорию «исключительных случаев»? Исходя из белорусской практики, отстрел животных происходит непредсказуемо, и даже когда собака, вырвавшаяся с поводка, вдалеке от которой стояли хозяева, не помешали членам бригады по отлову и отстрелу животных, застрелить её. Также есть случаи, когда после осмотра отловленного животного ветеринарным врачом, он делает заключения, после которого, здоровые помещаются в вольеры временного содержания, а остальные подвергаются усыплению [4]. Насколько больны были эти животные и могли ли их вылечить? Соответствуют ли данные действия принципам гуманности к животным гражданского законодательства? По нашему мнению, необходимо проводить детальный осмотр больного животного прежде чем принимать какие-либо меры.

Также можно привести пример решение вопроса с безнадзорными животными в Витебской области: «Отловленные животные передаются в благотворительные общества по защите животных (в Витебске, Полоцке, Новополоцке) или временно содержатся в вольерах (в Орше). В районных центрах по решению местных исполнительных комитетов создаются бригады, состоящие, как правило, из охотников, работников организаций ЖКХ и ветслужбы. В связи с отсутствием востребованности животных у населения, отлов безнадзорных животных не производится». Следовательно, можно сделать вывод, что по сути в стране отсутствуют приюты и места содержания безнадзорных животных, поэтому их убивают на месте.

Безусловно, логичнее сделать вывод, что на создание приютов у государства нет денег, но, по нашему мнению, на содержание могут предоставлять необходимые средства как спонсоры, так и зоозащитные организации. Но главный вопрос в том, чтобы законодательство правильно и точно урегулировало положение безнадзорных животных в стране.

Филимонова И.В. предлагает создание частных приютов: «Эти некоммерческие организации должны быть освобождены от налогообложения. По возможности им должна оказываться государственная поддержка, но не секрет, что на практике такие организации существуют за счет благотворительности всех неравнодушных».

Государственный и муниципальный контроль должен сочетаться с общественным. Органы государственной власти и органы местного самоуправления должны иметь четко сформулированные полномочия в сфере контроля содержания домашних животных и положения безнадзорных животных, в следствии чего тесным образом взаимодействовать с общественными организациями, в том числе и благотворительными.

Так как спасти всех животных считается невозможным, вследствие чего к ним применяется эвтаназия, мы считаем необходимым, чтобы законодателем был введен определенный срок, в течение которого животному будут пытаться найти владельца, по истечении которого оно будет усыплено. Однако, в следствии существования данного срока в Правилах, необходимо продлить его, а также применять на практике под контролем так называемых «комиссий» - организаций по защите животных. Также легализовать и повысить популярность передачи животных в безвозмездное пользование людям, чтобы как можно реже проводилась их усыпление вследствие переполненности приютов. По нашему мнению, необходимо также создать единую базу данных всех потерявшихся животных, что позволит их владельцам быстро отыскать их во избежание их усыпления, в том числе и ведение статистического учёта.

Учету должны подлежать количество и виды домашних животных в данном населенном пункте, количество отловленных животных, потерявшихся, бездомных, переданных новым владельцам и подвергшихся эвтаназии. Мы полагаем, это введение было бы вполне целесообразным, так как учет всех животных, в том числе безнадзорных, будет контролировать ситуацию животных в населенном пункте, что позволит принимать необходимые меры по регулированию проблем.

Как известно, существует действующий профильный акт законодательства - Закон Республики Беларусь «О животном мире», однако он охраняет исключительно диких животных, диких животных, находящихся в неволе которые и были отнесены к категории «животный мир», а «отношения в области охраны и рационального использования сельскохозяйственных и других домашних животных, а также диких животных, содержащихся в неволе и используемых в хозяйственных, научных, культурно-просветительных и иных целях» были отнесены к предмету регулирования отдельного законодательства, которое, однако, так и не было принято [5]. Домашние, служебные и сельскохозяйственные животные остаются без правовой охраны, а в равной степени без правовой защиты остаются безнадзорные животные. Они не охраняются, и лишь в незначительной степени обращение с ними регулируются законодательством о ветеринарии, зоотехнике, гражданским правом и т.д.

Модельный закон – первый шаг к решению данной проблемы в Республике Беларусь [6]. Конвенция Совета Европы и модельное законодательство СНГ могут стать основой для разработки подобного всеобъемлющего акта правового регулирования. В связи с этим представляется целесообразным подписание Беларусью Европейской Конвенции о защите домашних животных до разработки национального профильного закона, с тем, чтобы приступить к его подготовке уже с учетом позитивной европейской практики.

Но мы считаем необходимым и создание профильного законодательства для решения проблемы правового регулирования домашних и безнадзорных животных, отвечающим всем вопросам и положению населенных пунктов в Беларуси.

Нельзя не упомянуть проект Закона Республики Беларуси об обращении с животными, который определяет правовые основы обращения с животными, обеспечении их безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными, защите животных от жестокого обращения, утверждает принципы гуманности в обществе [7]. В нем четко определено государственное регулирование, контроль и финансирование мероприятий в области обращения с животными, требования обращения с животными, сделки, предметом которых являются животные, ограничение и прекращение права собственности граждан на животных, содержание животных, регулирование численности безнадзорных животных, пункты временного содержания животных, приюты и гостиницы для животных, умерщвление животных, обращение с трупами животных, а также введена ответственность за нарушение законодательства об обращении с животными.

С нашей точки зрения проект данного закона отвечает требованиям современного общества. Такой законодательный акт мог бы защитить домашних и безнадзорных животных, а также служить поводом к развитию законодательства в этой сфере. В том числе он мог бы урегулировать порядок создания и функционирования приютов, порядок отлова, содержания, возвращения владельцам либо уничтожения безнадзорных животных, а также проведения опытов и экспериментов с животными. Однако данный проект так и не был принят.

В итоге Республика Беларусь не имеет теперь профильного комплексного акта законодательства о защите животных или об обращении с животными, в числе и безнадзорными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безнадзорные животные в городе. Что делать? //Материалы Красноярской региональной научно-практической конференции. – Красноярск. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ga.krsk.ru/upload/resize_cache/iblock/fc6/250_250_1/Cbornik%20zhivotnie.pdf. – Дата доступа: 15.12.2018.
2. Лицензируемые виды деятельности в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.femida.by/index.php?page=lic>. – Дата доступа: 13.12.2018.
3. Филимонова И.В. Правовое регулирование содержания домашних животных: опыт зарубежных стран (на примере Германии и США) // Политика, государство и право. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2014/12/2139>. – Дата доступа: 09.12.2018.
4. Ловить нельзя убивать. Как в Беларуси решают проблему безнадзорных животных // Зялёны партал Таварыства «Зялёная сетка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greenbelarus.info>. – Дата доступа: 15.12.2018.
5. О животном мире: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З: с изм. и доп.: текст по состоянию на 18 июля 2016 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
6. О новой редакции модельного закона «Об ответственном обращении с животными» : постановление межпарламентской ассамблеи государств – участников содружества независимых государств от 27 марта 2017 г. № 46-15. - Санкт-Петербург.
7. Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsmogilev.by/wp-content/uploads/Proekt-zakona-Ob-obrashhenii-s-zhivotny-mi.pdf>. – Дата доступа: 09.12.2018.

УДК 347

**БЕЗНАДЗОРНЫЕ, ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ:
ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА****А.С. СТЕПАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А.БОГОНЕНКО)*

Раскрывается понятие безнадзорного животного и определяются его особенности. Исследуются иные категории животных, структура животных в нормах гражданского права.

В современном мире животные выступают как объекты различных правоотношений, в следствие чего они должны закрепляться в законодательстве. Однако животные разделяются на категории, которые нам необходимо определить здесь.

Вообще, термин «животные» прописан в законодательстве по-разному. В Законе о ветеринарной деятельности животные - млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые, моллюски, черви и другие организмы, питающиеся готовыми органическими веществами, способные к активному передвижению, жизнедеятельность которых обеспечивается пищеварительной, выделительной, дыхательной и нервной системами [1].

В Законе о племенном деле в животноводстве высокоценное животное - племенное животное, зарегистрированное в государственном реестре племенных животных, племенных стад, по племенной (генетической) ценности превосходящее средние популяционные показатели признаков породы (продуктивность, жизнеспособность, репродуктивные и другие признаки) [2].

В Законе Республики Беларусь «О животном мире», приведено понятие самого животного мира: «охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе» [3].

В части первой Гражданского кодекса Республики Беларусь содержится статья 137 под названием «Животные». Однако законодатель не дает определения животных, кроме указания на то, что к животным применяются правила об имуществе постольку, поскольку иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей этого объекта [4].

Отсутствие точного определения, на наш взгляд, связано с распространенностью общих сведений о нем в дошкольных и общеобразовательных учреждениях, что при возникновении понятия «животные» как объекта гражданских правоотношений, не возникает сомнения, что подразумевается под данным словом. Однако возникают определенные сложности с содержанием понятий видов животных.

Проанализировав Главу 4 Модельного закона «Особенности обращения с животными отдельных категорий», были выявлены разделенные законодателем категории животных:

- дикие животные (а также дикие животные в неволе);
- сельскохозяйственные продуктивные животные;
- животные-компаньоны (домашние животные);
- животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях;
- служебные животные;
- лабораторные(экспериментальные) животные;
- безнадзорные животные [5].

Рассмотрим каждую категорию подробнее.

Исходя из данного Законом Республики Беларусь «О животном мире» понятия диких животных, можно сказать, что к данной категории законодатель относит млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, насекомых и других животных, обитающих на земле (на поверхности, в почве, в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы, а также диких животные в неволе.

Дикие животные в неволе - дикие животные, отловленные из среды их обитания, и их потомство, содержащиеся и (или) разведенные в условиях с ограничением их естественной свободы.

Среда обитания объектов животного мира - природная среда, в которой объекты животного мира обитают в состоянии естественной свободы. Дикими считают животных, обитающих в естественных природных условиях, которые рождаются и существуют без контроля человека. Согласно статье 24 ГК Республики Беларусь пользование объектами животного мира осуществляется по следующим видам:

1. охота:
 - любительская охота;
 - промысловая охота;

2. рыболовство:
 - любительское рыболовство;
 - промысловое рыболовство;
3. добыча и заготовка диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства;
4. пользование дикими животными в научных, воспитательных и образовательных, а также в рекреационных, эстетических и иных целях в процессе осуществления культурной деятельности;
5. пользование полезными свойствами жизнедеятельности объектов животного мира;
6. пользование продуктами жизнедеятельности объектов животного мира.

То есть можно сделать вывод, что к объектам животного мира относят диких животных, в том числе относящихся к объектам охоты и рыболовства, а также популяции диких животных.

Сельскохозяйственные продуктивные животные, из самого названия которого можно сделать вывод, что данные животные определяются как животные, способные к разведению в сельскохозяйственных условиях в целях получения определенного животного продукта.

Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» приводит более точное определение: «Сельскохозяйственные животные — животные, специально выращиваемые и используемые для получения (производства) продуктов животного происхождения (продукции животноводства), а также в качестве транспортного средства или тягловой силы» [6].

Также данный закон определяет понятие безнадзорных животных - «собаки и кошки, потерявшие или сбжавшие от владельцев либо от которых владельцы избавились, а также собаки и кошки иным образом оставшиеся без попечения владельцев». Модельный закон же не так конкретизирует животных: «Безнадзорное животное – домашнее или дикое, содержащееся в неволе, животное, которое находится вне места содержания и за которым утрачен контроль со стороны ответственного лица».

Возникает вопрос, что законодатель понимает под домашним животным? Дикое животное, прирученное человеком, не используемое для сельскохозяйственных и экспериментальных целей? Или же сельскохозяйственных и лабораторных животных тоже можно причислить к домашним?

В соответствии с Модельным законом об обращении с животными к домашним животным относятся крупный рогатый скот, свиньи, лошади, овцы, козы, пушные звери, птицы, рыбы и другие сельскохозяйственные животные, специально выращенные и используемые для получения (производства) продуктов животного происхождения (продукции животноводства), а также в качестве транспортного средства или тягловой силы. Получается, что из-под регулирования нормы Модельного закона оказываются исключены животные, которые используются в развлекательных целях, цирках, зоопарках, а также по иному назначению, включая применение в научно-исследовательских и медицинских целях. Однако мы считаем, целесообразно будет включить сельскохозяйственных животных в число домашних, так как последние выращиваются не только животноводческими предприятиями, но и населением на личных подворьях.

Как справедливо указывает Е. Л. Минина, «чаще всего, говоря о домашних животных, имеют в виду так называемых «животных-компаньонов», которых граждане содержат в своих жилищах для удовлетворения эстетических, эмоциональных, и иных потребностей. Это, например, кошки и собаки, а также мелкие грызуны, декоративные и певчие птицы, аквариумные рыбки, черепахи и т.п.» [7].

Статья 1 Закона РБ от 02.07.2010 №161-З «О ветеринарной деятельности» содержит понятие животных-компаньонов – это животные, к которым человек испытывает привязанность и которых содержит в домашних условиях без цели извлечения доходов для удовлетворения потребностей в общении, в эстетических и воспитательных целях, а также собаки-поводыри, охотничьи собаки и ловчие птицы. Анализ данной статьи, говорит о том, что домашние животные не являются целью извлечения доходов, однако если исходить из практики, большинство домашних животных также могут приносить доход, даже если они находятся для удовлетворения эстетических потребностей человека (продажа щенят, котят, совершение сделок по продаже домашних животных). Из чего можно сделать вывод, что домашние животные – это животные, которых человек содержит для удовлетворения своих внутренних потребностей, а также в сельскохозяйственных целях.

Большинство авторов, рассказывающие о сельскохозяйственных животных, домашними называют животных, приносящих человеку пользу, в основном в виде определенной продукции, размножающихся в неволе под его контролем, приспособленных к соответствующей технологии кормления, содержания и разведения, а также дифференцированных внутри вида на породы (кошка, собака, курица, овца, коза). Сельскохозяйственными же называют домашних животных, разведение которых является отраслью сельскохозяйственного производства, направленного на получение от этих животных того или иного вида продукции (крупный рогатый скот, овец, коз, уток, кур, гусей и т.д.). То есть ученые считают, что все сельскохозяйственные животные являются домашними, но некоторые из домашних (например, кошка, собака) не являются сельскохозяйственными [8].

Особенности обращения с животными, используемых в культурных, развлекательных, демонстрационных и служебных целях определены в статье 19 Модельного закона, где законодатель определяет режим использования животного, который предусматривает распределение физических и психических нагрузок, периодичность отдыха и питания животного, а также учет других условий, соблюдение которых позволяет использовать животное в соответствии с видовыми и индивидуальными особенностями, не нанося существенного вреда его здоровью. Из анализа норм под культурными, развлекательными, демонстрационными целями подразумевается использование животных в развлекательных учреждениях – цирках, зоопарках. Служебные животные – это животные, используемые в розыскных, сторожевых, патрульно-постовых, защитно-караульных, поисково-спасательных и иных служебных целях.

Вернемся к определению безнадзорных животных. Данный институт практически не выделен в гражданском законодательстве. Законодатель в статье 231, 232, 233 ГК РБ рассматривает их как приобретение над ними права собственности. Согласно Модельному закону безнадзорное животное – домашнее или дикое, содержавшееся в неволе, животное, которое находится вне места содержания и за которым утрачен контроль со стороны ответственного лица. Из чего можно сделать вывод, что домашнее животное или дикое, содержавшееся в неволе, животное может стать безнадзорным, то есть утратить своего собственника.

Из Постановления министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке деятельности организаций по отлову, отстрелу, содержанию и эвтаназии безнадзорных животных в Республике Беларусь» следует, что безнадзорным является животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен, либо животное, от права владения на которое владелец отказался. То есть это то животное, собственник которого не исполнил своей обязанности по его содержанию [9]. В данном определении отсутствует категория животного, однако из его анализа, можно определить, что безнадзорным является домашнее животное, так как у диких животных не существует собственника. В тоже время дикие животные не могут являться беспризорными, так как существуют в естественной среде их обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. О ветеринарной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-З : с изм. и доп.: текст по состоянию на 24 октября 2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
2. О племенном деле в животноводстве [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 24-З. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 18 июля 2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
5. О новой редакции модельного закона «Об ответственном обращении с животными» : постановление межпарламентской ассамблеи государств – участников содружества независимых государств от 27 марта 2017 г. № 46-15. - Санкт-Петербург.
6. Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsmogilev.by/wp-content/uploads/Projekt-zakona-Ob-obrashhenii-s-zhivotny-mi.pdf>. – Дата доступа: 09.12.2018.
7. Минина, Е. Л. Проблемы правового регулирования обращения с животными / Е. Л. Минина // Журнал российского права. – 2014. – № 12 – с. 81.
8. Основы разведения сельскохозяйственных животных учебно- методическое пособие для слушателей факультета повышения квалификации и переподготовки кадров АПК и самостоятельной подготовки студентов очной и заочной форм обучения по специальности 1-74 03 01 – «Зоотехния» / Л.А. Танана [и др.] – Гродно : ГГАУ, 2011. – с. 7.
9. Об утверждении Положения о порядке деятельности организаций по отлову, отстрелу, содержанию и эвтаназии безнадзорных животных в Республике Беларусь» : постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства 29. 12. 2001 г. № 23.

УДК 340

ВНЕДРЕНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВУЮ СФЕРУ

Н.И. ЦАПИН*(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

В данной работе проведён обзор такого информационного явления как смарт-контракт – договора, который не требует работы с объёмными документами, привлечения юристов и иных посредников при его заключении, но технология имеет множество нюансов и тонкостей, на которые так же будет обращено внимание.

В Республике Беларусь понятие смарт-контракта было закреплено на законодательном уровне с принятием Декрета главы государства № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 года (далее – Декрет № 8). С того момента под смарт-контрактом подразумевается программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.

Особенности “умных” соглашений, плюсы технологии:

– автономность сторон. Исключается наличие юристов, брокеров и т.п. Исполнение происходит автоматически;

– безопасность. Цифровой контракт работает на базе Блокчейна, что обозначает децентрализованное размещение информации и невозможность её изменения, кражи и оказания иных противоправных влияний;

– обязательное создание резервной копии контракта;

– точность. Привычный вариант договора требует составления, подписания большого количества бумаг, что создает затраты временных и трудовых ресурсов. Автоматизация, присущая смарт-контрактам исключает эти факторы и выполняет всё в разы быстрее и экономичнее.

Отрицательные моменты применения смарт-контракта:

– из-за автоматизированного исполнения контракта возникает сложность доказывания порока воли одной из сторон, в случае защиты нарушенных прав;

– анонимность заключаемых сделок;

– проблема внедрения. Применение таких контрактов подразумевает программирование, что влечёт необходимость достаточного наличия оборудования и программистов в штате.

Юристы, исследующие данный вопрос, выработали краткую формулу, объясняющую принцип действия смарт-контракта: IF – THEN – ELSE (если – то – иначе).

На момент проведения исследования, пользоваться технологией в Беларуси могут лишь резиденты Парка высоких технологий. Но в настоящее время Национальный банк Республики Беларусь разрабатывает нормативный правовой акт, который позволит всем субъектам финансовых отношений применять, так называемые цифровые договоры, в ходе заключения сделок, исполнения договорных обязательств [2].

Но какие изменения могут привнести смарт-контракты на широкий рынок и в юриспруденцию, что изменится с популяризацией такого, казалось бы, выгодного изобретения? Какие возможности откроются перед участниками в сферах бизнеса, управления?

Технологию рассматривают в банковской и финансовых сферах, в области государственного управления, так как уровень безопасности юридических действий, сопровождаемых криптографическим шифрованием намного выше, нежели осуществляемых должностными лицами, которые могут быть подвергнуты человеческому фактору.

Среди юристов всего мира до сих пор существует полемика, предметом которой является сущность смарт-контрактов. Одни считают, что это есть ни что иное как новая форма договора, подкрепляя всё это возможностями и положительными сторонами технологии. Другие утверждают, что это программный код, который не может считаться сделкой и это мнение тоже небезосновательно: возникают вопросы касательно формы договора, ясности его условий [3]. Но Декретом № 8 предусмотрен один важный момент: сторона, заключившая сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомлённой об её условиях, пока не будет доказано обратное [1].

Так же может возникнуть трудность с протоколом разногласий, который составляется к некоторым видам соглашений. Гражданское законодательство на данном этапе совершенно не приспособлено

к регулированию технологии. Изменение, расторжение, признание недействительным смарт-контракта не может регулироваться в силу его природы и функционирования в публичном Блокчейне.

Анонимность соглашений такого вида может быть как положительным явлением, так и создавать неблагоприятные последствия для их сторон. Например, в ходе возникновения спора, сторонам придётся предоставить условия договора суду, аудиторам. Но природа смарт-контракта в таком случае возвращает нас к вопросу его формы [4]. Пункт 4 ст. 404 Гражданского кодекса (далее - ГК) содержит следующие положения: договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного текстового документа, включая документ в электронном виде (в том числе электронный документ), или путем обмена текстовыми документами, включая документы в электронном виде (в том числе электронные документы), которые подписаны сторонами собственноручно либо с использованием средств связи и иных технических средств, компьютерных программ, информационных систем или информационных сетей, если такой способ подписания позволяет достоверно установить, что соответствующий текстовый документ подписан сторонами по договору [5]. То есть возможность заключения умного контракта существует, но при условии, что есть возможность достоверно определить стороны соглашения и наличие их подписей. Не будем забывать, что смарт-контракт работает на Блокчейне – технологии, которая в определенных случаях будет скрывать подробности сделки.

Теперь рассмотрим технический вопрос составления смарт-контракта. Эти соглашения не могут обойтись без языка программирования, то есть цифровые процессы являются двигателем работы смарт-контрактов. Но если мы обратимся к пункту 1 ст. 401 ГК то увидим, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом [5]. Иными словами, наличие в договоре цифровых кодов может затруднить процесс разрешения спорных ситуаций, возникающих по поводу содержания договора. Так же специалисты не определились с:

- автоматическим определением условий договора. Смарт-контракты могут исполняться автоматизировано, но совсем без сторон, составляющих договор не обойтись;
- условиями, подлежащими преобразованию в код. Необходимо определить, какие условия будут подлежать кодированию, а какие будут выражены в форме текста;
- составлением валидного протокола и его верификацией. В ходе разработок смарт-контрактов был придуман протокол, который должен отображать все условия соглашения на привычном для сторон языке.

Вдобавок возможность совершения сделок анонимно идёт наперекор принципам законодательства об «отмывании» денежных средств, добытых преступным путём.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что для полноценного внедрения исследуемой разработки в первую очередь необходимо создать правовую среду, регламентирующую порядок использования смарт-контрактов физическими и юридическими лицами. Возможно, это будут изменения и дополнения в Гражданский кодекс, принятие соответствующих Постановлений Советом Министров. Так же считаем, что необходимо должным образом провести информирование потенциальных подписантов «умных контрактов» об особенностях их работы. С момента принятия Декрета № 8 прошло практически 2 года, но смарт-контракт в Беларуси всё ещё находится на стадии правового эксперимента и эта политика государства на мой взгляд вполне логична, ведь прежде чем совместить юриспруденцию и прогрессивные информационные технологии нужна тщательная подготовительная работа с потенциальными инновациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики» Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 14.09.2019.
2. Заключение белорусскими банками смарт-контрактов [Электронный ресурс] /. – Режим доступа: <https://broker.by/news/s-oktyabrya-beloruskie-banki-smogut-zaklyuchat-smart-kontrakty>. – Дата доступа: 14.09.2019.
3. Смарт-контракты на базе Блокчейн [Электронный ресурс] /. – Справочная правовая система Консультант-плюс /. – А.В. Воробей: Смарт-контракт: Банковская операция или новая форма договора.
4. Смарт-контракты и их особенности [Электронный ресурс] /. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/smart-kontrakty-i-ih-osobennosti>. – Дата доступа: 14.09.2019.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 16июл. 2019. – Минск : Амалфея, 2019. – 655 с.

УДК 340

ТОКЕНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Н.И. ЦАПИН***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

В этой работе будет затронута тематика криптовалют как потенциально нового платёжного средства. Перспективы криптовалют относят их к самым различным сферам жизни общества: от оплаты продуктов питания до многомиллионных операций между субъектами бизнеса.

С момента открытия широким кругам Биткойна – первой в мире цифровой валюты, основывающейся на криптографическом шифровании, прошло десять лет. Всё это время изучалось потенциальное внедрение криптовалют в ту или иную общественную сферу, формировалось понятие этого явления, развивалось информационное обеспечение, принимались попытки законодательного регулирования.

Рассмотрим возможность использования криптовалюты в более узком направлении, а именно в хозяйственной деятельности коммерческих организаций.

Любая валюта в первую очередь служит платёжным средством для участников торгово-денежных отношений. Но может ли криптовалюта, которая коренным образом отличается от привычных обществу валют, послужить платёжным инструментом?

Согласно статье 136 Конституции Республики Беларусь Национальный банк регулирует кредитные отношения, денежное обращение, определяет порядок расчетов и обладает исключительным правом эмиссии денег [1]. То есть государство закрепляет за собой выпуск платёжного средства. Но наше государство не игнорирует информационные новации и поэтому криптовалюта в настоящий момент в Беларуси может эмитироваться благодаря принятию Декрета Президента № 8 «О развитии цифровой экономики». В данном нормативном правовом акте криптовалюта именуется «токеном». Физические лица вправе владеть токенами и с учетом их особенностей, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены [2].

Главными преимуществами операций с криптовалютой выступают скорость и безопасность. В современных реалиях перевод суммы, составляющей несколько тысяч долларов Соединённых штатов Америки (далее – США), может занять до 5 календарных дней [3]. Криптовалюта, в свою очередь, передаваемая в с помощью реестра транзакций Блокчейн, экономит огромное количество времени. На транзакцию уходит не более десяти минут. Для примера, недавно рынок криптовалют был потрясён транзакцией девятюста четырёх тысяч биткойнов, что при конвертации в фиатные деньги составило один миллиард долларов США. Плата (комиссия) за такую операцию составила семьсот долларов США. Сумма комиссии зависит как от количества биткойнов, так и от скорости транзакции [4].

Поэтому вполне можно представить, как определённое количество сотрудничающих между собой организаций, создают частный Блокчейн и исполняют свои обязательства путём перевода криптовалют.

Зарубежный опыт использования криптовалют:

– Subway – сеть ресторанов быстрого питания, принимающая криптовалюту в качестве оплаты продуктов питания;

– Shopify оптово-розничная компания, разрабатывающая программное обеспечение для онлайн и розничных магазинов;

– PayPal международная платёжная система, занимающаяся денежными переводами.

– Expedia – это глобальная туристическая компания, услуги которой можно оплатить криптовалютой сразу нескольких видов;

– Microsoft – транснациональный гигант по производству программного обеспечения так же принимает криптовалюту в качестве оплаты своей продукции.

Это лишь малая часть списка компаний, признающих криптовалюту как платёжное средство и принимающих её за оказание своих услуг, продажу товаров. Современный мир стремится сделать любой процесс более удобным, менее затратным по времени и ресурсам. Этим, по-моему мнению и объясняется интерес к криптовалюте и актуальность её исследований.

Теперь более подробно рассмотрим криптовалюту в гражданско-правовом аспекте с позиции нынешнего законодательства Республики Беларусь.

Для определения возможностей криптовалюты в гражданско-правовых отношениях нам сначала необходимо установить, каким же объектом она признаётся. Статья 128 ГК закрепляет, что к объектам гражданских прав относятся:

- вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;
- работы и услуги;
- нераскрытая информация;
- исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;
- нематериальные блага [5].

Исследования криптовалют юристами по всему миру позволяют нам сделать вывод о том, что ни к вещам (деньгам, ценным бумагам), результатам интеллектуальной собственности криптовалюты не относятся, так как не имеют материального выражения и производятся с помощью сложных криптографических операций соответственно. С работами и услугами криптовалюта так же не сопоставима. При сравнении биткойна и прочих его аналогов с электронными деньгами, как это часто делают, выясняется, что эмитентом электронных денег в Республике Беларусь могут быть только банки и небанковские кредитно-финансовые организации, в то время как криптовалюта может выпускаться по сути любым лицом на платформе Блокчейн при наличии у него необходимого оборудования и программного обеспечения. Нераскрытая информация представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, если она составляет служебную тайну или коммерческую тайну [5]. Поэтому и к данной категории отнести криптовалюту не представляется возможным.

Но для нас представляют интерес такие формулировки, как: «иное имущество» и «имущественные права». Мы считаем наиболее вероятным отнесение криптовалюты к данным категориям:

– Криптовалюта не является предметом материального мира. Она предстаёт в виде информации распределённой в децентрализованной сети, отражаясь в блоках транзакций, закрепляемых друг за другом последовательно.

– Декрет №8 определил, что криптовалюта может принадлежать лицам на праве собственности или ином вещном праве, с ней могут совершаться различные сделки, то есть этот документ придаёт криптовалюте характеристики привычных объектов гражданских прав;

– По своей природе криптовалюта, как было уже сказано, создаётся из цифровых кодов. То есть представляет из себя набор информации.

Но вопрос с криптовалютой в Республике Беларусь всё равно открыт. Как сложится практика использования криптовалюты в коммерческих отношениях, захотят ли субъекты хозяйствования иметь на своих счетах активы, которые некоторые страны не относят к платёжным средствам или же предпочтут осуществлять свою деятельность с помощью первоначальных средств оплаты, пока точно неизвестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики» Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 12.09.2019.
3. Блокчейн в информационном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/blokcheyn-v-informatsionnom-obschestve>. – Дата доступа: 12.09.2019.
4. Транзакция на миллиард долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/t/466927>. – Дата доступа: 13.09.2019.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 16 июля 2019 г. – Минск : Амалфея, 2019. – 655 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.851.5

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**А.А. ИВАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

В статье ставится задача рассмотреть проблему профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, поскольку она остается актуальной на протяжении долгого периода времени и требует разрешения. Рассмотрены некоторые примеры борьбы с данной проблемой и опыт зарубежных стран в вопросе профилактики правонарушений среди вышеупомянутой категории лиц.

Сегодня вопрос профилактики преступлений, совершенными несовершеннолетними лицами из года в год приобретает все большую актуальность. Так, по официальным данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2018 году за несовершеннолетними было зарегистрировано 1 544 преступления, что на 10,0 % меньше относительно 2017 года (рис. 1) [1].

Рис. 1. Статистика преступлений, совершенных несовершеннолетними в год

Несмотря на данные официальной статистики, указывающие на снижение общего числа преступлений, совершенными несовершеннолетними в год, профилактика данной проблемы остается нерешенной, поскольку на снижение количественных показателей оказывает влияние снижение рождаемости. Согласно статистическим данным, рождаемость в Беларуси начала стремительно падать, начиная с 1987 года, когда количество рожденных человек составляло 162 937 человек, что на 8674 человек меньше в сравнении с 1986 годом и ситуация не стабилизировалась до сих пор (рис. 2) [2]. Тем не менее, по своей структуре преступления характеризуются высокой степенью тяжести.

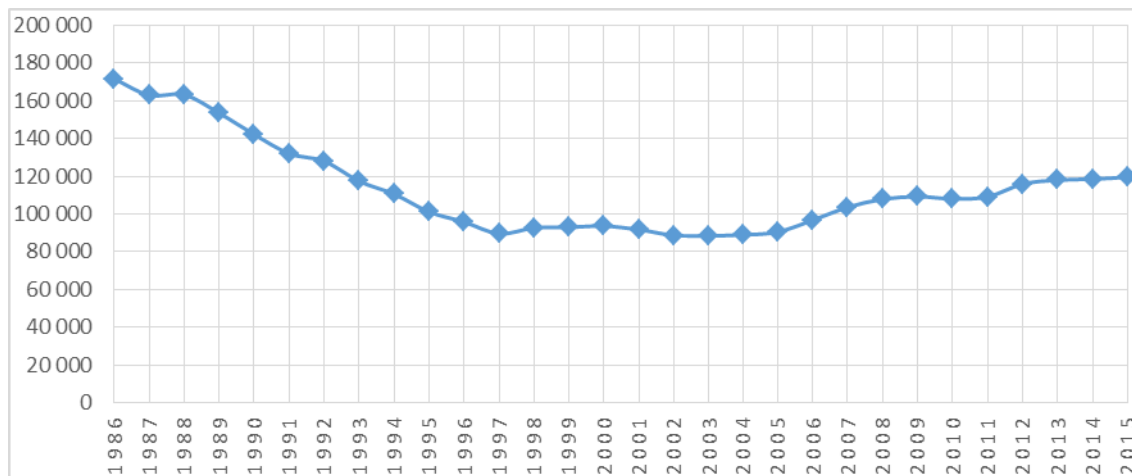

Рис. 2. График рождаемости в Республике Беларусь по годам

В Республике Беларусь органами, осуществляющими основную работу по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, являются инспекции по делам несовершеннолетних, созданные на базе детских комнат милиции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977г. "Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" [3]. Сегодня деятельность инспекций по делам несовершеннолетних регламентируется законом Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]. Анализируя ст. 21 закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», можно сделать вывод о том, что за инспекциями по делам несовершеннолетних не закреплено достаточно полномочий, обеспечивающих проведение индивидуальной профилактической работы не только с несовершеннолетними правонарушителями, но и с несовершеннолетними, в отношении которых принимаются меры по социальному обеспечению и установлению опеки, а также с несовершеннолетними, совершающими «статусные нарушения», когда круг действий, рассматриваемых в качестве правонарушений для несовершеннолетних, шире, чем для взрослых (например, прогулы, плохое поведение в школе и в семье, появление в нетрезвом состоянии в общественных местах и т.д.) и других, необходимых для обеспечения благополучия несовершеннолетнего и его семьи, мер, которые закреплены в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Пекинские правила, принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года настоятельно призывают все соответствующие системы ООН, в частности региональные комиссии и специализированные учреждения, институты ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, другие межправительственные и неправительственные организации сотрудничать с Секретариатом и принимать необходимые меры по обеспечению, в соответствующих областях их специальной компетенции, согласованных и постоянных действий с целью осуществления принципов, содержащихся в Пекинских правилах [5]. Мы считаем гуманными и потенциально приемлемыми для Республики Беларусь цели и принципы правосудия в отношении несовершеннолетних, которые, согласно правилу 5.1 настоящих Минимальных стандартных правил направлены в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения [6]. В силу загруженности остальными полномочиями, у инспекций по делам несовершеннолетних не хватает фактического времени, необходимого для тщательного изучения личности потенциального правонарушителя.

В зарубежных государствах данную проблему пытаются решить путем создания службы пробации для несовершеннолетних. Термин «пробация» (от англ. probation – испытание) заимствован из западных правовых систем и означает форму условного осуждения, ориентированную в первую очередь на оказание необходимой помощи социальной адаптации и реадaptации, осуществляемую специальными органами [7]. Стало быть, перспективным направлением в развитии формы работы, в частности с несовершеннолетними, является служба пробации, которая получила свое развитие и распространение в рамках ювенальной юстиции в США, Канаде, Эстонии, Латвии, Германии, Великобритании, и многих других Скандинавских и балтийских странах, поскольку чем раньше начнет проводиться такая работа, тем больше вероятность предупреждения правонарушения, что снижает угрозу его совершения и возможность наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, можно утверждать, что в Беларуси проблема профилактики преступлений среди несовершеннолетних, предупреждение повторного совершения последними преступления и недостаточная эффективность методов работы, законодательно закрепленных в полномочиях инспекций по делам несовершеннолетних, существует и требует разрешения. Хороший опыт стран зарубежья мог бы стать так называемым «эталоном» для белорусского законодателя в сфере правового регулирования в рамках специально созданных органов и служб по вопросам детской преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Общая статистика за 2018 год. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 24.03.2019.
2. World Table [Электронный ресурс] / Таблица рождаемости по годам (Беларусь). – Режим доступа: [\[https://worldtable.info\]](https://worldtable.info) – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовер-

- шеннолетних [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977 г. // – Режим доступа: https://www.bsuir.by/m/12_100229_1_91316.pdf. – Дата доступа: 26.03.2019.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-3 : в ред. от 9 января 2017 г. № 18-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64\(009-034\).pdf&oldDocPage=1](http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64(009-034).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 26.03.2019.
 5. Уголовный кодекс Республики Беларусь национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 19.12.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>. – Дата доступа: 27.03.2019.
 6. Куряков, В. А. Уголовное право: общая часть: учебно-методический комплекс для студентов юридического профиля дневной и заочной форм обучения: в 2 ч. / В. А. Куряков; Министерство образования Республики Беларусь, Полоцкий государственный университет. — Новополоцк : ПГУ, 2004 — 2007. — Ч. 2: Учение о наказании: в 2 кн., кн. 2. — 2007. — 378 с.
 7. Петролекс [Электронный ресурс] : Большой юридический словарь – Режим доступа: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php. – Дата доступа: 28.03.2019.

УДК 343.851.5

**ОПЫТ США В ВОПРОСЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СНИЖЕНИЯ ИХ КОЛИЧЕСТВА****А.А. ИВАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Статья посвящена рассмотрению полномочий и специфики деятельности института probation в рамках ювенальной юстиции в США. Путем анализа законодательства рассмотрены различные направления, созданные для предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, а также приведены примеры программ, доказавших свою эффективность в данном вопросе.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере ювенальной юстиции в США, является Закон «О ювенальной юстиции и профилактике правонарушений», изначально принятый в 1974 (Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act - JJDPА, 2002) [1]. Данный закон закрепляет принцип двухкомпонентного подхода, основанного на здравом смысле для решения проблем в борьбе и профилактике преступного поведения несовершеннолетних. Решения, предлагаемые законодательством США можно подразделить на два направления, которые, по мнению законодателя, удовлетворяют потребностям как отдельных несовершеннолетних, так и общества в целом путем поощрения: программы профилактики качества и программы, способствующие привлечению несовершеннолетних к ответственности за их деяния и попутное развитие навыков, необходимых для становления ответственной и полезной для общества личности, путём дифференциации санкций за каждое правонарушение. Программы профилактики качества в свою очередь включают в себя работу с несовершеннолетними, их семьями, местными государственными учреждениями и общественными организациями с обязательным принятием во внимание таких факторов, как были ли несовершеннолетние жертвами насилия в семье, включая жестокое обращение и отсутствие заботы о них. Эти меры направлены на снижение рисков совершения преступлений несовершеннолетними, а также способствуют профилактике и сокращению числа случаев насилия в отношении потенциальных правонарушителей, находящихся в «группе риска», то есть, если у несовершеннолетнего имеются законные представители, которые содержатся в федеральном исправительном учреждении, исправительном учреждении штата или местном исправительном учреждении, или которые иным образом подпадают под юрисдикцию федеральных исправительных учреждений, несовершеннолетние, проживающие в странах с низким уровнем дохода и с высоким уровнем преступности, несовершеннолетние, не имеющие возможности получать образование.

Второе направления, лежащее в основе двухкомпонентного подхода, координирует проекты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и предупреждения преступности среди последних, которые отвечают установленным требованиям законодательства. Данное направление предусматривает профилактику девиантного поведения несовершеннолетних не только специально созданными для этого органами, но и всеми местными системами обслуживания, с которыми сталкиваются несовершеннолетние в повседневной жизни и которые в свою очередь также могут способствовать предупреждению правонарушений и помогать преступной молодежи вернуться к продуктивной жизни.

Однако, несмотря на возможность осуществления профилактики преступного поведения несовершеннолетних неспециализированными учреждениями и организациями, законодательство США расширяет использование сотрудников службы probation. Компетенция данных служб особенно распространяется для разрешения ненасильственных правонарушений несовершеннолетних. В качестве наказания в таких ситуациях как правило используются альтернативные меры уголовного наказания, например, оставление нарушителя дома со своими семьями как альтернатива тюремному заключению или помещению в специальные учреждения.

В Соединённых Штатах Америки в соответствии с законодательством разрабатываются программы по обучению и профессионально-технической подготовке кадров, осуществляющих консультирование по вопросам профилактики наркотиков и насилия, и способных оказать поддержку кругу молодёжи, находящейся под юрисдикцией федерального, государственного или местного уровня системы уголовного правосудия. Такие программы проводят градуацию в мерах наказания системы ювенальной юстиции, в ответ на преступное поведение. Суды постоянно развивают и расширяют круг ограничений, применяемых в качестве наказания, тем самым устраняют разрыв между традиционным испытательным сроком и заключением в исправительном учреждении. Расширяется использование таких мер, как испытательный срок, реституция, общественная работа, лечение, домашний арест.

Что не мало важно, в целях оказания финансовой помощи законодательно закреплено предоставление субсидий на реализацию подобных проектов государствам, имеющим право на получение такой помощи, из выделенных средств. Государственному финансированию подлежит закрепленный в законодательстве США перечень проектов. К таким проектам относятся проекты, предусматривающие лечение несовершеннолетних, в том числе лечение психических заболеваний. Данные меры лечения направлены на снижение вероятности того, что правонарушители и несовершеннолетние, находящиеся под угрозой становления правонарушителями, которые являются жертвами насилия в своих домах, в школе или в обществе, или жертвами жестокого обращения или отсутствия заботы о них, будут нарушать закон.

Следующий вид проекта, направленный на предупреждение преступности среди несовершеннолетних относится к образовательной сфере. Его цель – стимулировать несовершеннолетних к посещению начальных и средних школ и прохождения полного курса обучения в них, а также оказание альтернативных услуг по оказанию помощи несовершеннолетним в переходе к трудовой деятельности и самообеспечении. Помимо вышеперечисленного несовершеннолетним может оказываться помощь в преодолении трудностей, связанных с обучением. В рамках этого проекта разрабатываются скоординированные стратегии и программы, новые методы и подходы в области школьного образования. Повышается эффективность и доступность услуг по обучению несовершеннолетних инвалидов, а также оказание услуг несовершеннолетним с эмоциональными и серьезными психическими расстройствами, нуждающихся в психиатрической помощи.

Необходимо упомянуть, что все записи, производимые в целях вышеуказанных проектов и содержащие информацию о личности отдельных несовершеннолетних лиц, ведутся в строго конфиденциальной форме. Исключением, когда такие данные могут быть раскрыты без согласия получателя услуги или уполномоченного законом представителя, являются случаи, на которые есть прямое указание в законе.

В Колорадском университете города Боулдер исследователями Института поведенческих наук были проведены масштабные работы, в результате которых было изучено свыше 1400 программ, целью которых было оказать помощь несовершеннолетним, попавшим в трудные жизненные ситуации, и их семьям. В связи с вышеуказанным, существует проект по здоровому развитию молодежи (Blue prints for Healthy Youth Development), который был организован при Центре изучения и предупреждения насилия (Center for the Study and Prevention of Violence) [2]. Его основная цель – изучать, распространять и рекомендовать для практического применения все существующие программы для несовершеннолетних, которые доказали свою эффективность, способствуя тем самым здоровому развитию несовершеннолетних и уменьшать уровень девиантного поведения среди них. В рамках этого проекта был разработан комплекс научных стандартов, по которым группа независимых экспертов оценивала каждую отдельно взятую программу на предмет соответствия этим стандартам, то есть такие программы должны были демонстрировать свою эффективность в снижении уровня девиантного поведения несовершеннолетних [3]. Выделяют три вида программ: Модель (Model), Модель плюс (Model Plus), и Программы, имеющие потенциал (Promising). Последние больше предназначены для применения их опыта при работе с несовершеннолетними правонарушителями в перспективе, поскольку они еще не успели продемонстрировать свою эффективность в полной мере. Для программ, имеющих потенциал (Promising) характерны следующие параметры:

- 1) степень готовности – означает полную готовность такой программы к распространению в местных сообществах и в системе государственной власти, то есть имеются программы бучения, руководство, необходимые организационные возможности;
- 2) стратегия вмешательства – означает наличие у программы четкой стратегии действий и описания результатов, которых можно достичь;
- 3) степень вмешательства – означает отсутствие доказательств неблагоприятного воздействия такой программы на подростков;
- 4) оценка качества – предполагает демонстрацию достоверных результатов посредством независимой оценки.

Следующим видам программ, которые выдержали несколько контрольных исследований и продемонстрировали положительные и продолжительные результаты, был присвоен ранг Модель (Model). Данный вид программ предполагает сохранение позитивного эффекта в течение относительно длительного срока – не менее одного года.

Программам, относящимся к категории Модель плюс (Model Plus) следует относить еще один обязательный критерий – они должны продемонстрировать такой же положительный опыт использования этой программы в какой-либо другой местности [4].

Таким образом, из всех программ, касающихся работы с несовершеннолетними, совершившими правонарушения, только три соответствуют всем вышеупомянутым критериям эффективности.

Первая программа – функциональная семейная терапия. Она ориентирована на «лечение» антисоциального поведения несовершеннолетних в кругу семьи и в обществе. Причиной преступности здесь является наличие раскоординированных отношений внутри семьи, разрешение которых осуществляется через определенное вмешательство путём установления и поддержания новых моделей поведения в семье. Исследования показывают положительную эффективность программы и снижение уровня рецидивизма, в результате чего этот метод стал одним из наиболее широко распространенным по всему миру – существует около 270 подобных национальных программ.

Вторая программа – мультисистемная терапия также ориентирована на обращение к семье и обществу в качестве метода «лечения» несовершеннолетних. Однако, в отличие от предыдущей терапии, она направлена конкретно на лечение молодежи с серьезными клиническими проблемами, например, эмоциональные расстройства, злоупотребление наркотических веществ, тяга к насилию и тому подобное. Исследования по данной теме показали ежегодное вступление в эту программу около 17 тысяч несовершеннолетних, которые совершили насильственные преступления, и их семей.

Третья программа реализует комплексную систему лечения в «приемных» семьях. Она является альтернативным государственной исправительной системе способом заботы и наблюдения за несовершеннолетними, нарушающими закон. Пятьдесят американских сообществ приняли данную программу, в которой ежегодно принимает участие около 1300 несовершеннолетних и их семей. Такая система предназначена для тех несовершеннолетних, у которых наблюдаются серьезные проблемы с поведением, которые не позволяют им находиться в «кровных» семьях. Данная модель строится на принципах подкрепления одобряемого в обществе поведения мерами за антисоциальное поведение и отводит важную роль родительскому надзору [5].

Все научно-обоснованные программы, доказавшие свою эффективность впервые получили своё законодательное закрепление в Вашингтоне в 1997 году в законе «Об ответственности сообщества в отношении несовершеннолетних» (Community Juvenile Accountability Act - CJAA) [6]. Сегодня в США Департамент по сопровождению деятельности судебной власти (Court Support Services Division (CSSD)) и Департамент по делам детей и семьи (Department of Children and Families - DCF), отвечающий за обеспечение несовершеннолетних, находящихся под арестом или в исправительных учреждениях, всеми необходимыми услугами, по инициативе последнего совместно оказывают государственную, включая финансовую, поддержку частной организации, оказывающей помощь несовершеннолетним в рамках мультисистемной терапии [7].

Во Флориде результаты оценки эффективности вышеперечисленных программ показали следующее: из 2000 несовершеннолетних, принявших участие в этих программах, 31% продемонстрировал снижение уровня рецидивизма [8].

Остальные программы нельзя назвать эффективными, поскольку они, как правило, игнорируют сказанные выше факторы. Все подростки, находящиеся в исправительных учреждениях государственного типа, характеризуются повышенной девиацией поведения, которое быстро распространяется и укореняется через поощрения более «опытных» сверстников в таких условиях. В отличие от последних, эффективные программы направлены на реабилитацию несовершеннолетних лиц и членов их семей в их «естественной среде». Государственные же органы и учреждения, исполняющие наказания вне «естественной среды» несовершеннолетних не учитывают ситуаций, с которыми впоследствии столкнутся несовершеннолетние в реальной жизни

Подводя итог вышесказанному, каждый из перечисленных подходов подтвердил свою эффективность и в большей мере сфокусирован на создании высоко функциональной семьи, отстранении подростков от влияния сверстников с девиантным поведением, повышении успеваемости в школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention [Electronic resource] / Juvenile justice and delinquency prevention as amended, Pub. L. No. 93-415 (1974) – Mode of access: <https://www.ojjdp.gov/about/jjdp2002titlev.pdf>. – Date of access: 27.03.2019.
2. BLUEPRINTS FOR HEALTHY YOUTH DEVELOPMENT [Electronic resource] / Blueprints model programs – Mode of access: <http://www.blueprintsprograms.com/criteria> – Date of access: 28.03.2019.
3. BLUEPRINTS FOR HEALTHY YOUTH DEVELOPMENT [Electronic resource] / Blueprints programs – Mode of access: <http://www.blueprintsprograms.com/programs>. – Date of access: 30.03.2019.
4. Acronyms And Slang [Electronic resource]. – Mode of access: <http://acronymsandslang.com/definition/398015/CJAA-meaning.html>. – Date of access: 01.04.2019.

5. The Official Page for Sunshine State Government [Electronic resource] / Information About Assistance Programs – Mode of access: <http://www.myflorida.com/accessflorida/> <http://www.myflfamilies.com/>. – Date of access: 05.04.2019.
6. ResearchGate [Electronic resource] / Evidence-Based Interventions for Juvenile Offenders and Juvenile Justice Policies that Support Them. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/228342843_Evidence-Based_Interventions_for_Juvenile_Offenders_and_Juvenile_Justice_Policies_that_Support_Them. – Date of access: 05.04.2019.
7. Студенческая библиотека онлайн [Электронный ресурс] / История и современные модели ювенальной юстиции зарубежных стран. – Режим доступа: https://studbooks.net/1880333/pravo/yuvenalnaya_yustitsiya. – Дата доступа: 06.04.2019.
8. Задерий, В. Ювенальная юстиция в правовой практике ряда стран Европы, Азии, Латинской Америки, Канады и США [Электронный ресурс] / В. Задерий // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2012. – №12. Режим доступа: <https://journal.zakon.kz/4533965-juvenalnaja-justicija-v-pravovojj.html>. – Дата доступа: 06.04.2019.

УДК 343.851.5

ПРОБАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В ГЕРМАНИИ**А.А. ИВАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

В статье на основе анализа законодательства Германии и деятельности немецких ученых охарактеризована система probation в отношении несовершеннолетних, выделены ее основные принципы, рассмотрены основные виды правовых санкций, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям.

При изучении законодательства Германии можно сделать вывод о том, что ответственность несовершеннолетних предусматривается Уголовным кодексом Германии и Законом «О правосудии для несовершеннолетних». Законодательство в отношении несовершеннолетних в большей степени направлено не на устрашение их, а на перевоспитание [1]. В свою очередь немецкий профессор Фридер Дюнкель из Университета Грайфсвальда, занимаясь изучением преступности среди несовершеннолетних, охарактеризовал систему ювенальной юстиции и служб probation в Германии. Основными принципами ювенальной юстиции в целом и служб probation в частности в Германии являются в первую очередь приоритет альтернативных наказаний, приоритет медиации и восстановительного правосудия, приоритет санкций воспитательного характера.

Ювенальные суды Германии, при назначении наказания, применяют заключение под стражу только в качестве крайней меры («ultima ratio») и на самый возможно короткий срок, который, согласно законодательству, устанавливается для несовершеннолетних от 6 месяцев до 5 лет. Однако, в исключительных случаях, все же, может быть назначено заключение под стражу на срок до 10 лет. Законодательное закрепление получило положение о том, что ни при каких обстоятельствах, даже в самых серьезных случаях, дело не может быть рассмотрено в общем суде для взрослых. Под юрисдикцией ювенальных судов в Германии находятся несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет, а также совершеннолетние в возрасте от 18 до 21 года (молодые совершеннолетние). Все эти категории лиц, включая детей (до 14 лет) имеют право на поддержку и получение образования, а также на защиту их личного развития, которые обеспечиваются органами социального обеспечения детей и несовершеннолетних. Такого рода услуги находятся в приоритете у частных и некоммерческих организаций, которым выдается аккредитация региональными отделениями по социальному обеспечению несовершеннолетних министерств социальных дел (Landesjugendämter).

Следует отметить возможные правовые последствия, предусмотренные законодательством для несовершеннолетних, нарушивших закон в Германии (рис. 1).

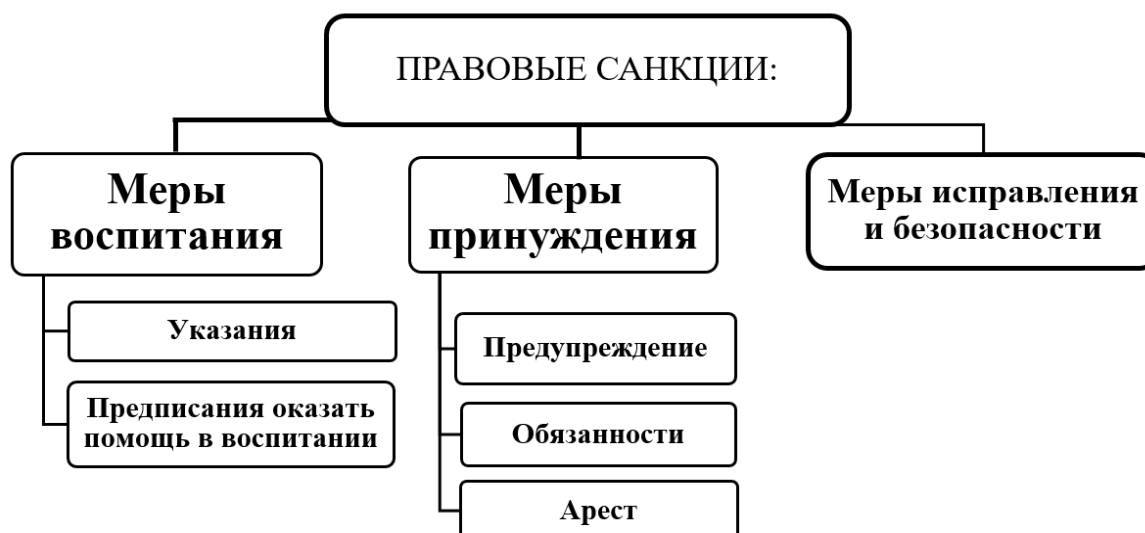

Рис. 1. Система правовых санкций, применяемых к несовершеннолетним в Германии

Среди правовых санкций имеют место быть **меры воспитания** (Erziehungsmassregeln), целью которых является воспитание, обеспечение правомерного поведения, снижение к минимуму вероятности рецидивизма, а никак не наказание или устрашение преступника. В свою очередь меры воспитания существуют в двух формах: **указания** (Weisungen) и **предписания оказать помощь в воспитании** (Hilfe zur Erziehung).

Первые включают в себя обязанности и запреты для подростка, регулирующие их образ жизни. Такие указания, содержащиеся в абз. 1 §10 Закона о судах для несовершеннолетних, представляют собой перечень, закрепляющий обязанности:

- соблюдать указания о месте пребывания,
- жить в семье или социальном учреждении,
- заниматься учебой или работой,
- выполнить определенную работу,
- находиться под руководством и наблюдением определенного лица,
- принимать участие в курсе социального тренинга,
- примириться с потерпевшим,
- не поддерживать отношения с определенными людьми или не посещать увеселительные заведения,
- принимать участие в изучении правил дорожного движения.

Предписания оказать помощь в воспитании можно наблюдать в §12 Закона о судах для несовершеннолетних в следующих формах:

- назначение лица, которое будет опекать правонарушителя,
- круглосуточное помещение в специальное учреждение, где подростку будут обеспечены забота и уход [2].

Следующий вид правовых санкций – **меры принуждения** (Zuchtmitteln). Немецкий законодатель не дает точного определения мер принуждения, однако можно сказать, что они занимают промежуточное место между воспитательными мерами и наказанием. Виды принуждения – **предупреждение** (Verwarnung), **обязанности** (Auflagen) и **арест** (Jugendarest).

Суд выносит предупреждение, подчеркивающее преступный характер совершенного подростком деяния, в случае незначительности проступка и положительной характеристики личности правонарушителя. В обязанности включается:

- посильное возмещение ущерба, причиненного преступлением,
- принесение извинений потерпевшему в личной форме,
- выполнение работы,
- оплата денежной суммы в пользу общественно полезного учреждения.

Арест может быть назначен на срок от 2 до 4 дней либо на длительный срок от 1 до 4 недель в свободное от работы и учебы время.

Меры исправления и безопасности (Massregeln der Besserung und Sicherung), как вид правовой санкции, представляет собой помещение в психиатрическую клинику, помещение в лечебное учреждение для принудительного лечения от алкоголизма или наркомании, установление надзора за поведением, лишение права управлять автомобилем, превентивное заключение, лишение свободы.

Такие меры не являются приоритетными в Германии, а лишение свободы применяется лишь тогда, когда воздействие альтернативными мерами не представляется возможным, то есть альтернативные меры не явились эффективными.

Таким образом, в Германии можно отметить особую структуру уголовного права для молодежи, которая в момент совершения общественно опасного деяния находится в пубертатном возрасте, с учётом физиологических и психических аспектов. Следует отметить достаточно широкий перечень полномочий ювенальных судей при назначении наказаний, позволяющий им решать многие вопросы в рамках судебного усмотрения. Службы пробации в рамках ювенальной юстиции Германии хорошо развиты. Среди их ведущих принципов можно выделить наличие воспитательной идеи, ориентация на личность преступника и гибкая система правовых санкций [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибик, О. Н. Введение в ювенальное уголовное право германии [Электронный ресурс] / О. Н. Бибик // Учебное пособие. – 2009. – Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/m-yuridicheskie/30004466-3-o-bibik-vvedenie-yuvenalnoe-ugolovnoe-pravo-germanii-uchebnoe-posobie-omsk-2009-udk-343-bbk-67881ya73-rekomendovano-izdaniyu-k.php>. – Дата доступа: 09.04.2019.

2. Студенческая библиотека онлайн [Электронный ресурс] / Законодательство зарубежных стран в регулировании уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних (на примере Германии). – Режим доступа: https://studbooks.net/748165/pravo/zakonodatelstvo_zarubezhnyh_stran_regulirovanii_ugolovnog_sudopr_oizvodstva_delam_nesovershennoletnih. – Дата доступа: 10.04.2019.
3. CYBERLENINKA [Электронный ресурс] / Особенности образа жизни и выработки самосохранительного поведения подростков и молодежи – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obraza-zhizni-i-vyrobotki-samosohranitelnogo-povedeniya-podrostkov-i-molodezhi>. – Дата доступа: 10.03.2019.

УДК 343.851.5

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ ИНСПЕКЦИЙ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СЛУЖБ ПРОБАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ****А.А. ИВАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

В статье проводится сравнительный анализ между полномочиями и задачами инспекций по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь и служб пробации в некоторых зарубежных странах. На основе изучения законодательства Республики Беларусь и законодательства других стран, а также использовании статистических данных делается вывод о сходстве белорусских инспекций и служб пробации за рубежом.

Статистика Министерства внутренних дел Республики Беларусь гласит, что в 2018 году среди несовершеннолетних было зарегистрировано 1 544 преступления, это на 10,0 % меньше относительно 2017 года [1]. Однако, несмотря на то, что официальные данные показывают положительную динамику, направленную на снижение общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними в год, профилактика данной проблемы остается нерешенной, так как на снижение количественных данных оказывает влияние снижение рождаемости. Рождаемость в Беларуси стремительно упала в 1987 году, и составляла 162 937 рожденных человека, это на 8674 человека меньше в сравнении с 1986 годом и ситуация не стабилизировалась и по сей день [2]. Однако, по своей структуре преступления характеризуются высокой степенью тяжести.

В Республике Беларусь основную работу по профилактике правонарушений несовершеннолетних осуществляют инспекции по делам несовершеннолетних, которые были созданы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977г. "Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" на базе детских комнат милиции [3]. Сейчас деятельность инспекций по делам несовершеннолетних регламентируется законом Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4].

Во многих зарубежных странах, таких как США, Канада, Эстония, Латвия, Германия, Великобритания, и многих других Скандинавских и балтийских странах работой по профилактике правонарушений и отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей занимается ювенальная юстиция. Понятие «ювенальной юстиции» может определяться достаточно широко многими авторами, однако в рамках данного исследования целесообразно понимать совокупность органов, учреждений и компетентных должностных лиц, которые осуществляют правосудие и принимают меры по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Основная цель этих органов и учреждений – осуществлять восстановительное правосудие, то есть оставить правонарушителя на свободе под наблюдением.

В Республике Беларусь – это институты отсрочки исполнения наказаний, осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания и осуждения несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера, которые соответственно закреплены в ст. ст. 77, 78, 79 и ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь [5]. Главной задачей этих институтов, в частности для несовершеннолетних, является осуществление профилактического контроля за поведением правонарушителя, оставленного на свободе, и выполнением возложенных на него обязанностей режимно-ограничительного и исправительного характера. К вышеуказанным обязанностям, согласно законодательству Республики Беларусь по решению суда могут быть применены следующие:

- принесение извинений потерпевшему публично или в иной форме,
- устранение в определённый срок причиненного вреда,
- поступление на работу или учёбу,
- прохождение курса лечения от хронического алкоголизма или наркомании,
- нахождение после определенного времени по месту жительства,
- запрет на посещение определенных мест,
- выполнение общественно полезных работ в свободное от работы или учёбы время.

Контроль за соблюдением всех вышеперечисленных обязанностей в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, а также проведение индивидуальной профилактической работы в отношении лиц, достигших десяти лет, осуществляют согласно законодательству Республики Беларусь инспекции

по делам несовершеннолетних. Однако, в случае грубого нарушения или невыполнения вышеуказанных мер в период времени, установленный судом, когда к правонарушителю применены меры, не связанные с лишением свободы, по представлению соответствующей инспекции по делам несовершеннолетних либо ходатайству лица, которому было поручено наблюдение за осужденным, суд может отменить решение о назначении мер, не связанных с лишением свободы и назначить более строгое наказание [6]. Таким образом несовершеннолетнему правонарушителю дается шанс доказать органам правосудия на протяжении определенного периода законопослушным поведением своё исправление.

В зарубежных государствах деятельность органов, специализирующихся на применении альтернативных мер наказания, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних получила название пробация [7]. Службы пробации в зарубежных странах являются аналогом белорусских инспекций по делам несовершеннолетних. Компетенции служб пробации в разных странах различаются и направлены на профилактику правонарушений и снижение их количества не только в отношении несовершеннолетних, но и для других категорий граждан. Исходя из анализа общих полномочий таких служб, можно сделать вывод, что основными принципами служб пробации в зарубежных странах являются в первую очередь приоритет альтернативных наказаний, приоритет санкций воспитательного характера, а также приоритет медиации и восстановительного правосудия. Так, при назначении наказания в отношении несовершеннолетнего, ювенальные суды применяют заключение под стражу только в качестве крайней меры и на самый возможно короткий срок.

В качестве примера деятельности вышеуказанных служб можно привести положительный опыт Германии, где в качестве правовых санкций выступают меры воспитания, цель которых не наказание или устрашение преступника, а в первую очередь воспитание, обеспечение правомерного поведения, снижение к минимуму вероятности рецидивизма.

Меры воспитания в свою очередь существуют в двух формах: указания и предписания оказать помощь в воспитании. Указания включают в себя обязанности и запреты для подростка, которые регулируют их образ жизни. Такие формы мер воспитания, содержащиеся в абз. 1 §10 Закона о судах для несовершеннолетних немецкого законодательства, представляют собой перечень, закрепляющий обязанности: соблюдать указания о месте пребывания, жить в семье или социальном учреждении, заниматься учебой или работой, выполнить определенную работу, находиться под руководством и наблюдением определенного лица, принимать участие в курсе социального тренинга, примириться с потерпевшим, не поддерживать отношения с определенными людьми или не посещать увеселительные заведения, принимать участие в изучении правил дорожного движения.

Предписания оказать помощь в воспитании закреплены в §12 Закона о судах для несовершеннолетних в следующих формах: назначение лица, которое будет опекать правонарушителя либо круглосуточное помещение в специальное учреждение, где подростку будут обеспечены забота и уход [8].

Второй вид правовых санкций – меры принуждения. В немецком законодательстве нет точного определения мер принуждения, но можно утверждать, что они занимают промежуточное положение между воспитательными мерами и наказанием. Виды принуждения являются предупреждение, обязанности и арест. Предупреждения выносятся судом, чтобы подчеркнуть преступный характер совершенного несовершеннолетним деяния, в случае незначительности проступка и положительной характеристики личности правонарушителя. В обязанности включается посильное возмещение ущерба, причиненного преступлением, принесение извинений потерпевшему в личной форме, выполнение работы, а также оплата денежной суммы в пользу общественно полезного учреждения. Арест может быть назначен на срок от 2 до 4 дней либо на длительный срок от 1 до 4 недель в свободное от работы и учебы время.

Меры исправления и безопасности, как вид правовой санкции, предполагают помещение в психиатрическую клинику, помещение в лечебное учреждение для принудительного лечения от алкоголизма или наркомании, а также установление надзора за поведением, лишение права управлять автомобилем, превентивное заключение, лишение свободы. Однако, стоит подчеркнуть, что такой вид мер как лишение свободы не является приоритетным в Германии и применяется лишь тогда, когда воздействие альтернативными мерами не представляется возможным, то есть альтернативные меры не явились эффективными [9].

Таким образом, на основе сравнительно правового анализа полномочий служб пробации в зарубежных странах и инспекций по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь, можно утверждать, что службы пробации являются аналогом белорусских инспекций по делам несовершеннолетних. Однако можно отметить, что службы пробации представляют собой более расширенную и эффективную модель работы с несовершеннолетними в отличие от белорусских инспекций по делам несовершеннолетних. На наш взгляд, это может быть связано с наличием у таких служб не только государственных учреждений, которые оказывают в пределах своих полномочий помощь несовершеннолетним, находящимся в кон-

фликте з законом, но и ряд негосударственных организаций, основной задачей работников в которых является осуществление медиации между потерпевшим и правонарушителем. Специалист выступает в роли медиатора, и, при наличии обеих сторон конфликта, совместно с последними ищет пути их разрешения в данной ситуации. Как правило, правонарушитель говорит о своих мотивах и целях совершения того или иного деяния, а потерпевший в свою очередь имеет право устанавливать для обидчика желаемые требования в качестве компенсации материального или морального вреда. Например, такими требованиями со стороны потерпевшего могут быть публичное принесение личных извинений, выполнение посильной для несовершеннолетнего физической работы и тому подобные требования. Эти меры достаточно эффективно психологически воздействуют особенно на несовершеннолетнего, поскольку при таком подходе он лично, путем выполнения вышеприведенных примеров требований, напрямую «искупляет» свою вину [10].

В заключение хочется отметить, что многочисленные исследования и статистические данные доказывают большую эффективность в применении альтернативных мер наказания в отношении несовершеннолетних по сравнению с традиционной изоляцией последних от естественной среды обитания – общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Общая статистика за 2018 год. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 24.03.2019.
2. World Table [Электронный ресурс] / Таблица рождаемости по годам (Беларусь). – Режим доступа: [<https://worldtable.info>] – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977 г. – Режим доступа: https://www.bsuir.by/m/12_100229_1_91316.pdf. – Дата доступа: 26.03.2019.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З : в ред. от 9 января 2017 г. № 18-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64\(009-034\).pdf&oldDocPage=1](http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64(009-034).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 26.03.2019.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 19.12.2018 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Нк9900275>. – Дата доступа: 27.03.2019.
6. Куряков, В. А. Уголовное право: общая часть: учебно-методический комплекс для студентов юридического профиля дневной и заочной форм обучения: в 2 ч. / В. А. Куряков; Министерство образования Республики Беларусь, Полоцкий государственный университет. — Новополоцк: ПГУ, 2004—2007. —Ч. 2: Учение о наказании: в 2 кн., кн. 2. — 2007. — 378 с.
7. Петролекс [Электронный ресурс] : Большой юридический словарь. – Режим доступа: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php. – Дата доступа: 28.03.2019.
8. Бибик, О. Н. Введение в ювенальное уголовное право германии [Электронный ресурс] / О. Н. Бибик // Учебное пособие. – 2009. – Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/m-yuridicheskie/30004466-3-o-bibik-vvedenie-yuvenalnoe-ugolovnoe-pravo-germanii-uchebnoe-posobie-omsk-2009-udk-343-bbk-67881ya73-rekomendovano-izdaniyu-k.php>. – Дата доступа: 09.04.2019.
9. Студенческая библиотека онлайн [Электронный ресурс] / Законодательство зарубежных стран в регулировании уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних (на примере Германии). – Режим доступа: https://studbooks.net/748165/pravo/zakonodatelstvo_zarubezhnyh_stran_regulirovanii_ugolovnogo_sudoproizvodstva_delam_nesovershennoletnih. – Дата доступа: 10.04.2019.
10. Studwood.ru [Электронный ресурс] / Особенности ответственности несовершеннолетних в других странах : Ответственность несовершеннолетних по уголовному законодательству Германии. – Режим доступа: https://studwood.ru/856455/pravo/osobennosti_otvetstvennosti_nesovershennoletnih_drugih_stranah. – Дата доступа: 15.04.2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Аніськовіч Л.Д.</i> Эвалюцыя органаў мясцовай улады Рэчы Паспалітай у XVIII ст.	3
<i>Аніськовіч Л.Д.</i> Цывільна-вайсковыя камісіі як этап рэфармавання адміністрацыйнага апарату Рэчы Паспалітай у XVIII ст.	5
<i>Гриневиц В.С.</i> Форма правления как конституционно-правовая категория: особенности понимания и подходы к классификации	7
<i>Гриневиц В.С.</i> Парламентаризм и парламент в Республике Беларусь на современном этапе	10
<i>Ермачёнок Н.Л.</i> Правовое регулирование фандрайзинга некоммерческих организаций в Республике Беларусь	13
<i>Ермачёнок Н.Л.</i> Правовые барьеры получения иностранной безвозмездной помощи некоммерческими организациями в Республике Беларусь	15
<i>Кремнев А.В.</i> Парламентский контроль: понятие, назначение, формы	17
<i>Кремнев А.В.</i> Парламентские формы борьбы за права национальных меньшинств в Польше на примере деятельности белорусских депутатов (1921–1939 гг.)	19
<i>Малярэв А.С.</i> Административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта	23
<i>Матвеева К.А.</i> Проблема правового закрепления понятия экологических беженцев в национальном законодательстве Республики Беларусь	26
<i>Матвеева К.А.</i> Беженцы и мигранты: проблема разграничения понятий в международном праве	28
<i>Мачанский С.Г.</i> Особенности юридического консультирования с помощью искусственного интеллекта	30
<i>Мачанский С.Г.</i> Применение искусственного интеллекта в судебной и правоохранительных системах	32
<i>Меницкая С.А.</i> Предпосылки социальной дискриминации женщин	35
<i>Меницкая С.А.</i> Зарождение женского движения на белорусских землях в XIX веке	38
<i>Трофимова Э.О.</i> Общественные советы в Республике Беларусь и зарубежных странах: проблемы правового регулирования организации и деятельности	40
<i>Трофимова Э.О.</i> Правовые основы деятельности общественных советов в Республике Беларусь	43
<i>Ахременко Т.А.</i> Экономическое насилие как правовая категория	47
<i>Ахременко Т.А.</i> Меры противодействия экономическому насилию	50
<i>Гайкова К.А.</i> Пути совершенствования правовой защиты биометрических персональных данных	53
<i>Гайкова К.А.</i> Сравнительный анализ правовой защиты биометрических персональных данных в зарубежном законодательстве	55
<i>Герасименко А.А.</i> Гарантии реализации прав детей в Республике Беларусь	57
<i>Герасименко А.А.</i> Детский омбудсмен как одна из гарантий реализации прав детей в зарубежных странах	59
<i>Герасименко А.А.</i> Теоретическая и правовая характеристика понятия «ребенок» как субъект конституционно-правовых отношений	62
<i>Гринько А.А.</i> Некорректность использования термина «инвалид» на международном и национальном уровне	64
<i>Гринько А.А.</i> Пределы правового регулирования прав и свобод людей с инвалидностью на территории Республики Беларусь	67
<i>Гринько А.А.</i> Гарантии реализации прав людей с инвалидностью на национальном уровне	70
<i>Дмитриев Д.С.</i> Понятие, задачи и виды домашнего образования	73
<i>Дмитриев Д.С.</i> Особенности реализации домашнего образования в Республике Беларусь	76
<i>Дмитриев Д.С.</i> Рекомендации по домашнему образованию в Республике Беларусь	78
<i>Метла Е.А.</i> Парламентские слушания: понятие, виды, цели и значение	80
<i>Метла Е.А.</i> Публичные обсуждения: понятие, цели, функции, формы	83
<i>Михайлова М.С.</i> Электронная медиация: понятие и особенности	85
<i>Михайлова М.С.</i> Электронная медиация в Республике Беларусь и зарубежных странах: процедура осуществления и направления совершенствования	88
<i>Мурашко Д.И.</i> Правовое регулирование процесса отправления правосудия в условиях многоязычия его участников в законодательстве Республики Беларусь	92
<i>Мурашко Д.И.</i> Правовое регулирование языка топонимов в многоязычных странах. Европейский опыт	96

<i>Олесько С.С.</i> Конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства как конституционная ценность Республики Беларусь	99
<i>Олесько С.С.</i> Коллизии конституционных ценностей	101
<i>Олесько С.С.</i> Классификация конституционных ценностей: анализ конституции Республики Беларусь и зарубежных стран	104
<i>Олесько С.С.</i> Противоречие личных и коллективных интересов в рамках обеспечения конституционно-правового баланса как конституционной ценности в Республике Беларусь	108
<i>Романенко А.В.</i> Особенности реализации форм местного самоуправления в Республике Беларусь	112
<i>Романенко А.В.</i> Понятие «местное самоуправление» и его организация в зарубежных странах	115
<i>Сапего Я.В.</i> Электронные общественные инициативы как одна из форм свободы слова	118
<i>Сапего Я.В.</i> Европейская гражданская инициатива: понятие, нормативное закрепление, реализация	120
<i>Трофимова Д.А.</i> Сущность и элементы права самостоятельного решения вопроса о материнстве в Республике Беларусь	122
<i>Трофимова Д.А.</i> Составы «медицинских преступлений» по уголовному законодательству Республики Беларусь	125
<i>Трофимова Д.А.</i> Понятие «медицинского преступления»	128
<i>Хващевская В.А.</i> О соотношении понятий «этика государственного служащего», «парламентская этика» и «депутатская этика»	130
<i>Хващевская В.А.</i> Правовое регулирование парламентской этики в Республике Беларусь	132
<i>Хващевская В.А.</i> Способы закрепления норм этики государственных служащих в зарубежных странах	134

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Авдейчик А.А.</i> Понятие электронных образовательных ресурсов	136
<i>Авдейчик А.А.</i> Порядок создания и использования электронных образовательных ресурсов (на примере Республики Беларусь и России)	139
<i>Амброс П.Ю.</i> Спортивное право и <i>lex sportiva</i> : взаимодействие правового и корпоративного регулирования	142
<i>Амброс П.Ю.</i> О необходимости принятия спортивного кодекса Республики Беларусь	144
<i>Арабей Н.О.</i> Процессуальные действия органов по мониторингу чрезвычайных ситуаций, охране и защите окружающей среды	146
<i>Арабей Н.О.</i> Правовой порядок защиты лесных массивов от стихийных бедствий	148
<i>Бобкова А.С.</i> Правовая охрана биологического разнообразия в контексте животного мира	150
<i>Бобкова А.С.</i> Правовая защита фольклора	154
<i>Визнер Я.В.</i> Блокчейн криптовалюты: правовой аспект	157
<i>Визнер Я.В.</i> Цифровые права как новый объект гражданских прав	160
<i>Дунченко О.И.</i> Применение облачных технологий в образовательном процессе	162
<i>Дунченко О.И.</i> Правовые проблемы информационной безопасности при использовании облачных технологий	165
<i>Козлова Н.И.</i> Контент социальных сетей преподавателя: анализ правового регулирования, норм этики и морали	167
<i>Козлова Н.И.</i> Особенности гражданско-правовой защиты информации о частной жизни граждан	170
<i>Колесан Ю.А.</i> Правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь	174
<i>Колесан Ю.А.</i> Правовые, медицинские и морально-этические критерии для возможности осуществления суррогатного материнства по законодательству Республики Беларусь	177
<i>Кулабухова Е.П.</i> Доступ к правосудию несовершеннолетних	181
<i>Кулабухова Е.П.</i> Доступ к правосудию несовершеннолетних в Республике Беларусь	184
<i>Кулабухова Е.П.</i> Доступ к правосудию для женщин	187
<i>Лаврова Е.В.</i> Взыскание повышенного размера неустойки – форма злоупотребления правом или процессуальная форма защиты прав кредитора?	190
<i>Лаврова Е.В.</i> Кредиторская и дебиторская задолженности коммерческой организации как показатель результатов практической деятельности исполнительного органа	193
<i>Москвина В.И.</i> Концепция развития электронного правительства в Республике Беларусь	196
<i>Москвина В.И.</i> Развитие электронной демократии в Республики Беларусь	199
<i>Новиков Д.М.</i> Защита персональных данных в современном обществе	201

Новиков Д.М. Уполномоченный орган по защите прав и свобод субъектов в сфере персональных данных	203
Пильницкая Д.В. Становление Болонского процесса в сфере высшего образования	205
Пильницкая Д.В. Реализация Болонского процесса в сфере высшего образования Республики Беларусь	207
Рубцова С.О. К вопросу об установлении происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью	210
Рубцова С.О. Некоторые аспекты установления происхождения детей, рожденных при использовании вспомогательных репродуктивных технологий	213
Себа С.С. Основания для ограничения дееспособности гражданина	217
Синькевич А.В. Смарт-контракты. сильные и слабые стороны «умных» проектов	220
Синькевич А.В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов	223
Синкевич А.Д. Гражданско-правовая ответственность в случаях автономной деятельности роботов ...	227
Синкевич А.Д. Профессиональная деятельность роботов (правовой аспект)	229
Смолик Д.А. Проблемы правового регулирования постмортальных репродуктивных прав: опыт зарубежных стран	231
Смолик Д.А. Правовая природа репродуктивных прав	234
Степанова А.С. Проблемы регулирования положения безнадзорных животных в Республике Беларусь	237
Степанова А.С. Безнадзорные, домашние и дикие животные: понятие и общая характеристика	241
Цапин Н.И. Внедрение смарт-контрактов в гражданско-правовую сферу	244
Цапин Н.И. Токенизация хозяйственной деятельности	246

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Иванова А.А. Проблема профилактики правонарушений среди несовершеннолетних	248
Иванова А.А. Опыт США в вопросе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и снижения их количества	251
Иванова А.А. Пробация как институт восстановительного правосудия в Германии	255
Иванова А.А. Сравнительный анализ полномочий инспекций по делам несовершеннолетних и служб пробации за рубежом	258